

Одна женщина. Два друга. И жила они долго и счастливо?

Средел

ДОМИНИРОВАНИЯ

Доминанты её жизни 4

Лучший бестселлер по мнению New York Times от авторов

ШАЙЛА БЛЭК

ДЖЕННА ДЖЕЙКОБ

ИЗАБЕЛЛА ЛАПЕРЛ

Так как Макен «Хаммер» Хаммерман разделяет долгожданную связь с Рейн Кендалл и своим лучшим другом, Лиамом О'Нейлом, он должен идти вперед, в светлое будущее. Но мстительное прошлое не отпускает его. На Хаммера обрушивается взрывная волна забытых переживаний, связанных с ранней гибелью его жены. И он понимает: ее смерть может оказаться не самоубийством. Хуже того, Рейн преследует человек из ее детского прошлого, и он намерен отобрать девушку у них навсегда. Угрозы в адрес трио набирают обороты, поэтому, пока Хаммер противостоит своим демонам, ему придется положиться на Лиаму, чтобы сохранить их новую семью. Но позволят ли раскаленные добела эмоции, и общие враги жить им долго и счастливо? Выживет ли их любовь?

Шайла Блэк

Предел Доминирования

Информация о переводе:

Автор: Шайла Блэк

Название на русском: Предел Доминирования

Серия: Доминанты ее жизни

Перевод: Ksan4ik, oksa2080

Сверка: helenapasad

Бета-коррект: Marishka, olgo4ka

Главный редактор: Amelie_Holman

Оформление: Eva_Ber

Глава 1

Пятница, 8 февраля

В «Темнице» было многолюдно.

Макен «Хаммер» Хаммерман стоял, прислонившись спиной к стене, в подzemелье своего БДСМ-клуба и наблюдал за сценами, разыгрываемыми вокруг. Он чувствовал запах кожи. Удар кнута. Саба, которую он едва знал, издала стон. Сплетались тела. Постоянные сексуальные приливы и отливы удовольствия, окружавшие его ночь за ночью, заставляли изнывать от нужды по единственной женщине, которую он когда-либо желал.

«Рейн Кендалл».

В углу Дом шлепал свою сабу. Хаммер сжал кулаки. Слишком много времени прошло с тех пор, как он ощущал жжение на своей ладони после удара по упругому, пышному заду Рейн, слышал ее крики.

Но после травмы, полученной девушкой в минувшем декабре, его доминантная сущность была слишком опасна для нее. Если он не сдержит свои порывы, то сломает ее. Лучше, если Рейн будет держаться от него подальше.

В кармане завибрировал мобильный. Хаммер достал его и взглянул на экран. Лиам О'Нейл, лучший друг и мужчина, с которым он делил Рейн, прислал видео.

Когда Макен нажал на воспроизведение, то увидел расставленные обнаженные ножки Рейн. Где угодно он узнает ее тело. Розовый, словно лепестки, шелк облегал ее бедра, обрамляя прозрачное черное кружево, прикрывающее ее киску в том месте, куда так удобно Лиам направил объектив. Шумно дыша, девушка скользила пальцами по влажной ткани, останавливаясь, чтобы поласкать клитор.

— Пожалуйста... — выкрикнула она, — Макен!

Его член дернулся, оживая.

Сообщение, прилагавшееся к видео, гласило: «Разве не здесь ты хотел бы быть сейчас?»

«Да! По самые яйца. Каждую чертову ночь».

Пока Хаммер все свое время уделяет работе, Лиам проводит его дома, наслаждаясь Рейн.

Все потому, что его лучший друг всегда умел соблюдать баланс между своими доминантными и сексуальными потребностями.

«Твою мать!» Каждый раз, когда Хаммер закрывал глаза, воспоминания о Рейн, стоящей на коленях и смотрящей на него голубыми глазами, полными страстного желания, словно насмеялись над ним. Макена захватила иллюзия ее киски, сжимающейся вдруг него. Черт, он почти мог ощущать ее вкус на своем языке прямо сейчас.

Еще больше крови хлынуло вниз. Он стал таким твердым, что можно было забивать гвозди.

Хаммер с рычанием засунул телефон обратно в карман. Напряжение в его члене не пройдет само. Такого не было никогда.

Он знал, что это будет довольно трудно.

Извергая проклятия, мужчина направился в свой гребаный офис. Снова.

Повернувшись, он почти врезался в Пайка, одного из охранников подzemелья.

— Карл собирается потрепать тебе нервы. Как обычно. Просто предупреждаю.

— У меня нет времени. Разберись с этим.

— Он настаивает на разговоре с тобой.

— Тогда выкинь его на хрен отсюда! — бросил Хаммер через плечо.

— На одну ночь?

— Да хоть, блять, навсегда! Мне насрать.

Макен всего лишь хотел побыть каких-то пять минут в одиночестве.

Он едва подумал об этом, как Карл, самый эгоистичный Доминант из тех, кого он знал, появился с недовольным ворчанием.

— Я устал от Мастера Бондажа, он не прибирает после себя и не чистит оборудование.

— Так скажи, чтобы за ним убрали, или пусть это сделает твоя саба. Я что похож на твою служанку? Или на мамочку?

— Ты не можешь разговаривать со мной в подобном тоне, — сказал Карл, прищурившись.

Хаммер сжал кулаки, борясь с желанием врезать ему:

— Я только что сделал это.

Не ожидая ответа Карла, Хаммер устремился прочь из подземелья, сердито взирая на каждого, посмеявшегося установить с ним зрительный контакт. Толпа, опасаясь, расступалась перед ним.

Все, кроме Бека — садиста, резидента «Темницы». Тот лишь неодобрительно ухмылялся.

— Что? — спросил Макен, не останавливаясь.

— Просто восхищаюсь твоими человеческими качествами.

— Да пошел ты!

Бек лишь покачал головой.

Вечер становился все лучше и лучше. Член Хаммера пульсировал. Соблазнительное видео с Рейн прожигало дыру в его кармане. «Почему бы всем не пойти на хрен, чтобы он мог спокойно насладиться просмотром в одиночестве?»

Льюис, новый сотрудник службы безопасности, подошел к нему с вопросительным выражением на лице.

— Кто-то умер, истекает кровью или подал судебный иск? — перебил его Хаммер.

— Что? Нет, нет. Я просто не уверен, как...

— Оставь это на потом.

Наконец, Макен прошел через свой офис в спальню. Вытаскивая телефон, он захлопнул дверь. Одной рукой снимая галстук, второй дотронулся до экрана мобильного. Видео начало воспроизводиться. Расстегивая ширинку, Хаммер улегся на кровать и «потерял» себя между ног Рейн.

Член уже был в отчаянии, на головке выступило предсемя, когда он зажал его в кулаке. Его ствол дернулся, реагируя на дыхание и стоны Рейн, раздававшиеся из динамиков. Ненасытная похоть, которую Макен всегда испытывал к девушке, вспыхнула в животе. Стояк стал еще жестче при виде ее тонких пальцев, тербящих комочек, который он так любил посасывать. Блять, он все бы отдал, чтобы сейчас проникнуть языком под эту кружевную вуаль, стоя на коленях, слизывать ее терпко-сладкие соки и трахать ртом, пока она не выкрикнет его имя.

Снова и снова нажимая большим пальцем на кнопку воспроизведения, Хаммер наблюдал за бесконечными «страданиями» Рейн. Его накрыли воспоминания о первом разе,

когда в этой самой постели она погрузила его член в порочное тепло своего рта. Когда он нарушил собственное правило и утопил свой толстый стержень в ее узкой киске. Восхитительные ощущения трения разрушили его благие намерения. И он взял девушку. Жестко.

Его член налился, кожа натянулась сильнее, делая его невероятно жестким, когда Хаммер ускорил движения, сжимая его неослабевающей хваткой. Знакомое покалывание зародилось в позвоночнике.

— Черт, да!

Хаммер сжал кулаком основание члена, мечтая почувствовать, как кончает на нем Рейн. Как ее киска плотно сжимается, будто пытаясь вытолкнуть его. Но он всегда проталкивался обратно, снова беря ее, проходя сквозь агонию ее плоти, пока девушка не вонзалась в него когтями и не начинала кричать.

Макен задвигал кулаком еще быстрее. Его яйца сжались. Пульс гремел в ушах.

С вскриком, он кончил, проливая семя, его тело гудело.

Хаммер лежал на кровати, уставившись в потолок, тяжело дыша и потея... он отключил на телефоне видео.

Это дерьмо было бы намного лучше, если бы Рейн действительно была с ним. В манжетах. Умоляющая. А Лиам маячил бы за ее спиной, погружаясь в ее тугую задницу, пока Хаммер наполнял бы ее киску и...

— Блять, — он скатился с кровати и скинул штаны. Если он не перестанет думать о Рейн и о сексе, одновременно, то не сможет выбраться из офиса всю ночь. Он знал. Он мог бы дронить здесь в течение нескольких недель.

Каждую ночь мужчина отправлялся домой, ощущая отчаянную потребность в Рейн. Раздеть ее. Привязать к их кровати. «Забраться» в ее голову и, вместе с Лиамом, распоряжаться ее телом.

Но два месяца назад, в четыре тридцать утра на пустой парковке у клуба Хаммер обнаружил машину девушки пустой. Дверь была распахнута, содержимое сумочки рассыпано на земле, а Рейн нигде не было видно. Макен испытал настоящий шок. Они с Лиамом лихорадочно искали ее, чтобы остановить напавшего прежде, чем этот ублюдок изнасилует и убьет единственную женщину, которая дополняла их. Чудесным образом, девушку нашли на заброшенном грязном складе неподалеку. Она сидела в луже крови, раскачиваясь и зажав в кулаке скользкий нож — голая и замерзшая, рядом с отцом, которого вынуждена была убить.

С тех пор девушка изменилась. Они все изменились. Поэтому, когда предрассветным утром Хаммер заставил себя вернуться домой и увидел, что Рейн спит, вина и раскаяние неизбежно накрыли его. Желания его члена боролись с совестью.

И его потребности проигрывали, практически всегда.

«Почему Рейн должна удовлетворять его сексуальные желания, если он не смог даже защитить ее тогда, когда она нуждалась в этом больше всего?»

Оставляя вопрос на потом, Хаммер поднялся с кровати и направился в душ. Он обтер свое тело, словно мог бы смыть свои неудачи. Это было необычно для него, — дуться как девчонка во время ПМС, как сказал бы Лиам.

Этот сукин сын был отличным манипулятором. Он отправил видео Рейн, чтобы заставить Макена мучиться.

И это, блять, сработало.

Тяжело вздохнув, Хаммер отключил воду и схватил полотенце с соседнего крючка. Обернув его вокруг талии, мужчина вышел из душевой кабинки.

— Ты снова подарил себе лучшие тридцать секунд в своей жизни? — Бек с ухмылкой прислонился к стене его ванной комнаты.

— Не трави мне свои плаксивые байки, чувак.

— Это не смешно. Разве твоя мама никогда не предупреждала тебя, что если не перестанешь дрочить, то ослепнешь?

— Так вот почему ты надеваешь очки, когда работаешь? — Хаммер потянулся и шагнул к запотевшему зеркалу. — Какого хрена ты здесь делаешь?

Бек поднял его телефон. Даже трехдневная щетина не могла скрыть усмешку на его лице:

— Почему твоя девушка пишет мне, чтобы узнать, все ли хорошо?

— Понятия не имею.

— Не хочешь рассказать мне, почему ты срываешь зло на всех подряд?

«Блять». Бек был здесь, чтобы быть «полезным». Последнее, что Хаммер хотел — поговорить. Это ни черта не изменит.

— Потому что такие люди, как ты никак не оставите меня в покое.

— Ой, ты растоптал мои чувства, — Бек усмехнулся. — Seriously, вся эта фигня может разрушить твою репутацию большого, плохого Дома.

— А ты думаешь, что твое поведение ворчливой женушки улучшит репутацию садиста?

— Я еще даже не начал ныть, жалкая задница, — Бек потянулся за бутылкой текилы и сунул ее Хаммеру. — Выпей. Позже я отвезу тебя домой.

— Зачем это? Ты думаешь, я поведусь на твои дешевые уловки, и ты легко уложишь меня в постель? Пройдено.

— Твои остроумные шутки звучат весьма похоже на кого-то, убегающего от своих проблем. Я уже говорил несколько недель назад, чтобы ты избавился от всего, что тебя беспокоит, но, посмотрите-ка, ты меня не послушал. Поскольку единственный способ, который позволит тебе вычистить все дерьмо — это нажраться до чертиков, я купил бутылку твоего любимого пойла. Сделай это.

— Отсоси у меня.

— Спасибо, но ты не в моем вкусе.

— Мне не от чего избавляться, — зыркнул на него Хаммер.

— Seriously? Тогда почему ты выглядишь как ребенок с плаката по аутотренингу для мечтающих о счастливом конце? — Бек усмехнулся. — Рейн умнее тебя. Она знала, что ей нужен специалист, чтобы справиться со всем, что произошло. Но ты, тупой придурок! Ты до сих пор отказываешься поговорить с кем-нибудь. Ты действительно думаешь, что сможешь справиться со всем самостоятельно? Или ты просто боишься, что снесут не ту головку? Я обещаю, когда все закончится, у тебя останется твой маленький дружок для забав.

Хаммер даже не хотел смотреть на него:

— Иди, высеки какую-нибудь сабу.

— Нет уж. Прямо сейчас я получу гораздо больше удовольствия в компании с мазохистом.

Бек имел в виду его, и Хаммер собирался надрать ему зад. Но он, наверное, просчитал и это тоже.

— Я не в настроении для этого.

— Но в настроении подрочить? — усмехнулся Бек. — Ты так терзаешь его потому, что он задолжал тебе денег?

— Ты бросаешь медицинскую сферу, ради участия в стендап-шоу?

— Рейн дала бы тебе бесплатно, сам знаешь.

— Держи свои мысли подальше от киски моей сабы! — почти вышел из себя Хаммер.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, я беспокоюсь о тебе. Когда ты в последний раз брал выходной?

Хаммеру не нужно было, чтобы Бек копался в его жизни, даже если его старый друг был прав.

— Почти каждое воскресенье. Но сегодня трудный пятничный вечер, и у меня много дел в клубе. Спасибо что заглянул, — Макен указал ему на дверь.

— Такой трудный, что у тебя нашлось время для самоудовлетворения. Понятно. — Взгляд Бека говорил о том, что он серьезен. — Иди домой. У тебя грамотный персонал. Клуф работает практически самостоятельно. Я прослежу за всем и позвоню, если возникнут проблемы.

«Почему он должен ехать домой и мучить себя тем, что не может получить?»

Черт побери. Расслабляющее спокойствие, испытанное им, когда Рейн впервые пришла в его жизнь уже давно пропало. Конечно, в то время он проделал отличную работу по ее защите. Но как только Лиам приехал из Нью-Йорка и заставил его увидеть в ней женщину, давно проверенная выдержка Хаммера сорвалась с поводка. Он и его лучший друг боролись, как сцепившиеся псы, за право признать девушку своей... Прежде чем мужчины, наконец, поняли, что они должны встать по обе стороны от нее. Вместе они перевернули ее жизнь с ног на голову.

Они сделали так, что она забеременела.

И они же невольно разбудили монстра, который чуть было, не лишил ее жизни. Его не было рядом, когда Рейн больше всего нуждалась в нем, Хаммера не был там, чтобы спасти ее. Он никогда не простит себя за это.

— Я не могу, — наконец сказал он.

— Лиам пишет, что можешь. Давай, поезжай. Сделайте сэндвич из своей принцессы.

Он не воспринимал приказы от Бека, как, впрочем, и от кого-либо еще. Но вид разведенных бедер Рейн, приглашающих погрузиться в нее, слишком глубоко засел в его подсознании. Хаммер не хотел ощущать свои руки. Он хотел ее.

— Ладно, — вздохнул он. — Я уйду пораньше. У тебя есть ключ, чтобы закрыть клуб?

— Есть, с собой, — Бек похлопал по карману джинсов.

— Спасибо.

С хитрой улыбкой садист толкнул его в плечо:

— Не делай ничего, чего бы ни сделал я.

— То есть, в принципе, подходит все. Хорошо, — Макен вздохнул. — И спасибо.

— Уверен, ты будешь счастлив, надрать мне задницу, если это когда-нибудь понадобится, — помахав на прощание, Бек направился к двери, тихо закрывая ее за собой.

Накинув одежду и расчесав волосы, Макен направился на выход из здания и, звеня ключами в кармане, подбежал к своей «Audi». Он собирался пойти домой, обнять Рейн и поговорить с двумя людьми, которых любил больше всего. Так или иначе, он собирался исправить все, что было не так между ними, потому что он устал пропадать в подземелье и бороться с призраками, мешавшим его жизни.

На полпути через парковку, он оглянулся, чтобы убедиться, что дверь закрылась за ним. Взгляд зацепился за камеру в нише — ту самую, что поймала в объектив оскаленную морду Билла Кендалла, когда он оглушил Рейн и потащил навстречу смерти.

Всего мгновение и призраки снова накрыли Хаммера.

Он дернул дверь машины, открыл ее и запустил двигатель. Попытался представить Рейн, ожидающую его дома, одетую лишь в эти трусики... и больше ничего. Мужчина старался думать о том, как он и Лиам вместе обнимают их женщину, впервые за несколько месяцев, получая ее драгоценное внимание.

С визгом шин Хаммер покинул парковку. Последний раз, когда он отъезжал с такой скоростью от «Темницы» — он лихорадочно искал Рейн после того, как понял, что она была в руках отца. В памяти всплыл маниакальный оскал на лице ублюдка. За ним последовали воспоминания об арсенале приспособлений, приготовленных для пыток Рейн на этом долбаном складе, которые уничтожали все мысли, кроме единственной: убить человека, пусть уже мертвого.

Сердце Макена грохотало. Удерживая одной рукой рулевое колесо, кулаком другой он ударил по приборной панели. «Когда же он будет в состоянии избавиться от этих призраков?»

«Возможно, никогда».

Эта мысль ужасала его.

«Черт, он не мог пойти домой к Рейн и Лиаму будучи на взводе. Он будет своеобразной обузой». Он должен был избавиться от всего этого дерьма.

Потому что знал: в противном случае, его призраки отправятся домой вместе с ним.

Суббота, 9 февраля

Лежа на большой кровати, Лиам перевернулся и прижался к Рейн, чтобы успокоить ее тревожный сон. Он посмотрел на часы. Два часа тридцать четыре минуты. Второго знакомого тела, которое должно было находиться по другую сторону от Рейн и занимать более трети матраса, на месте не было. Снова. И это беспокоило.

«Какая чертовщина могла так задержать Хаммера в этот раз?»

Нарушая тишину, хлопнула дверь между кухней и гаражом.

«Наконец-то Макен явился домой».

Лиам отодвинулся от девушки, оставляя легкий поцелуй на ее лбу. Натянув боксеры, он потянулся, расправив плечи, и вышел.

«Расстроится ли Хаммер, если в комнате будет витать запах секса, которым он не приехал заняться?»

Несколько месяцев назад, не было ничего важнее для него, чем их девушка. После отказа от линии поведения, которой он придерживался в течение шести лет, Макен, казалось, готов был наверстать все полтора десятилетия отрицания и страдания.

Но все изменилось тем ужасающим утром, когда ее забрал Билл.

Спускаясь по лестнице, Лиам увидел, как на кухне включился свет. Хлопнула дверь кабинета. Хаммер прошипел проклятия.

Лиам вошел в комнату, готовый напомнить Макену обо всем, что тот теряет, продолжая

барахтаться в прошлом, и что утратит, если не начнет думать о своем будущем. Вид, который открылся ему, заставил мужчину замереть на месте. Его друг не притащился домой без сил, теребя в изнеможении галстук, и полный сожалений о том, как многолюдно было в «Темнице» пятничным вечером. Нет. Хаммер сидел, прислонившись к двери кабинета, одетый лишь в шорты и спортивную обувь, с головы до ног мокрый от пота. Он пыхтел, с полной бутылкой текилы в руке.

— Неодобрительное выражение на лице говорит о том, что ты собираешься прочесть мне лекцию. Даже не начинай, — сказал Хаммер, поднимая бутылку.

— Ты не оставляешь мне выбора. До сих пор я не говорил ни слова. И у нас проблемы.

— С Рейн? С ребенком? — Макен пододвинул текилу к себе.

— Нет, они в порядке, но...

— Хорошо, — облегчение отразилось на лице Хаммера. — Тогда давай поговорим позже. Мне нужно принять душ. Зайду к тебе и Рейн после.

— Это больше не может ждать, — Лиам преградил ему путь, вырывая бутылку из рук.

— Я еще не закончил с выпивкой.

— Уже закончил, — Лиам отставил пойло на стол позади себя. Вести диалог с трезвым Хаммером было гораздо проще. — Ты отсутствуешь каждую ночь, Макен. Мне это не нравится.

— Я работаю. Мог бы сделать скидку за это.

— Сделаю обязательно, когда ты пойдешь нам на встречу, — достав телефон Хаммера из его спортивной сумки, Лиам буквально сунул в лицо мужчины сексуальное видео с Рейн. — Я знаю, что ты видел это. Рейн ждала твоего ответа. Твое молчание обидело ее.

— Я собирался сделать сюрприз и приехать домой, когда увидел это. Но... это дерьмо вновь накрыло меня.

— Ты позволил ему сделать это, вот на что это походит, — Лиам швырнул мобильник на стойку. — Что, черт возьми, с тобой не так?

— Ничего. Просто зашиваюсь.

— Прекрати оправдываться.

— Серьезно. Было Рождество, когда мы переехали в дом. Я не знал, сколько всего я делал для клуба в нерабочее время, теперь я не могу постучать в соседнюю комнату и попросить Рейн закончить или разобраться с этим. Обновление частных номеров еще не окончено. Мне не хватает пары помощников, — Хаммер вздохнул. — Меня разрывает в двадцати разных направлениях, но я надеюсь скоро найти хренову золотую середину.

— Ты имеешь в виду, когда случится парад планет, феи вылетят из задницы и карма станет хорошей? — сорвался Лиам. — Почему бы тебе не позволить мне помочь?

— Я хочу, чтобы ты был тут, с Рейн. На всякий случай, — покачал головой Хаммер.

— На случай чего? Ее беременность проходит нормально. Она молодая и сильная, и ей не нужна нянька. Она занята переделкой дома, обустройством детской и покупкой мебели. Черт, я был бы счастлив, отдохнуть от сравнения образцов краски.

— Я не хочу, чтобы она оставалась в доме одна с кучкой незнакомцев.

— Рейн провела шесть лет в клубе полным мужчин, повернутых на извращениях. Я думаю, что она справится с сантехником. Почему бы вам двоим не провести несколько дней вместе? Я позабочусь о «Темнице».

— Нет.

— Потому что...? — поднял брови Лиам.

— Потому что слишком много там сейчас требует именно моего внимания.

«Еще одна дурацкая отговорка».

— Ты все еще заинтересован в наших отношениях?

— Что за вопрос? — Хаммер удивился. — Я в деле. С того самого момента, как мы взяли ее вместе. Боже, несколько поздних приходов домой ничего не изменят.

Он лгал не только Лиаму, но и себе.

— Несколько? — фыркнул Лиам. — Это чертовское приуменьшение. Всё из-за ребенка?

— Нет, я счастлив, что она беременна. Ужасно счастлив.

— Должен быть. Когда ты думал, что ее месячные пришли на День Благодарения, ты визжал как побитая сучка. Но ты пропустил первые три месяца.

— Херня. Я вижу с Рейн каждый день. Мы обедаем. Мы разговариваем.

— Так вот как ты называешь это? Подкладываешь подушки ей под ноги, пихаешь витамины в рот, потом советуешь ей вздремнуть, а сам в это время уходишь? — попытка Лиам сдержаться потерпела крах. — Ей нужен мужчина, а не нянька. Какого черта?

— Пошел ты. Я не справлюсь с этим сейчас. Я устал.

— Мне нужны ответы, — оскалился Лиам. — Они нужны Рейн. Мы оба до чертиков устали жить с призраком.

— Я не..., — побледнел Хаммер.

— Ты именно он и есть. Тебя вообще волнует, что мы понятия не имеем кто отец ребенка? Возможно он твой...

— Я лишь однажды взял ее без защиты. Ты спал с ней неделями. Презервативы дают осечки, — пожал плечами Хаммер. — Твой. Мой. Меня эта херня не интересует. Ребенок наш, как и Рейн.

— Точно. Давай уясним еще кое-что. Ты знал, что она переживает, что ты больше не любишь ее?

— Что? — он нахмурился. — Если у меня и была хоть малейшая возможность разлюбить ее, я бы сделал это годы назад.

— Так переубеди ее. Как еще она сможет почувствовать себя «прелестью» — как ты ее называешь?

Хаммер схватил бутылку и уговорил еще треть пойла.

— Почему она не сказала мне об этом?

— Тебя никогда нет. Каким образом она могла излить тебе свою душу? — закатил глаза Лиам. — А еще она винит себя в том, что ты отдалился. Она плачет во сне. Будь уже мужиком, твою мать.

Хаммер выглядел пораженным, словно Лиам ударил его в живот.

— Я сказал достаточно, чтобы ты, наконец, вытащил свою башку из задницы?

— Ага, — Макен «повесил» голову.

— Тогда послушай меня. Рейн сейчас лихорадит. Консультации помогли ей справиться, и ее кошмары ослабли, но она все еще «борется», чтобы принять тот факт, что Билл убил ее мать и сестру. Долгие годы она считала, что ее бросили, и это чуть не погубило ее. Теперь ты, в свою очередь, тоже оставил ее.

— Их найденные тела не помогли ей принять это? — тень вины скользнула по лицу Макена.

— В каком-то роде. Но она все еще не знает, жив ее брат или он просто забил на нее. Это гложет Рейн изнутри.

Хаммер провел рукой по волосам:

— Я надеялся, что Сет уже найдет Ривера к этому времени. Прошли месяцы.

— Он был Зеленым беретом, подготовленным для нетрадиционной войны (прим.: «Зеленые береты» — англ. Green Berets — армии отборные подразделения армии США (спецназ), предназначенные для ведения партизанской войны и организации специальных операций (контрпартизанских, диверсионных, контртеррористических и так далее)). Он может раствориться в ветре.

— Знаю, — проворчал Хаммер. — Но его исчезновение заставляет меня хотеть куда-нибудь врезать.

— А как, по-твоему, себя чувствует Рейн? Она испытывает на себе влияние гормонов. Я изо всех сил стараюсь сделать ее счастливой, но...

— О, доводить ее до оргазма должно быть действительно сложно для тебя...

— По большей части — нет. Ты явно сожалеешь о том, что пропускаешь это, но ведь ты и не сделал ничего, чтобы что-то изменить.

Хаммер грохнул бутылкой о стол и стиснул зубы. Он ничего не сказал... но на его лице застыла гримаса раскаяния.

— Когда ты последний раз занимался любовью с Рейн? — спросил Лиам, понизив голос.

— Не знаю. Я не вносил это в свой ежедневник.

— Это было больше двух недель назад.

— Ты отслеживаешь меня? — поднял бровь Хаммер.

— Мы спим в одной кровати, так что я знаю, когда ты «взбираешься» на Рейн и трахаешь так, словно не видел ее месяцы.

— Я Доминант, и я хочу ее. Ты сам давно смотрелся в зеркало? Ты такой же извращенный, как и я.

— Но я не сваливаю от нее через две секунды после оргазма и не сбегую, будто у меня задница в огне, — Лиам усмехнулся Макену. — Ты просто используешь Рейн так же бесстрастно, как свою руку.

— Я устал от этой беседы. Seriously. Отвали, — развернулся Хаммер.

Лиам схватил его за руку и притянул обратно:

— Ты не занимался любовью с Рейн с того самого утра, которое также было последним утром, когда ты смог достаточно расслабиться, чтобы мы взяли ее вдвоем.

— Какого хрена ты от меня хочешь? — попытался вывернуться Хаммер.

— Хочу, чтобы ты сошел с небес на землю и рассказал мне, что тебя беспокоит, — он сел за кухонный стол. — Я твой лучший друг. Ты можешь рассказать мне все. Хаммер засомневался, и Лиам потерял самообладание. — Неужели мы зря прошли вместе через месяцы «твоего ада», чтобы облажаться сейчас? Садись, поговорим. В противном случае, я не могу гарантировать, что она останется.

Издав недоверчивый вздох, Хаммер опустился на ближайший стул.

— Ты это серьезно? Думаешь, она уйдет? — он заморгал. — Срань Господня. Разве она сбежит, не поговорив со мной? Она должна знать, что я люблю ее больше всего на свете. Больше, чем свою собственную жизнь.

— И откуда она должна это знать? — Лиам бросил вызов. — Читая твои мысли? Мы послали тебе это видео более трех часов назад. Она пыталась сказать, что думает о тебе. Она хотела угодить тебе. Но ты, блять, не мог даже оторваться от работы. — Он покачал

головой. — Я боюсь, что это стало последней каплей.

— Я просто... не в духе, — Хаммер опустил голову на руки. — Мне требовалось провести некоторое время в тренажерном зале, чтобы снять стресс.

— То есть, ты излил свою неудовлетворенность на тренажере? Рейн была бы более чем счастлива, позволить тебе поработать между ее бедер. А еще ты мог подарить ей несколько оргазмов.

Голод вспыхнул в глазах Хаммера, прежде чем он сумел подавить его:

— Я был бы слишком груб с ней.

«Это то, о чем он думал?»

— Ты чертовски невежественен в вопросах о беременных женщинах и их гормонах. Теперь она так ненасытна, что может даже немного напугать тебя.

— Серьезно? — Хаммер выглядел одновременно ошарашенным и смущенным.

— Так и есть, — сделал паузу Лиам. — Она на пятнадцатой неделе беременности, ее тело меняется. Она переживает, что ты заметил это и перестал считать ее привлекательной.

— Я никогда не буду так считать, — нахмурился Хаммер.

— Тогда скажи, что за хрень творится в твоей голове.

— Ничего не творится, — Хаммер отвел взгляд.

— Прекрати мне врать!

— Я закончил, — поднялся Макен.

— Нет, пока ты не разберешься с нашей ситуацией.

— Не смей угрожать мне. Отступить — лучшее, что я могу сделать для Рейн. Ты успешнее справляешься, помогая ей пережить эмоциональное потрясение. Я бесполезен во всем этом «сюси-пуси дерьме».

— О, нет. Ты бесполезен в решении своих же проблем. Избавься от них и прекрати винить себя в том, что не смог спасти ее.

Хаммер замер и посмотрел на Лиаму.

«О, ну, вот теперь он получит проблему».

— Я не могу, ясно? — Хаммер покачал головой, в глазах его плескалась тоска. — Рейн и наш ребенок чуть не умерли. Это пожирает меня каждый гребаный день, долбит мой мозг каждую чертову ночь. Я не могу стереть это дерьмо из своей головы.

— Но она-то в порядке. Стань сильным для нее, — Лиам опустил на стул. — Мы оба нужны ей.

— Я боюсь, что она представляет Билла, когда я касаюсь ее. И поверь мне, ее гормоны ничто по сравнению с каждой грязной, доминантной вещью, которую я очень хочу сделать с ней. Но, иногда, приходя домой ночью, я смотрю на нее, и не могу удержаться вдали ни минуты, поэтому я беру ее жестко. Хотя и не собирался изначально. Но я слишком хочу ее, а она не говорит мне «нет» и... я теряю голову на минуту. Я чувствую себя так хреново после этого. Виноватым. Блин... — Макен вздохнул. — Так что да, я говорю про отдых и витамины и все это дерьмо... Так я могу сказать себе, что я все делаю правильно. Хотя это и звучит отстойно. Очевидно, ты справляешься с этим намного лучше, как и всегда. Счастлив?

— Я счастлив, что ты наконец-то поговорил со мной.

Душевные терзания Хаммера совсем не удивили Лиаму, но это касалось и его тоже. И самое сложное, что теперь, разговаривая с Макеном, ему нужно двигаться дальше и заставить того избавиться от всей боли. Лиам знал, что своими следующими словами он начнет еще одну войну, но его друг никогда не исцелится, если не решит вопросы, больше всего мешающие

обрести ему покой.

— Я знаю, твои отговорки связаны не только с Рейн. Поэтому давай перейдем к корню проблемы. Когда ты простишь себя за смерть Джульетты? Или это дерьмо пойдет еще дальше?

Макен с убийственным взглядом вскочил на ноги и поравнялся с Лиамом:

— Заткни. Свой. Поганый. Рот.

Священник стоял перед группой скорбящих, говоря слова, которые Макен никогда не хотел бы слышать снова. Его горло сжималось. Ощущение дежавю обвилось вокруг шеи, как галстук из колючей проволоки.

Перед ним стоял бронзовый ларец с открытой крышкой и подкладкой из бархата цвета слоновой кости. Он дал Джульетте все лучшее в смерти, потому что подвел ее при жизни. Его жена была беременна и растеряна, и... он не знал этого, пока не стало слишком поздно. Он не мог смотреть на нее сейчас. «Черт, он этого не заслужил».

Рядом с ним, скрестив руки перед собой, стоял Лиам. Глаза мужчины покраснели, и хотя выглядел он стоически, но был чертовски близок к тому, чтобы расклеиться.

Хаммер нахмурился. «Лиам не любил Джульетту. Его даже не было на похоронах».

«Что происходит?»

Страх сковал нутро Макена, когда он наклонился и заглянул в гроб. Он увидел не свою безвременно усопшую светловолосую невесту. Там лежала Рейн, бездыханная, словно фарфоровая, ее голубые глаза были закрыты навечно.

Шокированный, Хаммер не мог отвести взгляда. И не мог перестать смотреть на любимое лицо и округлые выпуклости ее беременного живота. «Она умерла? Когда? Как? Почему?»

«Боже, он не смог спасти ее».

Потерянный и опустошенный, Макен повернулся к Лиаму. Его друг не казался таким же шокированным, но был совершенно безутешен. Скорбь ввергла его в молчание.

Хаммер прильнул к девушке, просунул руки под ее бездыханное тело и поднял, отчаянно пытаясь удержать женщину, которую он любил, снова услышать ее смех, обещая, что ни один из его кошмаров не станет реальностью. Но Рейн распалась на мелкие песчинки и просочилась сквозь пальцы. Его окружило чувство агонии. Мужчина рухнул на колени, пытаясь собрать ее вновь, но поднялся ветер и унес песок.

Оставляя ему лишь опустошенную душу.

Преисполненный горя и гнева, Хаммер запрокинул голову. Крик застрял в горле. Он никогда не чувствовал себя более одиноким и брошенным. «Но разве он не получил то, что заслужил?»

Хаммер вздрогнул и проснулся, прижимая руки к груди. Напряженный и весь в холодном поту, он боролся за каждый вздох. От ужаса в жилах застыла кровь. Следом пришло опустошение.

С тяжелым вздохом Хаммер закрыл глаза. Кажется, он теряет рассудок.

И он не сможет успокоиться, пока не убедится, что с Рейн все в порядке.

Макен с трудом открыл один глаз, в попытке осмотреться. Голова мгновенно «возмутилась». Он в полной мере ощутил весь выпитый алкоголь. Приглушенный серый свет, проникающий сквозь шторы, нестерпимо обжигал глаза.

Теперь он вспомнил, почему так редко просыпался в несусветную рань.

Когда зрение прояснилось, Хаммер увидел Лиаму, сидящего на дальнем краю кровати, его широкие, обнаженные плечи двигались. Несколько слов, брошенных чертовым ирландцем прошлой ночью, воскресили в памяти Джульетту. Макен не желал, чтобы старый друг тыкал его носом в прошлые ошибки. Он уже не мог забыть их зловоние. К счастью, в

воздухе ощущался аромат какао, и это дало ему возможность переключиться, сосредоточившись на чем-то другом.

Так же на него подействовал и вид Рейн.

Девушка стояла между ног Лиама, с ее плеч ниспадал тонкий белый халат. Тень обозначила ее обнаженную грудь. Лиам собственнически и со знанием ласкал ее. Тело Хаммера напряглось. Его основная задача, состоящая в защите Рейн, смешалась с неугомонной потребностью поиметь девушку всеми известными способами.

«Он заставил ее сомневаться в своей любви. Примет ли она его теперь?»

Опершись на локоть, Хаммер, наблюдал, как Рейн, мурлыча, расслабляла каждый свой мускул для Лиама. Боль в голове отошла на второй план, поскольку теперь все внимание Макена занимала пульсация между его ног.

Почувствовав сухость во рту, мужчина рассеянно потянулся за водой на тумбочке и отхлебнул, не отрывая глаз от Рейн.

— Нам вскоре понадобится еще лосьон, — прошептал Лиам, скользя руками по груди их женщины.

— Ммм. Куплю позже сегодня.

— Хорошая мысль. А то там осталось немного.

— Мы не можем допустить, чтобы он закончился, — Рейн застонала. — Я с нетерпением жду этого каждое утро.

Хаммер сдвинул брови. Он никогда не участвовал в этом ритуале и даже никогда не видел его. Их несомненная близость заставила его испытать укол ревности.

Несмотря на то, что он уже несколько месяцев был любовником Рейн, они никогда не разделяли этот уровень спокойной интимности.

Его накрыло осознание: «Мы оба устали жить с призраком...»

В течение многих лет, идея Макена о том, чтобы он и Лиам, работая в тандеме, делили сабмиссива своей мечты, чтобы посмотреть, как она расцветет, была утопией. Но Рейн стала этой женщиной. Жизнь, о которой он всегда мечтал, была в его руках. Но если он сам не возьмет себя в руки, они вполне могут оставить его позади.

— Доброе утро, — его скрипучий голос нарушил тишину.

— Я не слышала, как ты пришел прошлой ночью, — Рейн бросила в его сторону настороженный взгляд, запахивая халат и завязывая пояс на талии.

Закрывая себя от него.

Беспокойство сдавило горло Хаммера.

— Извини, я не ответил на твое сообщение прошлой ночью.

— Ты занят. Я знаю.

Он вскочил с кровати и кинулся к ней. Боже, ему нужно было почувствовать ее. Опасливо, она отступила назад. «Она не хотела, чтобы он прикасался к ней?»

— Поговори со мной, прелесть, — грудь Макена раскололась на две части.

— О чем? — пожала она плечами.

Он ухватился за тему, которая не сможет расстроить ее:

— Каким кремом Лиам растирал тебя?

— Обычным маслом какао.

Лиам скользнул рукой под халат, глядя на Хаммера:

— Я наношу масло на ее грудь и живот каждое утро, чтобы сохранить кожу мягкой и предохранить от появления растяжек.

Подобрав банку, лежащую на матрасе рядом с другом, Хаммер понюхал ее, в поисках любого повода, чтобы прикоснуться к девушке.

— Я мог бы помочь.

Рейн посмотрела на Лиам. Неуверенность, проскользнувшая на ее лице, вызвала чувство вины, ударившее кулаком в живот.

— Если хочешь.

— Конечно, хочу, — он обхватил рукой свой стояк, желая, чтобы Рейн увидела его «голод» по ней. — Это похоже на то, что я не хочу тебя?

— То, что ты твердый, должно заставить меня чувствовать себя особенной? — девушка отвела глаза.

Неправильный подход. Хаммер сел на матрас рядом с Лиамом, накрывая колени покрывалом.

— Прелесть, мне жаль, что я отсутствовал. Я никогда не хотел, чтобы ты сомневалась в моей преданности.

Кроме дрожащего подбородка ничего не выдало ее тревоги. Она стояла, не двигаясь, молча говоря ему, что он сделал именно это.

Не сдержавшись, Макен схватил ее руку и положил ладонь девушки на свою грудь, в области сердца.

— Скажи это, Рейн. Скажи мне, что я сволочь и что я обидел тебя. Сделай это.

Она вырвалась:

— Последние два месяца, я чувствовала себя так же, как в первые шесть лет, что прожила с тобой в «Темнице» — невидимой, недостойной. — Девушка покачала головой. — Я больше так не могу.

Сердце Хаммера остановилось.

— Рейн, детка, ты никогда не была для меня ни той, ни другой. Я был слишком занят. Я знаю. Но я клянусь, ничто не сможет заставить меня перестать любить тебя. Ничто.

— Я хочу верить... но я знаю тебя. Твои аппетиты, — она скрестила руки на груди, словно отгораживаясь от него. — Ты никогда не был человеком, который будет долго воздерживаться.

«Она думала, что у меня был кто-то на стороне?»

— После тебя я не прикасался ни к одной женщине, — он рывком поднялся на ноги и обхватил руками лицо девушки, желая, чтобы она поверила ему. — Ты разрушила меня для всех остальных.

— Не надо говорить мне то, что, по-твоему, я хочу услышать, — попыталась отодвинуться она.

Но в этот раз он не стал ее отпускать.

— Ты знаешь меня, я никогда не пытался скормить тебе с ложечки фуфло, чтобы пощадить твои чувства. Я люблю секс. В этом ты права. Так что мой кулак работает изо всех сил.

— Это не то, что нужно было сказать, приятель, — застонал Лиам. — Пора вручить тебе лопату для говна.

— Твой кулак? — глаза Рейн сузились. — Я ждала тебя возбужденная и обеспокоенная тем, что ты потерял интерес ко мне. А ты предпочитаешь уединиться с собственной рукой?

— Блять, нет! Я всегда предпочитаю тебя.

— Тогда почему ты игнорируешь мои видео? Ты больше не с нами? Когда ты

занимаешься сексом, то создается впечатление, будто на моем месте могла быть любая другая женщина. Держу пари, Марли ты уделял больше внимания, когда спал с ней.

Макен отпустил девушку, понутив голову. «Как он может опровергать ее слова, когда они были правдивы?» После нападения Билла, он настолько погряз в своих заботах об эмоциональном состоянии Рейн, что дал ей слишком много времени и пространства. На самом деле, он мешал ее восстановлению, вместо того, чтобы просто дарить ей свою любовь и поддержку.

— Прелесть, я ужасно сожалею, что заставил тебя чувствовать себя так. Каждую ночь, приходя домой, я нахожу тебя спящей. Я не стану будить беременную женщину, чтобы она обслужила меня. Это чертовски эгоистично. Но я клянусь, ни мой член, ни флоггер не коснулись другой сабы.

— Мы видимся каждый день. Проводим вместе почти каждое воскресенье. И ты ни разу не приказал мне встать на колени.

— Я переживал, что ты еще не готова. Я могу провести всю оставшуюся жизнь, не вкушая твоего подчинения, если это то, что тебе нужно. Но не ставь на нас крест. Ты, Лиам и наш малыш значите для меня все. Я люблю тебя.

— Любишь ли? — неприкрытая тоска отразилась на ее лице. — Или ты решил, что хочешь меня лишь потому, что это сделал Лиам?

— Я всегда любил тебя. Ты знаешь, я чертовски плох в демонстрации чувств, — он снова взял ее лицо в ладони.

— Так исправь это. Общайся со мной! Вы были так настойчивы в том, чтобы я говорила вам обо всем: что желала, думала, чувствовала... Я приложила все возможные усилия, чтобы быть открытой. Вывернула себя наизнанку в попытках, потому что хотела, чтобы это сработало. А ты... — слезы побежали из глаз девушки, Рейн сжала кулаки. — Я понятия не имею, что происходит в твоей голове и почему ты отстранился...

— Я не смог уберечь тебя от Билла, и я борюсь с собой, пытаюсь принять это каждый божий день.

— Ты думаешь, я виню тебя в произошедшем? — Рейн выглядела удивленной. — Ты не заставлял его.

— Я перестал платить этому ублюдку. Я знал, что он жестокий. Но не думал, что он осмелится прийти за тобой, — Хаммер отвернулся, задыхаясь от сожаления. — Я был неправ.

— Макен... — она расслабилась, прижимаясь к нему.

— Я мог оградить тебя от всего этого ужаса, всего за жалкие две тысячи в месяц, и не справился. Я не могу выразить словами, как чертовски сильно я сожалею.

— Он застал врасплох и меня тоже. То, что он сделал с моей сестрой... — девушка прижала руки к груди. — Ты держал его подальше от меня в течение многих лет, поэтому я не закончила, как Ровен. Пожалуйста, перестань себя корить. Отец и так уже слишком много забрал у меня. Если он встанет между нами, то снова одержит победу.

— Я знаю. Ты права. — Погрузив руки в ее волосы, Хаммер еще сильнее притянул Рейн, стараясь, стать ближе.

— Хотела бы я, чтобы ты сказал мне раньше о своих чувствах. Я бы сделала все для тебя. — Она обхватила его плечи пальцами. — Я люблю тебя. Я хочу сделать все, чтобы тебе было комфортно. Но не могу, когда не понимаю, что происходит.

— Я привык быть твоей опорой, но в последнее время я, блять, чувствую, как

разрушаюсь. Никогда не допускай мысли, что это из-за того, что я не хочу тебя. Или мне все равно. Я считаю тебя невероятно красивой. Я люблю в тебе все.

Слезы закапали из глаз девушки. Она утирала их, но проливала свежие.

— Я думала, ты больше не сможешь чувствовать подобное после всего, что Билл чуть не сделал со мной. Я винила себя, переживая, что правда оттолкнет тебя от меня.

— Билл сделал что-то еще, кроме того, что указано в полицейском отчете? — у Хаммера буквально кровь в жилах стыла от всего того дерьма, что было отражено в документах. Но... «Вдруг произошло что-то кроме?»

Рейн кивнула, успокаивая себя, словно пыталась ускользнуть в безопасный уголок в своей голове.

Макен напрягся. Извращенный сукин сын был способен на насилие и убийство, в отношении своей жены и старшей дочери. Услышав, что он мог сделать с Рейн больше, чем они предполагали, Хаммер, словно нырнул в черную дыру страха. «И она не сказала ему, потому что боялась?» Чувство вины, давившее на него, стало еще больше.

Лиам поднялся на ноги, он был поражен не меньше Хаммера.

— Ты не несешь ответственности за действия этого большого придурка, любимая. Я был рядом с тобой все это время. Почему ты не рассказала мне о своих переживаниях?

— Мне нужно было сказать это вам обоим. И я не буду лгать. Это было слишком стыдно. — Она закрыла глаза и отстранилась. — Я согласилась сделать грязные, ужасные вещи, чтобы остаться в живых. Я чувствовала себя так, будто продала свою душу.

«Господи!» Хаммер обхватил лицо девушки руками:

— Послушай меня. Неважно, что именно ты сделала и сказала для того, чтобы выжить. Это не изменит наших чувств.

— Мы всегда будем любить тебя, — поддержал Лиам. — Скажи нам.

Рейн обняла себя, словно защищаясь от осуждения.

— Когда Билл держал меня на складе, я не думала о том, чтобы умереть с достоинством. И когда его член не смог стать достаточно твердым, чтобы изнасиловать меня... он потребовал сделать минет. Я приказала себе, сделать то, что он хотел и так, чтобы меня не вывернуло. Наконец, он развязал мои руки, чтобы я могла прикоснуться к нему. Я схватила нож и... — Рейн прижала руку ко рту, не желая заканчивать это предложение. — Вы знаете остальное. С тех пор я пытаюсь жить с тем, что я отдала бы ему часть себя, ту, что берегла для вас двоих.

Пока Хаммер изо всех сил старался удержать себя в руках, Рейн осталась в одиночестве плавать в чувстве вины от того, что ей пришлось сделать.

— Меня не волнует, если бы ты даже сделала ему сто минетов. Ты выжила.

Лиам, прикоснувшись к подбородку девушки, повернул ее лицо в свою сторону, чтобы их взгляды встретились.

— Точно. Если бы ты не использовала свою голову, то вы с ребенком были бы потеряны для нас.

— Но вы видели, как именно я убила Билла, — она задохнулась. — Я его выпотрошила, вспорола его меньше чем за минуту

— Я горжусь твоей силой и мужеством, — Лиам заправил прядь ее волос за ухо.

— Если бы я мог убить его снова, я бы с радостью зарезал ублюдка, — кивнул Хаммер.

— Я не просто убила его, потому что мне пришлось. Я с наслаждением прикончила его. Разве это не делает меня чудовищем? — голос Рейн надломился. — Вам никогда не

приходило в голову, что у вас будет ребенок от убийцы?

— У нас будет малыш от выжившей, — сказал Хаммер, прижимая девушку ближе к себе.

— И защитницы, — добавил Лиам. — Ты будешь защищать наших детей до последнего вздоха.

— Если бы ты была хладнокровной убийцей, Рейн, ничего из этого тебя не волновало бы, — заметил Хаммер. — За годы боли и насилия, которые он заставил вас пережить, твой отец заслужил все то, что ты с ним сделала. Так что не смей даже думать о том, что я работаю допоздна в клубе, поскольку не хочу тебя, или что я в ужасе от того, что ты сделала, или сожалею о создании нашей семьи. Ничто не может быть так же далеко от истины.

— Ты понимаешь? — поддержал Лиам.

Девушка прерывисто выдохнула:

— Мне нужно было услышать это.

— Как долго ты держала это в себе? — нежно поцеловал ее в лоб Хаммер.

— С Рождества, — каясь, Рейн опустила взгляд. — Я попыталась рассказать хоть что-нибудь во время Нового года, но... не смогла. Я работаю над этим с моим психотерапевтом. Она постоянно говорит, что, если я не скажу вам, я всегда буду мучиться и чувствовать себя неуверенно.

Хаммер задумался. В то время как он хандрил, Рейн прошла километры по пути прогресса.

— То, что ты сейчас нам рассказала... я так горжусь тобой. — Он попытался поднять ей настроение: — Это работает намного лучше, чем швыряние фаллоимитаторов, верно?

Сквозь слезы у девушки прорвался смешок:

— Ага. Но ты должен признать, когда я раскидала половину игрушек в подzemелье, это привлекло твое внимание.

— Это также привело к тому, что твоя задница стала красной. — Макен сжал бедра девушки и бросил взгляд на Лиаму. Лучший друг поддержал его, заставив понять, что их поезд был в нескольких дюймах от схода с рельсов. — Спасибо за все, чувак.

— Не за что, — посмотрел тот с облегчением. — И я должен сказать, что в своей жизни не встречал еще двух более упрямых людей.

С натянутым смехом, Рейн обвила руки вокруг своих мужчин. Горячие слезы девушки капали на шею Хаммеру.

— Я так волновалась. И я скучала по тебе. Останешься сегодня утром? Давай заставим плохие воспоминания уйти?

Лиам приподнял брови, как бы говоря Макену, что они оба поняли ее одинаково: она хотела чувствовать их в себе.

— Ничего не хочу сильнее, но ты уверена, что готова? — кровь Хаммера побежала быстрее.

— Вполне, — легкая улыбка скользнула по губам Рейн. — И я не против красной задницы, тоже.

— Это все, что ты хочешь, шалунья? — Лиам пробежался пальцами вдоль подола ее халата.

— Нет. Я хочу чувствовать вас обоих глубоко в себе. Прикоснись ко мне, — прерывисто выдохнула она. — Пожалуйста.

Хаммер изнывал от желания положить на нее свои руки, командовать ей. Это

успокоило бы хаос внутри него.

Мужчина сцепил руки за спиной:

— Я тоже скучал по тебе, прелесть. На колени.

В молчаливом знаке единения, Лиам встал рядом, плечом к плечу.

Рейн грациозно опустилась на колени перед ними.

Доминант внутри Хаммера взревел и расправил плечи. Он был горд. Его член горел от потребности, когда Макен вдыхал ее аромат. Он был рад видеть, что саба в ней по-прежнему отзывается.

Лиам погладил девушку по волосам:

— Ты уверена, что готова к большему, чем те шлепки, что я дал тебе?

— Мне придется умолять? — отчаяние звенело в ее голосе.

— Возможно. Лиам и я нанесем на тебя этот лосьон. Потом... — он посмотрел на Рейн голодным взглядом.

Хаммер сел на матрас, призывая девушку пододвинуться так, чтобы он мог стянуть с нее короткий халатик, а затем обмакнул пальцы в баночку с кремом. Мужчина нанес лосьон на бедро девушки. Ощущение ее теплой, бархатистой кожи заставило его застонать.

Когда Лиам опустил руки на живот Рейн, Хаммер продолжил ласкать ее тело и обхватил руками пышные груди девушки. «Это игра воображения, или они стали тяжелее, чем раньше?»

Макен провел подушечкой большого пальца по ее напряженному соску. Рейн резко втянула воздух, наполнив мужчину необузданным восторгом. Его рот наполнился слюной, желая ощутить вкус ее сладких твердых бутончиков. От созерцания того, как девушка таяла от их прикосновений, желание Хаммера вспыхнуло с новой силой.

Пока он дразнил ее грудь, девушка издала блаженный, прерывистый вздох. Понимающая улыбка заиграла на губах Хаммера. Если так будет продолжаться, они с Лиамом вскоре утонут в ее горячем, шелковом лоне, под звуки бессмысленной мольбы, криков и стонаний.

Лиам сорвал атласный пояс, удерживающий одеяние Рейн. Вместе они стряхнули ткань с ее плеч, позволив одежде соскользнуть вниз по рукам, и растечься лужицей у ног девушки.

Когда девушка предстала перед ними голой, Хаммер наклонился и зажал ее сосок между губами, омывая своим языком и покусывая зубами вершинку. Он засасывал все глубже, втягивая ее плоть в рот, облизывая и покусывая. Рейн взвизгнула и качнула бедрами. Хаммер бросил взгляд на Лиам и увидел, как его друг провел пальцами по чувствительной жемчужине между ног девушки. Ее терпкий мускусный аромат, перебивающий запах какао лишь ускорял бег крови по венам Макена.

— Ты мокрая, — пробормотал Лиам, прокладывая дорожку из поцелуев по ее животу.

— Вы двое делаете меня мокрой, — прошептала она.

Член Хаммера дернулся.

Напряжение нарастало, и Рейн схватила его за плечи. Хаммер почувствовал ее ногти, впивающиеся в него, когда девушка вскрикнула. Ее мышцы становились напряженнее. Спина выгнулась. Она запустила пальцы в волосы Лиам, испытывая потребность срочно что-то схватить.

Словно чувствуя желание, зверь Хаммера, которого он держал на коротком поводке, сделал стойку. Макен боялся, что если вскоре Рейн не окажется между ним и Лиамом, то его сдержанность просто испарится.

Скользя ладонью по изгибам Рейн, Хаммер схватил девушку и, рывком подняв с пола,

бросил ее на матрас. Испуганный вдох раздался из ее уст. Но превратился в стон удовольствия, когда его рука направилась прямо к ее киске.

— Нужно трахнуть нашу девочку.

— Давай сделаем это, — согласился Лиам, располагаясь по другую сторону от Рейн.

Хаммер посмотрел на их «прелесть». Распростертую на кровати. Обнаженную. Зовущую. Жаждущую.

Зверь внутри снова издал рык. Непokoйный. Наступающий. Нетерпеливо ждущий, чтобы пометить ее.

«Взять».

«Связать».

«Обладать».

Макен попытался умерить свою похоть. Но чем больше он натягивал поводок, тем яростнее бился зверь, желая сбросить оковы.

Едва успев моргнуть, Хаммер оказался на Рейн, терзающий ее губы как изголодавшийся путник. Настойчивыми пальцами он вцепился в мягкий изгиб ее бедер, клеймя девушку ладонями. Она отвечала ему, приоткрыв рот и раздвинув ноги, извиваясь под ним, постанывая как котенок, удовлетворяя его неистовую жажду.

«Боже, он жаждал ее». Рейн заставляла Макена снова чувствовать себя живым, облегчала его тяготы, его неудачи, его сожаления. Она успокаивала его дикого зверя.

Как только он оторвался от губ девушки и стал покрывать поцелуями ее лицо, продвигаясь вниз по изящным изгибам шеи, Лиам налетел на ее рот со страстным поцелуем. Хаммер переместил руку вниз, и начал дразнить пальцами ее клитор. Рейн раздвинула бедра шире и прогнулась еще больше. Затем Макен погрузил пальцы в ее влажную, шелковистую киску.

Девушка вскрикнула, но Лиам проглотил этот звук. Хаммер не сумел сдержать стон удовольствия, ощущая, как ее мягкие, гладкие стенки сжимают его. Он отчаянно боролся с желанием запереть себя внутри нее.

— Да... — пробормотала Рейн, когда Лиам прикусил ее ухо и начал тереть сосок. — Я так соскучилась по вам, обоим.

— Мы сейчас здесь, с тобой, любимая, — прошептал Лиам. — Позволь нам позаботиться о тебе.

Да, Рейн заслуживает того, чтобы заниматься с ней любовью. Но даже при всем своем желании Хаммер не мог притормозить, не мог ждать, чтобы овладеть ей целиком и полностью.

Он вонзил зубы в темную ягоду ее соска и потянул его. Рейн вскрикнула и выгнулась. Но этого было недостаточно. Его внутренний зверь требовал большего.

Вынув пальцы из киски, он слизал ее сладкие соки, до последней капли. Мгновенно, Лиам оказался между ног девушки и накрыл ртом ее розовые складочки. Даже в приглушенном свете было видно, как покраснела Рейн, она извивалась под энергичными ласками языка, прикрыв глаза.

Хаммер наблюдал. Это эротическое зрелище заставило его содрогнуться. Он встал на колени возле головы девушки, скользя рукой по своему члену, Макен видел удовольствие, отражавшееся на лице Рейн. «Господи, он обожал видеть ее такой разгоряченной и раскованной. Такой... принадлежащей им».

— Его язык ощущается волшебным, да, прелесть?

— Да, — всхлипнула девушка, поднимая отяжелевшие веки. — Еще. Я дам тебе и Лиаму все, что вы пожелаете.

— Что угодно? — съязвил Хаммер.

Она судорожно кивнула, умоляя глазами об экстазе, который они могли ей дать... или же отказать в нем.

— Открой для меня свой ротик, Рейн.

Голодным взглядом мужчина смотрел на ее соблазнительные губы, обхватившие его ствол. Положив ладонь на изголовье кровати, Макен отдавал Рейн каждый дюйм своего толстого и твердого члена. Ощущение ее чувственного, порочного рта заставило яйца сжаться, а по спине побежали мурашки удовольствия.

— Да! Вот так. Возьми его глубже. Соси жестче.

Рейн скользила по его члену своим жаждущим языком. Наслаждаясь ощущениями, от которых разве что кости не плавилась, Хаммер закрыл глаза и схватился за край изголовья. Он страстно желал наверстать все то, что не посмел делать с ней в течение нескольких месяцев...

Потянув один из ящиков прикроватной тумбочки, мужчина вытащил моток шелковой веревки, а затем вынул член изо рта Рейн. Он сразу же лишился ощущения ее сладкого поклонения, но успокоил себя тем, что всего через несколько секунд он погрузится в уютные объятия ее киски.

— Я хочу тебя подо мной, связанной. Обездвиженной, — пробормотал он хрипло, складывая руки девушки над головой и обматывая веревку вокруг запястий резкими рывками. — Полностью в моей власти.

Когда Макен затянул узлы и начал крепить веревку к каркасу кровати, Рейн замерла. Ее глаза расширились, зрачки молниеносно увеличились.

— Нет! Стоп, — она начала биться, словно дикий зверь в силках, пинаясь, трясая головой и плача. — Стоп. Боже, стоп! Париж!

Девушка использовала стоп-слово. Внутренний зверь Хаммера мгновенно притих. Ошеломленный, он размотал веревки. Внутренности мужчины словно окаменели.

Лиам переместился и присел на корточки между ног Рейн. Мужчины переглянулись. Его ирландский друг был так же поражен, как и он сам. Два месяца назад, их девочка любила веревку и наручники — все, что вверяло ее тело в их распоряжение. Раньше, когда оковы касались ее кожи, она таяла.

Теперь же она казалась напуганной сверх меры.

Хаммер отбросил шелковую веревку подальше, с глаз долой. Рейн все еще выглядела бледной, потрясенной и напуганной.

— Все хорошо, любимая, — присел Лиам подле нее. — Никто не навредит тебе.

— Сделай глубокий вдох, — команда Хаммера прозвучала тихо, но была сравни удару плетью. — Никаких оков нет. Все закончилось. Сосредоточься на нас.

Девушка побледнела, отодвинулась от него и свернулась калачиком.

Хаммер почувствовал себя так, словно его ударили по яйцам. «Он, блять, должен был знать все, чего не следует делать, после случившегося с его покойной женой. Например, пьянеть от своей власти и следовать своим импульсивным потребностям. Почему он кажется настолько одержимым повторением прошлого?»

«Черт».

«Черт».

«Черт».

Не сговариваясь, мужчины легли по обе стороны от Рейн, прижимаясь ближе, даря тепло своих тел и успокоение.

С того момента как эта девушка появилась в его жизни, Хаммер поставил перед собой задачу узнать все о Рейн. Ее менструальный цикл. Марку ее любимого цитрусового шампуня. Ее ненависть к соленьям. Фильмы, которые заставляли ее плакать. Каждую ее грязную фантазию и «тайную» влюбленность. Каждое достижение. Каждое сожаление. Каждое выражение лица, соответствующее ее настроению. И он не пропускал ничего... до сих пор.

Макен чувствовал себя недостойным, после того как положил Джульетту в гроб, восемь лет назад. В некотором смысле, эта ошибка задела его слишком сильно.

— Рейн, любимая, — пробормотал Лиам. — Поговори с нами.

Девушка не ответила, лишь тихо вздохнула.

Что не помешало Лиаму и Хаммеру держать рот на замке. Сейчас, Рейн не нужны команды, чтобы открыться. Она нуждалась в сострадании Лиама. Когда их девочка замыкалась в себе, он мог достучаться до Рейн.

Хаммер наблюдал молча.

— Ты в безопасности. Дома. Ты слышишь меня, любимая? — Лиам произнес эти слова очень нежно. — Следуй за звуком моего голоса. Пойдем.

Она замерла, икнула, моргнула и посмотрела на Лиама.

— Хорошая девочка. Теперь скажи, как ты себя чувствуешь.

— Мне стыдно, — она мучительно вздохнула. — Я ударила тебя. О, боже. Мне жаль.

Лиам покачал головой:

— Не надо. Мы понимаем.

— Я не понимаю. Что произошло? В одно мгновение я таяла между вами. А в следующее, мне захотелось бороться.

— Ты представляла себе Билла? — напрягся Хаммер.

— Нет, — она выпрямилась и отодвинулась, приближая колени к груди. — Но я снова ощутила этот страх. Я чувствовала, что если позволю себя связать, то умру, — извиняющееся выражение смягчило ее взгляд. — Я думала, что была готова ко всему, но...

— Ты не была. И это я сожалею, — настаивал Хаммер. — Я связал тебя и вытащил твой страх наружу. Господи, если б я только знал...

— Ты не можешь винить себя, — сказал Лиам. — Поэтому его и называют «скрытым спусковым крючком».

«А кого еще ему винить?»

— Я бы никогда намеренно не заставил тебя преодолевать свои пределы, прелесть.

Девушка смотрела на свои колени:

— Быть связанной — это одна из тем, над которой я буду работать с моим психотерапевтом, но... то, что произошло, не отражает мою необходимость подчинения или мои чувства к вам.

Хаммер беспокоился, что девушка пыталась сделать так, чтобы ее слова выглядели более правдиво, чем это было на самом деле. Единственным проблеском было то, что она обсуждала свой страх и его причину — то, что Джульетта никогда не делала. В прошлом, были моменты, с которыми Рейн не справлялась. Теперь она добилась потрясающих результатов.

— Милая, — Лиам притянул ее в свои объятия, — нам не нужно связывать тебя, чтобы

доставить удовольствие... или чтобы мы могли чувствовать себя лучше.

— Я не знаю, когда буду снова готова к ограничениям, но я буду стараться, — Рейн прижалась к нему, ее голос срывался, но звучал уверенно. — Мне больно, потому что я знаю, что это разочаровывает вас обоих.

«И после всего, что она пережила, она еще заботилась о том, что разочарует их? Черт, да он был просто ублюдком».

— Ты совсем не разочаровываешь нас, — заверил ее Лиам.

Девушка попыталась улыбнуться, но выглядела так, словно эти ее недостатки разрывали ее надвое:

— Простите, что убила весь настрой.

Хаммер зарылся пальцами в смоляную копну ее волос, и мысленно надел намордник на воющего внутри него зверя.

— Ты была напугана. Не извиняйся.

— Могу я загладить вину вкусным завтраком? Пряные яблочные маффины и финиковые лепешки? Я знаю, что это не секс, но, может быть, мы могли бы побыть вместе.

Да. Любовь Рейн к выпечке всегда была возможностью сбежать, когда давление жизни было слишком сильным. Она избаловала их обоих своими сладостями.

— Я ценю, что ты отправляешь меня в клуб, снабжая любимыми маффинами и своей любовью, — заверил ее Хаммер.

— Почему бы тебе не спуститься и не начать работу? — предложил Лиам. — Я бы хотел прибраться немного, прежде чем присоединиться к тебе.

Это был условный код Лиамы, о том, что нужно поговорить.

— Я помогу тебе тут, — Хаммер успокаивающе улыбнулся Рейн и поцеловал в лоб. — Мы скоро спустимся.

— Я сварю кофе.

— Это заставит нас поторопиться, — подмигнул Хаммер.

После того, как Рейн вышла из комнаты, Макен направился в душ, чтобы освежить голову. Несмотря на горячие струи, расслаблявшие мышцы шеи и плеч, похмелье вновь заявило о себе. Неудовлетворенная потребность все еще пульсировала в его члене. «Да, похоже, это будет еще один дерьмовый день».

Когда Хаммер вышел из ванной и оделся, он увидел облаченного в спортивные штаны Лиамы, который с хмурым видом ждал за дверью.

— Есть мысли по поводу того, что за херня здесь произошла? — указал Макен в направлении кровати.

Лиам покачал головой:

— Я сам шокирован. Она нормально справлялась с легкой поркой — пробовал в разных местах. Но, честно говоря, я избегал связывания, потому что беспокоился о ее реакции.

Да, Хаммеру стоило руководствоваться разумом, а не своей похотью.

— Все было прекрасно, пока я не достал эти чертовы веревки. Мне следовало быть осторожнее, поскольку Билл связал ее и едва не изнасиловал. Извини, чувак.

— Не вини себя. Никто из нас не знал, что она так отреагирует.

— Я так сильно хотел почувствовать ее под собой, что ничего не соображал. Мы сделали с ней десять шагов назад. — Хаммер беспокойно переминался с ноги на ногу. — Она больше не доверяет мне.

— Это не правда.

«Уверен, что так и есть».

— Рейн ни разу не отказала мне. Если бы она доверяла мне, то никогда бы не подумала, что я могу причинить ей боль, как это сделал ее гребанный отец-психопат.

— Ты слишком строг к ней.

Хаммер старался не засмеяться, когда схватил ключи и сунул их в карман:

— Мне нужно время все обдумать. Я еду в клуб. Скажи Рейн: «мне жаль, что пропустил завтрак».

Гнев вспыхнул на лице Лиама:

— Сейчас, своим уходом, ты дашь ей понять, что винишь ее за это утро, и она не стоит твоего внимания.

— Что? Мне просто нужно время чтобы понять, как уладить все это. — Но в глубине души Хаммер очень боялся посмотреть в глаза Рейн и увидеть в них упрек, это просто разорвет его сердце.

— Для нее ты будешь отсутствовать именно тогда, когда она так в тебе нуждается. Но поскольку ты не разобрался со своим прошлым, то тебе проще сбежать, как трусу.

— Ты кусок дерьма, — замер Хаммер.

— Но я прав. Никто не знает тебя лучше меня. Так что я знаю, что ты винишь себя сейчас. Еще я знаю, что ты готов проводить по полночи в «Темнице», в попытке сбежать от своих проблем. Я также знаю, что ты будешь скучать по Рейн, как сумасшедший. — Лиам ткнул пальцем в его грудь. — Ты будешь пытаться избавиться от посиневших яиц путем дочки. И мы оба знаем, что это не сработает, потому что рука не заменит тебе нашей женщины. Но пока ты будешь полировать свой член, задумайся о том, что в этот момент я погружаюсь глубоко в Рейн, наслаждаясь неземным удовольствием. Ты мог бы присоединиться к нам и почувствовать ее любовь к тебе, если бы только решился вспомнить, что ты мужик.

Макен сжал челюсть и направился к двери. Он ненавидел Лиама за то, что тот целиком и полностью был прав.

— Да? Ну, молодец. Просто убедись, когда закончишь загонять свой хер в Рейн, что у тебя осталось достаточно сил, чтобы послать на этот хер еще и себя.

Рейн вышла из кладовки, держа упаковку муки и пачку маргарина, она надеялась, что домашняя выпечка заставит Хаммера улыбнуться. Девушка испытывала потребность успокоить его, после того, как услышала, что Макен чувствовал себя ответственным за жестокость ее отца.

А еще за ее реакцию на ограничение. Рейн, Хаммер и Лиам стали едины в тот момент, когда она подчинилась пьянящему доминированию своих мужчин. После последних месяцев, проведенных вдали друг от друга, им нужно было снова укрепить их связь. Одному Богу было известно, как она скучала по их прикосновениям, жаждала удовольствий и нежной боли. Но этим утром страх перед веревкой был реальным и мгновенным. Не тем, что она могла контролировать.

«И к чему это привело?»

Прежде чем Рейн смогла задуматься над этим вопросом, на кухне раздался звук быстрых шагов. Хлопнула дверь в гараж. А спустя несколько мгновений, взревел двигатель автомобиля. Страх захлестнул ее. Девушка выглянула и увидела, что в середине комнаты стоял Лиам, разочарованный и злой как черт.

Звуки машины становились все тише и тише, пока не исчезли совсем, ее сердце сжалось.

— Он ушел, да?

Лиам повернулся к девушке, взгляд его темных глаз стал мягче. Но выражение лица говорило о том, что он, черт возьми, желал бы не отвечать ей:

— К сожалению. Я пытался поговорить с ним. Возможно, я сказал что-то, чего не стоило говорить.

— Это моя вина, — Рейн поджала губы, чувствуя, как утекают ее мечты о счастливой жизни с двумя любимыми мужчинами. — Я не хотела устраивать истерику.

— Его поведение не имеет с этим ничего общего.

«Конечно, имеет». Этим утром она позволила себе надеяться, что они могли бы обсудить свои проблемы и наконец-то стать счастливыми. Будучи окруженной ими и наслаждаясь их прикосновениями, она чувствовала себя почти как в те идиллические дни в домике, — пока не испортила все.

— Я позвоню психотерапевту, когда откроется офис, и выясню, сможет ли она принять меня сегодня.

Лиам взял продукты из рук девушки и поставил их на соседний стол, а затем обхватил ее ладонки своими руками.

— Рейн, я просто сказал, что он расстроен не из-за веревки. И не из-за тебя. Он любит тебя.

В течение многих лет, Хаммер заботился о ней, защищал ее. Он чертовски хотел ее. Иногда он все еще нуждался в ней. Но казалось, будто все изменилось после...

— Я боюсь, что он уйдет от нас навсегда.

Лиам подвел ее к столу:

— Мне нужно сказать тебе кое-что. Хотел бы я, чтобы Хаммер признался сам. Я думал, что он сделает это, когда мы последний раз были в домике. Но то, как он ведет себя... не уверен, что Макен готов встретиться с этим лицом к лицу.

— Ты о его прошлом? Я спрашивала его...

— И он сказал тебе какую-то ерунду. Если ты выслушаешь, я расскажу кое-что, что тебе действительно нужно знать. Не всю историю его жизни, заметь. Хаммер поведал мне об этом однажды в Нью-Йорке, когда был пьян в стельку. Но то, что я сейчас скажу, касается всех нас.

Чувствуя, как сердце готово вырваться из груди, Рейн взглянула на зачатки завтрака, который планировала приготовить. «Так ли это важно сейчас? Лиам не будет возражать против простых блюд, а она и вовсе потеряла аппетит».

— Хорошо.

Он опустился рядом с ней, разворачивая ее стул к своему:

— Он топит себя в чувстве вины, и не просто потому, что он не смог спасти тебя.

— Тогда почему еще? Потому что он, возможно, сделал меня беременной? Мы не знаем точно, кто отец ребенка, и мне плевать на это.

— Нам тоже. Это никак не связано. — Лиам откинулся на спинку стула. — Я должен вернуться на десятилетие назад. Сможешь выдержать? Это довольно тяжело.

Рейн поняла, к чему все вело. Но также сильно, как ей не хотелось слышать об этом, ей это было нужно.

— Я слушаю.

— Что-то из этого ты можешь знать..., — мужчина замолчал, словно собираясь с мыслями. — Хаммер и я познакомились десять лет назад в «Граффити», БДСМ-клубе в Нью-Йорке. Я был новичком в Теме и учился всему, чему только мог. Однажды ночью он подошел ко мне и предложил побыть верхним у Джульетты, пока он будет наблюдать. Я согласился. Все шло хорошо, поэтому он пригласил меня присоединиться к ним в спальню. Мы делили девушку полтора года.

— Так долго? — Рейн всегда представляла себе, что их страсть горела быстро и жарко, прежде чем трагически угасла.

— Я остался дольше, чем это было возможно, потому что Хаммер был для меня братом, которого я никогда не имел, и я не хотел потерять его. Но наши отношения с Джульеттой не были похожи на то, что есть у нас. Я пошел навстречу Макену, потому что она была его женой. Но у нас не было союза.

— А ты хотел бы?

Лиам покачал головой:

— Я просто ухаживал за Джульеттой. Я не любил ее.

Это признание принесло облегчение, но Хаммер все еще был зациклен на своей жене. Видимо, его чувства к ней были очень сильными, даже сейчас. Рейн сдерживала слезы. «Как ей соперничать с призраком?»

— Когда Джульетта совершила самоубийство, я был в Майами по делам. Прежде чем это случилось, я решил остаться еще на неделю, потому что погода была теплая, а атмосфера в местном клубе просто фантастическая. Много лет спустя, я пытался понять: повлияло ли мое отсутствие на ее решение свести счеты с жизнью? Не было ли ей больно от того, что она не владела моим сердцем? Я не знал этого. Но в прошлый День Благодарения Хаммер сказал мне.

Рейн вспомнила тот ужасный день: напыщенный ужин, мигрень, недоразумение. Ссору между ним и Макеном. Чувство вины. И этих двоих, орущих друг на друга в море осколков разбитой посуды. В тот момент Рейн подумала, что их противоречия были связаны с ней.

— Так в ту ночь на кухне вы воевали из-за Джульетты? — это не должно было причинять столько боли... но причиняло.

Лиам кивнул:

— Я не спешил рассказать тебе об этом, потому что надеялся, что Хаммер сделает это сам. Но он не хочет. Черт, он едва говорит со мной. А ты должна знать.

Хотя неопределенность и тревожила ее, Рейн сомневалась в том, что была готова к правде.

— Знать что?

Мужчина тяжело выдохнул:

— Джульетта была на восьмой неделе беременности. Никто из нас не имел ни малейшего понятия об этом.

— Правда? — сердце Рейн замерло.

— Она оставила записку, говорящую о том, что не смогла справиться со стыдом, поскольку не знала, кто обрюхатил ее.

Затем Джульетта проглотила бутылку таблеток.

Рейн испытала миллион различных чувств. Шок. Ужас. Печаль. Сопереживание. Оба мужчины заверили ее, что они с нетерпением ждут, когда вырастет ее живот и дом наполнится детьми. После услышанного от Лиамы, она начала сомневаться, было ли «нетерпение» Хаммера таким уж настоящим.

— Так он использует меня и нашего ребенка, чтобы залечить свои раны?

— Нет. — Лиам сжал ее руки. — Это не то, что я пытаюсь сказать, милая. Никто из нас не хотел, чтобы ты забеременела лишь ради попытки исправить прошлое или повторить начатое. Мы не играем в игру. Просто потому, что малыш, которого ты носишь не первый у нас, не означает, что он или она будет не таким особенным в наших глазах.

Лиам был прав, пора перестать позволять собственной неуверенности захватывать разум. Она всегда одинаково реагировала в сложной ситуации: эмоционально, не думая перед действием.

— Извини. Это был нечестный вопрос.

— Но понятно одно. — Он поглаживал ее лицо. — Рейн, ты особенная для нас. Не существует никакого сравнения, так что не думай иначе.

— Я попробую. — Рейн понимала, что ей придется тяжело работать над этим.

— Я верю, что ты так и сделаешь.

Девушка пыталась «переварить» полученную от Лиамы информацию, но была одна вещь, которую она просто не могла понять.

— Как женщина могла убить своего ребенка, покончив с собственной жизнью? Я не хочу судить, но...

— У Джульетты были проблемы. Я сомневаюсь, что она задумывалась об этом, когда делала свой выбор.

Рейн в защитном жесте накрыла рукой живот:

— Я никогда не сделала бы этого. Хаммер должен знать. Скажи ему. Я бы никогда...

Лиам легонько сдвинул ее ладонь в сторону:

— Это не то, что его вывернуло наизнанку, любимая. Он не знал, что она была несчастна, а тем более, в отчаянии. Никто из нас не знал.

«Потому что Джульетта не шла на контакт...» — Рейн вспомнила, что Сет говорил об этом.

— Это одна из причин, почему с тобой он ведет себя по-другому, — продолжил Лиам. Кусочки «Хаммер-пазла» встали на место.

— Это объясняет, почему Макен всегда так пристально следил за мной, почему отслеживал мои циклы..., — выдохнула она, — почему хранил мои лекарства. Почему он был в отчаянии, когда узнал, что у меня задержка. А я боролась с вами обоими.

Рейн закрыла глаза. Они все прошли через ад. Если бы она знала о чувствах Хаммера, то была бы более сострадательной, более честной. Но ей пришлось сосредоточиться на «здесь и сейчас». Сожаления — это пустая трата времени.

— Мне жаль, что я закрылась от вас и не шла на контакт. — Рейн провела руками по своему лицу, и была удивлена, что ее щеки мокрые. — Хаммер гордится тем, что не теряет контроль в любой ситуации и заботится о тех, кто вокруг него. Самоубийство Джульетты, должно быть, заставило его сомневаться в себе как в человеке и Доминанте.

— Точно. Боль и чувство вины покалечили его. Он сжег все мосты в Нью-Йорке практически в тот же момент, как закончились похороны Джульетты. Он приехал сюда и начал все с нуля.

— В тот момент он «замуровал» себя, становясь большим, плохим Домом «Темницы», переходя от одной хорошенькой сабы к другой. Он игнорировал меня, потому что я любила его.

Это все еще причиняло боль.

— Более того, и он любил тебя, — парировал Лиам тихо. — Очень сильно. Я увидел это, в тот же день, как приехал. Другие женщины не имеют никакого значения для Макена. Он думал, если не будет прикасаться к тебе, то и не сможет навредить. Это был его способ защитить тебя... и себя. Он боится отдавать власть тому, кто по-настоящему сможет навредить ему.

— Но его отчужденность лишь больше навредит нам. Как сейчас.

— Я знаю, кажется, как будто он ускользает от нас. Я не слушаю, если скажу, что это и меня пугает, милая. Я пытался достучаться до него, но он закрывается от меня. — Лиам нахмурился. — Он застопорился. Застрял. А теперь, когда наконец-то его жизнь сложилась так, как он хотел, ему очень страшно потерять все. Макен любит тебя гораздо больше, чем он когда-либо любил Джульетту. Если что-то случится, и он потеряет тебя и ребенка, это просто прикончит его.

— Но я в порядке. Я осторожна. Я...

— Человек и уязвима. Билл почти превратил его худший кошмар в реальность. Макен просто увяз в этом по горло.

Рейн знала: то утро оставило свой отпечаток на каждом.

— Билл ушел, но ничего из того, что этот ублюдок сделал, не заставит меня переступить черту.

— Я знаю. Но Хаммер по-настоящему заботился только о двух женщинах, и обеих делил со мной. В первый раз все закончилось не очень хорошо. Когда Джульетта умерла, никто из нас не знал, что она была беременна. Ты могла умереть, и мы понятия не имели, что ты тоже в положении. В обоих случаях Макен был бессилён остановить худшее. Эти совпадения беспокоят его.

— Он не хочет потерять меня, но отдаляется?

Лиам грустно рассмеялся:

— Дико звучит, но страхи иррациональны, любимая. И кому как не тебе это знать

наверняка.

Рейн не могла не согласиться.

После похищения, она знала, что ей придется иметь дело с последствиями этой травмы. Но все казалось преодолимым, потому что девушка рассчитывала, что ее мужчины будут рядом с ней — каждый миг, каждый шаг, каждый день до конца их жизней. Но вскоре Макен начал отдаляться. Она была так растеряна, зла, и расстроена. Хаммер начал вести себя больше как ее телохранитель и воспитатель, нежели Доминант и любовник.

Теперь Рейн понимала почему.

И хотя игнорировать голос собственной неуверенности было нелегко, но психотерапевт учил ее выходить за пределы эмоций и логически смотреть на вещи. Хаммер был быстрым на помощь другим... и медленнее патоки, когда нужно было просить о помощи самому. Он приносит извинения лишь в тех случаях, когда облажается. Рейн думала, что он просто был слишком горд. Но теперь она понимала: он просто пытался самостоятельно справиться со своими проблемами потому, что не хотел взваливать их решение на других. После откровений Лиамы, для нее стало понятно, что Хаммер закрылся потому, что не простил себя за неспособность спасти ее от Билла. Он закрылся еще несколько лет назад — после того, как не смог сберечь свою беременную жену.

Все это легло тяжелым грузом на сердце девушки.

— Ты прав. — Рейн пыталась держать себя в руках. Она была сильнее этих чертовых слез. Но ее терзали мысли о возможной потере половины своей души. — Мое сердце болит за него, хотела бы я быть способной исцелить его душу.

— Если бы у меня была волшебная палочка, я бы сделал это сам. Макену потребовалось восемь лет, чтобы довериться мне, и я был тем парнем, с которым он разделил Джульетту. Только он сам сможет отпустить прошлое. Я думаю, что ты, вероятно, единственная, кто сумеет помочь ему.

— Я?

— Он сделает все, чтобы не потерять тебя. Я не говорю, что будет легко раскрыть ему глаза, но думаю, что ты можешь сделать это.

— У меня не получилось сделать так, чтобы этот упрямец даже на завтрак остался. Как я могу заставить его отпустить годы чувства вины?

— Ты смотришь на меня своими красивыми глазами, твое тело заводит меня до безумия, и ты говоришь мне, что ты не знаешь, как привлечь его внимание? Возможно, после сегодняшнего утра ты не поверишь мне, но ты свела Хаммера с ума. Подари ему улыбку и притягательный взгляд. Чувак перешагнет через себя, чтобы быть с тобой. Затем ты окутаешь его своей любовью. И поговоришь с ним. — Лиам провел рукой по щеке девушки. — Я буду с тобой. Мы убедим его отпустить прошлое.

— Что если это не сработает? Лиам... — Рейн поняла, что у него иссякли варианты, но возможная неудача приводила в ужас. — Что, если он не готов двигаться дальше? Это наша семья. Наше будущее. У нас нет времени на то, чтобы заставить его увидеть свет. — Она указала на живот. — У нас только шесть месяцев.

Рейн ненавидела говорить в негативном ключе. Конечно, она бы отдала всю себя, не только ради того, чтобы сохранить свою нетрадиционную семью целой, но и потому, что Хаммер заслуживал счастья. В глубине души он хотел этот рай, маячивший прямо перед ним. Может быть, ей следует напомнить ему обо всем, что у них есть.

— Ты справишься. Мы переживали и худшее, милая. Выплывем и в этот раз.

Лиам был прав. Марли и Гвинет. Ревность, неуверенность и борьба. Расставание, тяжелое воссоединение, трудности, возникающие из их прошлого. Билл, похищение, насилие, тяжелые новости, ужасные последствия.

Сет часто отмечал, что их жизнь напоминала мыльную оперу. И он был прав.

— Спасибо, что сказал мне. Я понимаю, что Макен, вероятно, будет зол, но мне нужно было услышать правду. Я сделаю все возможное, чтобы помочь ему понять, что выбор Джульетты был не его выбором, и его никто не винит.

— К сожалению, семья Джульетты винит во всем его, и они никогда не стесняются высказывать свое мнение. Это тоже не помогает Хаммеру.

Рейн никогда не встречала этих людей, но уже хотела прибить их.

— Это же смешно!

— Им нужен «мальчик для битья».

— Засранцы!

— Следи за языком. — Лиам поднял бровь. — Ты девушка.

Она приложила усилия, чтобы выглядеть раскаивающейся, но осталась при своем мнении.

— Будешь завтракать? Я могу...

Звонок мобильного телефона прервал ее. Рейн посмотрела на дисплей и нахмурилась.

— Это Хаммер? — придвинулся Лиам.

— Нет. Это партнер, который работает с адвокатом Макена и представляет мои интересы в завещании Билла. — Она нажала на кнопку, чтобы принять вызов и включила динамик. — Алло?

— Мисс Кендалл? Это Сайлас Гоффман из «Барнс, Хоффман и Лафлин». Как ваши дела?

— Нормально. У вас есть новости, которые могли бы разрешить завещание моего отца? — не то чтобы она хотела получить что-то из имущества Билла, ну за исключением того, чтобы бросить канистру с бензином и спички в него. Но это может быть ее единственный шанс найти Ривера. — Кто-то нашел моего брата?

— Вот почему я звоню. Я только что получил информацию от представителя армии США, который сообщил, что они передали вашему брату о необходимости позвонить мне по поводу наследства отца.

Колени Рейн подогнулись. Она чуть не уронила телефон.

— На самом деле? Ривер жив?

Последние несколько месяцев, во время бессонных часов в самые темные ночи, Рейн часто задумывалась о том, солгал ли Билл, возможно, он каким-то образом покончил и с ее братом тоже. Знание, что ее отец не сделал этого, принесло облегчение. И чувство замешательства.

«Где был Ривер последние двенадцать лет?»

Рейн знала, что он записался в армию, когда ему исполнилось восемнадцать... но это было так давно. «Он был на службе все это время? За границей? Или, может быть, когда он ушел из дома, то забил на свою семью и выкинул из головы свою младшую сестру?»

— Видимо, да, — коротко ответил адвокат.

Рейн попыталась заглушить свое разочарование:

— Вы знаете, как я могу связаться с ним?

— Боюсь, что нет. Армия не предоставляет его личную информацию. Я только знаю,

что он больше не состоит на службе.

Сету удалось выяснить это несколько недель назад.

Девушка вздохнула:

— Так вы даже не знаете в Южной Калифорнии он или нет?

Хоффман издал звук, похожий на сожаление:

— Извините, нет. Хорошей новостью является то, что поскольку вы уже подали федеральные и государственные налоги от имени своего отца и завершили инвентаризацию претензий против активов, мы сможем быстро разрешить вопрос с недвижимостью вашего отца, вероятно, за шесть месяцев или меньше. Как только Ривер свяжется со мной, я поговорю с вашим братом, сообщу ему о предстоящем утверждении завещания, и дам вам знать.

До тех самых пор Рейн оставалось только надеяться и гадать, хотел ли последний оставшийся в живых член ее семьи иметь с ней что-то общее.

— Узнайте, согласится ли он предоставить свои контактные данные, чтобы передать мне. Пожалуйста.

— Конечно. — Затем, после вежливого прощания адвокат повесил трубку.

Лиам положил руки ей на плечи:

— Ты выглядишь шокированной, милая. Скажи, что ты чувствуешь.

— Так много всего. — Она взглянула на него с благодарностью за его любовь, утешающее присутствие и поддержку. — Он ушел, когда мне было девять. Я почти ничего не знаю о нем и его жизни. Последние воспоминания о Ривере: он и Билл, кричащий о его подростковом возрасте, и их уродливая, прощальная драка. Но я не знаю его.

— Он твой брат, твоя семья. Разве ты не хочешь поговорить с ним?

— Думаю, хочу. — Она вздохнула, пытаясь разобраться в шквале своих эмоций. — Но, может быть, существует причина, почему прошло столько времени с тех пор, как мы говорили.

Лиам нахмурился:

— Я не могу представить, что бы это могло быть. Если бы я не видел одну из моих сестер много лет, я был бы в восторге от возможности снова увидеться с ней.

— Если бы они у тебя были, тогда да.

— Вообще-то, любимая... — Он смущенно улыбнулся. — У меня их шесть.

Услышав это, Рейн напряглась. Ее пальцы онемели, и она уронила телефон. Когда он с грохотом упал на пол, девушка стояла и смотрела на Лиам широко раскрытыми от удивления глазами.

— Шесть? Ты никогда не говорил мне.

— Ну... они живут в Ирландии. Мои родители — католики, милая, так что мы плодовитая семейка. Я думал, ты знаешь, что у меня есть сестры. — Он пожал плечами. — Честно говоря, эта тема никогда не поднималась.

— Никогда. Не. Поднималась? — голова Рейн готова была взорваться. Ее раздражительность подскочила вместе с кровяным давлением. Большого она не вынесет. Возможно, она и была более чем на фут (прим.: около 30 см) ниже своих мужчин, но ее нрав мог дать фору им обоим. — Я единственная тут должна выкладывать мельчайшие подробности моей жизни, пока вы скрываете свое дерьмо? И не смей говорить мне о моей речи, Лиам О'Нейл. — Погрозила она пальцем. — Сначала Хаммер и его беременная жена совершившая самоубийство. Это важно, и я должна была знать. Теперь ты и все эти сестры, о

которых я никогда не слышала ни слова.

— Рейн, я предлагаю тебе успокоиться.

«Когда рак на горе свиснет!»

— Скажи мне их имена. Они замужем? У них есть дети?

— Некоторые. Я младший в семье, чтобы ты знала. У всех есть дети.

Рейн положила руку на живот:

— У нашего малыша будут двоюродные братья и сестры, а мне об этом, и знать не нужно?

— Не злись. Я не собирался обманывать тебя.

Девушка прищурилась, глядя на мужчину, разрываясь между болью и яростью.

— Однажды вы сказали, что я должна рассказать все, включая то, что хочу на завтрак. Вы угрожали мне банкой соленьев. Поэтому то, что ты не рассказываешь о крупных ветвях своего генеалогического дерева — это, блять, проблема для меня. — Рейн топнула ногой. — Может быть, ты не говорил мне потому, что никогда не собирался знакомить меня с ними. И нашего малыша.

— У меня никогда не было такого намерения. Не думай, что вы не знакомы потому, что я не горжусь тобой, любимая. Мы поедem в Ирландию, если пожелаешь. — Он потер затылок. — Правда, иногда может показаться, что их слишком много.

— Так ты жалел меня, что ли? — Рейн хотела верить ему... но почти в десять утра, она уже исчерпала весь запас драматических переживаний для этого дня.

— В каком-то смысле, да. Однажды ты поймешь, что я имею в виду. Спроси Хаммера. Он расскажет тебе.

— Он знаком с ними?

— Как-то они приезжали в Нью-Йорк на Рождество. Я думаю, что одна или две сестры влюбились в него, но в то время он был женат. — Объяснил Лиам, а затем послал ей многообещающую улыбку. — Ты очаровательна, когда злишься, сладкая.

— Не пытайся красиво съехать с этой темы. Больше деталей. Чего еще я не знаю?

— Ну... — Лиам помедлил, словно понимая, что ему не удастся обеспечить себе отходной путь. — Кейтлин — самая старшая — она властная крошка. Мэг, задает много вопросов, поэтому всегда будет в курсе всех твоих дел. Шона и Розалин — близнецы. Они как две горошины в стручке, а еще заканчивают предложения друг за другом. Самое смешное, что они замужем за братьями.

— Близнецы? — «Он серьезно?» Она взглянула на свой живот. — В твоей семье есть близнецы?

— Не волнуйся. Многоплодная беременность зависит от женщины. Это связано с количеством яйцеклеток и... — он поморщился. — Следующая сестра — Эшлин. Она тихоня... в основном. Но она прожужжит тебе все уши, если захочет. И Мэйв — просто наказание. Мне почти жаль ее мужа.

Рейн была рада, что сидела, поскольку могла запросто упасть.

— Вау. Так много.

— Их присутствия в действительности бывает больше, чем я могу тебе объяснить. Будь благодарна, что их сейчас здесь нет. Но мы говорили о Ривере. Теперь, когда он замаячил на горизонте, ты хочешь найти его?

Рейн узнала этот прием, когда слышала, это — «отвлекай и хватай». Черт побери, Лиаму повезло, она не была голодна, или съела бы его яйца на завтрак.

— Я не знаю. Мне нужно подумать об этом. Я буду работать над детской.

— Хорошая идея, любимая. Я собираюсь... ммм, прогуляться в клуб, так что могу забрать ту фотографию Хаммера и меня, которую ты хотела оформить в рамку. Что думаешь? — он посмотрел на нее с облегчением от того, что придумал правдоподобный повод для побега. Это было бы забавно, если бы она не была совершенно взбешена. И обеспокоена.

«Шесть сестер? А ее брат был, Бог знает, где».

— Пока будешь отсутствовать, напряги свой ирландский мозг на предмет секретов, которые еще можешь скрывать от меня. Я хочу знать их все.

Звуки стучащего молотка и визжащей в холле пилы встретили Лиама, когда он вошел в «Темницу» и направился в кабинет Макена. Как его друг мог работать в таком шуме, было за пределами понимания Лиама, но, несмотря на это, Хаммер сидел за столом, подписывал чеки, казалось бы, не обращая ни на что внимания, пока не поднял глаза и не увидел Лиама.

— Если ты здесь, чтобы отчитывать меня, то я не в настроении.

— Да в задницу это. У меня есть новости. — Лиам опустил в кресло напротив и вздохнул. — Появился Ривер.

— Что ты имеешь в виду под «появился»? Где он? В доме? — Хаммер наклонился, хмурясь. — Ты же не оставил Рейн наедине с ним, не так ли? Мы не можем это сделать, пока мы не узнаем, не является ли он больным, жестоким ублюдком как и его старик.

— Не будь придурком. Меня бы здесь не было, если бы он постучал в нашу дверь. Адвокат, который занимается завещанием, позвонил сегодня утром и сказал об этом Рейн. — Лиам рассказал ему о подробностях. — Она до сих пор не знает, где и как его найти.

— Но теперь она знает, что ее давно потерянный брат жив и не связался с ней. Я уверен, что это расстроило ее.

— Да. Он последний из ее семьи, и я думаю, что она встретит его с распростертыми объятиями. Но она не станцует джигу (прим: джигга — быстрый старинный британский танец кельтского происхождения). Я думаю, что она будет с ним настороже. — Лиам склонил голову. — У меня такое чувство, что пройдет совсем немного времени, прежде чем мы его увидим.

— Поэтому у нас есть еще один мужчина Кендалл на руках. — Хаммер поднялся и обогнул стол, устроившись на углу перед Лиамом. Мужчина потер переносицу. — Этот день продолжает становиться все хуже и хуже... и мне это совсем не нравится. Мы мало знаем о Ривере, за исключением того, что тот не видел Рейн больше половины ее жизни. Надеюсь, он не думает, что может просто прийти и перевернуть ее мир с ног на голову.

— Судя по тому, что сказала Рейн, он ненавидел Билла. Возможно, это хороший знак.

— Ты не похож на того, кто на самом деле верит в это.

Лиам действительно не верил и ненавидел эти ощущения. Что-то в этом человеке настораживало его...

— Я не знаю, чему верить.

— Возможно, он просто эгоистичная сволочь, которая хочет половину барахла Билла и не станет заморачиваться налаживанием отношений с Рейн. Может нам стоит позвонить

Сету и спросить, узнал ли он что-то новое о ее брате?

— Я позабочусь об этом.

— Рейн сейчас одна дома?

— Да, но, уезжая, я включил сигнализацию. Вернусь чуть раньше, чем приедут подрядчики. — Лиам неловко поерзал на сиденье. — Но я должен был уйти до того, как она потеряет еще хоть крупицу своего терпения.

Хаммер поморщился:

— Она все еще злится, что я ушел? Я не хотел ее расстраивать, просто нужно было подумать.

— Она имеет полное право злиться, но дело не в этом. После того, как ей позвонили с вестями о Ривере, мы разговаривали. Хотел бы я, чтобы ты был там и одолжил мне свою лопату для дерьма, которую я дал тебе раньше, потому что я с размаху наступил в кучку.

— Да, ладно? — улыбка заиграла на губах Хаммера. — И каково это на вкус?

— Держу пари, Рейн придутся соленья по вкусу. Мне пришлось заткнуться. О, но ты бы видел ее, Макен. Она была той самой Рейн, в которую мы влюбились: полна желчи и дерзости. Великолепна. Мне, наверное, не стоило говорить ей об этом, пока она была расстроена.

— Да, никогда не говори женщине, что она милая, когда злится. Что ты сделал такого, что взбесило Рейн?

— Мы говорили о Ривере... и я, возможно, сболтнул, что у меня есть шесть сестер.

Глаза Макена расширились:

— Она не знала?

— Нет, я не хотел пугать ее до чертиков.

— Это веская причина, — Хаммер продолжил. — Глупая, но веская. Как долго ты собирався держать это в секрете?

Лиам хотел быть раздраженным, но теперь, когда Рейн не дышала на него с яростью, он мог посмеяться над этим.

— Честно говоря, я не думал об этом вообще. Я, конечно, не ожидал, что она выйдет из себя, когда узнает. Но я упомянул племянниц и племянников и двух моих сестер-близнецов... и в ее голове все завертелось как волчок. Я должен был заткнуться, но у меня случился словесный понос, поэтому я признался, что парочка из них запала на тебя несколько лет назад. После того, как лицо Рейн сменило три оттенка красного, я решил дать ей немного времени, чтобы остыть, поэтому сказал ей, что пойду искать фотографию, на которой нас двое. Помнишь, ту, что она сделала в первый вечер, как я прилетел в Лос-Анджелес? Она хочет оформить ее в рамку.

— Так ты сбежал сюда? — Хаммер захохотал. — Господи. Я бы заплатил денег, чтобы посмотреть, как ты смывался оттуда.

— Прекрати смеяться, идиот. Это не смешно.

— Ты прав. Это чертовски весело.

— Для тебя, может быть. Но я привязался к своим яйцам и хотел бы сохранить их. Я думаю, ты должен остаться дома с Рейн сегодня и поднять ей настроение. Я побуду в клубе.

Хаммер печально улыбнулся:

— Ты боишься нашей девочки?

— Когда она такая злющая, то конечно. Даже топнула ногой на меня.

— О, вот когда ты понимаешь, что она хороша и умна. Я тоже немного боюсь ее, —

признался он. — Она простит тебя... в конце концов. Не волнуйся. Как только она сделает это, можешь тайком забраться в ее сумочку и забрать свой пенис.

— Выкуси, ублюдок. — Лиам слегка толкнул друга. — Это серьезная проблема. Она хочет встретиться с семьей.

— Вот черт. — Улыбка пропала с лица Хаммера.

— Именно. Я знаю, что должен был рассказать раньше, но я хотел, чтобы мы разобрались со всем, прежде чем я позвоню семье.

— Со всеми членами?

«Он что, ненормальный?»

— Не думаю, что она к этому готова.

Но Лиам понимал, что вскоре ему придется все рассказать.

— Если она узнает, прежде чем ты выложишь все детали, тебе понадобится экскаватор, чтобы откопать себя в ее черном списке. Как долго ты собираетесь держать их на расстоянии?

Лиам поморщился:

— Как будто у меня есть выбор.

— Неа. Я не удивлен, что Рейн хочет встретиться с ними. Пока Ривер не вернется и не докажет, что он не полоумный придурок, у нее нет семьи.

— Боже, я люблю эту женщину. Хорошо. Я введу ее в семью. — Лиам издал многострадальный вздох. — Тебе нравится, что у меня проблема, не так ли?

— Ага. — Судя по ухмылке, Макен совсем не раскаивался. — Каков твой следующий шаг?

— Я должен дать нашей чертовке время успокоиться. Что бы я сейчас ни сказал, лишь расстроит ее.

— Особенно после всего, что случилось этим утром. — Вздохнул Хаммер. — Все прошло не очень.

— Точно. И мы не можем продолжать в том же духе, Макен.

Хаммер уже не смеялся:

— Я знаю. Мне нужно разгрести свое дерьмо. Я просто не знаю, как быстрее это сделать.

Хотя ожидание вещь неприятная, но признание Макена дало Лиаму надежду. Это был шаг вперед. Он надеялся, что вместе с Рейн они прорвутся сквозь стену, возведенную этим упрямым.

— Помогу, чем смогу.

— Спасибо. Если бы ты и Рейн не были для меня всем, я бы не стал заморачиваться.

— Не стал бы. — Как бы Лиаму не хотелось задушить своего друга, наконец-то появилась надежда, что Макен попытается решить свои вопросы, возможно, впервые.

— Просто не сдавайся. Ты нужен нам.

Где-то на грани между непокорностью и смирением, Хаммер кивнул:

— Как насчет того, чтобы найти это фото? Есть еще несколько других, хранящихся в ее старой комнате, возможно, она захочет забрать их. Может быть, это заставит ее улыбнуться.

— Думаю, это может сработать, в купе с шоколадными пончиками, по которым она сходит с ума.

— Ты что, подкупаешь ее? И ты назвал меня трусом?

Лиам пожал плечами и криво ухмыльнулся:

— Я должен как-то помириться с ней.

— Хорошая попытка. — Хаммер встал. — Я помогу тебе просмотреть фотографии. Мы позвоним Сету вместе, а потом можешь купить ей свое сладкое подношение.

Лиам выкарабкался из кресла и последовал за другом:

— Хорошая мысль. Но давай не будем никуда торопиться.

Макен достал ключи от клуба из кармана, и они направились к старой комнате Рейн. Но когда они дошли до двери, которая должна была быть заперта, оказалось, что та приотворена.

Беспокойство поползло вдоль позвоночника Лиама:

— Ты переделываешь и ее комнату тоже?

Хаммер нахмурился и покачал головой.

Расправив плечи и сжав челюсти, оба мужчины пришли в боевую готовность. Если кто-то незванный пробрался в комнату Рейн, они должны донести до него, что это место закрыто для посетителей.

Макен толкнул приоткрытую дверь, впечатав ее в стену. Вместе они рванули в дверной проем. Чувства обострились, Лиам осмотрел комнату.

Высокий человек, в жилете строителя, находился в комнате Рейн и рассматривал горстку фотографий в своих руках. Он моментально обернулся, посмотрев на них.

Мужчина выглядел знакомо: около тридцати лет, темные волосы, голубые глаза, решительный подбородок. Выражение его лица было полно ненависти.

— Ты кто, черт возьми, такой? И что здесь делаешь? — спросил Хаммер.

— Я здесь ради Рейн. — Он усмехнулся. — Предполагаю, ты — «Мастер Извращенец» — ее сутенер... — затем мужчина зарычал, переведя взгляд на Лиама, — а ты значит клиент и папочка ее ребенка, да?

Хаммер видел этого парня раньше, но не мог вспомнить где. Высокий, с широченными плечами и взглядом, полным ярости. Его произношение было таким же невнятным, как у Билла Кендалла. И Макен определенно узнал эти глаза.

Они были копией глаз Рейн.

«Сукин сын. Это, должно быть, Ривер».

Макен сразу вспомнил, где видел этого сосунка раньше. В то утро, когда на Рейн напали, он был в реанимации и, прячась за чертов журнал, внимательно наблюдал за ним и Лиамом.

— Я ей такой же сутенер, как ты строитель.

— А я не ее клиент, — прорычал Лиам. — Ривер Кендалл, полагаю?

— Ага. Куда запропастилась моя сестра? Вы, выродки, где-то приковали её, стоящей на коленях?

Хаммер чуть не бросится на Кендалла, едва удержавшись от того, чтобы расквасить ему лицо, и то только потому, что Рейн будет в ярости. Кроме того, если Ривер выдвинет обвинения, то лишит девушку одного из ее защитников. «Не сегодня».

— Но вы признаете, что делаете это? — Кендалл схватил с комода фотографию и бросил в Хаммера. — Я не удивлен. В новостях Рейн назвали сексуальной рабыней. Я знаю, что ты трахал её, когда она была несовершеннолетней.

— Это тебе твой папочка сказал? Похоже, ты съел каждую ложку дерьма, что он тебе скормил.

— Не ври мне. Все это время ты был её сутенером? Конечно, предлагая её своему приятелю О'Нейлу в первую очередь?

— Он не делал этого, — настаивал Лиам. — Подожди, тут вышло недоразу...

— Я все прекрасно понимаю. Эта фотография доказывает, что он — педофил. — Ривер повернулся обратно к Хаммеру, его голос был полон презрения. — Сколько лет здесь моей сестре? Пятнадцать? Может быть, шестнадцать?

Макен отодвинул фото от рубашки и посмотрел на него. Восемнадцатый день рождения Рейн. Они стояли в подземелье, девушка надела сексуальное красное платье — и его словно по заднице ударили, заставив понять, что она стала женщиной. Хаммер стоял рядом, положив руку на плечо Рейн, в то время она как смотрела на него взглядом, полным голода.

Лиам тоже посмотрел на фотографию и выругался.

— Ей было восемнадцать, придурок, — огрызнулся Макен. — Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Ошибаешься. Я два месяца наблюдал за тобой, мерзавец. Я знаю все, включая тот факт, что она жила с тобой в этой клоаке сексуальных преступников, будучи несовершеннолетней. Готов поспорить, что ты лишил её девственности в первую же ночь. А потом я узнал, что ты за человек, когда выяснил, что ты довел свою жену до самоубийства.

Раскаленная волна ярости пронеслась по венам Хаммера, отключая его способность говорить. Желание порвать Ривера на куски бушевало внутри. Он бросился на этого сукиного сына с поднятыми кулаками.

Лиам успел перехватить Макена и оттащить обратно:

— Остановись!

— Разве ты не хочешь прикончить этого урода? — выплюнул Хаммер.

— Еще как. Но Рейн никогда не простит нам, если мы убьем его. Хотя, я думаю, мы можем слегка подпортить ему личико.

— Покажи мне свой лучший удар, — бросил вызов Ривер.

Хаммер сжал руку в кулак:

— Черт, он заслуживает смерти.

— Я знаю. Говнюк огромный, как бревно. — Холодная ярость охватила Лиам. — Я был готов уступить, но теперь... передумал.

Когда в его друге проснулся, спящий до сих пор ирландский темперамент, Хаммер понял, что тот был настроен решительно. Он успокоил его. Макен и Лиам, возможно, имели разногласия, но они всегда были на одной стороне, когда речь шла о защите Рейн.

— Хорошо. Она не особо скучала по своему брату все эти годы, — заверил Хаммер. — Давай покончим с ним. И сделаем это больно.

— Можете умереть, пытаясь, — огрызнулся Ривер.

— Это безумие. Тебе не хватает мозгов, чтобы услышать правду, ты можешь только раскрывать пасть и тыкать пальцем, — рявкнул Лиам. — Ты должен быть благодарен этому человеку, придурок. Целовать его чертовы ноги! Он опекал и защищал твою сестру в течение многих лет, особенно от того жалкого недоразумения, которое вы называли отцом. Черт, где ты был, когда он пытался изнасиловать и убить Рейн, как сделал это с твоей матерью и Ровен?

— Да, ты слегка опоздал на операцию по спасению Рейн, — глумился Хаммер.

Презрение светилось в глазах Ривера:

— Хрен вам. Я уворачивался от пуль и защищал свободу, чтобы такие извращенцы, как вы смогли вставить свои никчемные члены в мою сестру и сделать её беременной. Вы разрешаете своим приятелям смотреть? Гордитесь своими большими достоинствами?

Лиам усмехнулся:

— У тебя на все есть ответы, не так ли?

— Да. Я в курсе, что твою бывшую жену-шлюху трахал другой мужчина, пока вы были женаты. Ты, должно быть, настоящий Казанова в постели. Возможно, поэтому тебе нравится принуждать мою младшую сестру. Держать ее в подчинении, расползаясь по ней, как болезнь. Это заставляет тебя чувствовать себя настоящим мужиком?

— Боже, ты такой же псих, как и твой отец, — проворчал Лиам.

Ривер бросил в его сторону злой взгляд:

— А почему бы тебе не пой...

— Мы не заставляем Рейн ничего делать, — отрезал Хаммер, окинув мужчину ледяным взглядом. — Она стонет и умоляет об этом.

Слова Макена задели Ривера. Солдат гневно втянул воздух, наполнив легкие:

— Ты пожалеешь о своих словах, когда я закончу с тобой. Где Рейн? Я хочу видеть свою сестру сейчас же.

Хаммер кипел изнутри. Он не мог даже случайно обмолвиться, что Рейн больше не живет в «Темнице». Это только заставит Ривера искать её где-то еще.

Но если ему придется смотреть на этого козла еще хотя бы минуту, Макен просто оторвет ему голову.

— Лиам, пора выносить мусор.

— Не могу не согласиться. Но я был бы счастлив, наблюдать, как его выводят в

наручниках. Всё-таки, парень проник на территорию частной собственности.

Ривер поднял брови:

— Вы хотите позвонить в полицию? Пожалуйста. Я даже готов подержать трубку. Уверен, они хотели бы услышать, как твой приятель неоднократно насилует мою сестру. У меня есть доказательства того дерьма, что вы сотворили с ней. Дело обстоит так: если вы возвращаете мне Рейн и исчезаете из её жизни, я не стану рассказывать копам все, что знаю. Теперь, я позабочусь о ней.

Хаммер придвинулся к мужчине, встав нос к носу:

— Только через мой труп.

— И через мой тоже, — прорычал Лиам. — Иди на хер.

Ривер покачал головой и отступил:

— Тупые ублюдки. Я заставлю вас пожалеть об этом.

— Убирайся из моего клуба и забудь о существовании Рейн. Она наконец-то счастлива и никто, в особенности такой бесхребетный гнойный прыщ, как ты, не лишит её этого. — Хаммер спустил все угрозы, клокотавшие у него внутри. — У тебя десять секунд на то, чтобы исчезнуть. И если я увижу тебя снова, то убью.

— Я не уйду без Рейн. — Ривер встал в середине комнаты, провоцируя Хаммера и Лиама на то, чтобы они вывели его отсюда силой.

Поскольку они с другом буквально кипели от негодования, Макен был уверен, что парень точно не сможет насладиться процессом.

— Ты не уйдешь с ней, — поклялся Лиам.

Вместе они схватили этого «осла». Брат Рейн сопротивлялся, размахивая руками. Он цеплялся за стены и двери, лишь бы остаться в «Темнице».

Черт, ублюдок был силен, но всё же находился в меньшинстве. Хаммер и Лиам, ругаясь, тащили Ривера по коридору из комнаты Рейн, мимо изумленных строителей и, оставшихся на ночь членов клуба, взвизгивающих на действие широко раскрытыми глазами.

Под звуки ворчания, борьбы и оскорблений мужчины вытолкнули Ривера через черный ход в переулок.

Когда дверь за ублюдком захлопнулась, Хаммер повернулся и уставился на бригадира, стоявшего неподалёку и в шоке таращившегося в ответ.

— Ривер Кендалл может работать на вас, но если этот кусок дерьма когда-нибудь снова появится в моем клубе, вы с командой вылетите через эту чертову дверь.

— Я никогда в жизни не видел этого парня, — заверил бригадир. — Один из моих сотрудников заболел. Может быть, парень взял его жилет и...

Хаммер не остался, чтобы дослушать остальное.

Резко развернувшись, Макен последовал за Лиамом в комнату Рейн. Её фотографии валялись на комод, испачканные огромными отпечатками пальцев. Вторжение Ривера в его владения и частную жизнь, приводило Хаммера в ярость.

— Ты же понимаешь, что он не сдастся, да? — беспокойство отражалось на лице Лиама.

— Он только начал. Сет поможет нам получить полезную информацию об этом мешке дерьма.

— А этот ублюдок собирал информацию о нас. И у него было два месяца форы.

Хаммер начал ходить по комнате, извергая проклятия:

— Если он копался в наших жизнях так долго, как он может настолько ошибаться?

— Потому что он мудозвон.

— Кто?

— Мудак. Отморозок, — когда Макен всё еще не понимал, Лиам нетерпеливо вздохнул, — гребаный идиот.

— Ага. — Не мог не согласиться Хаммер.

Проблема была в том, что Ривер не просто идиот. Он потенциально опасный идиот.

Вдруг, Лиам напрягся:

— Блять. Нам надо идти. Я записал дом на Рейн. Если Ривер запросит информацию по недвижимости...

— То он очень быстро её найдет. — Кровь Хаммера застыла в жилах. — Пошли.

Когда они собрались уходить, Лиам схватил фотографию, за которой пришел, а затем оба помчались на стоянку. Проходя через подземелье, они встретили Бека, выходящего из кухни с чашкой кофе в руке.

— Какого черта все так орали? Вы что, бились за коробку тампонов?

— Нет времени объяснять, — бросил Хаммер. — Если мы не вернемся сегодня вечером, присмотри за клубом или найди того, кто сможет.

— Конечно, — ответил Бек, в беспокойстве нахмутив брови. — Сегодня я свободен.

— Спасибо, — крикнул Макен через плечо. — И, если человек с глазами как у Рейн покажется здесь, не впускайте его.

— А лучше, спусти кожу с ублюдка, — Лиам зарычал.

Бек улыбнулся:

— Звучит весело! Пойду, поточу ножи.

Оказавшись на улице, мужчины помчались к седану Хаммера. Осмотр стоянки показал, что брат Рейн уже убрался отсюда. Макен сделал мысленную заметку, узнать у своего техника Льюиса, сможет ли тот по кадрам со съемки видеокамер узнать номер машины Ривера.

Лиам сел в автомобиль Макена, оставив свой внедорожник в клубе. С визгом покрышек и ускорением на мигающий желтый, они влились в движение. Хаммер сигналил и ругался, объезжая медленно ползущие машины. Его пожирало отчаянное желание попасть домой и проверить Рейн. Сидящий рядом с ним Лиам, выглядел таким же напряженными. Если Ривер выяснил, где они жили и попытался забрать её, то медикам придется везти его тело в морг. На самом деле, смерть Билла будет казаться более приятной, по сравнению с тем, что они сделают с Ривером.

Хаммер старался не думать, что может быть слишком поздно. Он не мог снова подвести Рейн.

— Позвони ей! — Макен махнул Лиаму. — Скажи ей, что мы на пути домой и пусть убедится, что двери заперты. Черт! — Мужчина посигналил медленно движущемуся автомобилю перед ним, затем обогнал его и нажал на газ. — Прочь с дороги, мудак!

Лиам дернулся и вцепился в подлокотник:

— Помедленнее, ладно? Господи. Мы не сможем защитить нашу девочку, если окажемся в куче искореженного металла кверху пузом.

— Просто позвони ей, — отрезал Хаммер, не удосужившись отпустить педаль газа.

Лиам порывлся в кармане и, достав телефон, набрал Рейн, он явно нервничал:

— Вызов идет. Поскольку Ривер думает, что она просто сексуальная рабыня, может быть он не станет проверять документы на недвижимость?

«Может быть». Но Хаммер отказывался оставлять что-то на волю случая. Страх держал его за яйца. Чувство вины за все те случаи, когда он бросал Рейн и Лиам, сжало его горло.

— Она не отвечает. — Лиам так сильно сжал телефон, что костяшки его пальцев побелели. — Включилась голосовая почта. Я волнуюсь.

— Попробуй еще раз.

Лиам уже набирал и был сосредоточен на устройстве в руке. С очередным гудком он поднял трубку к уху, и выражение его лица становилось мрачнее с каждой секундой.

Впереди загорелся красный свет. Хаммер выругался. Нетерпение струилось по его венам:

— Давай же. Давай! — Он повернулся к Лиаму. — Ну что?

— Снова голосовая почта. Макен... Блять, меня трясет.

Страх забрал и его хладнокровие тоже.

— Черт побери. Продолжай пробовать. Она должна взять трубку. Может, она в душе. Или «ушла с головой» в готовку. Или она с подрядчиком.

Лиам набрал снова:

— Давай рассуждать логически. Ривер считает, что защищает сестру. Я не думаю, что он собирается причинить ей боль.

— Я не верю этому сукину сыну. Что если он перевоплощение Билла? Блять, Ривер ведь может быть даже хуже.

Помимо того, что он моложе, сильнее и, определенно, умнее, брат Рейн не удосужился попробовать обсудить, договориться или успокоить их. Он не слушал вообще. Он пришел с условиями, требованиями и кучей «да пошли вы на хрен».

— Пребывание в неведении по поводу его следующего шага, пугает меня до чертиков. Мы не можем позволить ему причинить боль...

— Я знаю. Не думай об этом. Мы успеем добраться до Рейн вовремя, и будем защищать её. Он не сможет избавиться от нас обоих, — заверил Лиам. — Но все переворачивается во мне от мысли, что он извратит правду, чтобы убедить её, что ей будет лучше рядом с ним.

— Она любит нас, — сказал Хаммер.

— Да, но у нас не всё гладко и есть свои сложности.

Хаммер слишком хорошо знал, что женщина в трудной ситуации может быть непредсказуемой. Возможно, Рейн решит, что она ценит мир и спокойствие больше, чем эту тоскливую, сложную, всепоглощающую любовь, которую они пытались сохранить.

«А если она уйдет, кого он будет винить, кроме себя?»

Лиам, казалось, был готов вскочить со своего места:

— Черт побери, мы должны помешать Рейн с ним встретиться.

— Как ты предлагаешь нам это сделать? В ту же минуту, как мы запретим ей увидеть этого тупицу, она начнет настаивать на встрече с ним. А по закону Ривер имеет больше прав на неё, чем мы. Это чертовски раздражает. Мы должны были потребовать, чтобы она вышла замуж за одного из нас. Мы все еще должны это сделать.

— Она не хочет выбирать. Как мы можем давить на неё, пока она не будет готова? — Лиам нахмурился, заканчивая один звонок на номер Рейн и начиная другой. Руки его дрожали. — Ривер мог выйти из тени в больнице тем утром и перекрыть нам возможность видеть Рейн. Почему он этого не сделал?

— Кто знает? Возможно, телевизионные новости шокировали его, назвав её сексуальной рабыней, поэтому он и пришел на разведку. Должно быть, он подслушал, как

мы праздновали ее беременность. Держу пари, потом он определил для себя кто мы и что собой представляем.

— И использовал последние два месяца, чтобы накопать на нас «грязи». — Лиам нахмурился. — Если бы я был на месте Ривера, я бы поговорил с сестрой и выслушал её версию событий, прежде чем делать выводы.

— Да, потому что ты благограумен. — Скривился Хаммер, мчась в сторону их дома. — По соображениям Ривера, мы те, кто издевался над Рейн и обманывал её. Теперь он думает, что имеет достаточно доказательств, чтобы убедить сестру, что мы первоклассные отморозки, разрушающие ее жизнь.

— Он хочет встретиться с ней. Несмотря на проверку фактов, Риверу не удалось раскопать правду. — Лиам вздохнул. — Не могу поверить, что был готов встать на сторону этого уroda. Теперь мы должны рассказать Рейн, что вышвырнули её брата из «Темницы», и что он может быть опасен. И прежде чем ты скажешь, что она не должна знать, хорошенько подумай.

Как бы Хаммеру ни хотелось уберечь ее от этого, он не мог не согласиться.

— Я усвоил этот урок.

— Хорошо. Мы должны все объяснить нашей девочке и держать её подальше от этого членоголового, — прорычал Лиам.

— И заставить её выйти за одного из нас.

— Ты действительно не разбираешься в этих «розовых соплях». Желаю удачи в сохранении яиц, если ты собираешься преподнести ей брак таким образом. — Закатил глаза Лиам и затем снова набрал номер телефона Рейн.

— Нет, я не буду таким ослом. Я куплю цветы и прочую хрень. Это будет романтично.

— Это будет слишком явно, — бросил в ответ Лиам. — Мы должны серьёзно потрудиться, если собираемся преодолеть её нежелание, и убедить вступить в законный брак с одним из нас.

Хаммер ненавидел вспоминать тот день, когда они делали предложение. Он и Лиам оба упали на колени и признались ей в любви. Глаза Рейн были полны слез радости. Но она быстро вытерла их и напомнила о том, что еще несколько дней назад парни были готовы перегрызть друг другу глотки.

«Вы оба сказали, что никогда не хотели бы жениться снова, и теперь, когда я беременна, вы изменили свое мнение? Прежде всего, мне нужно знать, что ваша дружба и наши отношения достаточно крепки. Кроме того, в домике, я обещала, что никогда не предпочту одного другому. И я не собираюсь нарушать это обещание».

— Мы и постараемся, — ответил Хаммер. — Но она должна стать Миссис «Один-из-нас» как можно скорее. Что сейчас творится в голове Рейн? Ты проводил с ней больше времени в последнее время, чем я.

— Она чувствует себя в большей безопасности с каждым днем, но... от этого обстоятельства не меняются. На законных основаниях, она не может выйти замуж за нас обоих, так что она будет вынуждена выбрать. И я боюсь, что Ривер будет «дергать» ее снова и снова.

Хаммер мрачно кивнул на телефон в руках Лиамы:

— До сих пор нет ответа?

— Ничего.

Стараясь не обращать внимания на пульсирующее чувство страха, Хаммер проехал по

подъездной дороге и нажал на тормоза. Оба мужчины выскочили из автомобиля за секунду.

Повернув ключ в замке, они забежали в дом, выкрикивая имя Рейн изо всех сил. В гостиной девушки не было. Только рабочие заняты на кухне.

Когда она не ответила ни на один призыв, Хаммер покрылся холодным потом. Он отозвал одного из плотников в сторону:

— Вы видели нашу... — черт, она не была их женой. — Рейн. Вы видели её?

Пожилый мужчина в джинсах пожал плечами:

— Может быть около часа назад. Кажется, она пошла наверх.

Хаммер не стал спрашивать, приходил ли кто-нибудь к ним. Ривер уже доказал, что имел неприятную привычку вламываться без приглашения.

Выйдя из комнаты, он последовал за Лиамом вверх по лестнице, перешагивая через две ступеньки зараз. На самом верху они поспешили в спальню и ворвались в дверь, задыхаясь и переживая.

На кровати, свернувшись калачиком, лежала Рейн и крепко спала.

Чувство облегчения накрыло Макена как ураганный ветер. Прислонившись к стене, он проглотил панику, скопившуюся в горле. «Слава, блять, Богу».

Лиам громко выдохнул, тоже с явным облегчением, и забрался на кровать рядом с Рейн. Хаммер, сняв ботинки, опустился с другой стороны, не отрывая взгляда от нежного лица девушки. Боже, он ненавидел необходимость будить её, нарушая спокойствие. Но они не могли ждать, поскольку должны были предупредить Рейн о Ривере. У Макена было плохое предчувствие, что им следует быть готовыми к гребаной туче проблем.

Рейн лежала в шелковом облаке комфорта, окруженная своими мужчинами. Они оба дарили ей нежные ласки и бархатные поцелуи. Низкий, хриплый шепот пробудил девушку. По отдельности их мужественные ароматы были упоительны, но вместе они заставляли её терять голову. Тихо постанывая, Рейн извивалась, желая почувствовать их руки, поглаживающие её, рты, пожирающие её, и тела, ведущие её в рай.

Как только она добралась до Лиамы и Хаммера, раскрывая навстречу объятия и открывая свое сердце, они исчезли.

Пришло осознание, что это был всего лишь сон.

Рейн выбиралась из оков сна. Она приоткрыла одно веко. Лучи закатного солнца танцевали на потолке спальни. Ее мужчин не было дома... но их отчетливый мускусный аромат витал вокруг. Как и их проблемы. Хаммер, казалось, не мог справиться со своим прошлым, а Лиам решил не рассказывать ей о своей большой, шумной семье, которая могла — а может и не могла — принять её и их ребенка.

Закрывая глаза, девушка надеялась, что сон вернется и снова даст ей возможность сбежать от реальности, даже если только на час или два. Потому что на самом деле она не знала, как разобраться со своей жизнью — и это убивало ее.

Теплые пальцы неожиданно погладили её по щеке. Рейн охнула и потянулась к прикосновению. Хаммер лежал рядом с ней, карие глаза смотрели необычайно нежно и обеспокоенно. «Что Макен делает дома в это время дня?»

Позади себя девушка ощущала тепло. Бросив взгляд через плечо, она увидела развалившегося слева от неё Лиамы. Подперев рукой голову, он смотрел на Рейн с мрачно-

нежным выражением на лице.

Их запахи смешались в воздухе. Если бы она стояла, её колени давно бы ослабли.

Но тут Рейн вспомнила, что она должна была злиться. «Неужели они думают, что она отойдет так быстро?»

Когда Лиам обхватил её обнаженные бедра своими горячими ладонями и заскользил руками вдоль тела, вплоть до груди, у Рейн перехватило дыхание. «Определенно, он так и считал...»

Как легко было бы закрыть глаза и позволить экстазу увлечь её. Но они не могли рассчитывать на то, что секс сгладит их глубокие и вполне реальные проблемы. Этому её научила психотерапевт.

Растолкав мужчин, Рейн схватила простыню и села, прислонившись к изголовью. Теперь она действительно видела, что они оба казались удивительно встревоженными.

— Я не ждала тебя раньше двенадцати часов, Макен. — А возможно и позже. Когда выражение его лица вдруг стало отражать что-то среднее между злым и мрачным, пульс Рейн ускорился. — Что происходит?

— Дело в твоём брате. Ривер обманным путем пробрался в «Темницу». Он вломился в твою комнату.

У Рейн отвисла челюсть. Ничего не могло шокировать её больше, чем слова Хаммера. «Ривер вернулся после двенадцати лет молчания?»

— Ты говорил с ним? — девушка соскользнула с кровати и подобрала свое нижнее белье, чтобы надеть его. — Он ждет меня внизу? Я хочу увидеть его.

Рейн потянулась за штанами для йоги и футболкой, которые оставила на спинке ближайшего стула, в её животе словно порхали бабочки. Она не видела своего брата с тех пор, как он был долговязым подростком. Рейн тогда еще даже не достигла переходного возраста. Его последняя ночь в семье Кендалл была громкой и неприятной, смешанной с обвинениями, проклятиями и гневными драками. Затем Ривер ввалился в свою комнату, схватил все свои вещи, взъерошил ей волосы по пути к двери... и ушел навсегда.

Она хорошо понимала желание сбежать от Билла. Все дети Кендаллов решились на это, в свое время. Но она никогда не понимала, почему он ни разу не навестил своих младших сестер, а просто оставил их на сомнительную милость жестокого человека. Возможно, после того, как он ушел, Ривер сделал сознательный выбор и наплевал на свою семью. А может что-то ещё удерживало его. Брат, которого она помнила, всегда хотел быть героем.

Буря эмоций отразилась на лице Лиама.

— Нет ни малейшего гребаного шанса, что мы позволим этому ублюдку находиться рядом с тобой.

— Без вариантов. Мы выкинули его из клуба. — Лицо Хаммера ожесточилось. — Если он знает, что для него хорошо, то не вернется.

От её мужчин веяло угрозой. Естественно, они не были бы в восторге от того, что Ривер просочился мимо охраны клуба, но их ярость была выше понимания девушки.

Чувство страха зародилось в душе.

— Что произошло?

Глаза Лиама сузились:

— Слышала бы ты обвинения, которыми он осыпал нас.

— Например?

— Ну, я — педофил, который развратил тебя и стал твоим сутенером с тех пор, как

привел несовершеннолетней в «Темницу», а Лиам — твой клиент, в то время как я наблюдал за процессом, постоянно насилувавший тебя, пока не сделал беременной — просто ради нашего нездорового развлечения, конечно.

Одежда выпала из онемевших пальцев девушки. Да, обвинение в педофилии не было новым. Билл постоянно так говорил. Но тот факт, что Ривер тоже придерживался этой отвратительной точки зрения, заставил Рейн насторожиться.

— Ты же рассказал ему правду, да?

В движениях Лиама отражалось еще больше гнева.

— Он не дал нам шанса.

Ривер всегда был вспыльчивым и импульсивным. Эти двое имели что-то общее. «Может, если бы она объяснила...»

Но когда она взглянула на запрещающее выражение на лице Хаммера... Он явно был не в настроении слушать.

— Ни единого шанса.

Рейн поморщилась. «Все противостояния должны быть такими ужасными?».

— Черт побери.

Лиам ослабил свой галстук, мужчина выглядел так, словно ему жарко.

— Этот болван, кажется, одержим необходимостью «спасти» тебя от нас.

— Болван — это мягко говоря. Ривер — законченный псих. — Нахмурился Хаммер.

Голова Рейн гудела от шока. Её единственный брат думал, что она беременная проститутка, использованная двумя извращенцами. Ей стало грустно за себя, за Ривера. За Лиама и Хаммера, которые старались любить и защищать её.

«Опять же, что бы она подумала, найдя одного из братьев или сестер в подобной ситуации?»

— Ладно... он поторопился и сделал ужасные выводы. Но подумайте о том, как это должно выглядеть со стороны. Лиам, если бы одна из твоих сестер, будучи несовершеннолетней, жила бы с мужчиной старше её более чем на десять лет, владельцем клуба, вроде «Темницы», какой бы была твоя первая мысль?

— Что я убью его и заберу её оттуда, — признался Лиам. — Но я бы определенно сначала поговорил с ней. Спросил, что происходит. Ривер уже составил своё мнение. И что бы мы ни сказали, он не собирался его менять.

— На его месте, я бы, наверно, предположила, что вы двое несете чушь.

— Он провел два месяца, копаясь в нашей жизни, поэтому должен был пошевелить парой извилин и придумать лучший исход. Оказалось, он знает обо всем остальном, особенно о Гвинет. — Скрежетал зубами Хаммер. — И Джульетте.

Рейн поморщилась:

— Теперь понятно, почему он подумал, что у вас двоих... красочный послужной список с женщинами, и предположил худшее.

— Значит красочный, да? — Лиам изогнул бровь.

Хаммер скинул пальто:

— Он может идти в жопу.

— Ривер объединил полуправду и ложь в убийственные обвинения. Все, что мы могли сделать — не задушить этого ублюдка.

— Ваш разговор не сложился. Он не понимает ситуации, ребята. Но я заставлю его понять. Скажите мне. — Девушка снова потянулась к одежде. — Где я могу его найти?

— Ты же не пойдешь к нему, — настаивал Хаммер. — Не в этой жизни.

— Но я должна. Будь разумен, Макен.

— Я и так разумен. Ублюдок все еще жив.

Лиам нахмурился:

— И это не было моим первым порывом.

Рейн закатила глаза:

— Мой брат просто должен увидеть, что я наконец-то счастлива. И не смотрите на меня, как на сумасшедшую. Я не прошу провести время наедине с ним. — На самом деле было бы лучше, если бы этого не произошло. Ривер, возможно, и не поймет её жизни, сложившейся после того как он ушел. Ведь она знала, что он унаследовал гены Билла. — Вы будете со мной каждую минуту.

— Даже если с тобой будет целая команда спецназа, ты не встретишься, не сможешь поговорить и не приблизишься к этому уроду ближе, чем на пятьдесят миль, — взревел Хаммер (прим.: 50 миль = 80,46 км).

— Именно так. — Темные глаза Лиама светились настойчивостью. — Мы приняли решение, Рейн. Не испытывай наше терпение.

Очевидно, после того, что с ней сделал Билл, — пусть она почти и не пострадала — слишком рано просить их быть спокойными и разумными.

— Это недоразу...

— Да нам похер, — сказал Хаммер. — Ты не станешь встречаться с Ривером, даже если мне придется приковать тебя к кровати. Это окончательное решение.

Лиам кивнул:

— Очевидно, что орех упал недалеко от дерева.

— Яблоко, — зашипел Хаммер.

Лиам нахмурился:

— Что?

— Поговорка, debil. Там про яблоко.

— До пофиг. В этом случае, думаю, орех довольно хорошо характеризует Ривера.

Рейн скрестила руки на груди:

— Я не маленькая девочка, которая нуждается в разрешении двух своих отцов. Он мой брат, единственный родственник, который у меня остался. Я должна решить эту проблему.

Хаммер притянул девушку к своему телу. На ее лице было написано неодобрение:

— О-о, но тебе нужно наше разрешение. Ты наша саба, которую мы защищаем. И мы хотим, чтобы ты была в безопасности.

Кошмар, которому её подверг Билл, отразился на них всех, особенно на Хаммере. Теперь она знала это. И понимала. Но их упрямство приводило Рейн в бешенство.

— Я не могу жить в клетке и быть твоей идеальной маленькой сабой, говорить лишь: «Да, сэр. Спасибо, сэр», — ответила девушка. — Я знаю, что мой брат тебя расстроил. Но я не сдамся. Когда вы остынете, мы снова поговорим.

Она развернулась и направилась в ванную комнату.

Лиам схватил девушку за руку, прежде чем она смогла уйти, и сердито посмотрел на нее:

— Мы еще не закончили разговор, Рейн. Сядь и послушай.

Хаммер не сказал ни слова, лишь указал на кровать, а затем скрестил руки на груди — верный признак того, что он не сдвинется с места.

Вздохнув, девушка села на кровать:

— Я думаю, что ты, как и мой брат, преувеличиваешь.

Хаммер наклонился и схватил ее за подбородок, приближаясь, пока они не оказались почти нос к носу.

— Я не обремененный предрассудками, узколобый кусок дерьма. Он хотел заключить сделку с нами о тебе, Прелесть, как это делал Билл.

— Именно, — добавил Лиам, зарываясь пальцами в ее волосы, пока она не взглянула на него. — Мы проходили этот путь. И не вернемся на него снова.

Рейн выдохнула:

— Он просил деньги?

— Нет. — Хаммер покачал головой. — Он хочет освободить тебя от нас, «уродов». На самом деле, он потребовал, чтобы мы отдали тебя ему сегодня же.

— Он угрожал нам, — зарычал Лиам. — Что делает его не лучше твоего отца.

«Угрожал? Черт, нет. Ривер зашел слишком далеко». Люди теряли самообладание. Иногда они даже бросались дикими обвинениями. Но у Кендаллов угрозы, как правило, означали возмездие. Она не хотела больше насилия или запугивания. Определенно, она не хотела еще одного Билла в своей жизни.

— Теперь ты продолжаешь считать Ривера рациональным или безвредным? — бросил вызов Хаммер.

Рейн покачала головой:

— Наверно, нет.

— Конечно, нет! Он хочет забрать тебя у нас. — Лиам стиснул зубы. — Меня не волнует, какой предлог он для этого выберет. Дай ему хоть малейший шанс, и мы никогда больше не увидим тебя и нашего ребенка. Я не буду рисковать. Ты не станешь разговаривать с ним.

«Стоил ли брат, который не беспокоился о ней почти десять лет, того, чтобы нарушить хрупкий мир в ее новой, растущей семье? Особенно, если он мог оказаться клоном Билла?»

— Хорошо. — Девушка вздохнула, желая иметь возможность прийти к другому выводу. — Я не буду искать встречи с Ривером. Ради вас двоих.

— Слава Богу, любимая. — Лиам притянул ее в свои объятия. — Я не смогу больше вынести ситуации, когда придется гадать, жива ты, или же какая-то шавка, в венах которой течет твоя кровь, собирает тебя убить. Мысль о том, что он может сделать с тобой и нашим ребенком... Я знаю, как семья важна для тебя, и надеялся, что Ривер сможет заполнить пустоту, образовавшуюся после потери матери и сестры. Мне жаль.

— Спасибо, — кивнула Рейн и посмотрела в сторону Хаммера. Облегчение на его лице наполнило ее ощущением удовлетворения с оттенком вины. — Я не хотела тебя тревожить.

— Мы ценим то, что ты пошла на компромисс. Я просто обеспокоен тем, что после стольких лет молчания, Ривер решил выйти из тени.

— Мой брат. Сестры Лиама... — было трудно все осознать. День уже утомил, хотя еще даже не закончился. — Почему мы не можем просто спокойно жить?

— Мы будем. Все наладится. — Хаммер приласкал ее щеку. — Прелесть, я сожалею о сегодняшнем утре.

Девушка моргнула. Макен почти всегда избегал извинений, как будто они душили его так же сильно, как ношение рубашки со слишком жестким воротничком. Но он принес свои искренние извинения без всяких подсказок.

Рейн хотела сказать, что все понимает, поскольку она могла представить себе чувство вины, которое гложет Хаммера. Если примерить эту ситуацию на себя, она тоже чувствовала бы себя ужасно. Но она и не утаила бы от него ничего настолько важного, как еще одна беременность.

— Я нуждалась в этом. Что бы ты ни говорил, это не заставит меня любить тебя меньше. Тебе не придется в одиночку терпеть боль прошлого. И заставлять меня страдать подобным уходом — непростительно.

— Ты права, — согласился Хаммер без колебаний.

Затем девушка повернулась к Лиаму. «Шесть долбанных сестер, о которых она никогда не слышала до сегодняшнего дня...»

С этой мыслью, она снова посмотрела на Хаммера:

— Погоди. Сколько у тебя братьев и сестер?

Он выгнул бровь, бросая взгляд на Лиаму, и подавил смех:

— Ни одного, Прелесть. Я единственный ребенок в семье.

Хаммер мог быть виноват во многом за эти годы, но, по крайней мере, он не скрывал свою родословную намеренно.

Рейн сложила руки на груди и с ожиданием взглянула на Лиаму:

— Ты вспомнил, что-то еще, что я должна знать?

— Следи за собой, — предупредил Лиам. — Ты нарываешься на то, чтобы быть отшлепанной.

— Обещания, обещания... — девушка бросила дерзкий взгляд на своих мужчин и закинула руки им на плечи.

Окруженная мужчинами, которых любила и которым доверяла больше всего, Рейн позволила себе погрузиться в их тепло и не вспоминать о Ривере. Но он задержался в её мыслях, ей тяжело было думать о том, что последний оставшийся в живых мужчина-Кендалл мог стать её очередным кошмаром.

Среда, 13 февраля

К утру среды Рейн была готова совершить побег из собственного дома.

Она сидела рядом с Хаммером в его машине, направляясь к своей долгожданной часовой передышке. Рейн была благодарна Лиаму за то, что он остался дома. Ей не нужен ещё один зависающий рядом переполненный тестостероном защитник.

— Я могла бы доехать сама, — заметила Рейн. — У меня уже были сеансы, и мне всегда удавалось найти дорогу.

— Нет.

Девушка вздохнула:

— Это просто массаж.

— Это не обсуждается. В любом случае, мне нужно заехать в продуктовый магазин, так что я отвезу тебя.

«Кого это он пытается обмануть?»

— Напомни мне, когда последний раз за шесть лет ты собственной персоной посещал продуктовый магазин.

Пролетев на желтый свет, Хаммер предостерегающе взглянул на Рейн и крепче сжал руль.

— Давай мыслить трезво. Ривер не собирается меня забирать. Я обещала, что если он появится, то никуда с ним не пойду. Ты не доверяешь мне?

— Я не доверяю ему.

— Я понимаю. Но ты не выпускаешь меня из виду уже четыре дня.

— Разве сейчас я не даю тебе возможность провести без нас целый час? — рявкнул он, свернув на стоянку.

Девушка сдержала стон, напомнив себе, что Хаммер просто боится за нее:

— Я могу защитить себя. Билл вышел из боя в гораздо худшем состоянии, чем я.

Мужчина послал ей суровый хмурый взгляд:

— Не напоминай мне о том дне.

— Мне это и не нужно. Вы с Лиамом даже не пытаетесь забыть. Это сложно и для меня. Но вы должны проще смотреть на вещи. Ничего не случится в общественном месте, пока я нахожусь у массажиста, которого порекомендовал гинеколог. Глория — хороший специалист.

Ноздри Хаммера раздулись. Рейн знала этот взгляд. С равным успехом она могла говорить с кирпичной стеной.

— Во-первых, ты не должна защищать себя, к этой обязанности мы с Лиамом относимся очень серьезно. Во-вторых, никто не знает, что может случиться, и мы не хотим рисковать. Можешь считать меня упёртым, если хочешь, но либо я привожу тебя и увожу отсюда, или все отменяется.

«Хочешь наблюдать как Глория работает над моими мышцами?» Слова, наполненные сарказмом, едва не сорвались с языка, но Рейн промолчала. Хаммер мог буквально воспринять её предложение.

— Seriously, Ривер не показался в эти выходные, как вы ожидали. Он не помнил о моем

существовании в течение двенадцати лет. Все мы знаем, что он решил, что я ничего не стою, потому что я залетевшая шлюха или кем он там меня считает. Ладно. Сам виноват. Я не нуждаюсь в нём.

— Я же говорил тебе, что он не сдастся. — Хаммер сжал губы в жесткую линию, припарковавшись у обочины перед спа-салонам. — Я уверен в этом.

Рейн наблюдала, как пара спортсменов, которую она всегда встречала по пути в фитнес-студию перед её утренним посещением, входит в двери. Их накачанный персональный тренер приветственно махал им.

— Мне пора идти или я опоздаю. Поговорим позже, — пообещала Рейн и поцеловала Макена в щеку.

Он предупреждающе взглянул на неё:

— Да. Через час, когда я перекину тебя через колено и напомню, что не ты отдаешь приказы.

Хаммер не прикасался к ней после фиаско в субботу утром, и у них не было секса уже несколько недель. Мужчина был непреклонен, поскольку Рейн была в шоке от его веревок. Она все еще ужасно чувствовала себя из-за этого. Хаммер и Лиам были Доминантами; они могут волноваться, что она больше не доверяет им. Нет ничего более далекого от правды. Теперь, когда она знала, что сдержанность Хаммера была вызвана мрачными воспоминаниями, она могла сдерживать себя, чтобы не взорваться снова.

Рейн беспокоилась, что это могло встать между ними. «Хаммер жаждал иметь полный контроль, но если она не сможет дать ему этого, потеряет ли он интерес?»

Девушка открыла дверь:

— Мы оба знаем, что ты не станешь этого делать.

«Когда-нибудь сделает, но сейчас...»

Хаммер поймал её за руку, его карие глаза светились мрачной решимостью:

— Вот здесь ты не права. Тебе бы хотелось, чтобы я связал тебя для того, чтобы настоять на своем, любимая? В любом случае, прежде чем сядет солнце, я сделаю так, что твоя задница приобретёт розовый оттенок. А потом можешь рассчитывать на то, что мы с Лиамом займём твой дерзкий ротик на всю ночь.

В груди девушки вспыхнуло желание, отдаваясь пульсацией между ног. Рейн жаждала той страсти, что обещали слова Хаммера.

Она знала верный способ добиться этого. Хаммер не сможет устоять перед желанием приручить проказницу.

Рейн резко вырвалась из хватки Макена и выскочила из машины, затем наклонилась, чтобы пристально посмотреть на него через открытую дверь:

— А зачем вам мой рот? Неужели ваши кулаки слишком заняты другими упражнениями? Увидимся через час.

Со зловещим выражением лица Хаммер дернул ремень безопасности. Сдержав нервный смех, Рейн хлопнула пассажирскую дверь и метнулась в прохладу пропитанного благовониями холла спа-салона. Бамбуковые колокольчики мягко прозвенели над головой. Администратор нахмурилась и пристально посмотрела на стеклянную дверь. Рейн даже не обернулась, поскольку и так знала, что раззадоренный ею «медведь» шёл следом. Скорее всего, к тому времени, как закончится сеанс массажа, Макен будет все еще немного раздражен и заставит её за это заплатить.

Эта мысль почти вызвала у Рейн головокружение.

— Не нужно показывать мне дорогу. Я знаю номер кабинета Глории. Спасибо.

Рейн торопливо прошла вглубь салона прежде, чем Хаммер смог бы вмешаться. Воспользовавшись уборной, она поспешила в кабинет номер пять. Внутри, девушка с облегчением выдохнула и поставила сумочку на подставку у входа.

— Я в безопасности, по крайней мере, сейчас. Даже Хаммер не осмелится пойти за мной сюда.

По крайней мере, она так думала.

Дверь позади неё резко захлопнулась. Рейн развернулась. Из тени в тусклый свет массажного кабинета выступило большое тело. Рейн узнала эти голубые глаза.

— Значит, я был прав, ты боишься его?

От шока Рейн широко открыла рот:

— О, Боже... Ривер! Что ты здесь делаешь? Я не видела тебя, целую вечность.

— Я изучил твоё расписание, — он взял её за плечи, пристально всматриваясь в лицо. — Поговори со мной. Расскажи, что происходит.

Нахмурившись, Рейн вскинула голову, чтобы встретиться с Ривером взглядом. Со времени их подросткового возраста он вырос, и теперь в не было около двух метров роста. Его когда-то нескладное тело покрылось мускулами. Он выглядел сильным, опасным и непоколебимым. Она не хотела бояться его, но внезапно от беспокойства внутренности Рейн стянуло в тугий узел.

Она повела плечами, чтобы избавиться от его прикосновения.

— Тебе нужно уйти. Я обещала Лиаму и Хаммеру, что не буду с тобой разговаривать.

— А ты выполняешь всё, что они говорят, так? — мужчина пробормотал проклятие. — И что они сделают, если ты ослушаешься?

«Отшлепают. А может быть заграхают до потери пульса, но ей это понравится. Она скучала по своим мужчинам».

Но брату об этом лучше не говорить. Он и так уже завёлся.

Рейн нервно отступила назад:

— Ничего. Я удивлена...

— Не лги, чтобы защитить этих долбанных извращенцев.

До сих пор Ривер говорил почти нормально. Но, вероятно, Лиам и Хаммер были правы в том, что её брат сошел с ума.

— Тебе не стоит быть здесь. Где Глория? — Рейн с надеждой взглянула на дверь. «Возможно, появление массажиста разрядит обстановку... или принесёт спасение».

— Заболела. Я заплатил администратору, чтобы она не сообщала об этом тебе. — Ривер сжал плечи девушки сильнее. — Я должен освободить тебя от этих животных. Рейн, я отвезу тебя в безопасное место.

— Безопасное место? — она покачала головой. — Со мной все хорошо. Даже более чем хорошо. Где ты был все эти годы?

— В армии. Много времени провел в Афганистане. Только что вернулся в Штаты на пару месяцев.

И он ни разу не связался с ней, до тех пор, пока не решил проявить неодобрение её жизнью. «Неужели время и ужасы войны вытеснили адекватность и доброту из брата, которого она помнила?»

— Не переводи разговор, — прорычал Ривер. — Я больше не позволю тебе быть рабыней членов этих засранцев.

— Рабыней членов? Засранцев? — Рейн толкнула брата в грудь. — Ты всё не так понял. То, что есть у нас может и не выглядит как традиционные отношения, но кем, черт возьми, ты себя возомнил, чтобы судить нас?

Ривер не давал ей возможности свободно вздохнуть.

— Единственной чертовой семьей, которая у тебя осталась.

— Ты ушел двенадцать лет назад и даже не вспоминал обо мне. Поэтому сейчас ты не имеешь права голоса в моей жизни.

— Я ушел, потому что так было нужно. Но я вернулся и больше не являюсь зажатым подростком.

«Нет, он просто говорит как лицемерный придурок».

— Отпусти, — потребовала Рейн.

— Эти двое причинили тебе боль. — Что-то мрачное промелькнуло в выражении лица Ривера. — Тучка, я не могу позволить, чтобы всё так и оставалось.

Никто не называл Рейн этим прозвищем... ну, кроме её брата. И это немного смягчило девушку.

— Ей Богу, ты просто их не знаешь. Они замечательно ко мне относятся и...

— Ты хоть знаешь, блять, от кого из них забеременела? — яростно взирая на девушку, Ривер указал на её живот. Когда же Рейн ничего не ответила, лицо мужчины словно окаменело. — Так я и думал. Пошли со мной. Я позабочусь об этом. У меня есть деньги.

«Позаботится, сделав... аборт?»

— Нет! — Рейн начала бороться, чтобы избавиться от его хватки. — Господи, нет! Если ты не собираешься слушать, то оставь меня в покое.

— Что именно слушать? Всю ту чушь, которой они промыли тебе мозги? Я больше не позволю им навязывать тебе свои убеждения. Ты не обязана рожать этот продукт насилия. Я обо всем позабочусь. Когда-нибудь у тебя будут другие дети, от нормального парня.

— Насилия? Они никогда... — ужас захлестнул Рейн. — Никогда. Убирайся. Ты не прикоснешься к моему ребенку! Или ко мне.

— Процедура будет безболезненной, — пообещал Ривер, словно физическая боль — единственное, что её волновало. — Пойдем со мной. У нас есть около часа, прежде, чем Хаммерман и О'Нейл узнают, что ты пропала. До наступления сумерек я увезу тебя далеко от них.

«Он серьёзен и у него есть план». Внутри Рейн всё вопило от страха.

— Если я и нуждалась в защите от кого-то, так это от Билла. Но тебя не было рядом, чтобы защитить меня и Ровену. — Девушка покачала головой и стала сильнее вырываться. — Нет! Я хочу этого ребенка. Я люблю Лиама и Хаммера. Они дали мне всё и делают меня очень счастливой.

— Используя и насилуя? Каким образом они убедили тебя в том, что это и есть счастье? — Глаза его сузились, крупное тело было наполнено яростью. — Просто ты не знаешь другого обращения. Они действуют вдвоём? Один из них держит, а второй насилует? Ты еще такая маленькая, Тучка. Они получают удовольствие, заставляя тебя? И ты называешь это любовью?

— Что, черт возьми, ты...

— Вероятно, они засовывали свои члены в тебя одновременно и... блять! От одной только мысли об этом меня трясёт от ярости и тошнит. — Мужчина вздрогнул, словно ему пришлось проглотить свой гнев. — Эта ужасная часть твоей жизни закончена. Пойдем со

мной, однажды ты поймешь, какие они на самом деле мерзкие подонки, и поблагодаришь меня.

Рейн продолжала вырываться. Физически девушка не могла противостоять своему брату, и насколько она знала в спа-салоне не было никого, кроме предавшей её администраторши. Нужно тянуть время.

— Я, блять, никуда с тобой не собираюсь.

— Не бойся. Все в порядке. Я не разочаровался в тебе. Мне придётся убить этих уродов, но...

— Они не уроды. И не промывали мне мозги. Я люблю их! Ты не мог бы заткнуться и выслушать меня?

На лице мужчины отразилось сожаление:

— Мы уже потратили впустую десять минут. Я забираю тебя отсюда.

Ривер потянул девушку к двери. Рейн упиралась пятками в пол, но мужчина был чертовски большим и сильным.

— Остановись! Нет, ты не можешь этого сделать... Ты совершенно неправильно понял ситуацию.

— Пусть они убедят меня. А до тех пор, твоя безопасность у меня в приоритете.

Рейн совсем не понравилась решимость, написанная на лице её брата. Девушка открыла рот, чтобы закричать, но Ривер одним быстрым движением развернул её и, прижав спиной к своей груди, закрыл рот рукой. Спустя мгновение он поднял девушку и вынес из комнаты.

От паники кровь застыла в жилах. Рейн боролась, пинаясь, верещала и даже попыталась пихать мужчину локтями. Мышцы его пресса были подобны камню, и её удары просто отскакивали.

Ривер был явно сильнее их отца. Мужчине удалось вытащить её из комнаты, и Рейн могла только представить себе насколько сложно ей будет освободиться. Конечно, он не собирался насиловать и убивать её. По крайней мере, его слова не были похожи на речь сумасшедшего. Но, несмотря ни на что, она не может позволить ему увезти её и вырвать малыша из своего чрева. Невозможно даже вообразить, что после этого будет с Лиамом и Макеном.

Девушка начала вырываться сильнее. Ривер же просто прижал Рейн плотнее и направился по коридору к выходу, расположенному в задней части салона.

Кто-то уже позаботился о том, чтобы дверь оказалась открытой. Её брат не выглядел удивленным, он просто толкнул дверь плечом и вышел на солнечный свет.

Рейн увидела, что в трех метрах от выхода стоит темный внедорожник с затемнёнными стеклами. Ривер перехватил девушку другой рукой и полез в карман. Спустя секунду звук сигнализации и подмигивание фар дали Рейн понять, что автомобиль принадлежал её брату.

Ривер планировал посадить девушку в него.

Полный ужас охватил все её существо, отдаваясь грохотом в ушах. Рейн покрылась испариной. Сердце стучало так сильно, что это причиняло боль. Стало трудно дышать.

«Это происходит на самом деле».

«Нет. Нет. Нет!»

Рейн удвоила свои усилия: пиная его ноги, била локтями по торсу. Она снова закричала, проклиная тот факт, что рука Ривера приглушала звук. «Боже, как ей остановить его?»

— Прекрати со мной бороться. Скоро всё это закончится.

«Что, черт побери, это значит? Почему подобное дерьмо всегда происходит именно с ней? Больше, блять, никогда. Она отказывается быть чьей-либо жертвой».

Пнув пяткой по колену, Рейн укусила Ривера за палец до такой степени, что почувствовала вкус крови.

Мужчина отпустил девушку, бормоча проклятья. Бросая на Рейн недоверчивые взгляды, Ривер обиженно засунул палец в рот:

— Черт побери!

Девушка не стала оставаться для того, чтобы увидеть последствия своего поступка. Вместо этого Рейн повернулась и побежала к открытой двери салона. Если ей удастся проскочить в неё, отодвинуть деревянный брусок, который мешает двери закрыться, то та, захлопнувшись, автоматически заблокируется. Рейн окажется вне видимости брата и сможет спрятаться где-нибудь, где Ривер не найдет её до тех пор, пока не вернется Хаммер. Все что угодно, лишь бы быть подальше от сумасшедшего брата.

Девушка едва ли сделала пару шагов к свободе, когда Ривер схватил её за футболку и прижал к себе.

— Эй, — выкрикнул мужчина справа от неё. — Что, черт возьми, происходит? Отпусти её.

Рейн повернулась на голос. Это был один из тренеров, работавших в фитнес-центре по соседству. Большой и громоздкий культурист выглядел даже больше и сильнее, чем её брат.

— Помогите!

Когда парень сломя голову помчался в их сторону, Ривер спрятал Рейн за спину:

— Она моя сестра. Отвали.

— Очевидно, что она не желает находиться в твоей компании. Отойди от неё. — Добрый самаритянин посмотрел на Рейн. — Иди внутрь и вызови полицию. Я задержу его, до их прибытия.

— Большое спасибо. — Она не посмела задерживаться дольше, поэтому бросилась обратно в спа-салон.

— Я с тобой ещё не закончил, — крикнул ей вслед Ривер.

Озноб пробежал вдоль позвоночника Рейн, но девушка не остановилась, она пнула в сторону ограничитель и дверь рывком закрылась за ней. Услышав, как щёлкнул замок, Рейн с облегчением выдохнула. Руки у неё дрожали, пока она пыталась стереть бегущие по лицу слезы. Девушка схватила сумочку и направилась в сторону регистратуры. Сука, которая не пришла ей на помощь, сидела за стойкой, словно ничего не произошло.

Но сквозь стеклянную дверь Рейн увидела самое успокаивающее зрелище на свете.

Хаммер стоял, прислонившись к своей «Ауди», и ждал её. Когда Рейн ринулась к нему из здания, ей даже не нужно было говорить и слова. В тот же момент, как мужчина увидел её, на его лице отразилось беспокойство. Девушка побежала к нему, стараясь добраться до него как можно быстрее. Макен быстро пересек расстояние между ними. Когда Рейн упала ему в руки, он поймал её в крепкие, надежные объятия, впитывая её рыдания и бережно прижимая к себе.

Послеобеденное солнце сквозь панорамное окно с видом на лужайку перед домом заливало светом гостиную. Несмотря на удивительно теплый день и Рейн, свернувшуюся у

него на коленях, Лиам переполняли леденящие душу мысли.

Он старался не думать, что могло случиться, если бы она запаниковала или тренер не вышел бы насладиться теплым деньком. Ривер смог бы увезти её, и сейчас Лиам не обнимал бы девушку. По правде говоря, он вряд ли обнял бы её снова.

Лиам прижал Рейн сильнее и уткнулся носом в шею, вдыхая её запах. Она дрожала, вцепившись пальцами в его рубашку, а он нежно гладил девушку по волосам.

— Ты в порядке, любимая? — прошептал он.

— Все ещё немного в шоке, но теперь, когда я дома с вами, намного лучше.

— Уверена, что тебе не нужен врач?

Девушка покачала головой:

— Я в порядке. Он не сделал мне больно, я просто испугалась. И расстроилась из-за того, что не смогла заставить его понять.

— Из твоего рассказа понятно, что он не дал тебе ни одного шанса объясниться. Мы знакомы с подобным отношением. — Лиаму хотелось убить ублюдка. Он едва ли мог отойти от Рейн, с тех пор как Хаммер привез девушку домой.

За это время успела приехать и уехать полиция. Они также опросили бодибилдера в переулке, который подтвердил показания Рейн. Но Риверу удалось отбиться от её здоровяка-спасителя и бесследно исчезнуть. Теперь за ним охотилась полиция Лос-Анджелеса.

Лиам был больше чем уверен, что ублюдок хорошо обучен, поэтому может появиться в любом месте, в любое время. Он может сделать что угодно, чтобы без всякого шума увести у них Рейн.

Шагающий по комнате Хаммер, выглядел взъерошенным и злым. Уже давно он скинул с себя налет цивилизованности, бросив пальто на ближайший стул, а галстук на подлокотник дивана.

Мужчина метался, словно лев в клетке, затем сжал телефон и рявкнул в трубку:

— Что значит, вы понятия не имеете, где его найти? Я хочу поговорить с Сетом Купером прямо сейчас.

Что бы ни сказала секретарша Сета на том конце провода, это нисколько не успокоило Хаммера. Если бы в эту минуту женщина могла его увидеть, то убежала бы с криками.

— Я понимаю, что дела могут быть непредсказуемыми. Именно такое я ему и дал. Пусть он позвонит мне, как только появится.

После того, как женщина пробормотала какие-то дежурные фразы, Хаммер нажал кнопку на экране и едва удержался от желания запустить телефон через всю комнату. Вместо этого он с рычанием откинулся на диванную подушку рядом с ними. Лиам бросил на друга предупреждающий взгляд. Рассерженное состояние Макена не поможет успокоить Рейн.

— Ты в порядке, Прелесть? — Хаммер повернулся к ней, и голос его был необычайно нежным.

— Не заводись, Макен.

— Ты расстроена, — выдал он.

— У меня голова кругом. Я шокирована тем, что собственный брат пытался меня похитить. Поскольку он вырос под крышей Билла уверена, что его детство было таким же тяжелым. Но я не одобряю насилия и не могу его оправдать. Вы пытались объяснить мне, каким он стал, и я на самом деле не поверила вам. Я просто расстроена.

Хаммер вздохнул:

— Уверен, это трудно принять.

Рейн потерла лоб:

— Да. Мне просто нужно...

— Что?

— Скажи нам, чем мы можем помочь, чтобы ты, наконец, успокоилась, — мягко предложил Лиам.

Рейн вздохнула:

— Мне нужно что-нибудь испечь.

— Не в одиночестве, — выпалил Хаммер.

Лиам закатил глаза:

— Он имеет в виду, что если тебе необходимо немного пространства, любимая, мы просто побудем в другой комнате.

Макен кинул на друга красноречивый взгляд, но промолчал.

— Спасибо, — небольшая морщинка омрачила лоб Рейн. — Все двери закрыты?

— Все до единой, — успокоил девушку Лиам.

— Мы оба проверяли. Несколько раз. И сигнализация включена.

Но Лиам не мог отрицать свою озабоченность тем, что подобные меры безопасности не удержат от похищения такого, как Ривер.

После медленного поцелуя, Рейн поднялась с его коленей. Лиам тот час же затосковал по ощущению девушки в своих руках. Его переполняла тревога. Мужчина напомнил себе, что её желание побыть на кухне важнее, чем его отчаянная потребность обнимать её.

Рейн поцеловала Хаммера таким же образом. Макен запустил пальцы в её волосы и завладел ртом девушки, словно хотел бросить её на диван между ними, содрать одежду и ворваться в неё. С не меньшим рвением, Рейн открылась для него, задыхаясь от своей жажды.

Находясь на грани, Лиам ждал. Исцеление сексом помогло бы им всем.

Внезапно, Хаммер застыл и поставил девушку на ноги, отодвигая от себя.

«Проклятье».

— Вы зайдете ко мне чуть позже?

Лиам ненавидел неуверенность, прозвучавшую в голосе Рейн. Она не должна чувствовать подобное, находясь в собственном доме. Девушка перенесла слишком много потрясений за последние три месяца. «Когда, черт подери, все это прекратится, чтобы она смогла исцелиться, и они могли бы жить спокойно».

— Конечно, — пообещал Лиам.

Хаммер натянул улыбку:

— Попробуй остановить меня.

— Спасибо. Вам не стоит беспокоиться обо мне. Но я знаю, что вы все равно будете. Я включу музыку. Через час или два буду в порядке. Ривер ошеломил меня. Но я не позволю ему напугать меня до такой степени, чтобы разрушить мою жизнь.

Лиам поверил этому. Рейн была бойцом. У неё бывали минуты слабости, но она всегда двигалась вперед.

Когда девушка исчезла на кухне, Хаммер вскочил на ноги, словно никак не мог усидеть на месте.

— Не ходи за ней, — предупредил Лиам.

— Мы должны убедиться, что сукин сын не залег в засаде.

— Там чисто. Я выпроводил всех подрядчиков прежде, чем вы доехали до дома. И проверил дом сверху донизу. Здесь побывала полиция. Они тоже обыскали. Дай ей найти свой уголок спокойствия. И нам нужно найти свой.

Когда из кухни стали доноситься звуки Шопена, Хаммер снова стал вышагивать, запустив руку в волосы:

— Как, блять, мне это сделать? Он почти увел её у меня из-под носа. Он мог увезти Рейн куда угодно на своем черном внедорожнике, а я не узнал бы об этом, пока не стало слишком поздно. По крайней мере, владелец спа-салона уволил эту падкую до денег суку-администратора.

— Подобное могло случиться с любым из нас. Если бы её повез я, то высадил бы, не подозревая, что Ривер ждёт внутри и мечтает похитить её. Не занимайся самобичеванием. Ни к чему хорошему это не приведет. Лучше давай обговорим, как мы собираемся защищать её.

Беспокойно выдохнув, Макен упал на диван, поставив локти на колени, и опустил голову на руки:

— Чем я могу помочь в этом вопросе, если продолжаю лажать?

— Ой, Макен... Прекращай винить себя. Вместе мы сила и так и должно оставаться. Если же будет не так, то мы поставим под угрозу её безопасность.

— Знаю. И чувствовал бы себя лучше, если бы обладал какой-нибудь информацией об этом уёбке, но Сет внезапно пропал. По словам его помощницы, сегодня ранним утром он схватил свой дежурный чемодан и сказал ей, что выйдет на связь, как только сможет. Она понятия не имеет, как скоро он появится.

Это объясняло, почему Сет не взял трубку, когда Лиам набирал его.

— Он работает над каким-то делом?

— Полагаю, что так. Она не знает, над каким именно.

Лиам надеялся, что Сет скоро вернется, но до тех пор они справятся сами.

— Ты звонил Беку?

После этих слов Хаммер криво усмехнулся:

— Он пригласил Хэвенли на обед. Снова.

— В третий раз за неделю? Сегодня только среда. — Лиам тоже улыбнулся. — Держу пари, что он даже не целовал её.

— Еще нет. Вчера он ныл о, — Макен прокашлялся, — недостаточной степени контакта.

Лиаму понравилась эта изысканная ирония.

— Ах, есть Бог на свете.

Хаммер рассмеялся:

— Значит, вскоре сюда прибудет сексуально неудовлетворенный доктор.

— Я буду наслаждаться этим. — Лиам прислушивался к стуку тарелок и звону ложек, успокоенный этими звуками мужчина вдыхал аромат корицы и выпечки Рейн. — Что будем делать, Макен? Наймем телохранителей?

— Мне все равно насколько квалифицированным может быть другой человек, но его можно купить. Я не доверю незнакомцу безопасность Рейн.

Лиам был полностью с ним согласен:

— Сомневаюсь, что она согласится с его присутствием.

— Это точно.

— Она хоть и миниатюрная, но её темперамент иной раз наводит ужас.

— Ты прав, брат. — Хаммер вздохнул. — Это полный пиздец. Думаю, вам двоим стоит начать проводить время в клубе. Это более безопасно, особенно сейчас, когда мы знаем, кого именно ищем. Ривер не проникнет туда вновь.

— Это замедлит реконструкцию дома, и хотя кухня по большей части закончена, Рейн будет нервничать из-за задержки.

— Ей придется потерпеть.

Теперь настал черед Лиаму расхаживать.

— Все хотел тебе сказать, что у меня такое чувство, будто кто-то вынул чеку из гранаты и я просто жду взрыва.

— Даже, блять, не спрашивай, что ещё может пойти не так.

— И не говори. — Лиам покачал головой. — В конце концов, у нас завтра долгожданный день Святого Валентина. Ты не мог бы забрать подарок Рейн, если куда-нибудь поедешь?

— Уверен, что не хочешь сам? Это была твоя идея, чувак. Твоя задумка. Я же, думаю, куплю ей какие-нибудь цветы и шоколад. Беременные женщины ведь любят шоколад, верно?

Лиам закатил глаза. Макен мог бы поиметь половину Лос-Анжелеса, но был полным профаном в романтике.

— Я думал, что подарок будет от нас двоих, что-то особенное на наш первый день Святого Валентина с нашей девочкой. Как бы там ни было, в августе она станет матерью нашего ребенка. Мы должны показать, как сильно её любим.

— Ты уже купил ей чертов дом. Может быть, мне следует купить ей новую машину или... — он взмахнул руками и уставился на Лиаму. — Господи, мужик. Да я, блять, не имею никакого понятия что.

— А я и не заметил, — съязвил Лиам. — Уверен, она оценит подобное проявление чувств, но поскольку в любом случае водить сама не будет, по крайней мере, пока её поджидает Ривер, в новой машине нет смысла. Но я не против, чтобы ты купил одну мне.

— Ой, да пошел ты! У тебя есть деньги. Сам покупай себе чертов автомобиль.

Лиам показал ему средний палец:

— Если хочешь, можешь найти что-нибудь, чтобы добавить к подарку. Хочу, чтобы ты чувствовал, словно он от нас двоих.

Звонок мобильного Макена прервал их беседу. Мужчина вынул его из кармана и хмуро посмотрел на экран:

— Это Дин Горман.

— Коп?

Он был членом «Темницы» и помог им в ходе расследования, когда Рейн побывала в руках у Билла.

— Ага. Может быть, у него появилась информация. — Макен нажал кнопку громкой связи. — Привет, Дин.

— Привет, Хаммер. Лиам там с тобой?

— Мы оба здесь, — ответил Лиам. — Какие новости?

— Брат Рейн находится в участке. Капитан сейчас допрашивает его.

Лиаму затопило облегчение, и он выдохнул, словно избавляясь от напряжения. У стоящего рядом с ним Хаммера расплылась на лице улыбка до ушей. Лиам последовал его примеру, будто они соревновались друг с другом.

— Где именно они взяли ублюдка? — требовательно спросил Макен.

— Ну, они... — на заднем фоне прозвенел звонок и Дин выругался, — дерьмо. Вооруженное ограбление. Я перезвоню.

Связь оборвалась, но Лиам это не волновало.

— Ривер за решеткой. Это чертовски великолепно! Будем надеяться, мудака получит по заслугам. Почему бы нам не поделиться новостью с нашей девочкой?

— Что он больше не напугает её до усрачки в ближайшее время? Еще как.

Хаммер пересек гостиную и направился в кухню. Лиам следовал за ним, вдыхая сладкий, наполненный специями аромат. У него заурчало в животе. Судя по запаху, Рейн испекла им что-то восхитительное.

Прямо перед входом в кухню, Макен резко остановился.

Лиам едва успел притормозить, чтобы не врезаться в спину друга:

— Что за...

Когда он выглянул из-за плеча Хаммера, то увидел стоящую возле двери на коленях Рейн. Девушка держала в руках тарелку с традиционным рождественским печеньем ... и на ней не было ни нитки одежды. Лиам чуть не проглотил собственный язык. Рейн подмигнула им, состроив умоляющее выражение на лице. Чувственная мелодия с хриплым голосом вокалиста, словно невысказанный соблазн зависла в воздухе.

— Хотите сладкого, господи? — девушка похлопала ресницами, глядя на них.

— Ох, чтоб тебя, — выдохнул Хаммер.

— Если это предложение, то мне нравится. Лиам ты... в деле? — Рейн чарующе улыбнулась ему.

— Черт, да. — Мужчина снял пиджак и потянулся к ремню. Он ждал этого момента целую вечность.

Их девочка была умной. Она услышала каждое слово из того совета, что он дал ей после незавершенного завтрака как-то утром. Рейн взяла на себя ответственность. При других обстоятельствах, Дом внутри него был бы недоволен. Но Хаммеру была необходима поддержка... и оргазм с их девочкой. Откровенно говоря, Лиаму тоже бы один не помешал.

Макен выхватил тарелку из рук девушки и швырнул на ближайшую поверхность. Затем наклонился и, обхватив руками всё еще тонкую талию, поднял Рейн и посадил на кухонный «островок». Раздвинув ноги девушки, он встал между ними и обхватил её лицо руками.

— Что, черт подери, ты делаешь?

— Пытаюсь привлечь ваше внимание. Получается? — Рейн прикусила губу и начала расстегивать рубашку Хаммера.

Лиам смотрел на друга. «Один небольшой толчок, и он сдастся».

— Зачем? — требовательно спросил Хаммер.

— Потому что я соскучилась и хочу вас. Когда вы оба прикасаетесь ко мне, я чувствую себя в безопасности. Ни в чем, что случилось со мной сегодня, нет твоей вины. Не думай, что это так.

Макен отодвинулся и тяжело сглотнул:

— Я не защитил тебя.

— Ты сделал всё возможное, осталось только, словно двухлетнего ребёнка держать меня за руку и помогать переходить улицу. Хаммер, ты не можешь предугадать поступки сумасшедшего.

— Я обязан! Ривер ясно дал понять, что если я не постараюсь, он тебя заберёт.

— Полегче, приятель. Теперь он в полицейской камере. — Лиам успокаивающе похлопал Хаммера по спине, затем взглянул на Рейн. — Это то, о чём мы шли тебе рассказать, любимая.

— Это хорошо... полагаю. — Она выглядела немного спокойнее, но и расстроенной из-за брата.

— Сожалею, что все дошло до этого, — сказал Лиам.

— А я нет. Он получил по заслугам. — Хаммер прижал девушку ближе. — Почему ты так не считаешь?

— Он хотел увезти меня против воли, и я знаю, что именно так вы это и видите. Но думаю, он искренне считал, что защищает меня.

Лиам бросил на неё скептический взгляд:

— Или он так же безумен, как и Билл. Но давайте сейчас не будем говорить о нём. Иди ко мне. — Лиам обхватил рукой затылок Рейн и поцеловал её в губы, задержавшись чтобы посмаковать их сладость, а затем прошептал на ушко. — Хорошая девочка.

Когда он отстранился, она заговорщически ему подмигнула.

Хаммер всё ещё смотрел с сомнением:

— Вы действительно готовы сделать это? Все вместе?

— Макен, наша малышка обнаженная, беременная, потрясающе сочная и просто умоляет быть съеденной. Я бы сказал, что у нас праздник. — Лиам сбросил с себя рубашку и дернул вниз молнию.

Хаммер колебался, пристально изучая Рейн.

Она положила руки на свои бедра:

— Макен Дэниел Хаммерман, если в течение пары минут ты не снимешь штаны и не засунешь в меня свой член, я тебя стукну.

Снимая с себя штаны, Лиам засмеялся:

— Думаю, она прояснила свои желания, приятель.

Какое-то мгновение Хаммер смотрел на Рейн так, словно впервые видел. Затем на его лице отразилось принятое решение, и он отогнал наваждение.

— Если это то, чего ты желаешь... — мужчина рванул на себе рубашку. — Да будет, блять, так, малышка.

Это был Хаммер, которого они знали и любили. Мужчине надо было прекратить винить себя и воссоединиться с Рейн. Она жаждала, чтобы он убедил её в своей страсти и любви. Всем им это пойдет на пользу.

Лиам попятился и смотрел, как ладони Рейн плавно заскользили вверх по груди Макена, обернулись вокруг его плеч, помогая скинуть на пол рубашку.

— Обещаешь?

Хаммер расстегнул ремень, затем принялся за слаксы, соблазнительно чиркнув молнией:

— Что ты будешь удовлетворенной и чувствительной во всех местах прежде, чем мы закончим? О, да.

— Именно, — добавил Лиам.

С соблазнительной улыбкой на губах Рейн откинулась на стойке и, поставив пятки на край, раздвинула ноги.

— Не могу дождаться.

Лиам повернулся к Макену, приласкав бедро девушки:

— Наша девочка может быть очень убедительной, когда захочет.

— Да ну. — Хаммер бросил свои трусы и расположился между ног Рейн. Обнаженный и более чем готовый. Кончиком твердого члена он подразнил её промежность. — Будь осторожна в своих желаниях...

— Что бы ты мне ни дал я приму и с радостью попрошу большего. — Её голос охрип.

Лиам больше не мог ждать:

— Трахни её, Макен.

— С удовольствием, — Хаммер обхватил бедра девушки большими руками.

Одним жёстким толчком он нетерпеливо насадил её на свой член. Девушка выгнулась и, задыхаясь, откинула голову назад, цепляясь пальцами за мускулистые бицепсы. Вместе, они выглядели замечательно: Хаммер такой большой, мрачный, жесткий и Рейн такая маленькая, невинная и красивая.

Стиснув зубы, Хаммер сильнее впился в Рейн пальцами и повернул девушку так, чтобы она легла на прямоугольный гранит островка. Ладони заскользили к её груди, он толкнулся глубже.

— Чувствуешь меня?

— Да, — выкрикнула она, её голова свесилась с края.

По венам Лиам растеклась неутрачиваемая потребность, прострелив прямо к члену.

Макен бросил на него хищный взгляд:

— Не желаешь занять делом этот дерзкий ротик?

— Блять! Конечно, желаю.

— Потяни её за волосы. Дай ей повод покричать.

Лиам зарылся пальцами в шелковистую, темную гриву и потянул именно так, как Рейн нравилось:

— Открой ротик, красавица.

Она охотно разомкнула губы, пожирая его голодным взглядом. Направляя голову Рейн к своему ноющему члену, а потом с хриплым стоном проскальзывая в её рот, Лиам благодарил свою счастливую звезду. Язычок кружил по мужскому органу, дразня его самые чувствительные места. Девочка очень хорошо его изучила. Наслаждение прокатилось вдоль ствола, поднялось по позвоночнику, прежде чем Лиам содрогнулся от чувственного удовольствия.

Когда он посмотрел вниз на тело Рейн, Макен играя с клитором входил и выходил из её киски. Они слушали приглушенные стоны и неровное дыхание девушки, пока она извивалась и горела между ними.

Лиам толкнулся дальше, проталкиваясь в горло, пока Рейн продолжала обрабатывать его.

— Вот, блять. Любимая...

— Слишком хорошо, Прелесть. О Боже, да. Сожми меня своей узенькой киской. М-м-м... Я отражаю тебя ещё сильнее, а ты выдоишь его до конца.

Хаммер вновь погрузился в неё. Рейн обвила мужчину своими стройными ногами. Лиам качнулся и протолкнулся ещё глубже. Девушка закричала. Он увеличил темп и начал совершать ритмичные, возвратно-поступательные, жаркие, настойчивые движения по её языку. «Как, черт возьми, ему продержаться и не кончить в эту же самую секунду?»

— Господи Боже, Рейн. Клянусь ты высасываешь весь мой самоконтроль.

— И она чертовски хороша в этом, — прорычал Хаммер. — Перед этой киской устоять

очень трудно. Проклятье... Мы не доберемся до постели.

Лиам покачал головой:

— Я не смогу выпустить её на столь долгий срок.

— Плевать. Трахнем её там еще раз.

— Так и сделаем.

Лиам снова погрузился в её грешный рот, всё ближе приближаясь к оргазму.

А потом у него зачесалось ухо. Щекотка поначалу раздражала, и он просто почесал его.

Но она распространилась на мочку, затем прорвалась жаром и покалыванием.

Лиам знал это ощущение и что именно оно означает.

Не веря своим подозрениям, он резко вышел изо рта Рейн:

— Вот проклятье! Этого не может быть.

Хаммер издал долгий, утробный стон удовольствия:

— Да, может. Вместе мы чертовски великолепны.

Рейн моргнула, её глаза сияли, губы припухли.

— Что не так?

Всё, о чём мог думать Лиам, это о его колом стоящем члене, но зуд в ухе уже превращался в пожар.

— Одевайтесь, оба. Куда, блять, подевались мои штаны?

— Что? Нет! — запротестовал Хаммер. — Да пошло оно на хрен! Ощущения замечательные и...

— У меня горит ухо.

— Ухо? Что за... — Хаммер вытаращился. — Ох... сейчас? Ты что, блять, разыгрываешь меня? Сколько у нас времени?

— Совсем не много. — Лиам с сожалением посмотрел на Рейн. — Вероятно, пара минут.

Хаммер грязно выругался и вышел из тела девушки.

— Эй! — Рейн села, сердито глядя на них обоих. — Что происходит? Вернитесь! Лиам, какая связь между твоим ухом и членом?

Ни один из мужчин ничего не ответил. Хаммер запрыгивал в свои штаны и обыскивал комнату в поисках сарафана Рейн.

— Вы что оба с ума сошли? Перед вами беременная женщина с совершенно определенными потребностями!

Макен нашел одежду и кинул ей:

— Одевай платье.

— Нет, пока один из вас не объяснит, что происходит. — Рейн соскользнула со стойки, и совершенно голая уперла руки в бока. — Парни, что с вами не так?

Надев рубашку, Хаммер бросил взгляд на Лиама:

— У него есть к тебе разговор.

Пальцы Лиама взлетели к пуговицам, пока он сердито глядел на Макена:

— Спасибо за то, что бросил меня на амбразуру. Ты мой самый лучший друг.

— Я говорил, тебе уже давно следовало прояснить это дерьмо. И мы еще поговорим о выборе правильного момента. Сукин сын... — Хаммер вышел из кухни.

— У тебя должно быть очень хорошее объяснение всему этому, Лиам О'Нейл. Я была близка и...

— Мне жаль. — Мужчина потерял своё пылающее ухо.

Ему не хотелось смотреть на Рейн. Она была обескуражена и сердита... а у него не было времени для отмазок. Девушка стояла перед ним голая и возбуждённая, а Лиаму чертовски сильно хотелось, чтобы у него была ещё пара минут, и он мог бы потерять себя в её мягкости.

Вместо этого он выхватил у неё из рук сарафан и неловко нашарив вырез надел его ей через голову, расправляя вниз по её изгибам.

— Прекрати! Я могу сама. — Рейн шлепнула его по рукам. — Если ты не скажешь мне, что происходит прямо сейчас, то однозначно пожалеешь об этом.

Лиам провёл рукой по волосам и потянул за пылающую мочку:

— Где твои трусики?

— Я их не ношу.

В обычной ситуации он бы только поаплодировал этому заявлению.

— Закон подлости. — Лиам закрыл глаза, прикидывая расстояние от кухни до их спальни. Она ни за что не успеет взбежать вверх по лестнице и взять бельё. Он уверился в этом, когда его ухо стало покалывать и гореть ещё сильнее.

— О чем ты говоришь? — потребовала ответа Рейн, а потом ахнула. — Твое ухо, оно покраснело. Тебя кто-то укусил? Дай мне взглянуть...

Клочок белого шёлка привлек его внимание. Проклятье, он сунул её лифчик в ближайший ящик поверх столовых приборов.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя? Помнишь, я упоминал, что у меня шесть сестер? Ну...

Прозвенел дверной звонок. «Его время вышло».

— О, Лиам, это тебя, — прокричал из гостиной Хаммер.

Разочарованно рыча, Лиам выскочил из кухни. Его член болел, и он не был уверен, что в ближайшее время сможет как-то облегчить это состояние. Время ожидания будет зависеть от того, как долго Рейн продержит его в немилости.

— Ублюдох, — прошипел он Хаммеру.

— Буду рад вернуть тебе должок.

— Почему Хаммер не открывает дверь? Кто там? Вы что знали, что у нас будет компания и забыли сообщить мне об этом? — Рейн шла следом, дергая Лиаму за рукав. — О, Боже. Так ты говорил, что твои сестры здесь? — От паники у неё расширились глаза. — Мне нужно наложить макияж, найти чертово нижнее бельё. Да я даже лифчик не надела!

Пребывая в ужасе, Рейн пыталась расчесать волосы руками, а у него не хватило духу сказать ей, что его сестры были просты в общении.

— Нет, любимая. — Лиам тяжело вздохнул. — Совсем скоро мы поговорим. А сейчас, подойди, возьми меня за руку и улыбнись.

Мужчина промаршировал ко входной двери, протащив Рейн на буксире. Он положил ладонь на дверь и глубоко вздохнул, пытаясь набраться мужества, но только оттягивая неизбежное.

«Проклятье, может ему не надо быть таким пессимистом. Вероятно, это хороший знак».

В надежде на это, Лиам нацепил на лицо счастливую улыбку и рывком открыл дверь:

— Привет, мама.

— Мама? — пропищала Рейн позади него, затем выдернула свою руку из его захвата и расправила измятое платье.

Лиам ощущал, как за их спинами беззвучно смеется Хаммер.

Едва успев войти в дом, его мать посмотрела на него с легким неодобрением:

— Здравствуй, Лиам, дорогой.

Мужчина покорно обнял маму и поцеловал в щеку. «Да, ему не следовало звонить ей и говорить, что он переехал, начал новые отношения и сейчас уже на подходе ребенок. Но опять же, он не должен оправдываться».

Отец вошел с кривой улыбкой и заключил Лиама в радушные объятия:

— Привет, сын.

Лиам похлопал его по спине:

— Па, рад тебя видеть. — Так и было на самом деле. На отца была самая большая надежда в деле сохранения здравого смысла. — Полагаю, мне не стоит спрашивать, что вас сюда привело. — Лиам потянулся к руке своей малышки. — А это...

— Рейн. — Его мать лучезарно улыбнулась. — Как приятно наконец-то познакомиться с тобой. Я годами ждала, когда же у меня появится еще одна дочь. — Она послала Лиаму нежный взгляд. — Не то чтобы мой сын позаботился о том, чтобы сразу же всё мне рассказать. — Она притянула Рейн в объятия. — Я так рада увидеть женщину, которая, наконец, заарканила моего мальчика.

— Она не из таких, мама, — произнес Лиам, растягивая слова — И ты это отлично знаешь.

Позади них усмехнулся Хаммер.

У Рейн отвисла челюсть, а лицо сменило двадцать оттенков красного:

— Лиам! О... Я не... я имею в виду...

— Все в порядке. Ты его любишь, девочка. А Лиам боготворит тебя. Хаммер тоже. Как бы вы трое не решили выражать свою любовь, это ваше дело.

Рейн смотрела в никуда и желала, чтобы под ней разверзлась земля и поглотила её.

— Как вы...

— Узнала? — Мама Лиама улыбнулась. — Не смущайся. В будущем мы с тобой станем очень близки. Вот увидишь. — Женщина положила ладонь на живот Рейн. — А ребенок! Это так волнующе... ты хочешь узнать его пол? Кто отец?

— Нет, — сказали Лиам и Хаммер в унисон.

— Приоритеты, любовь моя, — подсказал его отец.

— Ты прав. — Женщина улыбнулась Рейн. — А я Брин, если что.

— Приятно познакомиться. Лиам не сказал мне о вашем приезде. Я бы приготовила хороший обед, предстала бы в более презентабельном виде и...

«Его малышка смущена». Девушка стрельнула в Лиама взглядом, дающим понять, что он может остаться без еды в своей опале. А от собственных костей проку, вероятно, не будет.

— О, не вини его. Держу пари, он не знал, что я намеревалась приехать до тех пор, пока у него не стало гореть ухо.

Рейн выглядела основательно растерянной:

— Лиам не говорил мне о вас, но рассказал вам о ребенке?

— Нет. — Его мать улыбнулась. — Но он не многое может от меня скрыть.

Рейн смотрела так, словно не понимала, как растолковать этот комментарий. Лиам знал, что позже ему придется объяснить еще кое-что.

Брин протянула руку назад:

— Дункан, иди, познакомься с девочкой, о которой я тебе рассказывала. Разве она не милашка?

Переложив чемодан в одну руку, отец Лиам протянул другую Рейн. Он подмигнул ей и подарил лучезарную улыбку:

— А вот и самая красивая девушка, что я видел за долгое время. Ну, иди и обними меня. Выражение лица Рейн превратилось из смущенного в пораженное.

— Мам, па... — простонал Лиам и снова взял Рейн за руку в попытке успокоить. — Сейчас не время.

Его мать рассмеялась:

— Как долго ты думал, я останусь в стороне? Тебе уже следовало рассказать ей о семье.

— Вы не те, о ком легко рассказывать.

— Если я буду ждать твоего звонка, этот ребёнок останется без подгузников. — Фыркнула женщина перед тем, как шагнуть ближе к Хаммеру. — Ах, Макен. Я с таким нетерпением и так долго ждала встречи с тобой. И мы, наконец, станем одной семьей! Подойди ко мне и дай тебя обнять. С каждой нашей встречей, ты становишься всё красивее.

— Брин, ты милашка. — Хаммер приподнял её и поцеловал в щечку. — Как твои дела, черт подери?

— Неплохо. Сожалею о том, через что тебе пришлось пройти. Должно быть, все эти годы были трудными. Но, что ни делается, все к лучшему. — Женщина с сочувствием улыбнулась ему. — А ведь я пыталась предостеречь тебя...

— Пыталась. — Хаммер поджал губы, затем повернулся к отцу Лиамы и от всего сердца пожал ему руку. — Дункан, рад тебя видеть. Могли бы подобрать время для приезда и получше.

Отец Лиамы улыбнулся:

— Брин упомянула об этом. Прости.

— Эм, не хотела показаться грубой. — Рейн выглядела вконец потрясенной, указывая рукой на диван. — Не желаете присесть, мистер и миссис О'Нейл? Могу я принести вам чего-нибудь выпить?

Мама Лиамы покачала головой:

— Мы не для этого приехали, девочка. И сейчас на это нет времени.

— О. Хорошо. Тогда... ваше путешествие прошло хорошо? Откуда вы прибыли?

— Лиам ничего тебе не рассказал? — Мама смотрела на него пристальным взглядом. — Вот озорник. Конечно же, мы прибыли из Ирландии.

Рейн моргнула, а затем хмуро посмотрела на Лиаму. Да, у нее есть множество вопросов, на которые ему лучше в скором времени ответить.

— Привет! Значит, вы видели оставших, которых я нашел в аэропорту, — сказал знакомый голос и в дверях появился человек с массивным чемоданом в руке.

Лиам повернулся:

— Сет?

Мужчина лукаво улыбнулся:

— Когда твоя мама позвонила мне, чтобы сказать, что они летят к тебе в Нью-Йорк и что мне стоит поторопиться, я решил... какого черта. Если уж я упаду в океан, то так, черт побери, тому и быть.

— Спасибо за предупреждение, приятель.

Сет улыбнулся:

— Твоя мама сказала, ты узнаешь, что она едет.

«Узнал в самый неподходящий момент».

— Ты хороший мальчик. — Брин погладила Сета по плечу. — Трагедия в прошлом это горько. Но все наладится. Вот увидишь.

Сет просто улыбнулся и подошёл обнять Рейн:

— Как ты справляешься с этими двумя тупицами?

— Прямо сейчас, я почти готова бросить их ради тебя. — Девушка закатила глаза.

— Неа. Я первый познакомился с ней. К тому же, мы с принцессой уже были вместе, — входя в дверь, Бек хохотнул и посмотрел на Рейн, — не правда ли?

— Я бы это так не назвала. — Рейн покачала головой. — И ты больше никогда не дотронешься до меня.

— Вам двоим стоит отвалить и оставить нашу девочку в покое. — Лиам указал на друзей. — Мам, па, хочу представить вам нашего хорошего друга, доктора Кеннета Бекмена. Бек, мои родители, Брин и Дункан.

— Для меня удовольствие познакомиться...

— Кеннет, дорогой. Я так хотела с тобой познакомиться, — Брин перебила его своим взволнованным воркованием. — Такой таинственный ... Но ты и близко не такой страшный, каким желаешь казаться для остальных. Ну, подойди. Поцелуй нас.

Пока Брин торопливо приближалась, Бек застыл в молчаливом изумлении. Впервые мужчина не знал, что ответить.

— Все нормально, — заверил Хаммер, хлопнув Бека по спине. — Это просто означает, что ты ей понравился.

Все еще пребывая в шоке, тот наклонился и быстро клюнул Брин в щеку.

— Отлично! — Брин больше не улыбалась. — А теперь... Все вы здесь не просто так. Приношу извинения, что у меня нет больше времени для объяснения, но очень важно, что друг для друга вы являетесь семьей, не важно, по крови или нет. Впереди вас ждут неприятности и каждому отведена определенная роль в это сложное время. Сет и Кеннет вы будете очень важны. И, Лиам, дорогой, следуй примеру своего отца. Он хорошо тебя воспитал.

«Значит его мама приехала по какой-то иной причине, а не из-за ребенка. Проклятье».

Лиан потер затылок:

— Присядь и расскажи нам больше.

— На это нет времени. Я не хотела вмешиваться, но боюсь, что ждала слишком долго. — К его удивлению мама посмотрела на Хаммера. — Макен, готовься.

Хаммер застыл:

— Вот дерьмо.

Лиам окаменел от ужаса:

— Мама, не надо. Большого мы не вынесем. Мы и так прошли через многое, и мы ждем ребенка.

Брин прошла прямо к Рейн и обняла девушку за хрупкие плечи:

— Что бы ни случилось, ты не должна винить себя. Ни в чём из происходящего нет твоей вины.

— Расслабься, любовь моя, — попросил Дункан. — Ты всех пугаешь, а особенно девочку Рейн.

— Я здесь только, чтобы помочь, — заверила Брин. — Она в этом скоро убедится.

— Какого рода неприятности грядут? — взволнованный Хаммер приблизился с мрачным лицом.

— Откуда она узнала, что у нас будут неприятности? Может, хоть кто-нибудь скажет мне, что происходит? — потребовала Рейн.

— Конечно же, Лиам тоже этого не объяснил. — Брин бросила на сына ещё один строгий взгляд. — Хорошо, моя дорогая, я ясновидящая.

Рейн захлопала глазами:

— Вы не ясновидящая.

— Нет, дорогая. Мы экстрасенсы. Это семейное... — Она послала Лиаму цепкий взгляд. — Когда все помнят о своем даре.

Он покачал головой:

— Мам, не надо...

— Прости, сынок. — Она повернулась к Хаммеру. — Макен, милый. Позвони своему адвокату, прямо сейчас.

У Лиамы кишки скрутило от страха:

— Адвокату?

Хаммер стал бледным, как мел:

— Зачем?

Внезапно, Брин с сожалением вздохнула:

— Мне жаль. Время вышло.

Словно по сигналу раздался звонок в дверь.

— Открой, Макен, — мягко произнесла женщина. — Это к тебе.

Торжественность в её тоне заставила желудок Хаммера сжаться от суеверного ужаса. Он посмотрел на Лиаму и Рейн. Девушка всё ещё выглядела немного смущенной, а лицо Лиамы было напряженным от страха.

Хаммер до хруста сжал челюсти и потянул на себя дверь.

На пороге стояли два офицера в форме:

— Мистер Хаммерман?

Макен попятился. Мысли путались. «Что здесь делает полиция? У него не было семьи, о чьей смерти они могли бы сообщить. Вскрыли и ограбили клуб? Или Ривер каким-то образом избежал ареста?»

— Я Макен Хаммерман. Чем могу быть полезен?

— Нам необходимо, чтобы вы проехали с нами и ответили на несколько вопросов.

Он нахмурился:

— О чем?

— Объясним на месте.

Такой ответ заставил Хаммера насторожиться:

— По закону я не обязан отвечать на вопросы.

— Верно, а еще вы можете пойти с нами добровольно или нам придется сделать это официально и арестовать вас.

У Хаммера екнуло сердце:

— За что?

Офицер с отвращением посмотрел на него:

— Похищение детей с целью выкупа, изнасилование, содомию и оральные половые акты с лицом, не достигшим совершеннолетия, сутенерство, торговля людьми... Мне продолжать?

Земля под Макеном зашаталась. Его затопили шок и паника. Это не могло происходить

на самом деле.

«Ривер». Мудак сдал его копам с потрохами. Хаммер отметил, что офицеры не назвали Лиаму насильником, таким образом, это должно иметь отношение к тому, что он приютил Рейн еще подростком.

— Нет! — подорвалась Рейн. — Все это не правда. Произошло недопонимание. Ошибка!

Хаммер был благодарен за её желание спасти его, но он опасался, что сейчас это не поможет.

Он посмотрел на Лиаму с мрачным выражением лица:

— Позвони Стерлингу Барнсу. Пусть он встретит меня в участке.

— Принято, мужик. — Его друг выглядел бледным и обеспокоенным.

— Это сделал Ривер. — Рейн пробралась к двери и посмотрела в лица полицейским. — Что бы ни сказал мой брат — это не правда. Предполагаемая жертва это я, но клянусь, что нахожусь здесь по собственной воле. И так было всегда. Не забирайте Хаммера, он не сделал ничего плохого.

— В участке разберемся, — спокойно заверил офицер. — Мистер Хаммерман, так вы идете с нами?

Макен коротко кивнул копу, затем с нежностью взглянул на Рейн:

— Все будет хорошо, Прелесть. Не волнуйся. Через некоторое время я буду дома.

— Так и будет, — заверила всех Брин.

Рейн обхватила Хаммера руками:

— Позволь мне поехать с тобой. Я все улажу. Я расскажу им...

— Нет. — Хаммер обхватил лицо девушки ладонями и посмотрел ей в глаза. — Ни к чему, чтобы тебя допрашивали. Я разберусь со всем, и мы вскоре увидимся.

— Но...

Рот Хаммера накрыл губы Рейн и заставил её замолчать жестким поцелуем. Он вдыхал её аромат, сжимая мягкое, роскошное тело, запечатлевая в своем сердце малейшую деталь.

— Я люблю тебя.

Её глаза наполнились слезами:

— Я люблю тебя.

Макен развернулся и расправил плечи. Какие бы показания не дал Ривер, Хаммер был готов бороться с любыми обвинениями до последнего вдоха.

Пока копы вели его к патрульной машине, Рейн выскочила из дома с Лиамом, следующим за ней попятам.

— Я найду своего мудака братца и заставлю его все уладить.

Внутри Хаммера страх боролся с гневом:

— Я не желаю, чтобы ты находилась рядом с этим сукиным сыном. — Он пронзил Лиаму безмолвным требованием во взгляде. — Не позволяй ей разговаривать с этим куском дерьма.

— Я позабочусь о нашей девочке. — Лиам достал мобильный из кармана штанов. — Прямо сейчас позвоню твоему адвокату, мужик. Не переживай.

— И не собирался, — солгал Хаммер ради Рейн, а затем забрался на заднее сиденье патрульного автомобиля.

Офицеры заперли его на заднем сиденье. Сквозь грязное стекло Макен смотрел на двух своих самых любимых людей и на их общий дом и задавался вопросом, станет ли все когда-

либо по-прежнему.

От беспокойства рот Лиама сжался в тонкую линию. Он придерживал Рейн, на бледном лице девушки тоже было написано волнение. Пока машина отъезжала, Хаммер никак не мог отвести от своей девочки взгляд.

Особенно, когда глаза её закрылись, и она упала Лиаму на руки.

Тревога душила Хаммера, пока он ждал в холодной пустой комнате для допросов в участке. Усилием воли он поборол гнев и изобразил на лице спокойное безразличие. Он был уже стреляным воробьем, поэтому не мог позволить этим хренам, которые, находясь за двусторонним зеркалом, следящим за каждым его движением, увидеть, как он потеет. Но внутренне он чувствовал, как лавиной дерьма у него из-под ног уходит почва.

«Похищение детей, изнасилование, содомия, оральные сношения с несовершеннолетними, сутенерство, торговля людьми...»

Если все пойдет плохо, Хаммер знал, что получит пожизненное.

Не обращая внимания на властные любопытные взгляды, отчаявшись получить новости о Рейн, он вытащил свой мобильный. После того, как они увидели, что она упала в обморок на руки к Лиаму, ублюдки в патрульной машине решили сделать перерыв, таким образом, он смог узнать, все ли с ней в порядке. К счастью, Лиам уже заверил Хаммера в том, что с их девочкой все было хорошо. Просто стресс на минуту взял над ней верх. Однако Хаммер не сможет вздохнуть спокойно, пока не вернется домой и не почувствует ее в своих руках. Но сейчас все, что ему оставалось, это ждать.

Кого-то, кто придет и допросит его.

Своего адвоката, Стерлинга Барнса, который сядет на стул рядом с ним и не даст этому допросу свернуть в плохое русло.

Какого-то решения всего этого дерьма.

Макен жалел, что они с Лиамом не задушили Ривера Кендалла, когда у них была такая возможность. Какими бы косвенными доказательствами сукин сын ни обладал, они должны были быть чертовски убедительными.

Хаммер надеялся, что правосудие и справедливость восторжествуют, даже если всё будет выглядеть не лучшим образом.

Ему хотелось мерить шагами комнату, но он продолжал сидеть, глядя в одну точку на столе перед собой. Это был тест на самоконтроль, но если тупицы за стеклом хотя бы заподозрят, что он нервничает, то, пытаясь дестабилизировать, они продержат его в изоляции еще дольше.

Когда же дверь наконец открылась, вошли двое одетых в штатское детективов. Один — высокий и худой, второй — низкорослый и лысоватый. Хаммер быстро окинул их взглядом. Серьезные типы. Хорошо, он был не в настроении играть в игры.

— Макен Дэниел Хаммерман? — с сердечной улыбкой спросил тот, что повыше.

— Да?

— Я — детектив Уинслоу. А это — детектив Кэмерон. Спасибо, что приехали так быстро.

— Не знал, что у меня был выбор, — произнес Хаммер, растягивая слова.

Лысеющий мужчина, Кэмерон, усмехнулся.

— По закону я должен зачитать вам ваши права, — уведомил Уинслоу. — И проинформировать о том, что эта беседа будет записываться.

Пока они зачитывали ему его права, все внезапно стало до ужаса реальным. Но Хаммер мысленно воздвиг вокруг себя броню, чтобы не дать страху запустить в себя когти.

— Вы поняли права, которые я вам зачитал? — спросил Уинслоу.

— Понял.

— Зная о них, хотите ли вы поговорить с нами, мистер Хаммерман?

— Конечно. Почему бы и нет? — Он беспечно пожал плечами.

После того, как детективы записали на пленку свою обычную тарабарщину, Уинслоу вытащил из сумки множество записок.

— Давайте перейдем к сути, джентльмены. Что вы желаете знать? — подтолкнул их Хаммер.

— Я так понимаю, вы владелец частного секс-клуба «Темница». Верно?

— Не совсем, детектив Уинслоу. Это не секс-клуб, а частный БДСМ-клуб. И это большая разница.

— Но в вашем заведении члены клуба занимаются сексом, правильно? — спросил Кэмерон с похотливым блеском в глазах.

— Если все участники согласны, и никто не подвергается риску, то такое возможно. Приходите как-нибудь и посмотрите сами.

— Нет, спасибо. Я не желаю бить свою жену, заставляя спать со мной, — покровительственно произнес Кэмерон.

— Давайте дальше, — направил беседу Уинслоу. — Знаете ли вы женщину по имени Рейн Элис Кендалл?

Его желудок сжался.

— Да.

— И в каких конкретно отношениях вы с ней состоите?

— А почему вы спрашиваете?

— Потому что последние ваши с ней шесть лет входят в наше расследование, — ответил Уинслоу. — До нашего сведения дошла кое-какая тревожная информация и привела к вашему аресту.

«Большое тебе спасибо, Ривер, конченный ты ублюдок».

— Например? — спросил Хаммер, стиснув челюсти.

— Не разыгрывайте из себя дурака, — презрительно фыркнул Кэмерон. — Офицеры, что привезли вас, уже сообщили вам некоторые вероятные обвинения. Вы в курсе: похищение детей, торговля людьми, половая связь с лицом, не достигшим совершеннолетия, вымогательство... Все это о чем-то вам напоминает?

Боже, еще больше обвинений, чем в первый раз.

Хаммер приготовился к худшему. Шесть лет назад он подобрал Рейн в переулке позади клуба, полностью отдавая себе отчет, как именно будет выглядеть его поступок для всего мира. Что его могут осудить как сексуального преступника за то, что он всего лишь помог девочке, подвергшейся жестокому обращению, обрести безопасность. Но шли годы и эта вероятность все отдалялась. И это было последнее, о чем он думал два часа назад, когда в кухне вместе с Лиамом по самые яйца был погружен глубоко в Рейн. Тогда он был уверен в собственном будущем, во власти над собственной судьбой, окружен любовью и полагал, что наибольшая его проблема находится у него в голове.

За считанные секунды его счастье и надежда на будущее пошли прахом.

В венах пульсировал ужас. Отрицание кричало в голове. Он начал потеть. Но Хаммер спрятал страх и заставил себя укрепить защитные стены.

Втянув в себя уплотнившийся воздух, он приподнял бровь и посмотрел на Уинслоу.

— Это довольно серьезные обвинения. Очевидно, у кого-то сложилось неверное мнение

о характере моих отношений с мисс Кендалл. — Хаммер снисходительно взмахнул рукой. — Какие улики у вас имеются, чтобы подтвердить эту бессмыслицу?

— Множество, — презрительно выдал Кэмерон. — Вы хотели перейти к самой сути, мистер Хаммерман. Давайте так и сделаем. Мы знаем, что когда мисс Кендалл была подростком, вы купили ее словно какого-то домашнего питомца, выведенного для вашего удовольствия. После того, как мешок с дерьмом, являющийся ее отцом, продал ее вам, вы поселили ее в своем клубе и изнасиловали. Вы любите заниматься сексом с маленькими девочками?

— У меня никогда не было сексуальных контактов с подростками. — Хаммер не раздумывал. Все, что угодно, может быть переиначено ради того, чтобы обвинить его.

Уинслоу продолжил.

— Наше расследование выявило, что вы также держали ее пленницей в «Темнице», пользуясь ею для гостей и друзей. Мистер О'Нейл был одним из них? Сейчас вы живете все вместе. Это верно?

Кэмерон наклонился ближе и пронзил Хаммера развратным взглядом.

— Тогда подойдем с другой стороны. Это первый раз, когда вы делили любовницу?

У Хаммера руки чесались от желания перегнуться через стол и оторвать детективу голову. Он слабо улыбнулся.

— Звучит так, словно вы уже составили свое мнение. Я больше не стану отвечать на вопросы, пока не придет мой адвокат.

— Ага. Тебе точно понадобится адвокат, приятель, — процедил Кэмерон.

Парочка ушла. Спустя бесконечные двадцать минут в дверь вошел Стерлинг Барнс. Детективы следовали сразу за ним.

— Господа, я бы хотел несколько минут переговорить со своим клиентом, — объявил Стерлинг.

После того, как два недоумка снова покинули комнату, Хаммер повернулся к адвокату, до смерти желая высказаться.

Стерлинг покачал головой.

— Нас все еще записывают.

— Знаю, — Хаммер перечислил длинный список преступлений, предъявленный ему городом Лос-Анджелес. — Я никогда не совершал ни одного из этих преступлений.

— Если бы у них было на тебя что-то конкретное, они бы уже арестовали, оформили и получили обвинительный приговор. Пусть они закончат свой допрос, но не отвечай, пока я не кивну. Может быть, у нас получится съехать по этому дерьму, не замаравшись.

— Отлично, — согласился Хаммер. — Давай покончим с этим.

Стерлинг проговорил в зеркало.

— Джентльмены, мы готовы.

Несколько секунд спустя вернулись Уинслоу и Кэмерон.

Высокий начал первым.

— Когда вы впервые встретили мисс Кендалл?

Стерлинг кивнул.

«Шесть с половиной лет назад. Одиннадцатого августа. В пятницу».

— Точно не помню.

— Где вы познакомились?

«Она пряталась в переулке за «Темницей».

— Этого я тоже не помню.

— Сколько ей было лет? — требовательно спросил Кэмерон.

Вмешался Стерлинг.

— Ты практически ответил на этот вопрос. Не повторяйся.

Хаммер только улыбнулся.

— Следующий?

Уинслоу прищурился.

— Сколько ей было лет, когда вы впервые взяли ее в свою постель?

На этот вопрос его адвокат также покачал головой.

«Четвертого ноября, три недолгих месяца назад». Боже, как же долго он ее хотел.

— Мы можем ускориться? Мне хотелось бы попасть домой.

Но это случилось не скоро. Часы протекали, словно дни и, казалось, им не будет конца.

Вскоре Хаммер догадался, что офицеры не удовлетворятся, пока не припрут его к стенке.

— По грубым подсчетам, мистер Хаммерман, сколько вы говорили у вас было сексуальных партнеров за последние... ну, не знаю... с тех пор, как ваша жена покончила с собой?

— Это не имеет отношения к обвинениям, Уинслоу, — Стерлинг с досадой покачал головой. — Не отвечай, Макен.

— Ваша жена была моложе вас, мистер Хаммерман? Она стала первым ребенком, которого вы домогались? — насмеялся Кэмерон.

— Я уже говорил вам, что никогда не имел сексуальных контактов с подростками.

— Даже когда сам был подростком, он соблазнял взрослых женщин налево и направо. Но было очевидно, что эти два клоуна собирались вынести ему мозг. Дилетанты. — Я был на год старше Джульетты. Ей было двадцать, когда мы поженились. Но я знаю, почему вас так интересует, была ли моя невеста малолеткой. Ваши вопросы вытекают из собственного опыта?

Кэмерон послал Макену ледяной взгляд.

— У вас с женой не было детей? Даже маленькой девочки для того, чтобы вы могли практиковаться?

— А почему вы об этом подумали? — допытывался Хаммер. — Это именно то, что вы проделываете со своими дочерьми?

Стерлинг прокашлялся.

— Все мы в курсе, что у мистера Хаммермана нет иждивенцев.

— Ну, по крайней мере, уже родившихся, — добавил Уинслоу с хитрой улыбкой. — Ходят слухи, что мисс Кендалл беременна.

— Как часто вы принуждали ее к сексу, пока она не забеременела? Или это ваш друг О'Нейл накачал ее? Держу пари, вы надеетесь, что будет девочка, чтобы вы могли повторить весь цикл, — нанес удар Кэмерон.

— Это совершенно не целесообразный вопрос, — запротестовал Барнс.

— Какого рода секс вам больше всего нравится, мистер Хаммерман? — спросил Уинслоу. — Строго менаж? Или мисс Кендалл третья в ваших гомосексуальных отношениях с мистером О'Нейлом? Вы равноправные извращенцы?

Когда Уинслоу опустил до уровня Кэмерона в попытке очернить его, Хаммер почувствовал себя победителем. Он, в самом деле, не мог ничего поделать со своим смехом, пока Стерлинг, качая головой, не положил руку ему на плечо.

— Думаю, они привезли меня сюда только для того, чтобы расспросить о моей сексуальной жизни, потому что своей у них нет, — произнес Макен, растягивая слова.

— В данный момент именно так все и выглядит, — согласился с ним адвокат прежде, чем привлечь его внимание обратно к двум детективам. — Если вы закончили тратить время моего клиента, то мы вас покинем для того, чтобы вы могли использовать эту комнату для настоящих преступников.

— Еще нет, — Уинслоу улыбнулся и вытащил пачку бумаг из ближайшего скоросшивателя прежде, чем разложить их на столе, как колоду карт.

Хаммер похолодел.

Каждый лист был копией денежных переводов, которые он выписывал на имя Билла Кендалла, чтобы держать муذاка подальше от Рейн. Более шести лет платежей лежали перед ним.

Он мог представить, как именно это могло быть воспринято, и изо всех сил старался придумать правдоподобное объяснение. Даже если правда отправит его в тюрьму.

У Хаммера скрутило внутренности. Сердцебиение ускорилося.

— Эти денежные переводы вам знакомы? — язвительно спросил Уинслоу. Его глаза сияли как у кота, готового сожрать мышь. — В сумме это сто пятьдесят тысяч долларов. Чем такой человек, как Билл Кендалл мог владеть, что это сподвигло вас заплатить такую огромную сумму? Может быть, это его дочь?

Макен почувствовал, будто вокруг него смыкаются стены. Воздуха стало мало. Пиджак внезапно стал тесным. Даже собственная кожа, казалось, съежилась, словно ему нужно было скинуть ее подобно змее. Он потянулся и ослабил узел галстука.

— Как твой адвокат, советую проигнорировать и этот вопрос тоже.

— Хорошо, я не стану отвечать на него, — парировал Хаммер.

— За что вы платили Биллу Кендаллу, мистер Хаммерман? — надавил Уинслоу. — За хорошенькую, сочную девственницу?

— Очевидно, вы в курсе расценок. Я же понятия о них не имею, потому что не имею привычки покупать партнерш для секса. — Макен сжал зубы.

— Он шантажировал вас? — выпалил Кэмерон. — Могу поспорить, что Биллу Кендаллу ваши грязные, неестественные потребности были не понятны.

— Видимо, потому, что он был очень хорошим, честным гражданином? — не смог сдержаться Макен. — Если вы не принимаете во внимание факт того, что он изнасиловал и убил свою жену и одну из собственных дочерей...

— Хаммер... — предостерегающе произнес Барнс.

— Не беспокойся, Стерлинг. Я думал, что это у меня довольно свободные взгляды на сексуальную жизнь, но эти двое? Покупать сочных девственниц, чтобы принуждать к сексу и размножению? И это я здесь извращенец? Их фантазии куда извращеннее моих. — Хаммер твердо смотрел на обоих офицеров. — Полагаю, что за время работы в полиции вы обзавелись некоторыми идеями. От каких еще вещей, полученных против воли, вы, парни, тащитесь?

Не обращая внимания на его уколы, Уинслоу нахмурился.

— Вы убедили Билла Кендалла выкрасть собственную дочь, таким образом, мисс Кендалл смогла убить его в целях «самообороны» и вам не пришлось больше ему платить?

Хаммер больше не мог ничего сделать, кроме как хлопать глазами на столь абсурдный вопрос.

— Прочитайте свои отчеты, господа. Один из ваших коллег назвал его насильником и убийцей. И не я внушил ему это.

— Сколько денег вы ему еще должны? — давил Кэмерон.

— Хаммер, — предостерег Стерлинг.

Кипя от злости, Макен продышался, чтобы сдержаться. Эта долбанная игра взбесила его.

— Господа, моя стоимость исчисляется восьмизначным числом. Если я и заплатил бы ему за что-то, то уверяю вас, две тысячи долларов в месяц едва ли сподвигнут меня придумать столь нелепый сценарий убийства.

— Это были все имеющиеся у вас вопросы? — вмешался Стерлинг.

— Еще один, последний. — Уинслоу усмехнулся. — Быть может, мистер Хаммерман сочтет нужным перестать выпендриваться, потому что у нас есть свидетель, который подтверждает, Рейн Кендалл не только работала в вашем клубе, но с тех пор, как вы купили ее в подростковом возрасте, почти каждую ночь проводила в вашей постели.

«Свидетель? Кто, блять, мог быть этим лжецом?»

Все члены клуба подписывали документ, который обеспечивал уверенность в том, что все происходящее в клубе не выйдет за его пределы.

— На самом деле, свидетель сказал, что вы сами хвастались этим и что видел, как мисс Кендалл в роли вашей личной рабыни убирала за вами. Готовила для вас, — глумился Уинслоу. — Вы же любите яблочные маффины, верно? Говорят, вы контролируете ее банковский счет, поэтому она не может уйти.

— Не реагируй, — резко сказал Барнс.

Макен и не смог бы, без того, чтобы исказить правду так, что это сделает его чертовски виновным. Только те, кто были рядом, знали, что он любил яблочные маффины и что Рейн пекла их для него. Что он следил за ее банковскими счетами, потому что она больше никогда не хотела беспокоиться о деньгах.

Кто мог быть Иудой?

Уинслоу продолжил.

— По словам нашего свидетеля, вы также убедили мисс Кендалл подвергнуться публичной порке в вашем заведении, перешедшей в анальный секс, в то время, как вы наблюдали за всем этим.

Хаммер знал, о какой именно ночи говорил детектив. Только член клуба мог знать об этом. Кто-то проговорился и, преследуя собственные цели, представил в ложном свете их с Рейн отношения.

Его сердцебиение ускорилося. Он ломал голову, пытаясь вспомнить, кто присутствовал там ради этого фиаско. Кто настолько его ненавидел, что решил мстить подобным образом?

Он был гораздо глубже в дерьме, чем представлял.

Иисусе. Этого не могло быть. Но тело ощущало, словно его легкие заморозились, во рту пересохло, а сердце выпрыгивало из груди.

Жизнь, о которой он мечтал, утекала сквозь пальцы. Лиам останется один и будет заботиться о Рейн. А что насчет их ребенка? Узнает ли он когда-нибудь ребенка, зачатого в любви?

Проклятье, он не собирается сдаваться без боя.

— Предлагаю вам привести свидетеля и установить факты, потому что кто-то кормит вас тоннами дерьма.

— Поверьте мне, мистер Хаммерман, у нашего свидетеля безупречная репутация, — заверил его Уинслоу.

— Давайте закончим этот фарс. Каждый в этой комнате знает, что вы виновны. У нас имеются доказательства, черным по белому, — проговорил Кэмерон недовольно, разбросав копии денежных переводов по всему столу, — напишите заявление. Признайте вину. И может, окружной прокурор решит смягчить обвинения, которые планировал предъявить, и вы сядете на пять-десять лет. А если продолжите разыгрывать из себя примерного гражданина, гарантирую, что присяжные запрут тебя и выбросят ключ.

— Я не совершил ничего плохого, — прорычал Хаммер. — Можете засунуть себе в задницу вашего свидетеля. Если собираетесь арестовывать меня, то, блять, арестуйте. В противном случае, я уйду.

— Полегче, — пробормотал Стерлинг.

Хаммер вышел из себя. Если в течение десяти секунд он не выйдет из этой, вызывающей потоотделение и клаустрофобию коробки, то совсем слетит с катушек.

— Помимо вас, кто еще мог иметь сексуальные отношения с мисс Кендалл, когда она была подростком? — продолжил Уинслоу. На лице светился взгляд, полный воспрянувшей бодрости. — Это будет инкриминировано, как проституция, но мы позволим вам разделить вину с другими подонками, если вы назовете их имена.

— Опускаться до психологического давления, это слишком низко даже для вас, Уинслоу, — глумился Хаммер. — А что самое плохое, что вы в этом профан.

— О, так вы знакомы с этой тактикой? Полагаю, вы попадали в неприятности гораздо чаще, чем указано в учетных данных. — Уинслоу повернулся к Стерлингу. — Вы и от других преступлений его отмазывали?

Стерлинг смерил мужчину уничтожающим взглядом.

— Как и сказал мой клиент, если собираетесь его арестовать, арестуйте. В противном случае, я забираю мистера Хаммера домой.

Макен не стал дожидаться ответа детектива, он просто встал и последовал к двери, по пятам сопровождаемый Стерлингом.

— Не покидайте город, мистер Хаммерман, — крикнул Уинслоу, когда Макен вылетел из комнаты.

— Пошли. Я отвезу тебя домой, — предложил Стерлинг. — Сможем обсудить подробности в машине.

Хаммер уже чуть было не согласился с предложением мужчины, когда мимо прошел Дин Горман и, поймав его взгляд, вытащил свой мобильный. Приблизившись к Хаммеру, Дин прижал телефон к уху и сделал вид, что говорит в трубку: — Не смотри на меня. Нам надо поговорить. Будь на связи, скоро.

Следуя указаниям Дина, Хаммер не отводил взгляд от стены, расположенной в конце коридора. Он не подал ни намека на узнавание.

Внутри же потрепанные нервы натянулись. Что еще случится? Каким, черт подери, образом это прекратить?

Когда они со Стерлингом, направляясь к входу, свернули за угол, с одинаковым беспокойством в глазах со своих сидений подскочили Сет и Бек.

— Как там Рейн? — спросил Хаммер с тревогой. — С ней все хорошо?

— Расслабься, — успокоил его Бек. — Она в порядке. Беременные женщины иногда падают в обморок. Тут не о чем беспокоиться. Как ты, мужик?

— Ты свободен? — спросил Сет, приподняв бровь.

— Пока, да. — Повернувшись к Стерлингу, он пожал мужчине руку. — Спасибо за то, что пришел. Утром я заскочу в твой офис и посвящу тебя во все детали.

— Пожалуйста, сделай это. Мне не очень нравится представлять клиента, пребывая в незнании.

— Понял.

Пока Стерлинг уходил, Хаммер дышал, сожалея о том, что не может вместе с воздухом вытолкнуть изнеможение и страх.

— Пошли, парни. Поговорим в машине. Чертовски хочу убраться отсюда и попасть домой, к своей девочке.

«На такой долгий срок, какой только возможен».

Сидя в древнем кресле, окруженном уродливыми желтыми стенами и грязным, пестрым линолеумом, Рейн заламывала руки и тяжело дышала. Перед ней сидел адвокат, с которым она встретилась пять минут назад. Даже прямо в эту минуту Хаммера допрашивали по преступлениям, которых он не совершал. И они хотели втянуть во все это и ее тоже.

— Не нервничайте, — наклонился и прошептал видный мужчина сорока лет.

Кэлвин что-то там. Она была слишком взволнована, чтобы запомнить что именно. Он представился, глядя на нее пронзительным взглядом и с акульей улыбкой.

— Стерлинг посвятил меня в то, что знает сам и...

— Я не жертва, — перебила его она. — Хаммер не сделал ничего дурного.

— Стерлинг дал понять, что, вероятно, вы не многое сможете рассказать, чтобы поспособствовать их расследованию.

— Я не желаю помогать им посадить невиновного человека, которого нежно люблю, в тюрьму.

Спустя несколько минут после отъезда Макена появились еще полицейские и стали задавать вопросы ей и Лиаму. Она была благодарна, что единственным телефонным звонком Стерлинг договорился с адвокатом из другой, достойной уважения адвокатской конторы, что тот встретит их в участке. Под звон монет адвокаты появляются из ниоткуда.

— Вы не должны говорить ни слова, мисс Кендалл. Они не могут заставить вас отвечать на вопросы.

— Но я должна убедить их, что Хаммер никогда ни в каком виде не причинял мне вреда.

— Вряд ли они просто закроют свое расследование из-за того, что «жертва» не хочет содействовать. Все, что мы знаем, что у них есть другой свидетель и все закручено вокруг него. Если хотите помочь мистеру Хаммерману, то ваша цель не рассказать им все. А не дать им информацию, которая может потопить его еще глубже.

— Но он помог мне, спас...

— Их это не волнует. Все, что их интересует, это то, что он является владельцем секс-клуба, ведет альтернативный образ жизни и в той или иной форме повел себя несоответственно по отношению к подростку. Они бы предпочли видеть его за решеткой.

— Нет. Это вовсе не Макен. Он...

— Неважно, что я думаю. Не теряйте хладнокровия и не лгите. Если на ваш взгляд

какой-то вопрос покажется вам выставляющим мистера Хаммермана в криминальном свете, не отвечайте на него. Вы не обязаны говорить ничего, что можно будет инкриминировать вам самой. Если вы даже в малейшей степени не уверены по поводу вопроса, смотрите на меня. Я буду вас направлять.

Рейн кивнула. Она ненавидела нервничать. Правда была на ее стороне. Но это не означало, что она прекратила волноваться.

Несколько минут спустя ее вызвала женщина-детектив. В животе у Рейн всё сжалось, когда она последовала за женщиной в маленькую, серую допросную. Кэлвин шел позади, когда коп предложила ей сесть, он выдвинул стул.

— Рейн Кендалл? — спросила женщина.

Выглядела она по-деловому, и было ей около тридцати. Ее длинные темные волосы спадали на спину в конском хвосте. На ней почти не было макияжа, а застегнутая на пуговицы рубашка выглядела так, словно была мужской. К ремню были пристегнуты значок и пистолет. От нее исходили нетерпимые не-трахай-мне-мозги вибрации.

И она до чертиков пугала Рейн.

— Да.

— Я детектив Перез. Мне бы хотелось задать несколько вопросов о вашей связи с Макеном Хаммерманом. Вы знакомы с ним?

— Да.

— Как вы познакомились?

Рейн посмотрела на адвоката. Ответ на этот вопрос мог быть истолкован неверно и принести Хаммеру еще больше неприятностей. Но, вероятно, Кэлвин многого не знал для того, чтобы судить об этом.

Она пожала плечами.

— Я точно не помню.

— Какого рода у вас отношения в данный момент?

Рейн перебрала в уме варианты возможных ответов и постаралась выбрать самый безопасный.

— Мы вместе живем.

— Вы состоите в сексуальной связи, так?

— Моя клиентка не обязана отвечать на этот вопрос, — вставил Кэлвин.

— Это важно для следствия. — Перез пронзила их пристальным взглядом. — Мне необходимо выяснить, как долго мисс Кендалл оставалась секс-рабыней.

— Что? — Рейн закатила глаза, по-настоящему желая, чтобы все прекратили думать, что она была жертвой и шлюхой. — Я НЕ секс-рабыня. Мы с Хаммером состоим в серьезных отношениях, и я с ним по доброй воле.

Перез подняла каштановую бровь.

— Вы живете и находитесь в отношениях с мистером Хаммерманом, но так же живете и с мистером О'Нейлом? Добровольно занимаетесь с ним сексом, так?

По ощущениям Рейн, теперь Кэлвин всем своим видом показывал досаду.

— Моя клиентка выразилась, что не является секс-рабыней. По закону она уже взрослая и кого она выбирает в сексуальные партнеры — это ее дело.

Рейн вскинула голову и пыталась сохранить хладнокровие.

— Вы когда-нибудь были замужем?

Детектив похлопала глазами.

— Дважды.

— Вы любили обоих своих мужей?

Перез смотрела на нее так, словно вопрос был нелепым.

— В тот период времени, конечно.

— Значит, вы должны знать, каково это любить больше одного мужчины за свою жизнь.

Просто со мной это случилось в одно и то же время, и они это приняли. А теперь, не желаете ли задать мне реальные вопросы или вы привезли меня сюда, чтобы пристыдить?

Полностью с ней согласный, Кэлвин улыбнулся и буркнул себе под нос.

— Двигаемся дальше...

Лицо детектива застыло.

— Когда у вас с мистером Хаммерманом начались сексуальные контакты?

— Если вы спрашиваете, была ли я подростком, то ответ — нет. Я была уже достаточно взрослой. Если же вы интересуетесь, подвергалась ли я с его стороны жестокому, пренебрежительному обращению, насилию или не причинял ли он мне вреда каким-либо образом, то ответ также отрицательный.

— Он был вашим сутенером? Принуждал к сексу с ним и другими людьми? Жил за ваш счет?

— Проклятье, да нет же! Это просто глупость какая-то. Вы совершенно ничего не знаете о нас.

— Я знаю, что вы беременны. — Перез бросила на нее самодовольный взгляд. — Вы в курсе кто отец ребенка?

— Нет, и если подобное незнание является преступлением, то большинство участников дневных ток-шоу следует арестовать. Макен Хаммерман не совершил ничего, кроме того, что сделал меня счастливой. И любому, кто спросит меня, я отвечу то же самое.

Теперь уже Кэлвин рассмеялся в открытую.

— Еще вопросы?

Детектив нахмурилась, и у Рейн сложилось впечатление, что эти двое поцапались еще до допроса.

Перез смерила Кэлвина по-настоящему злобным взглядом.

— В действительности множество. — Женщина подвинула к Рейн кипу бумаг. — Это копии денежных переводов, выписанных вашему отцу. Две тысячи долларов в месяц на протяжении шести лет. Вы знали, что Хаммерман платил вашему отцу?

Рейн посмотрела на бумаги, все ее тело скрутило. Она узнала подчerk Хаммера, поэтому ей следовало быть осторожной.

— Я никогда раньше не видела этого.

И это была правда.

— Как я понимаю, вы вели счета мистера Хаммермана.

— Да, но...

— Он каждый месяц выписывал денежные переводы, но вы никогда не видели и не слышали ничего об этом, несмотря на то, что вели его бухгалтерию? — Перез посмотрела на нее скептическим взглядом.

— За мной закреплена документация клуба, а не его личная. Он свободный человек, и я не в курсе всех его действий. Если эти копии получены от моего отца, то я бы отнеслась к этому с большим недоверием. Он был алкоголиком, убийцей и насильником, готовым на все, чтобы срубить быстрых денег. Я не знаю, являются ли эти денежные переводы подлинными.

Однажды, когда я была ребенком, мой отец украл чековую книжку какого-то парня и в течение недели выписывал чеки, которые не были покрыты остатком денег на банковском счете. Таким образом, наиболее вероятным сценарием является то, что отец вымогал у Хаммера деньги.

— Из-за того, что тот имел сексуальную связь с его несовершеннолетней девочкой?

— Моя клиентка уже говорила, что не занималась сексом с мистером Хаммерманом в подростковом возрасте. Вам действительно необходимо продолжать топтаться на месте?

Теперь Перез ударила ладонями по столу и сосредоточила взгляд на Рейн.

— Делая простые математические расчеты, приходим к выводу, что вы были несовершеннолетней, когда пришли жить к мистеру Хаммерману в этот мерзкий клуб, так? Сверкайте на меня глазами сколько хотите, но школу вы закончили в семнадцать. В день своего восемнадцатилетия вы продлили водительские права и указали «Темницу» как место жительства. Имя мистера Хаммермана фигурирует в каждом вашем банковском счете. А теперь вы хотите убедить меня, что не являетесь секс-рабыней, удерживаемой против своей воли?

— Именно это я и утверждаю. — Рейн заставила себя ответить на взгляд детектива.

— Все вышесказанное вами доказывает лишь то, что я связана с одним из своих возлюбленных.

— У нас есть видео, на котором он появляется, чтобы изнасиловать вас.

Рейн бросила на Кэлвина встревоженный взгляд, а затем вспомнила, что он ничего не знал. Но она знала о своей страсти к Хаммеру.

— Вы не обязаны комментировать это, — вставил адвокат.

Ох, но Рейн хотела.

— Не знаю, о каком видео вы говорите... — вероятно, запись видеонаблюдения клуба, она представить не могла, каким образом они ее заполучили, — но то, что для вас изнасилование, для меня — кайф. Я люблю грубый секс и это не преступление. Я была согласна каждый раз.

Перез послала ей уничтожающий взгляд.

— Вы говорите, что кто-то столь миниатюрный, как вы, наслаждается, когда ее избивают двое мужчин, которые больше, старше и сильнее?

— Да. Это называется подчинением, дорогая, — не смогла устоять Рейн

— Так вы признаете, что являетесь рабыней?

— Нет. Если вы не знаете разницу между сабмиссивом и рабыней, то никогда не поймете то, что я говорю. Я по собственному выбору отдала ему власть над собой, но могу и забрать ее, например, вот так, — она щелкнула пальцами, а затем посмотрела на Кэлвина. — Уведите меня отсюда. Я не желаю оставаться здесь, раз ее не интересует ничего, кроме того, что поможет растоптать Хаммера.

— Согласен, — Кэлвин поднялся и взял свой портфель. — Пойдемте.

Рейн вскочила со стула. Она хотела домой. Увидеть Хаммера и Лиама. Хотела провести эту дерьмовую ночь рядом с ними.

— Подождите! — окликнула их Перез, прекратив, наконец, важничать. — Мисс Кендалл, вы не должны защищать мистера Хаммермана. Мы все время встречаем жертвы, похожие на вас, которыми манипулируют опытные красавчики, знающие, как заманить молодых девчонок в секс-индустрию. Что он дал вам такого, чего вы не получили дома? Деньги? Внимание? Он подточил ваше ощущение безопасности, а потом сделал так, что вы

почувствовали себя нормально, прежде, чем взять вас в свою постель? Прежде, чем разделить вас со своими друзьями и партнерами? — Детектив обошла стол и взяла Рейн за плечи. — Не дайте ему уйти. Одно ваше слово, и мы сможем его посадить. Он больше не причинит вам вреда...

— Не прикасайтесь ко мне, — Рейн отшатнулась. — И не надо меня опекать. Вам с вашим мрачным очарованием пора научиться видеть в мире хорошее. Хаммер удивительный человек, и не важно, под каким непристойным углом вы выставите наши отношения, мы любим друг друга, и я буду защищать его до последнего вздоха. Если вы ищите свидетеля, который будет давать показания против него, то это не я.

Она не стала ждать, что ответят Кэлвин или Перез. Рывком открыла дверь и, не оглядываясь, выскочила наружу.

В конце фойе она увидела прохаживающегося в ожидании Лиама. Она подбежала к нему и кинулась в его объятия.

— Ты в порядке?

— В порядке, любимая. А ты? Что они спрашивали?

— Вопросы были ужасные. Судя по их мнению, я стала безвольной марионеткой. Они вывели меня из себя. — Она повернулась к нагнавшему их Кэлвину. От предчувствий у нее сжался желудок. — Я подставила Хаммера, да?

— Нет, — было похоже, что он все еще смеялся. — Думаю, можно смело сказать, если дело дойдет до суда, обвинение не станет вызывать вас свидетелем.

Наверное, нет. Но Рейн все еще волновалась, что будет суд, обвинение и заключение в тюрьму по ложному обвинению. Ее ужасало, что Хаммера посадят, а она никак не сможет этому воспрепятствовать.

Во время поездки домой, Хаммер с горечью рассказывал своим друзьям о допросе. Сет лишь покачал головой на обвинения детективов.

— Все, что я хочу узнать, это где найти Ривера, — заговорил Бек. — Мне бы хотелось забыть свою клятву Гиппократу на несколько часов и причинить много боли этому членососу.

— Вставай в очередь, — прорычал Хаммер.

Оставшаяся часть пути показалась необычайно тихой. Бек никогда не выбирал выражения, но после этой колкости он обменялся несколькими взглядами с Сетом, что заставило Хаммера нахмуриться.

— Есть еще что-то, чего я не знаю? — поинтересовался он у них.

Когда сумерки перешли в ночь, Сет выехал на подковообразное шоссе. Казалось, что они с Бексом продолжали вести еще одну безмолвную беседу.

Вот теперь Хаммер однозначно что-то заподозрил.

— Неа, — отмахнулся Бек. — А теперь... хочешь потусоваться с нами в машине и, подключив свою внутреннюю вагину, обсудить свои чувства? Или предпочтешь провести ночь с Рейн и Лиамом?

Однозначно.

— Найди себе свою вагину, — парировал Хаммер. — А я собираюсь домой.

Их дом освещали садовые огни. Пока он рассматривал структуру штукатурки теплого серого цвета, его начали грызть страх и всяческие «что если». За этой блестящей черной дверью находилось его сердце, сияя за теми панорамными окнами. Он желал запереться внутри с двумя самыми любимыми людьми, получить передышку в теле Рейн и провести каждую секунду, наделяя ее воспоминаниями, вместе с Лиамом.

Однажды может так случиться, что все, что у него останется, это воспоминания.

— Молодец, — Бек похлопал его по плечу. — Позвони, если понадобится.

— Но не слишком рано. Теперь, вернувшись в город, я планирую отыскать одну сочную блондиночку и пригласить ее на свидание. Если все пойдет по плану, я вознесу сладенькую Хевенли на небеса, — произнес Сет, растягивая слова.

Бек резко обернулся и, издавая какие-то тихие и угрожающие звуки, едва ли похожие на человеческие, смерил следователя смертоносным взглядом.

Вспомнив драку в стиле третьей мировой войны, которую они с Лиамом однажды устроили из-за Рейн, Хаммер покачал головой.

— Время быстротечно. Вам двоим стоит последовать собственному совету и разделить между собой Хевенли. Спасибо, что подвезли.

Макен вышел из машины и широкими быстрыми шагами направился к дому. Рейн с Лиамом подскочили с дивана и бросились к нему. Он сгреб ее в объятия и по-дружески пожал плечо своего лучшего друга.

— Ты дома! Ох, слава Богу, — проговорила Рейн, не отрываясь от него.

И это очень устраивало Макена. Он тоже не желал выпускать их обоих. Позже еще будет время, чтобы обсудить эту тему. А прямо сейчас все, чего он хотел, это потеряться в окутавшей его любви.

— Она готова была на стену лезть от беспокойства, — сказал Лиам, зарываясь пальцами

в ее гриве чернильного цвета. — Мы оба были готовы.

Хаммер обхватил ладонями лицо Рейн.

— С заднего сиденья фургона я видел, как ты потеряла сознание. С тобой все в порядке?

— Все хорошо, — ответила она. — Правда.

Хаммер поцеловал ее в макушку и посмотрел на Лиама.

— Слава Богу, что ты был рядом и поймал ее.

— Я тоже рад. Как видишь, физически с ней все в порядке. Эмоционально же, думаю, все мы находимся в долбанном раздрае, — признался Лиам.

— Давайте поговорим об этом позже, — прокаркал Хаммер, обнимая ее сильнее.

Лиам взял Рейн за руку и пожал ее.

— Любимая, думаю, единственное, в чем сейчас нуждается Хаммер, это ты.

— Нет. Я нуждаюсь в нас.

Эмоции застряли в горле, стоило ему подумать о том, что он может потерять этих самых лучших для него людей. Он вдохнул аромат Рейн, отмечая этот важный момент в самых глубоких тайниках своей памяти.

Просто на всякий случай.

— Ну, тогда... — сказал Лиам, — давай дадим мужчине то, что ему нужно.

Рейн захлопала ресницами. Хаммер чувствовал, что она разрывалась между желанием поговорить о допросе и облегчить его состояние. Но она отложила все на потом, обвила руками его шею и притянула вниз, чтобы наградить радушным поцелуем. Он накрыл ее губы, как только она отодвинула свое беспокойство, чтобы помочь ему. Чтобы услужить ему. Поделиться с ним своим комфортом, прикосновениями, любовью.

Лиам стоял рядом, положив теплую руку ему на плечо и целуя ее шею.

Их присутствие было наилучшим бальзамом.

Они были его домом.

Минуты утекали. Могло пройти десять или тысяча. Единственное, что было известно Макену, это то, что когда оторвался от поцелуя, он чувствовал себя спокойным, практически невозмутимым.

Он выпил слезы, пролившиеся из глаз Рейн. Все они были слишком настроены друг на друга, чтобы не ощутить страдание другого. Хаммер чертовски сожалел, что его беспокойство передалось им. Он не мог обещать им вечность, но мог сделать все от него зависящее, чтобы облегчить их состояние этой ночью.

Хаммер повернулся к Лиаму.

— А где Брин и Дункан?

— Отсыпаются после смены часовых поясов. Мама должна знать, что не стоит нас сейчас прерывать. Я разместил их в гостевой спальне в другой части дома, просто на всякий случай.

Слишком далеко, чтобы услышать крики Рейн. Хотя для Брин звуки не имеют значения.

— Значит сегодняшняя ночь наша.

— Мне бы этого хотелось, — прошептала Рейн.

Лиам взял в ладони ее голову.

— Пошли.

Рвано задышав, Хаммер поднял Рейн к своей груди. Она обвила его шею руками и потянулась к Лиаму. Их пальцы переплелись, в то время как Хаммер повел их вверх по лестнице, в спальню.

Макен уложил ее на кровать, стоящую в ореоле серебряного света, исходящего из ванной, и сам последовал за ней. Не говоря ни слова, она открылась для него, неосознанно разводя руки и ноги. Он покрыл ее собой, расположив локти по обе стороны от ее головы, отвел спутанную прядь волос с ее щеки. И устался на нее. Блять, да он мог бы делать это вечно и так и не устать от этого вида.

Но, вероятно, у него не было такого количества времени.

Не желая тратить зря ни секунды, Хаммер склонил голову и прикоснулся своими губами к ее. Все в ней было мягким. Он надавил, углубляя поцелуй и наслаждаясь моментом, словно вновь открывая ее для себя.

Его сердцебиение ускорилося.

Насколько часто за прошедшие годы он думал о том, как раздевает ее донага, берет ее тело, слушает ее крики? Контролирует ее, порет, упивается властью над ней? Много, слишком много, чтобы считать. Временами он мог поклясться, что горел заживо от того, что не мог обладать ею. Он целовал ее сотни, а может, и тысячи раз с тех пор, как они стали любовниками, но никогда не прекращал смаковать важность момента, когда их губы встретились в первый раз. Теперь же простое прикосновение выбило его из колеи.

— Макен? — моргнув, она посмотрела на него.

Она хотела знать, что с ним не так. Ответом было «все», но это не ее вина. Рейн отодвинула свое беспокойство, чтобы утешить его. И ему следует поступить также.

— Ш-ш-ш. Сейчас я здесь.

В уголках ее глаз заблестели слезы.

— Я всегда рядом.

В груди у него что-то сжалось. Хаммер сглотнул, затем наклонился, чтобы снова ее поцеловать. На этот раз проводя своим ртом по ее губам. Как и всегда, ее щеки покраснели. Она мягко выдохнула. Губы приоткрылись.

Наклонившись снова, он больше не мог сдерживать свой голод. Он сгреб ее шелковистые волосы в кулак и завладел ее ртом, погружаясь глубже.

Она подрывала его контроль, а он насыщался своими чувствами к ней. Его мозг кричал ему остановить время и насладиться этим выбивающим дыхание моментом. Навечно. Но Рейн захныкала, обвив руками его плечи, а ногами — бедра. В силе ее объятий чувствовалось отчаяние.

Желание с грохотом пронеслось по всему телу Макена, и он потерялся.

Тяжело втянув воздух, он напал на ее губы, чтобы заявить права. Рейн переплела свой язык с его. Он поглощал ее, изголодавшись по ее вкусу. Ее особенный вкус отпечатался на его рецепторах. Он прижал ее к сердцу.

Кровать прогнулась, когда к ним присоединился Лиам. Не разрывая поцелуя, Хаммер перекатился на свою сторону, утягивая Рейн за собой. Ногами она усилила захват, прижавшись к нему, позволяя себе потерять голову. Он обнял ее крепче и снова принялся за губы, погружаясь все глубже.

А потом ее поцеловал Лиам. Их руки водили по ее волосам, прежде чем мужчина стянул с нее рубашку с одной стороны, целуя обнажившееся плечо и прокладывая путь к шее.

Рейн задрожала, от возбуждения у нее перехватило дыхание. Она потянулась вниз, чтобы обхватить бедро Лиамы, она касалась их обоих, и, сдаваясь, выгнулась дугой.

Макен придвинулся сзади. Когда дурманящие поцелуи прекратились, вернулись страх и опасения. Он отказывался пугать ее и портить момент.

Но она знала, лицо ее исказилось. Из глаз потекли слезы.

— Не надо. — Большими пальцами он стер их и обхватил щеки ладонями, успокаивая ее томительным поцелуем.

Он чувствовал ее дрожь от беззвучных всхлипов, но она кивнула, растворяясь в нем, молча давая ему свое согласие.

Лиам взял ее за руку, поглаживая большим пальцем костяшки.

— Любимая.

Да, он был именно тем, кто утешит ее. Хамер не мог пообещать ей будущее, а Лиам сможет остаться, чтобы подобрать осколки. К тому же, как только Макен перестал настаивать на том, чтобы обладать ею единолично, одним из самых больших удовольствий для него стало наблюдать, как его лучший друг развлекается с их девочкой

Взяв ее за плечи, Хамер поцеловал Рейн в лоб и развернул к Лиаму.

Она немедленно протянула руку и обняла мужчину. Он взял ее лицо в свои большие руки и внимательно, ничего не говоря стал изучать выражение ее глаз. Лиам любил ее. В этом Хамер не сомневался. Он видел, как это чувство светится в глазах друга.

Небольшая морщинка появилась у Лиамы между бровей. Его друг был сильно обеспокоен. Но спокойно лежащая Рейн, придвинулась к его рту в поисках поцелуя прежде, чем мазнув по его щеке губами, пересечь лоб, а потом проложить путь к носу. Спустя один вдох она потянулась вперед и соединила их губы. Лиам встретил ее, пальцами впиваясь в рубашку и поглощая ее без остатка. Хамер смотрел как между ними, вздымаясь, бурлила любовь.

Горьковато-сладкая боль сжала его легкие. Он провел гребанные годы, барахтаясь в прошлом, в беспокойстве, чувстве вины и других бесполезных эмоциях. Он был идиотом. Дураком. Впервые он отодвинул их в сторону и просто поразился, насколько хорошей подделкой они оказались. В сравнении с безоговорочной любовью, которую сейчас делили они втроем.

Очарованный, он пристально наблюдал, как Лиам и Рейн пожирали друг друга в голодном поцелуе. Лиам утешал ее ласками, в то время как она мягко извивалась, открываясь и подчиняясь. Хамер чувствовал, как по ее телу прокатывалась дрожь потребности. Его друг в ответ притянул ее еще ближе, как если бы собирался съесть ее.

Хамер понял, что они нуждались в подтверждении своей любви и связи так же сильно, как и он.

Когда Лиам отстранился, Рейн перекатилась на спину, глядя на них, пока они нависали над ней. Хамер смотрел на припухшие губы Рейн и голубые глаза, полные смятения. Протянув к ним руки, она вновь выглядела почти сломленной, до боли желая прикосновений. В безмолвном утешении Макен уткнулся щекой ей в руку, затем повернулся и поцеловал ее ладонь. Он впитывал в себя ощущение ее тонких пальчиков, жара ее плоти, любви в ее глазах.

Позади него Лиам поднялся на носочки, снял обувь, рубашку и штаны. Хамер последовал его примеру. От Рейн, наблюдающей за ними, исходило отчаяние. Какая-то безрассудная его часть желала нырнуть в кровать и довести до восторга каждый сантиметр ее тела. Но если это был его последний шанс, чтобы насладиться их любовью, то он хотел использовать это время, погрузившись в ощущения, и окружить ее нежностью и обожанием, которые она заслужила.

Скидывая с себя остатки одежды, они с Лиамом обменялись взглядами. И этот взгляд

сказал Макену, что они были на одной волне, разума и сердца. Они не станут заострять внимание ни на чем ином, кроме друг друга.

Вместе они с Лиамом двинулись вперед на кровать и стянули кофточку и бюстгальтер Рейн. Шелковая ткань соскользнула прочь, медленно показывая мягкую кожу плеч, груди. У него перехватило дыхание. Она светилась. Каждый раз, как он думал, что Рейн не сможет стать для него еще прекраснее, она доказывала его неправоту.

Рядом с ним, негромко ругнувшись от желания, Лиам оголил ее вторую грудь.

Она переводила взгляд с одного на другого, губы ее дрожали. Она протягивала к ним руки.

Хаммер не стал терять ни секунды.

Он упал на колени рядом с ней, прижав руку к ее набухшей плоти. Затем он набросился на ягоду соска и сжал его губами. Краем глаза он увидел, что Лиам одарил трепетным вниманием ее вторую грудь.

Они глубоко втянули ее соски, заострив внимание на поклонении ей и ее удовольствию. Рейн негромко захныкала и прижала их головы к груди, постанывая и полностью отдавая им себя.

Пока кончик его языка описывал круги вокруг бутона и упивался ее извиваниями и негромкими вскриками, его пальцы заскользили вниз по изгибу талии, сдвинули штаны для йоги и нырнули меж обнажившихся складок.

Рука Лиамы была уже там, разжигая возбуждение, исследуя.

— Каково это чувствовать нас обоих спустя столь долгий срок, любимая?

— Лучше, чем просто хорошо. Как и должно быть. — Ее голос сорвался от эмоций. — Не хочу, чтобы это заканчивалось.

И никто из них не хотел.

В воздухе витала грусть. Если Хаммер допустит, то опустошение раздавит его, поэтому он сосредоточился на их близости. Он собирал каждую частичку любви, которую они разделили, и размещал в глубине своей памяти.

Лиам сорвал с нее штаны и ввел пальцы во влагалище, оставив Хаммеру пространство, чтобы скользить по ее набухшему клитору.

Как только они занялись ее промежностью, она раздвинула ноги, открываясь для них. Без всяких игр в застенчивость, без преград. Только стоны мольбы и обожания, которые раздули пожар его желания до сумасшедшей, головокружительной высоты.

Ошеломленный, опьяненный Хаммер оторвался от ее груди. Боже, он не мог смотреть на нее, не желая поглотить целиком. Его кровь кипела. Член пульсировал.

Ничто не могло удовлетворить его так, как пребывание с Рейн и Лиамом.

Зарывав, Макен наклонился и накрыл губы Рейн своими. Заскользил языком по каждой впадинке и выемке ее рта, изливая свое желание, переходя от одного жаркого поцелуя в другой. Он упивался ее вкусом и припрятывал каждый оттенок, чтобы суметь ухватить их, когда соскучится по ней как... как каждый гребаный день.

Он посмотрел на ее красивый рот.

— Прелесть.

— Я люблю тебя, Макен, — прошептала она.

«Иисусе, как я выживу без нее?»

— Я люблю тебя, Рейн, — прошептал он. — Всегда любил. Всегда буду.

Хаммер провел языком к ее пупку. Посмаковал чуть соленую кожу, когда уловил

движения поблескивающих от влаги пальцев Лиама,двигающихся внутрь и наружу из ее сердцевины. Ее женственный аромат, сильный и притягательный, повис в воздухе. Макен не сомневался, что они с Лиамом будут овладевать ею всеми возможными способами до тех пор, пока ей не станет сложно ходить, она не выбьется из сил и не будет обласкана с ног до головы.

Скользя взглядом по ее обнаженной коже, он остановился на едва заметной выпуклости ее живота. Для кого-то, кто не был ее любовником, это могло быть незаметно. Но его эти изменения ошеломляли.

— Подожди. Не двигайся. — Он соскочил с кровати.

— Ты куда? — спросила она с тревогой в голосе.

— Я не уйду, — заверил ее Хаммер. — Просто... мне необходимо увидеть тебя.

Прежде, чем броситься к прикроватным тумбочкам, он щелчком включил свет над головами, заливая комнату сиянием. Включив прикроватные лампы, он забрался обратно на матрац, любуясь тем, как мягкий свет освещает ее, словно жемчужину.

Его взгляд блуждал по более темным бусинками сосков, затем вернулся туда, где защищенный ее лоном рос их ребенок. С тех пор, как врач приемного отделения шокировал их новостью о ее беременности, он осмысливал идею о том, что внутри нее находилась жизнь, но очевидные доказательства сейчас сделали сей факт очень реальным.

Увидит ли он когда-нибудь, как растет и наполняется живот Рейн, если его посадят? Почувствует ли, как перекачивается и толкается через натянутую кожу созданный ими ребенок? И когда это чудо придет в этот мир, неужели только Рейн и Лиам встретят его? Макен знал, что может пропустить первый крик этой жизни, ощущение извивающегося в его руках комочка и чистый аромат ребенка. Он не проведет губами по теплой коже или покрытой пушком головке. Его не будет рядом, чтобы наблюдать, как растет их малыш, чтобы защитить, направить, научить миллиону и одной вещи, которыми он жаждал поделиться.

— Макен? — ее голос дрожал.

Даже Лиам застыл рядом с ней в ожидании и окидывал его испытывающим взглядом.

Они ждали его реакцию. В голове лихорадочно метались слова.

Однажды этот ребенок будет нуждаться в нем. И ему тоже будет нужен его сын или дочь. Хаммер закрыл глаза.

Одним безрассудным действием Ривер может оторвать его от счастливой семьи и всех его самых диких мечтаний. Воздух рваными толчками покинул его легкие.

Пока казалось, что все внутри него рушилось: его контроль, будущее, его гребанная душа; тишина, стоящая в комнате, звенела в голове.

Они оба все еще смотрели на него и молчали. Ему казалось сумасшествием, что они беспокоились о том, что беременная Рейн окажется для него не привлекательной.

Хаммер отодвинул надвигающееся бедствие на потом и сосредоточился на двоих людях, что любил. Он прижался губами к жизни, растущей внутри Рейн.

— Ты никогда не выглядела прекраснее.

Лиам расслабился.

— Это правда, любимая.

Стиснув челюсть, Макен утопил палец в пупке Рейн, отчаянно желая заклеить их ребенка отцовским прикосновением. Ему хотелось умолять их не забывать его. Но это было бы эгоистично.

Ничего не сказав, он начал отодвигать руку.

Прежде, чем это случилось, Лиам положил свою ладонь поверх костяшек Макена.

В глазах лучшего друга светилось понимание.

— Что бы ни случилось, я все сделаю. Тебе никогда не придется беспокоиться о Рейн или нашем ребенке, брат.

— Наш ребенок всегда будет защищен и любим, — поклялась Рейн.

Хаммеру не хватало воздуха. У него не получилось бы выразить, насколько он благодарен. Вместо этого он кивнул и вспомнил ощущение переплетения их с Лиамом рук, когда они накрыли выступающий животик их женщины.

Из ее горла вырвался всхлип.

Хаммер изо всех сил боролся, чтобы вернуть самообладание, он отказывался позволить страху разрушить оставшееся у них время, перед тем, что может случиться.

Расположившись между ее ногами, он положил руки ей на бедра и поцеловал внутреннюю сторону бедра.

— Рейн, отдай нам все.

— Всегда, — торжественно проговорила она, заставляя себя дышать.

Внутри у нее все дрожало. Ей хотелось ругаться, кричать и задавать миллион вопросов. Департамент полиции Лос-Анджелеса расстроил ее, но видеть, как они ошеломили всегда непоколебимого Макена Хаммермана...

Должно быть, его допрос был более выматывающим, грубым и болезненно личным.

Очевидно, они уверились, что он был виновен в предъявленных ему ужасных обвинениях. О, Боже... Неужели он сядет в тюрьму за отвратительное преступление только потому, что помог ей, когда она больше всего в этом нуждалась?

И последнее, что на данный момент ему нужно знать, это то, что их с Лиамом тоже опросили. Кстати об этом, Лиам был прав. Сейчас Хаммеру просто нужна их любовь. Неважно, насколько сложно сдержать свой страх и горе и поставить его нужды на первое место, Рейн поклялась сделать это.

— Все, что угодно. Я принадлежу вам двоим. — Лежа под ним, она развела колени шире, приглашая его продвинуться глубже.

— Рейн... — прохрипел он.

Пока ее сердце распадалось на кусочки, она схватила Лиам за руку, безмолвно моля его о силе. Он находился рядом, и в глазах его была спокойный приказ. Чтобы подчинилась. Чтобы успокоила Макена. Затем он придвинулся ближе и запечатлел поцелуй на ее губах.

— Я здесь.

Когда она благодарно кивнула, Хаммер опустил ее, чтобы поцеловать ее обнаженную киску, словно он никогда ранее не касался чего-либо, столь же хрупкого и драгоценного. Словно не хотел никогда уходить.

Этот жест благоговения и смирения просто убил ее.

Многие годы он был мастером своего дела и был в состоянии подчинять жизнь своей воле. Он был всем для нее. Кто-то другой уходил. Но не Макен. Он был неизменным. Защищал ее от любых напастей. Он завоевал ее доверие, даже когда отказался от любви, которую она жаждала подарить ему, которая так сильно была ему необходима, пока ждал, когда она созреет и расцветет.

Теперь же, когда они разделили что-то такое особенное и реальное, он не мог оставить ее.

Лиам приласкал ее щеку, даря ей еще больше своей стойкости. Ее внутренности снова сжались. Ее ирландец всегда такой чуткий и терпеливый. Он выслушивал и предлагал ей либо понимание, либо наказание, в зависимости от того, что ей нужно в настоящий момент времени. Как сейчас.

Оба мужчины любили ее, даже когда личные неудобства были серьезными, неприятными и почти неприемлемыми.

Как ей уместить целую жизнь, полную любви, в столь короткий промежуток времени? Разве могла она сделать меньше, чем отдаться им без остатка?

Она кивнула Лиаму. Его нежная улыбка была полна горечи, когда он поцеловал ее в губы, побуждая открыться и внутренне очиститься. В то же время Хаммер языком проложил дорожку к самому ее чувствительному местечку.

Шокирующее удовольствие прострелило ее даже сквозь печаль. Прошло так много времени с тех пор, как они втроем были единым целым. Она желала их каждой клеточкой своего тела, каждым ударом сердца, каждой мыслью, каждым вздохом. Любым способом, которым они могли ею овладеть.

Закричав, она выгнулась к ним навстречу.

Они прекрасно знали, как работать в паре, чтобы сломить ее решимость и раздуть желание. У них имелась негласная связь, за которую она будет вечно благодарна, но которую никогда полностью не понимала. Казалось, они были половинками одной души. И Рейн опасалась, что один не будет цельным без второго.

Она уж точно никогда не будет цельной без них обоих.

Словно почувствовав, что она снова готова позволить горю себя отвлечь, Лиам обхватил ее запястья и прижал их у нее над головой. Хаммер крепко прижал ее бедра к кровати. Словно команда, они за секунду зафиксировали ее. Оба знали, что лишить ее контроля это самый быстрый способ свести ее с ума. Они желали ее полной капитуляции.

Рейн плавилась для них, для занятия любовью, которому она с удовольствием посвятила бы себя снова и снова.

— Вот так, — пробормотал Лиам, — дай мне свой язычок.

Она открылась с приглушенным вскриком, позволив его языку вновь скользнуть ей в рот. Хаммер обвел ее лоснящиеся складочки, потом подразнил клитор, ритмично посасывая и покусывая его, пока у нее не зазвенело в ушах и мысли не улетучились. Пока она не начала метаться между ними.

— Превосходно. А теперь изогнись так, чтобы твоя грудь легла в мою ладонь. — Негромкое, сексуальное требование послало ей еще одну жаркую волну желания. Рейн сделала так, как сказал Лиам. — Прекрасно. Ее соски затвердели.

— Ее влагалище исходит соками, — пробормотал Хаммер прежде, чем снова склонить голову.

Она скомкала простыни, охваченная жаром, сходя с ума от наслаждения.

Лиам сжал ее сосок.

— Ее капитуляция так опьяняет.

— Давай заставим ее кончить так, чтобы задрожали колени.

— Пожалуйста, — Рейн таяла между ними. — Да. Я принадлежу вам. Навсегда.

— Прелесть... — Хаммер сглотнул комок.

— Ах, любимая... — Лиам освободил ее запястья, чтобы приласкать, покусывая ее нижнюю губу.

Она бросила на него страстный взгляд и приоткрыла рот, позволяя ему делать все, что вздумается. Вероятно, он увидел слезы, увлажнившие ее глаза. И как всегда, он поймет. Он так же сотрет их и заменит ее горе блаженством.

Пока он целовал ее, Макен потер ее клитор подушечкой большого пальца, прежде чем снова взять его в рот. Рейн закрыла глаза и просто отдалась ощущениям.

Словно у ее пальцев имелась собственная воля или они жили сами по себе, она зарылась ими в волосы Хаммера. Ему нужно подстричься. На концах волосы слегка завивались. Как человек, который гордился тем, что контролировал все и вся, он не был бы благодарен за посягательство на его самостоятельность. Но она получала наслаждение, зарываясь в мягкие пряди его волос и слегка потягивая их, когда поднимала свои бедра ему навстречу, предлагая ему каждую частичку себя.

Он поглощал ее алчным нажимом губ, скольжением языка. Ее желание нарастало, наполняя ее до краев. Она отчаянно вцепилась в него.

Их с Лиамом ароматы смешались и окутали ее, наполнили голову. Двойное давление их тел возбуждало так, что сердце дало сбой. Она знала звуки, которые они издавали, уступая собственному наслаждению, то, как они улыбались, когда она заставляла их смеяться, слова, которые они использовали, чтобы похвалить ее, и выражения их лиц, когда они говорили ей о своей любви.

Ее сердце еще никогда не было таким наполненным.

Она льнула к ним так, словно могла бросить вызов судьбе и удерживать их вечно. Она была возбуждена и твердо настроена выжать из этой ночи все воспоминания, какие только сможет.

Хаммер обвел пальцем ее промежность. У нее перехватило дыхание, внутренние мышцы сжались от желания, нуждаясь в том, чтобы один из них заполнил эту пустоту. Лиам добавил наслаждения, неторопливо лаская ртом ее соски.

— Возьмите меня. Пожалуйста... — молила она с задыхающимся стоном.

— Мы планируем делать это, любимая. Всю ночь напролет, — и он вновь присосался к ее чувствительным вершинкам.

Хаммер оторвался от ее влажной сердцевины, его губы блестели.

— Когда будем готовы, а ты дойдешь до такого отчаяния, что не сможешь дышать. И не секундой раньше, прелесть.

С озорным блеском во взгляде он навис над ней и запустил руку ей в волосы, затем, накрыв ее губы своими, он заклеил их. Оставляя на ее языке солоновато-терпкий вкус ее естества. А когда он углубил поцелуй, ее вкусовые рецепторы просто взорвались.

Его толстый ствол, подразнивая, упирался в ее половые губы. Рейн боролась с желанием приподнять бедра и впустить его сквозь припухшие складочки. Но она не могла командовать. И не хотела. Все, что ей хотелось, это любить своих мужчин, отдать им всю себя, а в ответ ощущать их преданность.

Когда Хаммер провел языком дорожку вниз по ее горлу, она подняла отяжелевшие веки и увидела, как Лиам, расположившийся на своей стороне, горящим взглядом наблюдает, как ласкает свой набухший член.

Ненасытное желание, подобно теплоту шоколаду, пронеслось по ней. Она не могла дожидаться, пока они оба не станут ритмично растягивать и наполнять ее. Словно прочитав ее мысли, Хаммер сгреб ее в объятия и перекатился на спину, расположив Рейн поверх себя с широко расставленными ногами, а его эрекция поместилась прямо между ее складочками.

Он так пристально смотрел на нее, словно никак не мог насмотреться. Рейн смотрела в ответ, потерявшись в неистовой страсти, бушующей в его глазах.

Лиам обхватил ее бедра и прижался сзади, опаяя своим теплом. Она откинула голову ему на плечо, тогда как он прижался влажной грудью к ее спине. Он покрыл жаркими поцелуями ее шею, раскачиваясь на ней, распределяя ее влагу по члену Хаммера и подталкивая жесткий ствол мужчины к ее клитору. Это трение заставляло ее задыхаться.

Макен хрипло застонал.

— Блять, да.

— Ему нравится, любимая, — прошептал он, протянув руки и ухватив ее за тяжелую грудь. — Насколько лучше ты будешь чувствовать себя, когда его толстый член погрузится глубоко в тебя?

Ее соски пульсировали, жаждая внимания. Испытывая отчаянную нужду в прикосновениях Лиамы, Рейн выгнулась, но он раздвинул пальцы шире, избегая измученных пиков.

— Пожалуйста...

— Желаешь чего-то, прелесть? — Хаммер обвел ее сосок, слишком подразнивая и дерзко.

Она впиалась ногтями в его плечи.

— Пожалуйста!

— Сначала ответь ему, — велел Хаммер с резкими интонациями.

Она даже не помнила вопроса.

— Я-я не могу думать. Макен... — Когда Хаммер снова проскользил членом между ее складочками и его толстый ствол толкнулся в ее набухший клитор, она, застонав, задрожала. — Хочу. До боли. Нуждаюсь.

— Ты будешь умолять и задыхаться, прежде чем мы войдем в тебя, — насмеялся Хаммер и наконец-то принялся пощипывать ее горящие огнем соски, разжигая пламя так, что оно прокатилось по позвоночнику Рейн.

Она что-то бессвязно прокричала.

— Какие милые ты издаешь звуки, — промурлыкал Лиам ей на ушко. — Протяни вниз руку и скользни пальцами в киску, Рейн, а потом поднеси их к моим губам. Я ужасно соскучился по твоему вкусу.

Они были ее доминантами, и ей не оставалось ничего иного, кроме как подчиниться, особенно когда тем самым они заставляли ее чувствовать себя желанной и обожаемой.

Лиам поставил ее на колени, и Рейн потянулась вниз, к себе между ног. Кончиками пальцев она столкнулась с толстым, перевитым венами членом Хаммера. Когда он втянул в себя воздух, она обхватила его рукой, наслаждаясь твердостью и жаром.

— Иисусе, — Хаммер качнул вперед бедрами. Мышцы на его шее напряглись.

С соблазнительной улыбкой Рейн выпустила его и погрузила пальцы в собственную влажность. После этого она посмотрела через плечо и встретила пристальный взгляд Лиамы. Задержав дыхание, она поднесла свои пальцы к его рту. Когда его губы сомкнулись вокруг них, она насладились его одобрительным стоном. Живот ее напрягся, пока он лизал и обсасывал ее пальцы.

— Нравится? — шепотом спросила она, целуя его челюсть.

Лиам не ответил. Он зарылся пальцами в ее волосы и поцеловал, лишая дыхания. Его сердцебиение вновь ускорилось, когда Хаммер, едва касаясь, провел ладонью вверх,

направляясь прямо к киске.

— Сейчас, — резко сказал он. — Не думаю, что смогу прождать хоть одну гребаную минуту.

— Полегче, приятель, — Лиам быстро потянулся к прикроватной тумбочке. — Позволь мне подготовить ее как следует.

Хаммер издал разочарованный стон.

— Поторопись, черт подери.

Прежде чем она успела поддержать его требование, он притянул ее к своей груди, заставляя плавиться в огне обнаженных тел, мускулов и сердцебиений. Когда ее попка взвилась в воздух, Лиам наклонился и омыл своим языком каждый сантиметр ее позвоночника. Когда она выгнулась ему навстречу, он обхватил ее ягодицы и нежно прикусил каждую. По всему телу взорвались искры удовольствия, когда он развел их в стороны и приставил два смазанных смазкой пальца к колечку ануса. Нежно, но настойчиво он расслаблял ее мышцы до тех пор, пока она не приняла его и не застонала.

Хаммер поднял девушку, чтобы получить доступ к ее соскам. Изогнувшись, он посасывал и покусывал каждую затвердевшую вершинку.

От набирающего обороты удовольствия, получаемого от них, она зашипела. В крови бурлила эйфория. Ногти впились в плечи Хаммера, когда они вдвоем заявили на нее свои права, а она отдала им всю власть.

Макен перенес внимание на второй сосок.

— Открой свою попку для него, прелесть. Позволь ему сделать тебе приятно и смазать тебя, чтобы он мог скользить глубоко внутри тебя своим толстым членом.

Рейн задыхалась, пока они мучили ее ноющее тело интенсивными движениями рук и неутомимых ртов. С ее губ то и дело срывалось хныканье и стоны. Не говоря ни слова, Лиам с Хаммером понимали друг друга, взаимодействовали так, чтобы удерживать ее между ними, пока она дрожала и кусала губы, пытаясь сдерживать крик.

В конце концов, они заработали членами. Сантиметр за сантиметром внутри нее, растягивая ее изнывающую от желания плоть. Из ее горла вырвался громкий крик, когда они оба скользнули в ее глубины. Хриплые и рычащие стоны и вскрики, язык их любви, резонировали от стен. Muskusный аромат смешался с запахом страсти.

Рейн потеряла ощущение реальности.

Она потянулась к мчащемуся на нее удовольствию, отчаянно нуждаясь в заверениях и обещаниях, в их объятиях. С каждым толчком и мощным выпадом они дарили ей не только физические ощущения совокупления. Это был дар. Клятва в том, что неважно, что принесет с собой завтрашний день, в их сердцах они всю жизнь будут вместе.

Когда Лиам покидал ее пульсирующее колечко, Хаммер погружал свой толстый ствол глубже. От этого неистового ритма ее кровь воспламенилась, опалая кожу. Она таяла, безмолвно умоляя их о милосердии и отдавая им каждую частичку своего тела. Их настойчивые объятия, напористые движения говорили Рейн, что они намерены вместе заклеить ее душу.

Одновременно они остановились. Ее трясло, желание брало вверх над контролем.

— Еще... О, Боже! Пожалуйста. Макен. Лиам. Не останавливайтесь...

Хаммер пальцами возбуждал ее соски до тех пор, пока она не застонала.

— Кто здесь отдает приказы, прелесть?

— Определенно не ты, маленькая жадина, — проворчал Лиам, пошипывая ее ягодицы.

— Пожалуйста, господа, — прохныкала Рейн.

Слезы разочарования и потребности заволокли глаза. Она задвигала бедрами, пытаясь затушить поглощающий ее огонь, но ни один из мужчин не сдвинулся ни на сантиметр. Зажатая между ними, она вся напряглась, призывая их начать двигаться в том бесподобном ритме, который почти отправил ее через край, или желая сделать хоть что-нибудь, что положит конец этому бушующему пожару.

Оба ее мужчины прошипели ругательства, прежде чем Хаммер пронзил ее взглядом, в котором плясали чертята.

— Почему ты пытаешься забрать у нас контроль?

Рейн хотелось кричать.

— Сэр, просто я надеялась...

— Мы точно знаем, на что ты надеялась, любимая, — строго заявил Лиам. — И мы также нуждаемся в этом. Но не ты устанавливаешь, когда и как мы позволим тебе кончить, Рейн. И тебе это известно.

Ей это известно. Ее кольнуло чувство вины, но в то же время требование барабанной дробью разносилось по венам, снося на своем пути все, кроме тяги к ним.

— Попроси снова, прелесть, — Хаммер просунул руку между их телами и поиграл с ее клитором. — Моли громко и долго.

— Пожалуйста, прекратите эту пытку. Я хочу вас обоих. Я так отчаянно нуждаюсь в вас, — выдохнула она. — Помогите мне. Я до смерти хочу почувствовать вас глубже и подарить вам удовольствие.

— Вот это наша прекрасная саба. Возьми нас. Прими каждый сантиметр, — горячо прошептал Лиам ей в ухо глухим голосом.

Они с Лиамом начали раскачиваться внутри нее, и перед глазами вспыхнул разноцветный калейдоскоп. Они погружались и отступали, и повторяли эти действия до тех пор, пока она не вцепилась в простыни.

— Вот так, — проговорил Лиам низким голосом. — Прими нас, Рейн. Сожми плотнее.

Ее жалобные стоны отражались от стен, пока она сжималась вокруг них, откинув голову назад, поднимаясь на волнах обрушившегося на нее экстаза. Лицо Хаммера исказилось, словно он боролся, пытаясь удержать контроль, и большим пальцем безжалостно тер ее клитор. Ее усилия сопротивляться оргазму ослабевали. Паника смешалась с необходимостью. Мысль о том, чтобы подвести их, просто убивала ее.

— Помогите мне. О, Боже. Пожалуйста. Я-я... Макен, Лиам, — прокричала она, и голова ее сорвалась.

— Какие красивые слезы, — хрипло выдохнул Хаммер, стиснув челюсти. — Лиам?

— Да. — Его пальцы обернулись вокруг ее горла, его грудь прижалась к ее спине, и он толкнулся еще глубже. — Да. Сейчас. Иначе я сам вспыхну синим пламенем.

Хаммер взял Рейн за подбородок и посмотрел в глаза, посылая ее в бесконечный водоворот страсти.

— Кончай, сладкая. Кончи для нас сильно и долго.

Это негромкое позволение словно спустило у нее в голове и в сердце курок. Обычно Хаммер резко рывкал команды, но на этот раз пусть по-своему, но он попросил ее навсегда запомнить его как возлюбленного.

Из ее горла вырвалось рыдание, когда она распалась на мельчайшие кусочки, полностью, и даже ее душа распалась, утягивая за собой Хаммера и Лиаму.

Лиам уставился на свою еду, взятую на вынос из ресторанчика китайской кухни, не говоря ни слова на протяжении всего обеда. Хаммер нахмурился, а особенно когда уловил взгляд Рейн, брошенный на второго мужчину, пока она подхватывала жареного цыпленка и лапшу чоу мейн.

Поймав же ее виноватый взгляд, Макен опустил палочки.

— Ну ладно, колись. Что происходит?

Рейн состроила гримасу, а затем задержала вопросительный взгляд на Лиаме. От этого узел в желудке у Хаммера стал плотнее.

— Когда ты вернулся домой, мы не хотели волновать тебя, да и всем нам было необходимо время и прикосновения, которые мы могли бы разделить друг с другом, — Лиам отложил палочки, взвешивая слова. — После того, как тебя увезли полицейские, показалась еще одна патрульная машина. Они сказали нам с Рейн проехать с ними, чтобы также ответить на вопросы.

Хаммер резко опустил ладони на стол. Он стиснул зубы, пытаясь сдержать свой темперамент. В этом не было их вины...но он был сильно раздражен.

— И вы только сейчас говорите мне об этом? — Их молчание было красноречивым — и убийственным. — Стерлинг ничего не говорил. Бек и Сет тоже. Вы дали мне рассказать вам все о моем допросе, а сами не сказали ни слова? Проклятье!

— У тебя и так было о чем волноваться, приятель. Рассказав об этом раньше, мы бы только утяжелили твою ношу. Стерлинг договорился с адвокатом для нас обоих. Меня опросили быстро, примерно минут за десять. Когда Рейн была подростком, я жил не в Лос-Анджелесе. У меня есть доказательства того, что мы не были знакомы до сентября прошлого года. Они спросили, насильовал ли я Рейн. Конечно же я ответил отрицательно, а обратное доказать они не могли. Еще их интересовало, как давно мы дружим и где познакомились. Я сказал, что мне нечего сказать по этому поводу. Потом они спросили о сексуальной жизни с вами обоими, а я сказал им отвалить.

Боже, кажется, полиция решила вывалить в грязи всех дорогих ему людей.

Он сурово взглянул на Рейн.

— Как долго они мучили тебя?

— Наверное, около часа. Кажется, детектив хотела сделать из меня жертву, но я послала стерву.

Блять!

— Мне жаль, что вам двоим пришлось пройти через все это. — Его накрыло чувством вины.

— Это не твоя вина. Ты не просил об этом. — Она потянулась через стол и взяла его за руку.

Он тоже ответил пожатием.

— Расскажи мне, что они хотели узнать.

Она повела плечами.

— Скорее всего, большую часть из того, о чем спрашивали у тебя. Например, были ли у нас с тобой сексуальные отношения, когда я была подростком, и за что ты платил деньги Биллу. — Она помолчала, посмотрела вниз на свои руки, лежащие у нее на коленях. — Они

сказали, что у них есть видео, где ты приходишь, чтобы изнасиловать меня.

— Видео? — Макен нахмурился, едва удержавшись от того, чтобы не отбросить стол в сторону. Вся его жизнь и любимые люди стали жертвами клеветы и угроз, а он ничего не мог с этим поделать. — Какое еще долбанное видео могло появиться у полиции?

— Я не знаю, — Рейн пожала плечами. — Они ничего мне не показывали и больше никакой информации по этому поводу не дали. Вероятно, они блефуют.

Ага. Быть может, копы просто применили такую тактику, чтобы подтолкнуть Рейн заявить о предполагаемом плохом с ней обращении. С такой же вероятностью, их таинственный свидетель был не более, чем уловкой, чтобы заставить его говорить.

— Должно быть, так и есть, потому что подобного не было, — добавил Лиам.

Рейн кивнула.

— Я сказала им это. Как и то, что люблю грубый секс.

Хаммер и не думал, что его ярость может стать сильнее, но его стремление к насилию лишь возросло. Рейн не должна была открывать перед этими любопытными, развратными ублюдками секреты своей личной жизни.

— Что еще? — спросил он.

Она рассказывала, то и дело запинаясь. От Хаммера не ускользнуло, что она давала как можно более короткие ответы. Но он следовал по оставленным ею крошкам, и его взор все сильнее заслоняла красная пелена ярости.

— Я собираюсь порвать на куски твоего брата, прелесть. Голыми руками. Я собираюсь оторвать ему голову.

— Я тоже очень зла на него. Но детектив Перес не причинила мне боли, — заверила она. — Самым ужасным из того, что сделала эта женщина, был намек на то, что я распоследняя бесхребетная тряпка и шлюха. Не то, чтобы я не слышала подобного прежде...

— Но ты не такая, черт подери. — Он ударил по столу кулаком. Звон стаканов и тарелок не подарил ему ни капли удовлетворения. — Мне бы очень хотелось увидеть эту сучку со значком, которая допрашивала тебя.

— Макен... — Рейн поднялась со своего места и скользнула к нему на колени, зарываясь пальцами в его волосы. — Меня действительно не волнует, что именно думает обо мне какая-то циничная, сексуально неудовлетворённая трудоголичка. На самом деле, ничье мнение не имеет значения, кроме твоего и Лиама. А все остальные могут идти к черту.

Лиам улыбнулся.

— Я даже не стану упрекать тебя за твой язык, любимая. Это великолепно!

Так и было, но дело в том, что она должна была как минимум защитить свою жизнь, пока все насели на Хаммера.

Он пересадил Рейн на колени друга и гневно вскочил на ноги.

— Я вернусь.

Она попыталась подскочить следом.

— Подожди! Куда...

Лиам обхватил рукой ее за талию и усадил обратно, тогда как Хаммер срывал с себя одежду, снимая все до нитки, и швырял ее в находящуюся по соседству прачечную.

— Ш-ш-ш. Дай ему продышаться.

Напомнив себе позже сказать спасибо брату, Хаммер рывком открыл заднюю дверь, а потом захлопнул ее за собой так сильно, что зазвенели стекла. Он направился к бассейну и нырнул в него.

Тяжело дыша, он бил по воде. Вода была чертовски холодной. Но больше ничто не сможет его охладить.

После нескольких тяжелых кругов он вылез и закапал весь пол.

Рейн провожала его обеспокоенным взглядом. Она схватила большое пляжное полотенце, обернула вокруг него и обняла.

— Тебе лучше?

Он отступил назад.

— Я намочу твою одежду.

— Плевать.

Хаммер высвободился из ее объятия и взглянул на любимое лицо. Она устала.

— Иди в постель, прелесть.

— Лиам уже «намекнул» мне подняться наверх, принять ванну и отправиться в кровать, так что я собираюсь. Думаю, он хочет поговорить еще немного. Я сделала кофе для вас обоих.

Всегда думает о нем, даже когда у самой был ужасный день. Даже, когда следовало беспокоиться о своем будущем и жизни, растущей внутри нее.

— Ты достаточно поела? — напомнил он.

— Я в порядке. Не беспокойся обо мне. — Она мягко поцеловала его и направилась обратно в дом.

Он проводил ее взглядом.

— Это словно сказать мне не дышать.

Несколько секунд спустя показалась голова Лиама, и он протянул ему тренировочные штаны и футболку.

— Кофе готов, приятель.

Одевшись, Хаммер пересек кухню и уселся за стол, за которым сидел Лиам, попивая свой кофе. Хаммер задавался вопросом, как долго он еще сможет наслаждаться роскошью напитка и тихих минут, подобно этим, в компании лучшего друга. Так много, чтобы остаться... и так мало времени, чтобы выразить все это.

— Что дальше? — два слова, тихо произнесенные Лиамом, нарушили тишину.

— Утром мне нужно увидеться со Стерлингом. После этого я буду лучше понимать, чего ожидать. Если дело дойдет до суда, боюсь, что Рейн придется давать показания.

Хмурый вид Лиама указывал на то, что ему также не нравилась эта идея.

— Знаю. Даже если она не сотрудничает со следствием, все равно она «жертва». Она понадобится Барнсу, чтобы свидетельствовать в твою пользу. Хотел бы я, чтобы был способ не вынуждать ее переживать все это вновь. Но она сильная. Она справится, Макен. Знаю, ты разозлился из-за того, что полиция опрашивала ее сегодня, но не надо недооценивать нашу девочку.

— Я ненавижу, что ее втягивают во все это дерьмо.

Хаммер втайне волновался о том, как все это подействует на ее эмоциональное состояние, но не стал говорить этого вслух. Ему просто нужно было верить в нее изо всех сил.

Стук во входную дверь прервал его размышления. Они с Лиамом нахмурились. Ни один не желал компании, особенно в полуночный час. На секунду его сердце остановилось. Неужели это полиция приехала, чтобы... арестовать его? Уже?

— Я открою, — Лиам встал.

— Нет, я. — Хаммер выскочил из кухни, зная, что должен встретить лицом к лицу заварившийся бардак. — Уверен, это ко мне.

Со вздохом он распахнул входную дверь, морально готовый увидеть одетых в форму офицеров и пару наручников, предназначенных не для игры. Вопреки ожиданиям, на пороге стоял Дин Горман, на нем были солнечные очки, низко посаженная бейсболка, потрепанный кожаный пиджак, футболка и джинсы. Машина, припаркованная на обочине, принадлежала не ему.

— Привет, — голос копа прозвучал мрачно.

Хаммер тут же понял, что Дин, придя сюда, пошел на огромный риск.

— Ты можешь войти?

Офицер заглянул за его плечо, а затем кивнул, стягивая очки.

— На минутку.

Хаммер отступил, чтобы пропустить мужчину. Кишки его скрутились в узел. Дин не мог прийти с хорошими новостями.

— Привет, — поздоровался Лиам. — Кофе?

— Нет, спасибо. Я не могу остаться надолго. А еще не могу разговаривать с тобой по своему личному мобильному, на тот случай, если они решат через суд проверить твои телефонные звонки. Вот почему я явился без звонка.

— Я все понимаю. — Правда придавила Хаммера. Он стал преступником. Судьи могут утверждать о презумпции невиновности, но в глазах полиции он был грязным словно смертный грех.

— Присядешь?

Дин покачал головой.

— Я пришел просто, чтобы поделиться с тобой информацией, что у меня есть. Сожалею из-за того, что случилось сегодня. У меня не было возможности предупредить тебя раньше, но это уже и не имело бы значения. В тот момент я не знал, что ты стал подозреваемым. Просто увидел, что Ривер Кендалл пританцовывая от радости, по собственной воле в сопровождении адвоката вошел в участок с чемоданчиком в руках. Потом я уехал по вызову на вооруженное ограбление. Прости.

Хаммер покачал головой.

— Ты и так многое сделал. Спасибо, что пытаешься помочь.

— Рейн в порядке?

Настолько, насколько позволяют обстоятельства.

— Хорошо. Готовится ко сну.

Горман кивнул, на данный момент полностью сосредоточенный на деле.

— Вот то, что я хотел тебе рассказать: Уинслоу и Кэмерон? Будь осторожен. Они ни перед чем не остановятся. Они стоят друг друга и ставят только на победу. Годы службы в полиции нравов исказили их сознание, и они убеждены, все, что хоть отдаленно связано с БДСМ, свингерством, секс-клубами, любое проявление «ненормальности», это извращение и педофилия. Они никогда не увидят всю ситуацию с твоей точки зрения, так что не стоит и пытаться.

— Мой адвокат посоветовал вообще рта не раскрывать.

— Умно. — Из внутреннего кармана кожаного пиджака он вытянул конверт из оберточной бумаги. — Это фотографии Рейн, сделанные после последнего избиения ее отцом и перед тем, как она сбежала, их подсунил мне Сет. Детективы Бейтс и Санчес

прикрепили их к делу Билла Кендалла послетого, как установили, что она действовала в порядке самообороны. В рамках дела об убийстве их не особо интересовал факт того, что у тебя имелись ее фотографии, когда она еще была подростком. Но Уинслоу и Кэмерон обалдеют, если обнаружат эти фотки. Не знаю, искал ли их кто-нибудь в нашей электронной системе. Они были сделаны несколько месяцев назад, поэтому вероятно нет. На всякий случай я подумал, что удалю физические копии из допросной. Но ты взял их не у меня. Слава Богу, что у тебя хватило предусмотрительности не признаваться, что ты самолично сделал их. Сказать, что Рейн отдала тебе их на случай, если ее отец вернется, после того, как она поправится, было отличной идеей.

Хаммер взял конверт у Дина. Он оказался в долгу перед этим мужчиной, который рискнул своей работой и свободой, чтобы помочь ему, в огромном долгу.

— Спасибо.

Дин кивнул.

— Избавься от них. Это обуза, которую ты не можешь себе позволить.

— Однозначно. Теперь, когда Билл мертв, Рейн почувствует себя лучше, если их уничтожить.

— Действуй быстро. Можешь быть уверен, Уинслоу и Кэмерон появятся здесь и в «Темнице» в ближайшие несколько дней, а может, и часов, с ордером на обыск. И для всех было бы лучше, чтобы эти копии и их оригиналы исчезли. На самом деле избавься от всего, что можно инкриминировать тебе во всех местах своего пребывания. Фотографии или видеонаблюдение за Рейн в «Темнице» до ее восемнадцати лет также должны быть первыми в списке. Если у тебя хранится хоть что-либо на телефоне, в электронном облаке или компьютере, сотри все. Удали все учетные записи. Заведи новые. И ты никогда не слышал этого от меня. — Он со вздохом снял кепку. — Это меня подставит.

Звоночек предчувствия снова пронзил Хаммера. Все происходило так быстро, что он и не подумал, что к нему могут прийти с ордером на обыск. Это понимание сокрушило его, потому что он должен был догадаться.

— Не знаю, как отблагодарить тебя, мужик. Я тотчас же позабочусь обо всем. Если кто-то будет спрашивать, ты не являешься членом «Темницы», и мы не знакомы.

Горман мрачно кивнул.

— Спасибо. Сожалею, что все так вышло.

— Я все понимаю. Не сомневайся.

— Мы подчистим все, как ты посоветовал, — добавил Лиам. — Есть еще что-то, что мы могли бы сделать, чтобы уберечь Хаммера от тюрьмы?

— Слушайте Стерлинга Барнса. Он один из лучших. Не лгите больше необходимого и не теряйте присутствия духа. И последнее. — Дин протянул ему свернутый клочок бумаги. — Я спорил по поводу этого, но... на месте Рейн, я хотел бы знать. Конечно же, этого я тоже не давал вам. Но это настоящий адрес Ривера. Это место, арендуемое на неделю. Он отказался оставить номер телефона. Быть может, это не сильно поможет, а может, вы добьётесь от него каких-либо ответов.

Хаммер спрятал информацию в карман своих влажных штанов. Последнее, что ему хотелось, это чтобы Рейн находилась где-либо поблизости от ублюдка, но у них с Лиамом состоится «дружеский разговор» с Ривером.

— Так никто не станет обвинять его за попытку похищения?

Горман покачал головой.

— Ему каким-то образом удалось убедить всех, что это было «недопонимание». Скользящий ублюдок.

— И не говори. — Лиам трясло.

Точно так же себя чувствовал и Хаммер.

— Спасибо за предупреждение.

— Без проблем. Удачи. Если тебе понадобится больше информации, это будет непросто, но... купи одноразовый телефон и позвони мне. — Дин хлопнул его по спине.

— Жаль, что у меня не нашлось новостей получше. Спокойной ночи вам обоим. Обнимите за меня Рейн.

— Хорошо. Спокойной ночи. — Он пожал полицейскому руку, затем проводил его до двери, проследил, как тот запрыгнул в машину и уехал в закат. Макен не мог не чувствовать, что его будущее движется в том же направлении.

Четверг, четырнадцатое февраля.

Лиам проснулся затемно и устало вздохнул в зовущей его тишине.

«Что нужно сделать, чтобы поспать еще немного?»

Когда его глаза привыкли к темноте, он увидел, что Рейн лежит лицом к нему. Во время сна Хаммер крепко обнял ее. Лиам был рад. Еще неизвестно, как много совместных ночей у них осталось.

Не важно, насколько ему была ненавистна эта реальность, политика прятать голову в песок не поможет никому из них.

Не издав ни звука, Лиам покинул кровать и оделся, затем на цыпочках отправился на кухню, ощущая аромат свежесваренного чая.

Как следовало ожидать, когда он завернул за угол, за столом сидела его мать, прихлебывая из своей чашки. Блики света согревали ее золотисто-каштановые волосы. Не говоря ни слова, она жестом указала Лиаму на ожидающую его чашку.

Он присоединился к ней за столом.

— Доброе утро, мам.

— Доброе, сынок. Я не задержу тебя надолго, но будет лучше, если мы поговорим наедине.

Он согласился.

— Я беспокоюсь о Хаммере. Что ты видишь?

— Если бы ты прислушивался к себе, у тебя бы уже была подсказка. — И она укоризненно покосилась на него. — Почему ты не обращаешь внимания на дарованные тебе способности и не развиваешь их? Они никуда не исчезнут только из-за того, что ты решил игнорировать их. Лучше смириться, сынок. Они часть тебя.

Лиам нахмурился.

— Какие же это дары, мам? Вскипающая в ухе кровь, когда ты решишь посетить меня? Видеть ауры животных и растений? Странное знание каких-то вещей, смысл которых становится понятен только после того, как они сбываются? И все это абсолютно бесполезно, когда я нуждаюсь в них больше всего. С детства твои загадочные слова приводили меня в замешательство.

— Думай о своих возможностях, как об инструментах. Ты не сможешь пользоваться ими свободно без практики. Но если ты отточешь свое умение, то однажды станешь высококвалифицированным мастером. — Брин дотронулась до его щеки. — Так что не думай, что твой взгляд на это не имеет значения.

— Может, я просто упрям.

— Может быть? — парировала она с улыбкой.

— Я хотел жить собственной жизнью, а не будущим, назначенным судьбой, от которого я не смогу убежать.

— Ничего себе! Видеть — не означает не иметь выбора. На самом деле, перед тобой открывается целый мир безграничных возможностей. У тебя имеется врожденная аварийная сигнализация, тогда как остальные полагаются на имеющуюся у них информацию и собственное мнение. Ауры могут быть полезны. Скажи, тебя когда-нибудь кусала собака?

Лиам помедлил.

— Никогда, насколько я помню.

— Животные тянутся к тебе. Они знают, что ты их чувствуешь. То же самое с деревьями и растениями. Они живые существа, поэтому их ауры это ключ к пониманию состояния их существования. — Ее улыбка стала нежной. — Помнишь, как ты плакал, когда кто-нибудь дарил мне цветы? Ты говори мне, что они истекают кровью.

— Мам, мне было пять. И знание о состоянии моего сада не поможет в нынешних проблемах.

— Если бы ты уделял этому свое внимание, то может и могло помочь. Но ты отстранился на многие годы. Какого цвета была аура Гвинет?

— Не знаю. — Лиам не думал об этом и не хотел заикливаться на этой суке.

— Настройся и подумай.

Лиам вздохнул. Когда его мать что-то решила, с ней лучше не спорить.

Он закрыл глаза, и внезапно это ощущение заполнило его разум.

— Зеленая. И грязно-коричневая.

Цвета его бывшей жены отражали злость, ревность, мелочное злословие и отсутствие сердечного тепла. На самом деле, он больше не мог представить себе Гвинет без уродливой ауры вокруг. Он нахмурился.

Почему он женился на суке?

— Вот именно, — похвалила его мать. — А у Рейн аура...

— Синяя с белым. Яркая. Живая. — Он представлял ее смелой и сияющей. — Она прекрасна.

Брин с гордостью улыбнулась.

— Безусловно. Мне жаль, если я напугала ее при встрече.

— Почему ты не сказала мне, что приедешь раньше, чтобы я мог объяснить?

— Если бы ты был более внимательным, то знал бы это, как только я начала собирать чемоданы. Почему ты не рассказывал ей о своей семье, сынок?

— Я не знал, что сказать, чтобы не показаться сумасшедшим. — Он сделал большой глоток чая. — Я так рад видеть вас с папой. Как там остальные?

— С твоими сестрами все хорошо, они шлют тебе свою любовь. А есть еще печености? — спросила она с надеждой. — Я порылась в буфете, но не смогла найти.

— Печенье, мам. Здесь это называют печеньем. — Он улыбнулся. — Для той, которая, кажется, знает все на свете, составляет трудность их найти? Я удивлен. Рейн испекла немного печенья сникердудл. Они в банке. Подожди. — Он вновь поднялся и принес ей коричневый керамический контейнер, разрисованный королевскими лилиями.

Брин взяла одно и прежде, чем откусить кусочек, окунула его в чай. Она замурлыкала.

— Я не знала, что такое сникердудл, но это просто восхитительно. Вы счастливики. И

глазом моргнуть не успеете, как Рейн вас откормит.

— Уверен, так и будет. — Он чувствовал, как у нее в голове рождалась речь. — Ну так что у тебя на уме? Ты не поехала в тур по Калифорнии, потому что внезапно почувствовала необходимость увидеться с моей девочкой или «поговорить» с ребенком. И ты не будила меня среди ночи ради чего-то сентиментального.

— Поскольку проблемы Макена будут продолжать расти, словно снежный ком, то, если ты не начнешь рассуждать логически и спокойно, от тебя будет больше вреда, чем пользы от вас обоих.

Каким, черт подери, образом он должен это сделать, если все, над чем они так усердно работали, разваливалось прямо у них на глазах?

— Я знаю, что ты желаешь добра, но...

— Я не стану опекать вас, Лиам. — Ее глаза вспыхнули зеленым огнем.

Он вздрогнул, затем взял из банки печенье и обмакнул в чай. Его мать могла быть мягкой и приветливой до тех пор, пока кто-нибудь не задевал ее темперамент.

— Я не это имел в виду. Но если ты хотела сказать мне успокоиться, то могла бы просто позвонить.

— Хорошо, мы приехали именно для того, чтобы познакомиться с Рейн. Появление крошки тоже стало дополнительным стимулом. Уверен, что не желаешь узнать кое-что?

— Абсолютно уверен. Мы поговорили. С того момента, как узнали о беременности Рейн, все мы хотели бы, чтобы пол ребенка стал сюрпризом. Так же, как нас не волнует, кто отец этого ребенка. — Он покосился на мать.

— Я поняла. — Она похлопала его по руке. — Очень скоро все станет очевидным. И у этой очевидности будут глаза твоей любимой.

Эта мысль заставила Лиаму улыбнуться. С момента осознания положения Рейн, он надеялся увидеть ее яркую синеву в глазах их детей.

— Выкладывай остальное. Зачем ты разбудила меня посреди ночи?

Она посмотрела пристальным взглядом на, а быть может, сквозь, него, словно видела что-то.

— Чтобы подумать вместе с тобой, сынок. Рейн нужно поговорить со своим братом. Покажи ей свое одобрение и отпусти ее.

— Мам...

— Она найдет выход, несмотря ни на что. Неужели тебе не хочется, чтобы она делала, не таясь и не мучаясь чувством вины? А так ты будешь уверен, что она под защитой и в безопасности?

Допрос Макена в полиции, вероятно, подогрел решимость их пылкой девушки все исправить. А это означает, что она захочет встретиться лицом к лицу с Ривером.

— Это слишком опасно. Я не желаю, чтобы этот придурок находился поблизости от нее! Ты хоть представляешь, какой он нанес ущерб? Клянусь, если дотянусь до этого сукиного сына...

— Конечно же, знаю. А чего ты ожидал? Все, что он узнал о жизни Рейн, на данный момент выглядит непривлекательно.

— В его мозгу.

Брин потянулась и положила свою руку поверх его.

— Многие не видят дальше своего носа. И это не значит, что каждый из вас убедил ее выйти за вас. Вы ждете, что она родит без мужа?

Лиам ожидал этого вопроса от своих очень приверженных католической вере родителей.

— Я делал ей предложение. Как и Хаммер. Она отказала нам обоим.

— И вы отступили? — Брин покачала головой. — Рейн все еще ищет себя. Как и Ривер. Он ее старший брат, Лиам. Она все, что осталось от его семьи. Ты знаешь, что для солдата нет большего горя, чем потерпеть неудачу с теми, кого ты любишь и должен защищать.

Он знал. Это была та причина, с которой столкнулся Хаммер.

— Ривер пробыл в штатах несколько месяцев, собирая на нас информацию, и чертовски переиначил ее. Блять, он мог поговорить с нами прежде, чем рубить с плеча.

— Для меня ты все еще не слишком взрослый, чтобы промыть тебе рот с мылом, Лиам О'Нейл!

Он не хотел быть непочтительным, особенно когда его мать права.

— Я сожалею.

— Подозреваю, что так и есть. Уверена, вы с Макеном встретили Ривера с распростертыми объятиями, — язвительно сказала она. — И обстоятельно разъяснили свои отношения с Рейн по первому его требованию, верно?

— Он уже все для себя решил. Он бросал нам чудовищные обвинения, сделал поспешные выводы...

— Думаю, на его месте ты действовал бы точно так же. Представь себе, какими бы тебе казались подобные вещи, если Кейтлин, Мейв или какая-либо другая из твоих сестер оказалась в ситуации Рейн.

Лиам зарычал. Рейн говорила что-то пугающе похожее.

— Речь не об этом, мам. Этот человек опасен и ему нельзя доверять. Он не станет слушать, кто бы из нас что бы ни сказал, и даже Рейн. Он хотел забрать ее у нас. Грозился прервать жизнь нашего ребенка.

— Это говорил за него страх. Твой тоже не молчал, — напомнила ему она. — Почему мужчины иногда такие твердолобые? Твой отец может быть таким же.

— Потому что мы мужчины.

Она фыркнула.

— Послушай меня. Рейн необходимо спасти Макена от самого себя. Она единственная, у кого это получится. И для этого ей нужен брат... без вмешательства вас обоих.

Внутри у него вспыхнуло беспокойство.

— А что если ты не права? Мы не можем рисковать. Что если он навредит ей или увезет?

— О, Лиам. — Она вздохнула. — Ривер любит ее. Он верит, что поступает правильно ради своей сестры. И печется только об ее благополучии. У него правильные помыслы, даже если действия немного безумные.

— Немного? — глумился Лиам. — Мне это не нравится. И не понравится Хаммеру.

Выражение лица Брин смягчилось.

— Неважно. Она уедет. Почему бы тебе не оправить с ней парней? Сет и Кеннет — хорошие мальчики. Они приглядят за ней.

— Кто? О, ты имеешь в виду Бека. — Лиам нахмурился. — Не называй его Кеннет. Он ненавидит это имя. И тебе это известно.

Брин лишь выдала ему озорную улыбку.

— Ему нужна женщина, которая станет осаживать его и сейчас и потом.

— Боже, помоги мне. — Лиам притворно нахмурился. — Я подумаю над твоими словами.

— Лучше сделать это побыстрее.

Это означало, что у Рейн уже есть план.

«Проклятье».

— Мы благодарны тебе за твой приезд, и я знаю, что ты желаешь помочь... но я должен спросить, где ты была, когда прошлой зимой Гвинет изводила меня? Неужели ты не могла предупредить меня, что она полная дрянь, и когда она привезла мальчишку, которого представила моим сыном? Или, когда отец Рейн похитил ее и... — Оборвав воспоминание, он склонил голову и усилием воли пытался сдержать гневный взгляд.

— Я пыталась помочь с Гвинет, — напомнила она мягко. — До того, как ты на ней женился. Но ты подсел на эту ведьму. Я предупреждала тебя, но ты ничего не хотел слушать. Сказал мне держаться в стороне. Я учла твоё желание, хотя и не сказала бы, что это было легко.

Брин никогда не была из тех, кто отмалчивается.

Он поморщился.

— Не сомневаюсь. И мне стоило прислушаться.

— Ты же знаешь, что видение, связанное с возвращением твоей бывшей жены и со всем, что привело к похищению Рейн, не всегда ясное. Будущее не постоянно, как настоящее или прошлое. Вот почему я знаю пол ребенка или кто его отец. Это уже произошло. — Брин помолчала, словно подбирая следующие слова. — Но то, что может случиться... оно изменчиво. Любой каприз может изменить обстоятельства и переделать будущее. Мне жаль, через что тебе пришлось пройти с Гвинет. Но ты сильнее этого.

— Я все время чувствовал себя беспомощным, мам, словно пытался догнать свой чертов хвост. Я совершил ошибки, которые чуть не стоили мне самых дорогих для меня людей.

— Ничего из этого не произошло. Я ощущала твою боль все время. Твое беспокойство. Но ты сделал все от тебя зависящее, чтобы выбрать правильный путь. В следующий раз слушай свой внутренний голос внимательнее. — Поднявшись, Брин взяла чайник и наполнила обе их чашки.

— Откуда мне знать, что он прав?

— А откуда тебе знать, что это не так? — парировала она.

Иногда речи матери сводили его с ума.

— Неужели ты не можешь просто шепнуть мне на ушко?

— Я не собиралась вмешиваться, Лиам. Иногда нам никак не обойти препятствия на своем пути. Мы не можем пройти ни под, ни над ними. Единственное, что остается, это прокладывать себе путь прямо через них. Для Билла настало время умереть, а Рейн должна была победить его. Многие годы мне приходилось принимать трудные решения, потому что видеть вещи не означает, что я могу их предотвратить. Я должна была позволить этой пьесе идти своим чередом.

— Но отец Рейн...

— Получил то, что заслужил, а твоя девушка настоящий боец. Она зубами и ногтями боролась за всех вас и за будущее, что могло бы у вас быть. А если бы я вмешалась, то могла бы изменить все.

— Так чем же отличается данная ситуация? — спросил он устало.

— Макен пожертвует собой ради вас двоих, если вы не остановите его, и никто из вас не

проживет ту совместную жизнь, которая у вас должна быть. Любовь, что царит между вами, она особенная. Все вы очень долго шли к ней. Я знала, что тебе предстоит что-то особенное с тех пор, как ты был малышом. Теперь ты находишься там, где и должен быть, сынок. С людьми, за которых должен держаться вечно. Используй все, что у тебя есть, чтобы бороться за это.

— Я не знаю, что мне делать, мам. Я не могу идти против закона.

— Подумай об этом, а я знаю, что ты будешь делать это. Ты найдешь выход. Будь опорой для Рейн и Макена. Вместе вы сможете найти то, о чем другие лишь мечтают.

Он пристально смотрел на свою чашку.

— У меня нет выбора. С тех пор, как познакомился с Хаммером, я понял, что он брат, которого у меня не было. А Рейн... когда я впервые поцеловал ее, это было так ярко, мам. Оглядываясь назад, я вижу, что моё нутро пыталось сказать мне, что она была предназначена мне. Забавно.

Брин улыбнулась.

— У нас с твоим отцом было что-то похожее. В тот момент, когда его губы коснулись моих, я поняла, что думаю: «О, а вот и ты. Я тебя ждала». Знакомо?

— Да. Даже, когда думал, что должен покинуть их, я не смог. С тех пор, как мы с Хаммером разделили Рейн, я стал самым счастливым человеком на свете. А то, что есть между нами сейчас... находится за пределами этого счастья. И я, не задумываясь, сделал бы это снова.

На ее губах заиграла улыбка.

— Перед твоим отъездом в отпуск, в Нью-Йорк, я говорила тебе, что у тебя начинается новое приключение.

Так и было. И несмотря на то, что временами все было неопределенно, его мама всегда была права.

Следующим утром Хаммер поднял тяжелые веки, чтобы обнаружить, что зарылся лицом в шею Рейн, а рукой обнимал ее бедро. Он неохотно отодвинулся от нее, поднялся и смотрел, как они с Лиамом кучкуются в любовный кокон. По крайней мере, Хаммер знал, что, если он не сможет отбиться от обвинений Ривера, без него они выживут.

На самом деле, он уже разработал план, как осуществить это.

Принимая душ и бреясь, он готовил себя к предстоящему тяжелому дню. Хаммер доверял Стерлингу Барнсу, но дураком не был. Он последовал совету Дина Гормана и почистил дом. Хорошо, почистил тематическую комнату. Ничто в доме не сможет очернить его, но чистка до скрипа может означать разницу между тюрьмой и свободой.

После того, как облачился в костюм и галстук, Хаммер усилием воли покинул спальню и направился вниз по лестнице. У дверного проема в кухню, с чашкой кофе в руке, его ожидала Брин.

— Спасибо за твое знание, что я нуждаюсь в этом. — Он выдавил смешок.

— Будь уверен, это не все, что тебе нужно. Я знаю, ты думаешь, что для любящих тебя людей будет лучше, если ты отступишь. Но это неправда, Макен. Борись за свою семью и найди свой путь.

Хаммер проглотил жидкий кофеин.

— Я просто надеюсь, что мой путь не приведет в тюрьму.

— Все меняется, но я советую тебе поглядывать, что у тебя за спиной, — она похлопала его по щеке.

Хаммер уже догадался, что кто-то держит за спиной нож. Ему необходимо прийти к чертовому решению, кто же держал за рукоятку.

— Приму во внимание. Спасибо за все. — Он поднял чашку, чтобы выпить остатки.

— Мне нужно идти.

Хаммер приложился губами к виску Брин, затем вернул ей чашку, взял ключи и ушел.

По пути в «Темницу» он позвонил Беку, который взял трубку после первого же гудка.

— Все в порядке?

— На данный момент. Сможешь через час встретиться со мной у «Темницы»?

— Ага. У меня был забит весь день, но, похоже, операцию могут отменить.

— Мне нужно всего десять минут. Можешь привезти с собой пустую сумку для игрушек?

— Если ты вычищаешь свои тайные запасы и желаешь отдать в пользование свое имущество, то спасибо, не нужно.

— Я не собираюсь передавать тебе что-либо, что нужно стерилизовать, обещаю.

— Можешь довериться мне, Макен, — голос Бека прозвучал серьезно. Он понял.

— Знаю. Спасибо.

После звонка Хаммер добрался до «Темницы» и назначил встречу со Стерлингом через два часа. Затем прошерстил свои гаджеты, сохранив документы и фотографии на флэшке. Когда он стер любые следы Рейн со своего компьютера, в груди у него образовалась пустота, но он отказывался делить с кем-либо личные мгновенья. К счастью, ему никогда не придется стирать ее из своего сердца и души.

Проделав то же самое со своим телефоном, он очистил память на всех гаджетах и вернул их к заводским установкам. Оставалось надеяться, никакими технологиями правоохранительные органы ничего не смогут восстановить или воссоздать.

Затем он погрузился в свои бумажные файлы, извлекая любые документы, касающиеся Рейн, имеющие отношение к периоду до ее восемнадцатилетия и которые могли очернить его: платежи, медицинские данные, согласие, которое он составил и заставил подписать Билла Кенделла, как только Рейн пришла жить в «Темницу». Из своего сейфа он достал квитанции по денежным переводам ее отцу вместе с оригиналами фотографий, где она была запечатлена, избитая этим говнюком.

Сложив все это в коробку, Хаммер спустился в холл и направился в бывшую комнату Рейн. Ее присутствие все еще ощущалось. Если бы он закрыл глаза, то мог бы почувствовать ту девочку, которой она была до тех пор, пока зрелость, секс и любовь, которую они разделили с Лиамом, не изменили ее.

Разбросанные фотографии все еще лежали на комод, где их оставил Ривер. Хаммер со злостью собрал их, прерываясь, чтобы рассмотреть снимок Рейн на кухне, в первый раз выпекающую для него свои знаменитые яблочные маффины. Откусив кусочек, он дразнил ее, закрывая рот и гримасничая, словно она накормила его ядом. Когда же на лице у нее отобразился ужас, он задохнулся от смеха. Она показала ему язык, и, поймав этот момент, он сфотографировал его на свой мобильный.

Горько-сладкая улыбка появилась на его губах.

— Она так и не перестала показывать тебе язык.

Правда, но он ни за что бы не променял ни одного дня ее нахальства и обожания. Или удовольствия, что она привнесла в его жизнь.

Просмотрев остальные фотографии, он задержался на той, что сделал через неделю или

две после ее появления в Темнице. Настороженное выражение ее лица причинило Хаммеру боль. С тех пор он делал все возможное, чтобы дать Рейн приют, изгнать ее демонов и помочь расцвести. Его девочка проделала долгий путь. В груди у него распустилась гордость.

Свалив фотографии на кровать, он вернулся и вытащил из стенного шкафа большую коробку. Хаммер удивился, обнаружив пачку поздравительных открыток. Рейн сохранила каждую открытку на день рождения, поздравление, которые он когда-либо ей дарил. Аккуратно подняв высохшую розу, он заметил записку, привязанную к стеблю тонкой ниткой.

Выздоровливай скорее. Мы все думаем о тебе.

Хаммер.

Первая мигрень Рейн была очень тяжелой и сильно напугала его. Сославшись на то, что члены клуба беспокоятся, он купил ей дюжину красных роз.

Он взял другое фото, на нем он с Рейн стояли под омелой во время рождественской вечеринки в «Темнице» два года назад. Глаза закрыты, она откинула голову, подставляя ему свои губы. Он помнил, как смотрел на ее сладкий приоткрывшийся рот в течение одной ошеломительной минуты, желая и доведя себя до отчаяния. Наконец он мазнул поцелуем по ее лбу. Он не стал ждать вида ее расстроенного лица перед тем, как уйти.

Сожаление накрыло его своей тяжестью. Он отдал бы все, что угодно, чтобы вернуться назад, стоять там под зеленой веткой и, обернув руки вокруг Рейн, поглощать ее.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Среди ее сокровищ Хаммер нашел разноцветную связку ключей, украшенную надписью «С днем рождения». Он подарил ее Рейн вместе с новой машиной. Она выдала визгливый писк и обняла его так сильно, что он мог поклясться, будто до сих пор иногда чувствует это. Так же она сохранила корешки билетов с их первого совместного похода на концерт, пластиковую кепку и кисточку, заныканные с ее праздничного торта в честь защиты диплома, и его солнечные очки, что позаимствовала у него каким-то летом.

Она хранила каждую вещь, как безмолвный символ своей любви. А он слишком увяз в своем мнении, что был не слишком хорош для нее, поэтому не давал себе позволения ответить на ее любовь.

Он обрек их на годы страданий. «Какой придурок».

Заглушая в себе душащее его разочарование, Макен сосредоточился на коробке с сувенирами из их прошлого. Его взгляд поймал серебряную вспышку, и он вытянул изысканную подвеску. На лицевой стороне кулона сверкала резная буква Р. С обратной же он, прищурившись, прочитал надпись.

В каждое сердце Рейн вселяет радость

С любовью, мама.

В горле застрял комок. Он практически ничего не знал о Робин Кендалл, кроме того, что она была единственной, кто любил его Рейн, когда та была ребенком. Ее сумасшедший отец разрушил это. Рейн не заслужила, чтобы кто-то еще исчез из ее жизни.

«Борись за свою семью». Словно эхо прозвучал в его голове голос Брин.

Хаммер засунул кулон в карман, спрятал в коробку фотографии, что лежали на кровати, и направился обратно в свой кабинет. Присоединив все эти памятные вещицы к все возрастающему количеству припрятываемого, вынул флэшку из разъема и бросил ее туда же.

Последняя остановка.

Он прошел вниз, в холл, и разблокировал дверь в комнату наблюдения.

В его сторону повернулась темноволосая голова.

— Привет, Хаммер.

— Луис. — Он кивнул. — Вы все еще храните в целях безопасности отснятый материал в течение шести месяцев, верно? — после еще одного кивка он вошел. — Хорошо. Просто хотел удостовериться. Мне нужна минутка, чтобы кое-что просмотреть. Как тебе идея сделать перерыв?

— Эм... конечно. — Он нахмурился. — Вернусь через десять минут.

— Замечательно.

Как только парень ушел, и за ним автоматически закрылась дверь, Макен метнулся к верхнему ящику стеллажа и провел пальцами по датам, указанным на контейнерах из пенопласта, в которых хранились диски с записями. Первое ноября, второе ноября, пятое ноября.

По венам разлилась паника. Третьего и четвертого ноября не было.

Неужели на эти видеозаписи намекала детектив Перес в беседе с Рейн?

Он заставил себя сделать глубокий вдох и вновь проверил даты, обыскивая и другие ящики стеллажа на случай, если произошла ошибка. Он обогнул стол службы безопасности, проверив на стеллаже контейнер с записями за текущую неделю. Ничего.

— Блять!

На записи от третьего ноября было заснято организованное им публичное наказание Рейн Беком... на котором Лиам предлагает ей свой ученический ошейник и предъявляет права на ее девственную попку. Четвертого ноября, несколько часов спустя, Хаммер напился и ругался с Рейн в баре до тех пор, пока не поцеловал ее с накопленным за шесть лет отчаянием, сорвал с нее халат и завалил ее. Вопреки ее неоднократным высказываниям, он пожирал ее киску до тех пор, пока она не закричала и не начала царапаться от сокрушительного оргазма. После этого он отнес ее в свою комнату и трахал там всю ночь.

Несмотря на то, что его хватка была грубой и непреклонной, Рейн очень хотела этого... в конечном счете. Но в записи это может выглядеть предосудительно, если они начнут кричать об изнасиловании.

Только что все это дерьмо перешло из разряда «плохо» в «чертовски ужасно».

Хаммер потер рукой лицо и прошелся, желудок скрутило.

Больше ни одной записи не было потеряно, только две, содержимое которых наихудшим образом бросали тень на его жизнь. Это не было случайностью. Брин была права. Кто-то имел на него зуб.

Проклятье, кто это мог быть?

Сдерживая черную ярость, он привел в порядок комнату, чтобы никто не узнал, что он искал, и, когда Луис вернулся, поднял на него взгляд.

— Все в порядке? — спросил он.

«Нет».

Хаммер заподозрил было парнишку в краже видеозаписей, но он работал в «Темнице» две недели, не достаточно долго, чтобы вызвать ненависть в парне. Кроме того, Луис, скорее всего, устроился на работу с целью просмотра порно на записях, чем составления досье. Макен не думал, что тот захочет рисковать.

— Прекрасно. — Он вышел, позволив двери захлопнуться за своей спиной.

Самым очевидным похитителем был Ривер, но каким образом он смог пробраться в

запертую комнату? У него не было достаточно времени, чтобы просмотреть все записи за прошедшие шесть месяцев. У него ушло бы несколько дней, чтобы разыскать самую провокационную запись. Неужели Ривер запустил крота? Или заплатил кому-то, чтобы нарыть грязь?

Хаммеру нужно было разобраться и побыстрее.

Вернувшись обратно в кабинет, он застал там ожидающего Бека. У его ног лежала пустая сумка для игрушек. Доктор жестом указал на кучку с компрометирующими его доказательствами.

— Хочешь, чтобы я взял на хранение?

— Я много у тебя прошу.

Бек пожал плечами и поднял сумку на стол Макена.

— У меня есть прекрасное место для их хранения. Не волнуйся. Я помогу тебе защитить Рейн и избежать тюрьги.

Хаммер свалил все в пустую сумку.

— Я в большом долгу перед тобой.

Ударив Хаммера по плечу, Бек послал ему лукавую улыбку.

— Не беспокойся. Я найду способ забрать его. Это все? — После кивка Хаммера Бек взял сумку в руки. — Я отвезу это, а потом мне надо найти Хевенли. В противном случае, Сет приклеится к ней, как липучка.

Похлопывая доктора в ответ, Хаммер покачал головой.

— Я говорил вам, не ввязывайтесь в это дерьмо и разделите ее между собой.

— Ты же знаешь, я не очень хорош, когда надо делиться игрушками, — съязвил Бек.

И это была правда, но Хаммер подозревал, что ему придется научиться.

— Если увидишь Сета, можешь передать ему проверить Луиса? Это новый нанятый мною техник. Мне нужна информация о подноготной паренька, привычках, финансах...

Бек нахмурился.

— Что-то случилось?

— Не знаю. Лучше перебдить.

— Принято. — Бек кивнул. — Позвони, если тебе понадобится что-то еще.

Добрый доктор ушел, а затем и Хаммер покинул клуб, заперев за собой дверь. В полной тишине он направился через весь город.

Когда он подъехал к офису Стерлинга Барнса, мужчины пожали друг другу руки, а затем Хаммер заставил себя сесть в кресло, закинув лодыжку на колени.

— Прежде чем мы начнем обсуждать эти бредовые обвинения, хочу сказать спасибо за то, что позаботился вчера о Рейн и Лиаме. Как ты, вероятно, уже догадался, мы не были готовы к произошедшему.

— Был рад помочь. Из того, что я услышал, Рейн была ... вспыльчивой.

— Как обычно. — Хаммер не мог не улыбнуться. — Мне нужно, чтобы ты позаботился еще кое о чем.

— Сделаю все от меня зависящее.

— Составь общую доверенность. Включи Лиаму и Рейн в мой трастовый фонд.

Густые, посеребрённые сединой брови Стерлинга поднялись.

— Твою вину еще не доказали. Ты действительно хочешь сделать это?

— Да. Дай им доступ ко всему. Немедленно. К портфелю ценных бумаг, депозитному боксу, расчетным счетам и накоплениям, транспортным средствам, налогам, имуществу в

Лондоне, Сан-Хуане, Тасмании и ко всему остальному, что я упустил. Включая «Темницу».

— Хорошо, Макен. Это вызывает восхищение... хотя немного преждевременно.

— Уинслоу и Кэмерон, черт, да и все остальные в этом участке, не успокоятся, пока не закроют меня. Потому я хочу, чтобы все мое имущество находилось в распоряжении Рейн и Лиама.

— Знаешь, ты мог бы хоть немного верить в меня, как в своего адвоката. Начнем с начала. Расскажи мне, каким образом ты попал на радары к полицейским, раз уж на то пошло.

— У тебя есть несколько часов? — мрачно пошутил Хаммер.

Затем он подробно рассказал о событиях последних шести месяцев.

— Какие документальные следы ты оставил в своем банке?

— Никаких. Я оформлял денежные переводы для Кенделла, используя десять тысяч наличных, которые ежемесячно снимал со своего счета. И хранил квитанции в сейфе. Там же лежал и подписанный им контракт.

Стерлинг задумался.

— Какой контракт?

— В котором описана наша договоренность. Я плачу ему две штуки в месяц, а он, блять, держится подальше.

— У Кенделла имелась копия этого контракта?

— Господи, нет. Я не доверял этому мудаку. И ни за что не предоставил бы ему средство, чтобы очернить меня. Временами я могу быть безрассудным, но никогда не бываю глупым.

— Где сейчас находятся квитанции и контракт?

— У них выросли ноги, и они свалили вместе с двумя пачками фотографий Рейн, когда она, в ушибах и синяках, впервые пришла в клуб. Одна пачка это оригиналы. Вторая волшебным образом появилась недавно. Ирония в том, что ты мог слышать, что копии этих фотографий каким-то образом исчезли из допросной. И я понятия не имею, каким.

— Уверен, что ты не знаешь, — проговорил Стерлинг, растягивая слова. — И все это добро перекочевало в чей-то сейф?

— Точно. — Хаммер знал, Бек был слишком умен, чтобы облажаться в этом вопросе.

— Я рад, что ты прикрыл свой зад, потому что если тебя арестуют, то они одновременно обыщут твой дом и клуб, вероятно, это произойдет сразу же, как только они выведут тебя наружу в наручниках.

— Давай надеяться, что до этого не дойдет. — Страх змеей прополз в желудок Хаммера. Меня беспокоит одна вещь... я потерял два дня видеонаблюдений. — Он продолжил описанием содержимого съемки и того, каким образом было обнаружено их исчезновение. — Полицейские намекали о них Рейн во время допроса.

Стерлинг не выглядел довольным.

— Проклятье. Посмотрим, к чему это приведет. Может быть, это и не станет проблемой.

— Я не думал, что что-либо подобное случится, с тех пор, как Рейн исполнилось восемнадцать. Честно говоря, я полагал, что нахожусь вне подозрений.

Адвокат окинул его мрачным взглядом.

— Если бы они предъявили эти обвинения три-четыре года назад, ты бы сел в тюрьму

на всю жизнь. Вероятно, они смогли бы посадить тебя за половую связь с несовершеннолетней, похищение человека, оральный секс и содомию с подростком и по другим не таким веселым проступкам.

— Я не совершал ничего из вышеперечисленного, — запротестовал Хаммер.

— Твои слова против их. — Стерлинг пожал плечами. — Их косвенные улики выглядят чертовски убедительно. Но ты будешь рад узнать, что срок давности по всем этим обвинениям истек. Ты удачливый сукин сын.

У Хаммера отвисла челюсть. Он сел прямее в своем кресле. Он верно расслышал?

— Ты что, блять, разыгрываешь меня? Так они не могут посадить меня ни по одному из обвинений?

— Нет. Обвинение выстраивает свои показания так, чтобы обратить на это внимание, но я позабочусь об этом.

— Так... я свободен? — Он задержал дыхание.

— Не совсем. Ты заплатил Кенделлу всего три месяца назад, так что это потенциальная проблема. Они могут попытаться пришить тебе что-то типа взяточничества или вымогательства. Торговля людьми — еще одна вероятность. Но без копии контракта между тобой и Кенделлом доказать это будет сложно. В конце концов, назначение денег в том, чтобы ходить по рукам, твое слово будет против слова брата Рейн. И его не было поблизости, поэтому, я надеюсь, с этой стороны ты тоже в безопасности. Департамент полиции пойдет по самому легкому пути, и, вероятно, это оставляет нас со следующими обвинениями: проституция и сводничество. Но в ту минуту, как мы выставим Рейн в качестве свидетеля, полагаю, она пошлет всю работу обвинения в ад. И они это знают.

— Следующее, что нам надо обсудить, это вариант, если у них на самом деле имеется свидетель, мы не знаем, что скажет этот человек под присягой и насколько убедительными будут его показания. Или... если свидетель окажется более авторитетным, чем Рейн.

Хаммер хотел надрать зад каждому, на кого мог подумать, что тот свидетельствует против него.

— Если эти обвинения сработают, какой срок мне грозит?

— Я бы посоветовал тебе не думать об этом, но ты загуглишь этот вопрос, когда вернешься домой. — Стерлинг вздохнул. — Если они смогут убедить присяжных во всем этом, а особенно в том, что, когда все началось, Рейн была подростком, ну, к тому времени, как ты освободишься, твой ребенок сможет водить машину. Ты мог бы сделать чистосердечное признание, это скостило бы половину срока.

— Нет. — Макен никогда бы не стал очернять Рейн ради выгоды. Он не смог бы жить с этим.

Выражение лица Стерлинга говорило о том, что он считал действия Хаммера опрометчивыми.

— Нам необходимо подготовиться к возможному судебному разбирательству. Прокуратура постарается разгромить твою репутацию перед присяжными, тем более у них нет железных доказательств. Ты знаешь кого-нибудь, кто смог бы подтвердить твои слова о том, что ты не занимался с Рейн сексом, когда она была несовершеннолетней

Зак, он был первым у Рейн. «Твою мать!»

— Да. Была запись, — сказал он, стиснув зубы. — Когда она потеряла девственность, ей было восемнадцать и... она была кое с кем другим. Я завладел записью, как только узнал об этом.

— Прекрасно! Мы можем...

— Я уничтожил ее. — Определенно, он не мог смотреть на то, как Рейн отдает свою невинность какому-то другому мужику. Уже тогда Хаммер осознавал, что это ломает его. Он, скорее всего, убил бы Зака.

Стерлинг покачал головой.

— И, судя по твоему лицу, никакой возможности восстановить ее нет.

— Нет.

— Знаешь, где нам искать парня, на случай, если ему придется давать показания?

Хаммер закрыл глаза и с силой втянул в себя воздух. Мысль о том, чтобы попросить хоть о чем-то этот кусок собачьего дерьма, обжигала гордость Хаммера. Даже если ему каким-то образом удастся добраться до этого самодовольного сукиного сына, не принесет ли это больше вреда, чем пользы?

— Я найду кого-нибудь, чтобы поработать над этим вопросом, если дело дойдет до суда, — выдавил Хаммер.

— Хорошо. Потому что, если ты не сможешь доказать, что не воспользовался ею в подростковом возрасте, тебя так же запишут в сексуальные насильники.

Он застыл. Почему бы им просто не отрезать его член?

— Я потеряю «Темницу». Проклятье, до конца своих дней я даже не смогу пройти мимо клуба.

— Помни, то, что они могут предъявить тебе, и то, что смогут доказать, это разные вещи. Они находятся в процессе подбора компрометирующих материалов, Макен, потому что ты владеешь секс-клубом. Они считают, что ты мразь. — Пожилой человек мягко усмехнулся. — Смешно, но я думал, что это мы, юристы, владеем этим титулом.

Хаммеру было не до веселья.

— Прекрати волноваться. Пока они не предъявили официальные обвинения, нам не остается ничего, кроме как заpastись терпением.

Хаммер усмехнулся.

— Ты ведь не просто так сказал мне быть терпеливым, да?

Стерлинг улыбнулся.

— Безусловно, мой мальчик. Что почти то же самое, что сказать тебе быть покорным. Но боюсь, пока они не раскроют свои карты, нам остается только ждать.

Глава 9

Ночь была беспокойной. Рейн проснулась от того, что ей в спину упиралась возбужденная плоть Лиама. Негромко вздохнув, она поднялась.

Прошлым вечером, перед ужином, Хаммер и Лиам занимались с ней любовью. Затем Хаммер наконец рассказал им о своем допросе в полиции. После этого он обнимал ее и изо всех сил успокаивал, не давая обещаний, которые не смог бы выполнить, а потом Макен исчез внизу, забрав с собой Лиама.

Поздно ночью она услышала стук и подслушала разговор парней с Дином. Затем в предрассветные часы ненадолго исчез Лиам. Хаммер откатился от нее через несколько часов после этого и покинул дом.

Рейн втянула в себя воздух, чтобы сохранить самообладание. Несмотря на то, что оба мужчины старались смягчить правду, они были обеспокоены. Так проявлялась их снисходительность и защита, и она любила их за это. Но она стала частью проблемы с тех пор, как ее брат расшевелил пресловутый змеиный клубок. Поэтому она должна стать и частью решения.

Хаммер и Лиам могут чувствовать себя преданными из-за ее решения, но Рейн собиралась сделать все, что от нее зависит, чтобы объяснить брату, что он разрушает ее жизнь, а затем заставить его исправить содеянное.

После инцидента в СПА-салоне, само собой, она не смогла увидеться с ним наедине. У Хаммера своих проблем по горло, а Лиам мог бы убить ее брата.

Эти двое должны остаться в стороне.

Бросив еще один взгляд на Лиама, чтобы убедиться, что он все еще спит, она наклонилась и подобрала спортивные штаны, которые предыдущей ночью надевал Хаммер. Пошарив по карманам, она с облегчением нащупала там клочок бумаги. Рейн извлекла его. Адрес и номер комнаты в мотеле Ривера.

Пробравшись на цыпочках мимо спящего ирландца, она собралась с духом и взяла с ночного столика свой телефон. Два телефонных звонка и она оказалась за дверью.

Рейн покинула ванную комнату и унюхала что-то восхитительное. Желудок забурчал. Слава Богу, что мама Лиама чувствовала себя на ее кухне как у себя дома.

Войдя в уголок для завтрака, Рейн обнаружила там Бека и Сета, поглощающих золотистые блинчики и бекон.

Она не смогла скрыть удивления.

— Доброе утро. Что вы здесь делаете?

Сет пожал плечами.

— Мама Лиама позвонила и сказала, что мы нужны тебе.

Переместив взгляд на Брин, она захлопала глазами.

— Вы знаете, что я запланировала?

— Конечно, знаю, девочка. И ты права, думая, что Лиам и Хаммер только помешают. Езжай, повидайся с Ривером и урезонь его. Сет и Кеннет будут сопровождать тебя ради твоей безопасности.

Рейн с благодарностью улыбнулась.

— Я тоже так считаю. Спасибо.

Брин притянула ее в объятия.

— Я хочу увидеть, что все вы счастливы, а также думаю, что ты на верном пути.

Бек нахмурился.

— Мне не нравится твоя идея поехать за спинами твоих Домов, принцесса. Они будут в бешенстве.

— Твой брат опасный парень. Он показал, что может быть безжалостным, — Сет покачал головой. — Я чувствовал бы себя лучше, если бы Лиам и Хаммер знали, куда и зачем мы направились.

— Я единственная, кто сможет разъяснить все Риверу, — с молчаливой признательностью Рейн приняла тарелку, которую ей передала Брин. — Мой брат узнает, насколько упрямой я могу быть.

— Будет здорово, если в твоей жизни останется хоть один родственник, — добавила Брин.

Прямо сейчас Рейн это не волновало. Несмотря на то, что когда-то брат катал ее на спине и крал шоколадные батончики из магазина на углу, чтобы увидеть ее улыбку, она долгое время жила без него.

— Я не рассчитываю на это. — Она обратилась к Сету и Беку: — Если вам неудобно ехать со мной, я поеду одна. Но все равно поеду.

Двое мужчин едва ли были лучшими друзьями и она, безусловно, чувствовала соперничество между ними из-за блондинки-медсестры, но они переглянулись и кивком пришли к согласию.

— Что это вы тут задумали? — внимательно разглядывая открывшуюся сцену, у входа в кухню стоял Лиам, высокий и настороженный.

Ее сердце ухнуло вниз. На самом деле, она хотела убраться из дома без стычки.

— Я собираюсь поговорить с Ривером и заставить его выслушать меня. Пожалуйста, не пытайся меня остановить, Лиам. Это единственное, чем я могу помочь Макену.

— Мы сказали нет. Ты обещала, что не станешь разыскивать брата. — Черты лица Лиамы окаменели. — Нет никаких реальных доказательств преступлений Хаммера. Сомневаюсь, что в суде они будут предоставлены. Мы не хотим, чтобы ты рисковала собой.

— Я дала это обещание до того, как полиция сосредоточилась на Макене. Теперь ставки повысились. Такова цена, которую он заплатит, если я не сделаю этого.

— Ривер пытался похитить тебя. Ты забыла? А я и Хаммер никогда не забудем. Мы практически потеряли тебя вновь. Неужели ты не догадываешься, в какой ад он едва не окунул нас? А теперь я должен позволить тебе отправиться на встречу с этим дьяволом?

Лиам всегда был защитником и другим он не станет... но прямо сейчас ей нужна была поддержка, а не геройство.

— Если я возьму тебя с собой, ты сможешь оставаться спокойным и не повышать тон?

— О, никаких разговоров не будет. А будет мой кулак на лице Ривера.

— Вот почему ты не можешь поехать вместе с ней, сынок, — мягко упрекнула его Брин. — Позволь Рейн сделать это. Ей это нужно.

— Ривер не прикоснется к ней, чувак, — заверил его Сэт. — Даю слово.

— Я тоже. И если мы двое недостаточно убедительны, то всегда есть мои друзья Смит и Вессон. — Бек похлопал по выпуклости под рубашкой. — Принцесса будет в безопасности.

Рейн кивнула.

— Я не буду делать глупостей.

Лиам помолчал, словно собираясь с силами. Затем посмотрел на мать и вздохнул.

— Должно быть я сумасшедший. Хорошо. Я не буду стоять у вас на пути.

— Правда? Не будешь? — Она не ожидала, что он даст разрешение. Никогда.

— Ранее Лиам и я поболтали за чашкой чая, девочка. Он знает, что я права, — сказала Брин. — Просто ему это не нравится.

— Не нравится. — Лиам приблизился к Рейн и положил руку ей на живот. — Вы двое будете осторожны, да?

— Обещаю. Хочу удивить Ривера. На этот раз все пройдет на моих условиях. Потом я вернусь домой к тебе и Хаммеру, потому что вы это все, что я когда-либо желала.

— Тогда поезжай. — Лиам погладил ее по голове, в его темных глазах застыло напряжение.

— Спасибо за понимание. О, а Макен у своего адвоката, да? — После кивка Лиам она прикусила губу. — Не говори ему об этом пока. У него хватает стресса и без меня. Я планирую быть дома до его возвращения.

— Иисусе, Рейн. Ты просишь меня обмануть моего лучшего друга.

— Нет. Я просто прошу тебя оставить все это между нами до тех пор, пока у меня не появятся хорошие новости. Как только я вернусь сюда целая и невредимая, у него не будет причин, чтобы рычать и ворчать. Ну, не так много.

Закончив завтрак, Рейн с Бекон и Сетом на буксире, встали. Пока они направлялись к двери, Лиам отодвинул свою тарелку и, притянув Рейн в объятия, крепко обнял и, прежде чем неохотно выпустил, жадно поцеловал.

— Поторопись домой. Я люблю тебя, Рейн.

— Я делаю это ради нас. — Она провела рукой по жизни, растущей внутри нее. — Ради всех нас. Я тоже люблю тебя.

Оказавшись на улице, они сели во взятую в прокате машину Сета и направились по адресу Ривера. Когда они вышли из автомобиля, калифорнийское солнце сбивало с ног. Дул сильный ветер Санта-Ана и горячий воздух трепал ее волосы, заглушая звук колотящегося сердца.

Она постучала по деревянной двери и стала ждать, ощущая, как Сет и Бек, защищая, застыли за спиной.

Послышался звук шагов, а потом дверь открылась. Ривер стоял, застывший, выражение лица было нечитаемым.

— Рейн. Кто эти клоуны, еще одни сожители?

«Началось...»

— Я приехала поговорить с тобой, как здравомыслящий человек. Прекрати считать меня шлюхой!

— Я не говорил, что это был твой выбор. — Сожаление в его глазах причиняло ей боль.

— Это мои друзья. Они здесь, чтобы убедиться, что ты не станешь проделывать ту же глупость, что и в СПА-салоне.

Ривер был настроен недоверчиво.

— Так они никогда не видели тебя голой?

«Видели и более одного раза, но не ради секса». Такой ответ только смутил бы ее брата.

— Это твое самое большое огорчение? Я приехала, чтобы поговорить о том бардаке, в который ты превратил мою жизнь. И в отличие от последнего раза, когда ты ошарашил меня, теперь ты, блять, меня слушаешь.

— Если бы Лиам тебя слышал, малышка... — пробормотал Сет у нее за спиной.

Да, ее ирландец терпеть не мог, когда она сквернословила. Но сейчас было не время думать об этом. Она стрельнула взглядом себе за плечо на блондинистого здоровяка-следователя.

Сет пожал плечами.

— Думаю, он бы гордился. Иди и порви всех, тигрица.

Покачивая головой, Рейн посмотрела на брата и увидела, что он стоит, скрестив руки на груди.

— Никакими словами ты не сможешь убедить меня в моей неправоте. Ты смущена тем, что стала жертвой. Я все понимаю. И помогу тебе выбраться из этой безысходности.

— О, Боже мой, как об стенку горох. — Она наступала на него, тыча в грудь пальцем. — Во-первых, с Лиамом и Хаммером я никогда не была в «безысходности». Они оба любят меня, безоговорочно, не то, что моя собственная семья. Во-вторых, меня не волнует, если в своих глазах ты не можешь оправдать мой стиль жизни. Ты уехал и я ничего тебе не должна. Так что ни на секунду не допускай мысль, что я здесь, чтобы униженно вымолить твое одобрение или прошу, чтобы ты спас меня. В-третьих, я не уйду отсюда, пока ты не признаешь, что являешься импульсивной тупой задницей, которая несправедливо обвинила Макена. За ним охотится полиция, потому что ты и высокоморальная палка, что ты засунул себе в задницу, решили, даже не выслушав мою версию этой истории, что я какая-то девица в беде, которую тебе нужно спасти. Я не нуждаюсь в тебе.

— Ух ты, — прошептал Бек позади. — Она язвит.

Сет мягко усмехнулся.

Ривер нахмурился.

— Если тебя не нужно спасать, почему не сказала этого в СПА-салоне?

— Я пыталась. Но нет же. Ты просто решил, что меня необходимо увезти насильно. — Она взмахнула рукой. — В тот день у меня не было заготовленной речи. Зато теперь есть, так что тебе лучше выслушать меня.

— Послушай, я виню себя за то, что не вернулся в Штаты и не убедился, что с тобой все в порядке. Меня пожирает осознание того, что когда погибла Ровен, а ты сбежала из дома, я находился за сотни километров, служа дядюшке Сэму. Мне бы хотелось спасти ей жизнь, а тебя избавить от многих лет мучений, проституции и изнасилований. Понимаю, что Билл не был приятным человеком и, вероятно, в каком-то смысле эти парни лучше...

— Во всех смыслах, — она выругалась, глаза горели. — Они так любят меня, я и не знала, что мужчины могут такое.

Он отступил.

— Я не желаю слышать ничего о твоей сексуальной жизни.

— Вот именно! Как же ты меня достал. — Она топнула ногой от злости. — Забудь про секс.

— Это сложно выполнить, когда смотришь на свою беременную сестру.

Она посмотрела вверх, изо всех сил цепляясь за терпение.

Бек и Сет уже собирались послушать о ее тошнотворном прошлом. Садист кое-что знал. Следак тоже мог быть в курсе... Но неприкосновенность частной жизни перестала иметь значение. Только Хаммер знал.

— Ты хочешь правды или желаешь, как мудака, просто стоять и осуждать меня?

— О, нет. — Ривер покачал головой. — Я хочу услышать это.

— Хорошо. Я могу войти и рассказать тебе свою историю? А ты не станешь встречать и

вставлять свои пять копеек.

— Только с нами, — Сет тотчас обозначил основные правила.

Она повернулась к своим телохранителям.

Когда Рейн развернулась обратно, чтобы убедиться, что брат понял, Ривер стоял и настороженно смотрел на мужчин. Затем пожал плечами и открыл дверь шире.

— Хорошо. Входите.

В прохладном темном номере мотеля не было ничего элегантного. Ковер бутылочно-зеленого света не слишком соответствовал горчичным стенам. Над массивной кроватью висел черно-белый пейзаж в рамке. Кухня выглядела так, словно ей часто пользовались. Банка сывороточного протеина стояла на кухонном столе, а рядом — с полдюжины яичных скорлупок. По-видимому, он только закончил завтракать.

Он жестом указал ей на офисный стул рядом с дверью. На противоположной стороне комнаты, рядом с холодильником, располагался круглый столик на одной ножке. Но когда Ривер предложил Беку и Сету эти места, они отказались отходить от Рейн.

Приподняв бровь, Ривер сел на край постели, которая выглядела слишком измятой для простого сна.

— Я слушаю.

Теперь, когда Рейн завладела его вниманием, ее захлестнули эмоции, мысли проскальзывали прежде, чем она могла их закончить.

— Начни с самого начала, — подбодрил Ривер. — Подростком Билл продал тебя Хаммеру и...

— Что?

«Где черт подери, он услышал подобное?»

— Такого и близко не было. Все это началось потому, что у нашего дорогого папочки был мерзкий характер.

Ривер кивнул.

— Знаю. У меня есть шрамы, подтверждающие это.

— Не у тебя одного, хотя мои, теперь, только эмоциональные. Хаммер водил меня к пластическому хирургу, когда... — Она всплеснула руками и покачала головой. Она сбилась. — Последнюю пару лет под крышей Билла я спала с ножом под подушкой. Мне исполнилось семнадцать, когда однажды ночью в мою дверь вломился пьяница-отец, чтобы лишить меня девственности.

— Что? — выдохнул Ривер. — Иисусе...

— Я сопротивлялась. Он избил меня. Думаю, той ночью он хотел убить и меня тоже.

Ривер сжал губы в тонкую линию.

— Я думал, что этот буйный ублюдок ненавидел только меня.

— Он ненавидел всё и всех, а особенно нас. Мне удалось порезать его щеку, схватить сумку с предметами первой необходимости, которую я приготовила на всякий случай, и выскользнуть в окно. Было три часа ночи. У меня было всего восемь долларов и идти было некуда. Он сделал так, что у меня было чертовски мало друзей.

— Да, он был хорош в изолировании, манипулировании и умении заставить окружающих чувствовать себя незначительными.

Значит, ее брат испытал это на собственном опыте. Вероятно, убедить его в том, что встреча с Макеном стала лучшим, что было в ее жизни, пока она была ребенком, будет не так уж сложно.

— В точку. После побега я два дня бродила в оцепенении. Мучимая жаждой и голодом, я была в агонии. В синяках, порезах, с треснувшим ребром. Я готова была броситься под автомобиль или что-то в этом роде... Спрятавшись в аллее за «Темницей», я заплакала.

— Тучка... — Он выглядел пораженным.

— Там и нашел меня Хаммер. Он приютил меня. Он... удочерил меня, за неимением лучшего описания. Он кормил, одевал, лечил, защищал, учил, нянчился, помогал, делал все, что должна была делать семья. За это полицейские называют его извращенцем, растлителем малолетних? Они пытаются вменить ему преступления, которые он никогда не совершал.

— После всего, что тебе пришлось пережить с Биллом, я не виню тебя за твой выбор. Ты была ребенком. Если бы ты осталась с Биллом, должно быть, он убил бы тебя. Так что я чертовски рад, что ты выкарабкалась. Но я виню Хаммера. Он воспользовался тобой. В обмен на свою заботу он вынудил тебя заниматься с ним сексом.

— Нет, он не делал этого! Если когда-нибудь какой-нибудь мужчина прикоснется ко мне хоть пальцем против моей воли, я сделаю с ним то же, что сделала с Биллом. Но Хаммер никогда не делал таких попыток. Я работала у него помощником, поваром, бухгалтером и девочкой на побегушках. Я делала его жизнь более спокойной. Он установил границу между нами, даже когда узнал, что я влюбилась в него. Даже когда я бесстыдно предложила ему себя.

— Значит, он выждал несколько недель, прежде чем воспользоваться твоей благодарностью и начать заигрывать с тобой? Боже, как трогательно.

— Ты что, самый тупой мудака в мире? — изумился Бек. — Я — врач. Может, позволишь мне подправить твое состояние? Лоботомия должна помочь.

Она кинула на садиста осуждающий взгляд.

— Пожалуйста... у меня все под контролем. — Затем она повернулась к Риверу. — Насчет того, что он сказал.

Сет шумно вздохнул.

— Лиам с Хаммером правы. Все это бессмысленно. Он никогда не начнет слушать.

— Мужик... — Бек покачал головой. — Я был в «Темнице», когда Хаммер привел твою сестру в клуб. Он. Не. Трогал. Ее. Господь Свидетель, он трахал всех остальных...

— Спасибо за напоминание, — фыркнула она.

Ривер выпрямился и указал на ее живот.

— Очевидно, что в какой-то момент он переспал и с тобой. Когда?

— Это чертовски личное, и она не обязана отвечать тебе ничего, кроме того, что ей было больше восемнадцати, — напомнил Сет.

Она проигнорировала блондинистого громилу.

— Четвертого числа прошлого ноября. Он впервые прикоснулся ко мне спустя более шести лет после того, как приютил. Макен никогда не касался меня, не эксплуатировал как сутенер и не занимался какой-либо еще сексуальной деятельностью до прошлого ноября. Мне было почти восемнадцать с половиной, когда я лишилась девственности, и это произошло не с Хаммером. Все, что касалось этого, было только моим выбором.

А когда она вспомнила, какую боль причинила Макену, ее пронзило раскаяние.

— Чертовски паршивый выбор, — усмехнулся Бек. — Зак был куском дерьма.

Рейн жестом показала на Бека. Она не могла спорить с фактами, но его подтверждение и не причиняло вред.

Ее брат воспользовался моментом, чтобы усвоить информацию.

— Если Хаммер не выкупил тебя ради секса, то зачем тогда он давал Биллу деньги? Я видел старого хрена перед смертью. Он сам мне сказал.

— И ты поверил ему?

Риверу хватило совести покраснеть.

— Он сохранил копию каждого денежного перевода, что выслал ему мастер Извращенец. Было ощущение...

— Хорошо, шокирующая новость, Билл солгал. Хаммер платил ему, чтобы тот держался подальше. Он добровольно отдавал этому падальщику по две тысячи долларов в месяц в течение шести лет, только чтобы я была в безопасности. Он купил мне машину. Оплатил колледж. — Она прослезилась, как только подумала о том, сколько всего для нее сделал Макен. — Он первый человек в моей жизни, который вообще остался в ней. Он мог оставить меня в том переулке или позвонить в прокуратуру, которая, вероятно, отправила бы меня домой, что еще хуже. Но нет. Он рисковал всем, чтобы помочь мне, ничего не ожидая взамен. — Она похлопала по груди ладонью, с трудом сдерживаясь, когда осознание о величине принесенной Макеном жертвы врезалось в нее вновь. — И поскольку каждый судит в меру собственной испорченности, ты воспользовался его самоотверженным поступком и убедил полицейских в том, что это было чем-то грязным.

Я могу навсегда потерять его из-за того, что ты не можешь понять, каково это подставиться под удар, чтобы помочь ребенку, без того, чтобы желать взамен секса.

Рейн хлопнула рукой по губам, когда рыдания вырвались на свободу. Если бы она разозлила Ривера и он отказался отозвать свои обвинения, то Хаммер провел бы остаток жизни за решеткой. Страх острым скальпелем полоснул по ее телу и вывернул наизнанку.

Сет положил руку ей на плечо. Рейн старалась собраться и продолжить, но, черт подери, лицо Хаммера, стоящее перед глазами, заглушало все слова.

— Тучка? — Ривер казался обеспокоенным.

Слабо кивнув, она стерла слезы со щек.

— Если бы не Хаммер, я бы закончила, как Ровен.

— Умерла в пустыне? — голос Ривера посуровел.

— Намного хуже этого. На очень-очень много хуже. — У нее вырвалось еще несколько рыданий. — В том году, в июле, ты ушел, и в августе ей исполнилось тринадцать. Он начал насиловать ее в день ее рождения в том году. К пятнадцати она дважды забеременела, и оба раза он прерывал беременности.

— О... — Ривер застонал, он выглядел бледным и оглушенным. — Я не знал. Прекрати.

— Нет. Это правда, и тебе нужно ее услышать. Ровен позволяла Биллу приставать к ней вновь и вновь, чтобы защитить меня, потому что больше никого не было, чтобы остановить его. Когда она «уехала в колледж», он убил ее за великий грех, за то, что она хотела уехать от него. А потом он переключил свое внимание на меня. Я понятия не имела, что происходило до этого, и не могу выразить словами, сколько вины ощущала за то, что не замечала очевидного. Она страдала, а я ничего не сделала...

Рейн больше не могла говорить. Сожаление и чувство вины убивали ее.

Сет обогнул ее кресло и встал перед ней на колени, сочувствие смягчило выражение его зеленых глаз. Она покачала головой. Если она примет сейчас его утешение, то еще больше расклеится.

Ей нужно быть достаточно сильной, чтобы заставить брата увидеть правду.

Ривер встал с кровати, сглотнул.

— Я не знал. В то лето Билл выпинал меня, потому что я подверг сомнению «исчезновение» мамы. Я стал подозрительным и вырос достаточно, чтобы ответить ему, когда он избил меня за это. Пока я был маленьким, он частенько выбивал из меня дерьмо, но никогда не прикасался ко мне подобным образом... Иисусе. Мне жаль, что я уехал. Я был зол и потерял маму. Кроме того, я был всего лишь мальчишкой без работы и навыков общения, пытался научиться, как прокормиться и выжить. Я нашел себя в уличных боях за деньги. Я едва не убил парня голыми руками и попал за решетку. Судья предложил мне по достижении восемнадцати поступить на военную службу или отправиться в тюрьму, таким образом я попал в армию. Оказавшись там, я просто хотел все забыть и быть нормальным.

— Все мы стали жертвами Билла. Но почему ты не прислушался, когда Лиам и Хаммер пытались рассказать тебе, на что была похожа моя жизнь? Или когда объясняла я?

Он покачал головой и провел рукой по волосам.

— Я — солдат, Тучка. Это все, кем я был, не считая последних семидесяти трех дней. Я оставил командира, научился смотреть на факты и быстро принимать решения. Я называл вещи так, какими их видел.

Ее ноги тряслись, но она поднялась. Сет и Бек сразу же оказались рядом, предлагая свои руки. Она воспользовалась ими, потому что молила о мужестве. Проклятье, она поклялась, что больше ни один мужчина-Кендалл не сделает ей больно.

— Ты был неправ. Хаммер даже не знает, что я здесь. Он никогда не захочет, чтобы я просила за него. — Ее гордый сильный Дом предпочел бы пойти ко дну с высоко поднятой головой. Но она бы отказывалась от своей души вновь и вновь ради его спасения. — Лиам тоже не хотел, чтобы я ехала сюда. Но я настояла, потому что сделаю все от меня зависящее для мужчины, который тоже сделал для меня все.

— Принцесса, — прошептал Бек, — сделай глубокий вдох. Лиам с Хаммером не хотели бы, чтобы ты так сильно расстраивалась.

Рейн это знала. Она чувствовала себя опустошенной и вымотанной и выгоревшей для всего, кроме грызущего страха, что не сможет состариться вместе с Макеном.

— В моей жизни есть всего два человека, без которых я не смогу жить, и ты пытаешься посадить в тюрьму одного из них. Я в агонии и умоляю тебя прекратить это. Пожалуйста...

Медленно, к ней приблизился Ривер. По обеим сторонам от Рейн Бек и Сет приготовились защищать ее. Она посмотрела на незнакомца, у которого были ее глаза, еще одного человека на всей планете, который знал, каково это жить под железным кулаком Билла Кенделла. Рейн не знала, чего ожидала, но ее огромный брат наинейнейшим прикосновением стер с ее щек слезы.

— Сложно принять, что моя маленькая сестренка живет с двумя мужчинами одновременно, которые старше, опытнее нее и были женаты. Оба — Домы, так что я прекрасно знаю, что они требуют от тебя. Эта картина жжет мои глаза, а при мысли, что ты стоишь перед кем-то на коленях, я схожу с ума. И ты беременна. — Он потер глаза большим и указательным пальцами. — Это трудно принять. Но я пытаюсь.

— Я не прошу тебя любить это. Я прошу, чтобы ты убедил полицейских, что неверно воспринял факты и отозвал эти ужасные обвинения. Если ты не веришь, как я была счастлива, то никогда и не поверишь.

За минутами мольбы Ривера могло бы последовать исцеление и начаться ее будущее, она могла бы отпустить Бека и Сета и покинуть мотель.

Лиам вздохнул.

Пятнадцать минут спустя Хаммер вошел в парадную дверь и узнал, что Рейн находилась у Ривера. С тех пор он не дышал.

— Поверить не могу, что ты дал ей переступить этот чертов порог. Seriously, Лиам. Предполагается, что мы защищаем ее от этого мудака, а ты просто... что? Проводил ее с улыбкой и помахал на прощанье рукой. «Конечно, любимая, — спародировал он. — Отправляйся и повесились со своим сумасшедшим братом. Надеюсь, ты вернешься!» Ты, блять, прикалываешься надо мной?

— Она была полна решимости встретиться с ним, разрешили бы мы или нет. Что мне оставалось делать? Связать ее?

— Может быть. Или, может, тебе следовало приковать ее к кровати, как я говорил.

— Это твой способ для решения всех проблем?

Лицо Хаммера сменило три оттенка красного.

— По крайней мере, мы бы знали, что она в безопасности.

— Мы оба знаем, как она отреагировала на ограничения, когда мы в последний раз пытались. Будь благоразумным. Мы не можем сделать Рейн узницей в ее собственном доме. Я тоже беспокоюсь о ней. Но она человек с сильной волей, способный выжить. И она не дура.

— Нет, это мы дураки, потому что позволили выйти за двери этого дома.

— Она вольна приходить и уходить, куда ей захочется.

Макен выглядел таким же гибким, как кирпичная стена.

— Ривер неадекват. Вероятно, он получил слишком много осколков в голову. Или, эй, может, он такой же сумасшедший, как их старик. В любом случае, мы сидим здесь сложа руки, а она Бог знает где.

Лиам не нуждался в напоминании Хаммера о том, что было на кону. На самом деле, чем дольше отсутствовала Рейн, тем сильнее в нем укоренялось беспокойство.

Мнительность было чертовски пронырливым чувством.

— Я говорил тебе, что она не одна. Бек и Сет...

— Это не ты и не я. Что если они не смогут остановить Ривера и с ней что-нибудь случится?

Мысль о подобном проскальзывала в мозгу Лиама не единожды.

— Я знаю, что это рискованно, и никогда не смогу простить себя, если...

— Поверь мне. Тебе не придется, — Хаммер пронзил его злым взглядом, расхаживая по деревянному полу гостиной.

— Я верю, что в любую секунду она войдет в эту дверь. — «Это тот слепой инстинкт, на котором советовала сосредоточиться мать».

И если он был неправ и Рейн не вернется, то он покончит с Ривером Кендаллом всеми кровавыми способами, которые только придут ему в голову.

Прежде, чем Макен смог начать спорить вновь, в дом, звеня ключами, вошла Рейн. Бек и Сет шли по бокам от нее. Облегчение нахлынуло на Лиама.

Он хлопнул Макена по спине.

— Видишь, приятель? С ней все лучше некуда.

Хаммер не слушал. Он сгреб ее в охапку и на долгое мгновение припечатал к себе. Затем

он наклонился и сильно шлепнул ей по заднице, чтобы выбить всю дурь.

— Ай! — вскрикнула она.

Лиам встал между Хаммером и девушкой, временно спасая ее задницу.

Когда Рейн скользнула назад, они бросили взгляд на ее лицо. Оно было в пятнах, глаза красные и припухшие. От беспокойства у Лиама сжалось горло.

Хаммер обхватил ее за плечи.

— Что случилось? Тебе больно?

— Нет, Макен, — ее мягкий голос казался измученным, — со мной все просто прекрасно.

— Брехня. Ты плакала. Что этот ублюдок тебе сделал?

— Ничего. Мы поговорили и разбередили прошлое.

Хаммер сжал челюсти, без сомнений, стараясь сдержать свой темперамент.

— Но в остальном все в порядке?

— Да.

— Хорошо, — рявкнул он. — Имеешь ли ты хоть малейшее понятие о том, как я, блять, сходил с ума? Ты обещала оставаться в стороне от этого шизанутого психопата, а вместо этого, как только я отвернулся, сбежала, чтобы встретиться с ним.

Бек и Сет встали по бокам от Рейн, словно так и не прекратили защищать ее. Она только подняла руку, чтобы остановить их и покачала головой.

— Прошу прощения, сэр.

Рейн изящно опустилась на колени к их ногам, расположив ладони на бедрах и опустив голову.

Сердце Лиама пропустило удар. Умная девочка. Внутри него распустилась гордость.

Комната погрузилась в тишину.

Макен выдохнул воздух, который задержал, и опустился на колено, поднял ее подбородок, чтобы встретиться с ней взглядом.

— Зачем?

— Чтобы помочь тебе. — Она встретила его пристальный взгляд, словно желая заставить его понять. — Я должна была убедить Ривера сказать полиции, что он ошибся на твой счет.

— Я просил тебя помогать? — Хаммер выгнул бровь.

— Нет. И никогда не стал бы. Но моя семья достаточно уже принесла нам горя и боли. Я чувствовала, словно моей обязанностью было раз и навсегда положить всему этому конец. Прости, что заставила тебя поволноваться.

Лиам покосился на Макена, который стиснул зубы и выглядел так, словно готов был взорваться.

— Мужик... — Лиам старался говорить рассудительным тоном.

— Обязанностью? — ноздри Хаммера затрепетали. — Твоей обязанностью является сделать так, чтобы твой разум, тело и душа принадлежали нам с Лиамом. Тебе не нужно думать о том, что сделала твоя семья, и подчищать за ними долбаный бардак — не твоя работа. Начать самой защищать себя это то же самое, что и отобрать свое подчинение.

Лиам не мог с этим поспорить. Он надеялся, что и Рейн не станет пытаться.

— Я не это имела в виду, — заверила она. — Но приму любое наказание по твоему выбору.

— Чертовски верно, примешь. Позже. И когда я закончу, ты запомнишь, что больше

никогда не стоит ставить одного Дома против других.

— Да, сэр. — Она опустила голову.

Казалось, ее согласие сняло с Хаммера напряжение. Он поднял ее на ноги и снова прижал к своей груди.

— Если бы с тобой что-нибудь случилось... Иисусе, Рейн.

Затем с безжалостной нежностью он заявил права на ее рот. Сердцебиение Лиама стало возвращаться к обычному ритму. Он дал им еще минуту, прежде чем обнять обоих, оставляя поцелуи на шее Рейн.

Когда Макен освободил ее губы, на них набросился Лиам. Обхватив ладонями ее лицо, он целовал основательно, смакуя ее мягкость и тепло.

— Мы беспокоились о тебе, любимая.

— Ты тоже собираешься меня наказать? — От замешательства она нахмурилась.

— Нет. Это Хаммера позволения ты не получила. Но я не стану мешать ему. Ты могла бы дождаться и спросить у него, но решила не делать этого.

— Но... — Рейн сжала губы, проглотив свои аргументы. — Так и было.

— Скажи спасибо, что это не я навешиваю наказания, принцесса. Вероятно, Хаммер легко обойдется с тобой. — Затем Бек бросил взгляд на лицо Макена. — Или нет.

Хлопнув Сета по плечу, Лиам повернулся к парням.

— Спасибо вам обоим за то, что присмотрели за Рейн и привезли ее обратно в целости и сохранности.

Хаммер поднял на них холодный взгляд.

— Уверен, что однажды поблагодарю вас, но случится это не сегодня.

Бек рассмеялся.

— Не думал, что будет так. Если ты желаешь, чтобы ее задница действительно запылала...

— Мы не хотим, — прервал его Лиам.

Сет пытался подавить улыбку.

— Рейн проделала отличную работу, пытаюсь доказать свою точку зрения.

Бек усмехнулся.

— Она подожгла такой костер под задницей Ривера, который заставил бы скаута сгореть от стыда. Мне следовало заснять для вас видео. Хаммер, на ее фоне ты говоришь, как святоша.

Рейн прикусила губу.

— На самом деле так и было.

Лиам совершенно не удивился. Он взял за руку их девочку.

— Да ладно вам, — поддразнил его Сет. — Вы упрекаете ее за то, что она пыталась помочь вам и сегодня День святого Валентина.

Макен посмотрел свирепым взглядом.

— Надеюсь однажды, ты полюбишь женщину, которая напугает тебя до усрачки.

Улыбка слетела с лица Сета.

— Я уже, и ты это знаешь.

Лиаму хотелось треснуть Хаммера по голове, чтобы его рот открылся, и засунуть ему в рот его же туфлю.

Ему, по крайней мере, хватило такта, чтобы поморщиться.

— Я не это имел в виду...

— Знаю, — прервал его Сет. — Просто помни, что надо радоваться тому человеку, который является для тебя особенным. Это есть не у всех. Бек и я собираемся совершить набег на ваш холодильник, даю вам три минуты.

— Тебя всё устраивает, принцесса? — Бек бросил на Рейн многозначительный взгляд. Она выглядела немного нервной, но улыбнулась.

— Прекрасно. Спасибо.

Этот обмен взглядами показался Лиаму странным.

Хаммер хмурился, наблюдая, как парни неторопливо направились в соседнюю комнату. Но покачав головой, он повернулся к Рейн.

— Прежде чем ты расскажешь мне все, что случилось на встрече с Ривером, и я имею в виду все до малейшей детали, Лиам и я хотим кое-что тебе подарить. — Он потянулся к карману и, вытащив маленькую красную коробочку, вложил ее Рейн в ладонь. — Открой это, прелесть. С днем святого Валентина.

— В данный момент много чего происходит, но мы хотим подарить тебе кое-что памятное. — Погладил ее по волосам и поцеловал в висок.

Рейн подняла крышку, и глаза ее расширились. Вынимая изящный серебряный браслет из коробочки, она задохнулась от счастья.

— О, Боже... Он прекрасен! — Глаза наполнились слезами радости, когда она прижала его к своему сердцу. — Кулон, который подарила мне мама... Вы нашли его.

— В твоём шкафу, в клубе. — Макен кивнул.

— Мама подарила эту подвеску, когда мне исполнилось семь. Она сказала, что, несмотря на то, что я ее малышка, я уже выросла достаточно для какой-нибудь хорошенькой вещицы. — Рейн прижала руку к подрагивающим губам. — Я носила кулон каждый день после ее смерти. Цепочка, которая шла в комплекте, порвалась в ночь, когда Билл... — Она покачала головой и не стала заканчивать предложение. — Я положила его в карман, а потом припрятала в «Темнице». Большое вам спасибо. Еще больше талисманов!

Она осмотрела три переплетенных, филигранных сердца, по одному на каждого из них. Когда же она заметила крошечные детские пинетки, ей пришлось снова вытереть глаза. Бессознательно она положила ладонь на живот.

Лиам повернулся, чтобы посмотреть на Хаммера. Они обменялись нерешительными взглядами.

— Мы не хотели заставлять тебя плакать, любимая.

— Это слезы счастья. Украшение просто великолепно!

Они облегченно улыбнулись.

— Эти три сердечка я придумал сам. И мы с Хаммером вместе нашли пинетки.

— Не знаю, как вас отблагодарить. — Она обняла их и крепко сжала.

— Оно так же прекрасно, как фотография, которую ты прислал мне, когда нашел его. Кулон ее матери стал прекрасным дополнением. Видишь, не так уж ты и плох в этом пути дерьме, — прошептал Лиам на ухо Хаммеру.

Макен улыбнулся.

— Мы рады, что тебе понравилось, прелесть.

— Я влюбилась в него. Даже просить не смела о чем-либо подобном.

Вместе с Хаммером они постарались застегнуть браслет на ее запястье. Она светила, глядя, как тот сияет на свету.

— Надеюсь, вам хотя бы вполтину понравится то, что я купила для вас. — Она быстро

пересекла комнату и вытащила из сумочки две коробочки с белыми атласными бантиками. Устремившись обратно, она протянула Лиаму и Хаммеру по одной.

Они одновременно развернули свои подарки. О'Нейл улыбнулся, когда заметил, что Макен вынул такое же кольцо, как у него, прикрепленное к массивному серебряному медальону. Он перевернул его и прочел надпись: «С тобой в моей жизни любовь приобрела новое прекрасное значение».

Лиам подавил эмоции, вставшие комом в горле, и скользнул поцелуем по ее губам.

— Спасибо, девочка. Ты тоже привнесла в мою жизнь новое прекрасное значение.

— «Я любила тебя день назад. Люблю сейчас. И буду любить всегда», — голос Хаммера был густым и низким, пока он читал надпись на своем подарке. — О, Прелесть. Ты же знаешь, что это именно то, что чувствую я.

Она погладила их по лицам.

— Хорошо. Пожалуйста, помните об этом...

Лиам пронзил ее подозрительным взглядом.

— Что ты натворила?

Она стала заламывать руки, это всегда было плохим знаком.

— Мне нужно, чтобы вы сделали глубокий вдох и держали разум открытым.

— Вот дерьмо, — проворчал Хаммер.

— Все в порядке. Честно. — Она бросила взгляд куда-то вправо вверх их плеч. —

Просто у нас посетитель...

Рейн не закончила предложение. Лиам развернулся, чтобы увидеть, что именно ее отвлекло. Бек и Сет поворачивали из-за угла, возвращаясь в гостиную... с Ривером Кендаллом, шагающим позади.

Лиам сошел с ума.

— Что ты здесь делаешь? — требовательно спросил он у брата Рейн. — Убирайся отсюда к черту!

Кулаки сжались, зубы обнажились, с диким ревом Хаммер сделал то же самое.

Бек и Сет заблокировали их. Словно они... что? Защищали Кендалла? Лиам нахмурился. Вот, дьявол, нет.

Начался настоящий ад. Рейн попыталась урезонить его, но ее слова затерялись в гуле обозленных ос, наполнивших его голову.

— Шаг в сторону, — он задвинул ее себе за спину.

Она изо всех сил дернула его за руку. Он высвободился из ее хватки.

— Ты, долбаный мудака, как ты посмел войти в этот дом! — Хаммер пронзил Ривера взглядом, обещающим расправу, рыча угрозы поверх плеча доктора. — Ты, блять, покойник, Кендалл.

— И я буду рад ему помочь, — вставил Лиам.

— Достаточно! — выкрикнула Рейн сквозь весь этот хаос. — Вы обвиняли его в том, что он не слушал вас, а сами-то ничем не лучше.

Хаммер снова отпихнул Бека. Лиам ринулся вперед, чтобы помочь отодвинуть мужчину в сторону. Сет преградил ему дорогу. Осиный рой в его голове зазвучал громче. Глаза заволочла красная пелена ярости.

— Убери от меня свои чертовы руки, Сет и уйди с дороги. Я вырублю тебя.

— Нет, не вырубишь, — спокойный тон Хорошего парня противоречил похожей на тиски хватке на руке Лиамы. — Дай Кендаллу шанс все объяснить. Если тебе не понравится

то, что он скажет, мы с Бекком поможем тебе надрать ему задницу.

Предложение Сета ничуть не успокоило ярость, бегущую по венам Лиамы. Вместо этого он вновь попытался проскользнуть мимо друга, пока Бек и Хаммер схватились друг с другом. Воздух наполнили крики и проклятия.

Где-то на задворках сознания в его мысли встряла мать, распекая его, пока опрометью спускалась по лестнице. Он выругался себе под нос.

— ...я имела в виду, проклятье! — Рейн зло топнула ногой, лицо ее покраснело. — Вы, два неандертальца, дадите моему брату выговориться? Я попросила его приехать сюда и ни один из вас не отменит за две минуты то, на что мне понадобилось два часа!

Хаммер ошетинился.

— Этот сукин сын не сможет сказать ничего, чтобы изменить...

— Прошу прощения за то, что сделал тебе, Хаммер. Лиам, — Ривер помрачнел, нахмурился и прервался. — После того, как я только что увидел, как вы заботитесь о Рейн, надеюсь, вы поймете, как сильно я сходил с ума от беспокойства за свою младшую сестру. Она это все, что у меня осталось. И я здесь только потому, что она попросила меня приехать и посмотреть на ваши взаимоотношения своими глазами. Теперь, я... понимаю, что она пыталась вложить в мою упрямую башку, — Ривер прервался, словно признание собственной вины обожгло ему язык. — Вы оба любите ее.

— Конечно, любят. — Неожиданно для всех с улыбкой на губах и Дунканом за спиной появилась Брин. — Теперь, когда мы прояснили это недоразумение, почему бы вам не присесть и не поговорить?

Лиам не мог дышать от ярости. Он сжал кулаки. Последнее, что ему хотелось делать, это смотреть на Ривера Кендалла, сидящего на противоположном конце стола и притворяться, что он не испытывает ненависти к этому ублюдку со съехавшей крышей.

— Возьми себя в руки, сынок, — тихо проговорил Дункан ему на ухо. — Настало время слушать и исцеляться.

От него потребовалась вся его сила воли, чтобы подавить ярость и кивнуть отцу.

— Отличная идея, Брин. — Рейн повернулась к Лиаме с Хаммером. — Сделайте хороший глубокий вдох. Ведите себя как взрослые и выслушайте. Пожалуйста!

— Следи за тем, что говоришь, девочка, — обратил внимание Хаммер.

Гнев все еще бурлил в Лиаме.

— Ты ходишь по тонкому льду.

— Ведите себя хорошо, мальчики. А я приготовлю нам чай, — предложила Брин перед тем, как умчаться. — Дункан?

Пара ушла, и Лиам задался вопросом, не забрали ли они с собой его единственную надежду на здравомыслие.

— Принцесса, все будет в порядке? — спросил Бек.

Она обняла садиста и сухо улыбнулась.

— Думаю, все будет в порядке. Не знаю, к чему приведет то, что я самый трезвомыслящий человек в этой комнате, но мы постараемся.

Сет поцеловал ее в лоб.

— Иди и порви их еще раз, тигрица. У тебя получится. Мы проведем тебя попозже.

— Иди и пригласи Хевенли на ужин, — посоветовала она.

— Так и планирую. — Сет сверкнул самоуверенной улыбкой. — Прежде, чем поиметь ее на десерт.

Бек выглядел убийственно разъяренным.

— Нет, ты, блять, не сделаешь этого.

Бек с Сетом спорили всю дорогу до двери. Заинтересованный в том, чтобы на светлобежевом ковре Рейн не произошло убийства, Лиам отпустил их.

Они с Хаммером и Рейн расселись за кухонным столом. Ривер присел последним. Враждебность и упреки по-прежнему давили на Лиам, пока Рейн рассказала все, что произошло в номере отеля Ривера.

У него болело сердце, от осознания, что ей снова пришлось переживать произошедшие с ней события.

— Я просто хотел, чтобы моя сестра была в безопасности. То, что я увидел только что на кухне... — Ривер выглядел ошеломленным. — Мне жаль, что не слушал раньше.

— Знаю, — мягко прошептала Рейн.

Ривер выглядел раскаивающимся, но Лиам сомневался, что человек за пятиминутный проблеск сознания сможет понять всю глубину любви, что они втроем разделили между собой.

— Несмотря на то, насколько трогательно ты извиняешься, это не изменит того бардака, в который ты превратил наши жизни, — прошипел Хаммер. — Или то, что этим фокусом ты еще больше расстроил свою сестру. Вчера они вызывали ее в центр города, для допроса. Она беременна, ты, тупица. И ей пришлось столкнуться с незнакомцами, которые называли ее шлюхой и допрашивали по поводу сексуальной жизни.

— Простите. Если бы я мог вернуть все назад...

— Вред нанесен, — огрызнулся Лиам. — До тех пор, пока ты все не исправишь, не думаю, что нам есть что сказать друг другу.

— Я сделаю все возможное. — Ривер встретился с колючим взглядом Лиам. — Я встречусь с детективами Уинслоу и Кэмероном и объясню, что никогда не должен был верить тому дерьму, что отец скормил мне перед смертью. Если и Рейн поддерживает тебя, то я не вижу мотивов для твоего преследования полицейскими.

Лиам тоже не видел. За исключением того, что его смущали утерянные записи службы безопасности и неведомый свидетель.

Пытаясь не волноваться, Лиам встал.

— Не споткнись о порог.

Рейн хлопала глазами от удивления, а Хаммер холодно уставился на Ривера.

— Ребята...

— Нет, все в порядке, — настаивал Ривер. — На их месте я бы тоже был в ярости. На войне предположения могут спасти тебе жизнь. В любви... видимо, они опасны. Я все исправлю. Хочу, чтобы ты оставалась в моей жизни, Рейн. И чтобы была счастлива.

— Тогда начинай извиняться перед нашей девочкой, — потребовал Лиам. — Ты, блять, заставил ее плакать, ты...

— Лиам, — перебила Рейн, положив поверх его свою руку. — Страх за то, что потеряю Макена и нашу общую жизнь, расстраивал меня. Ну, и гормоны тоже.

— Хочешь все исправить? — бросил вызов Хаммер, вероятно, не вполне верящий в раскаяние Ривера. — Начни с рассказа о том, кто на тебя работает в «Темнице». Кто твой крот?

Ривер выглядел смущенным.

— У меня нет информатора.

— Правда? — издевался Хаммер. — Откуда тогда ты узнал о яблочных маффинах Рейн? И где, блять, пропавшие видеозаписи?

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — заявил Ривер.

— Херня, — Хаммер выглядел так, словно был готов ударить вновь.

Ривер поднял обе руки.

— Ты можешь настаивать и дальше, но я ни черта не вру. Ты хотел, чтобы я тебя выслушал? Я это сделал. Но хотел бы и от тебя того же.

Хаммер изучал мужчину жестким взглядом, затем наконец мрачно кивнул. Не имея другой альтернативы, Лиам поступил так же.

Но он знал, что позже, наедине, они соберутся вместе, чтобы выяснить это.

Рейн облегченно вздохнула.

— Спасибо.

— Нам нравится заставлять тебя улыбаться, любимая, — по крайней мере, это мог сказать искренне.

Он не доверял Риверу, но если ублюдок говорил правду, это было хорошо для Рейн... и плохо для всех них. Его страх усилился.

— Что ты планируешь делать завтра? — неожиданно спросила она у брата.

Лиам бросил на нее хмурый взгляд. Неужели она хотела пригласить надоедливую мерзавца на ужин?

— Искать работу. — Он пожал плечами. — Но для тебя время найду.

— Не хотел бы ты, эм... — Рейн прикусила губу.

У Лиамы возникло подозрение, что он знал, о чем хотела спросить его девочка.

— Рейн, ты не обязана...

— Нет, обязана, — парировала она мягко и посмотрела на брата. — Я никогда не была на могилах мамы и Ровен. Думаю, что теперь я готова. Мне бы хотелось, чтобы ты пошел со мной.

Он и Хаммер должны быть теми, кому следовало сопровождать ее во время такого эмоционального дела. Лиам оцетинился.

— Может, тебе стоит подождать, пока родится ребенок.

— Чрезмерный стресс не пойдет на пользу никому из вас, — вставил Хаммер.

— Почему бы вам всем не пойти туда? — Брин подошла к столу, неся в руках чайник со свежесваренным чаем. — Таким образом, Рейн и Ривер смогут попрощаться, а вы двое будете обеспечивать ее комфорт.

Рейн бросила на него с Хаммером взгляд, полный надежды. Они обменялись безмолвными взглядами.

Хаммер вздохнул.

— Хорошо. Мы поедем с тобой, прелесть.

— Спасибо. — Рейн улыбнулась одновременно дрожащей и нежной улыбкой. — Что насчет завтрашнего полудня?

— Отлично, — сказал Ривер. — Не скажу, что жду этого с нетерпением, но наступило время отдать последнюю дань.

— Великолепно. — Брин поцеловала Лиаму в щеку. — Похоже, вы начинаете ладить. Тогда мы с папой отправимся на ранний ужин в честь дня святого Валентина. Скоро вернемся.

После того, как мать Лиамы обняла Рейн и Хаммера, его родители отбыли.

Больше Лиаму не нужно было быть вежливым. Он стоял, надеясь, что Ривер даст повод.
— Тогда встретимся на кладбище.

Брат Рейн понял его невысказанное предложение.

— Хорошо. Я... отправлюсь в полицейский участок и вычищу сотворенный мной бардак. Всем спокойной ночи. Счастливого э-э-э... дня святого Валентина.

Поднявшись, Рейн обняла брата, Хаммер буравил его ледяным взглядом. Лиам же в свою очередь бросил на того быстрый взгляд, полный обещания медленной и болезненной смерти, если Ривер вздумает вновь их подставить.

Он и Хаммер, оба, приобняли Рейн в защитном жесте, пока провожали Ривера до двери и наблюдали, как он уезжает по подъездной дорожке.

Как только он уехал, Лиам притянул ее в свои объятия и крепко сжал.

— Такое ощущение, что я полжизни прождал, чтобы получить тебя обратно, любимая.

Но на этом он не остановился. Лиам запечатал ее рот в неторопливом страстном поцелуе.

Она послала ему нежную улыбку и отодвинулась.

— Мне это было необходимо.

— То, что тебе нужно, это отшлепать твою попку до ярко-красного цвета, — Хаммер зарычал перед тем, как схватить ее волосы в кулак и притянуть к себе ее губы.

Лиам пронзило желание, пока он наблюдал за их пламенным поцелуем. И вернулось ощущение, близкое к спокойствию. Если Ривер добьется успеха, то, вероятно, весь этот кошмар вскоре закончится.

Когда Макен неохотно оторвался от губ Рейн, Лиам посмотрел на него.

— Теперь, когда мы одни, какой информацией владел Стерлинг?

— Хорошие новости... и плохие. И раз мы заговорили о Стерлинге, мне нужно позвонить ему и сообщить, что Ривер собирается отозвать свои обвинения. Давайте переодеваться к ужину. В «Мелиссе»? Где я зарезервировал столик. Или... — Он вздохнул.

— В «Мама-тесто»?

Для Хаммера это стало огромной уступкой. Он любил хорошую еду, но Рейн обожала пиццу с самого начала своей беременности.

Глаза ее засияли от волнения.

— Ты сделаешь это ради меня?

Выражение его лица говорило о том, что ему стоило проверить свое душевное равновесие, но он кивнул.

— Значит, пицца. А пока мы будем есть, я все расскажу.

Глава 10

Вернувшись с приятного ужина в честь Дня Святого Валентина, Рейн, Лиам и Хаммер обнаружили на кухонном столе записку.

Мы с мамой решили провести ночь в Montage Beverly Hills, чтобы самим отпраздновать в романтической обстановке. Приятной ночи.

Люблю, папа.

— Кажется, на эту ночь мы предоставлены сами себе, — проговорил Хаммер, растягивая слова.

Рейн посмеивалась над его дьявольской улыбкой, чувствуя легкость, которой не было в последние месяцы. Осознание, что Макена не смогут преследовать по большинству обвинений, по которым он должен был ответить, и что ее брат собирался прибрать устроенный им бардак, наполнили ее облегчением. У ее большого плохого Дома все еще оставалось кое-что, что нужно излечить, но, может быть, она и ее мужчины могли бы уже наконец жить долго и счастливо. Мирно стареть в окружении детей.

— Рад, что у тебя хорошее настроение. Потому что проблема с твоим наказанием никуда не делась.

Рейн хлопала глазами, глядя на Хаммера.

— В День Святого Валентина?

— Это великолепная возможность сделать твою симпатичную попку красной в форме сердечка.

Несмотря на то, что от голодных ноток в его голосе внутри нее все болело от желания, у Рейн было кое-что на уме.

— Но у меня имелись планы...

— На которые будет время позже. — Глаза Лиамы блестели от вожделения. — После того, как Хаммер реализует свое наказание.

— Хорошо. — Дальнейший спор только усугубит дело. — Можно мне минутку? Хочу повесить платье, чтобы оно не помялось. Встретимся в подземелье.

Хаммер оглядел ее подозрительным взглядом.

— Не заставляй нас ждать, прелесть. Иначе мы заставим тебя заплатить за это.

— Не буду. Обещаю. — Рейн поднялась по ступеням в спальню. Сняв платье и повесив его на вешалку, она с сожалением оглядела белье, надетое под него. Ей следует его снять. У нее был прямой приказ, который запрещал ей носить любую одежду в их личном подземелье.

Но, черт подери, празднование сегодняшней ночью она планировала в течение нескольких недель, перерыв все магазины в поисках того самого наряда для соблазнения. Черно-красные шелковые стринги с малюсеньким бантиком прямо над лоном оказались чуть неудобнее, чем когда она их купила. Прозрачный верх был отделан оборками и струился по ее телу, обнажая пупок и животик с намеком на растущего в нем ребенка.

Если бы она не изменилась, то могла бы доставить удовольствие своим мужчинам... или стать приманкой для медведей. Любой результат означал бы, что она получит удовольствие от их доминирования. И их лица, когда они ее увидят, стоили лишнего удара

или двух во время порки. Кроме этого, все они могли бы избавиться от напряжения. Занятия любовью в любую другую ночь было бальзамом, который необходим, чтобы подтвердить их связь.

А сейчас она могла бы дать им крайне необходимую возможность восстановить их контроль.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского, — пробормотала она и все еще полуодетая направилась в коридор.

Пробравшись в подземелье, она бросила быстрый взгляд на обоих. Удовольствие и гордость разлились по ее венам при виде шока и вожделения, появившихся на их лицах.

Пытаясь подавить улыбку, она встала перед ними на колени, опустив взгляд в пол.

— Господа.

— Рейн, что подтолкнуло тебя нарушить правила и надеть эту миленькую вещицу? — спросил Лиам не слишком довольным тоном.

Проклятье, неужели она облажалась?

— Я купила это как второй подарок и хотела сделать вам двоим сюрприз сегодня ночью.

— И тем самым ты решила послушаться? Не могла дождаться, пока мы доберемся до спальни? — усмешка Хаммера, без какого-либо намека на юмор, послала волну дрожи по ее спине. — Ох, малышка...

— Я не думала, что это займет столько времени, сэр.

— Ты просишь о большем внимании с нашей стороны? — спросил Лиам резким голосом. — Или просто пытаешься спровоцировать нас?

«И то, и другое»

— Как я и сказала Макену, я приму любое наказание, которое он назначит.

— Конечно, примешь, прелесть, — заверил он. — Тогда начинаем. Поднимись.

Вставая, Рейн сильно втянула в себя воздух и приглушила беспокойство, пузырящееся в животе. Только в этой темнице они были несколько раз. Она знала, что Хаммер и Лиам пытались дать ей время, чтобы прийти в себя после тяжелого испытания с Биллом. И при том, что прямо сейчас она опасалась связывания, ей до боли было необходимо подчиниться им, показать свой духовный рост, доказать, что она готова отказаться от контроля, и надеяться, что однажды почувствует их ошейник на своей шее.

Когда Макен властно положил руку на ее узкую спину, Рейн сделала вдох. Внутри нее что-то шевельнулось. Расшатанные нервы стали успокаиваться. Они позаботятся о ней.

Он подвел ее к кресту и прижал к отполированному прохладному дереву. Ее охватила дрожь. Соски затвердели. В венах гудели волнение и предвкушение.

— Руки над головой. Раздвинь ноги шире, — прорычал Хаммер ей в ухо.

Пытаясь контролировать мысли и дыхание, Рейн приготовилась ощутить, как кожаные манжеты с флисовой подкладкой сомкнутся вокруг запястий. Но рука Хаммера оставалась на том же месте, фиксируя ее спину. Она бросила на него вопрошающий взгляд через плечо.

— Нет, я не собираюсь привязывать тебя к кресту. Но ты останешься в этом положении все время, пока будет длиться наказание. Понятно?

Это была утешительная уступка.

— Спасибо, сэр.

— Я буду говорить. Ты продолжаешь хранить молчание. Не стоит говорить или пытаться оправдаться.

— Да, сэр.

— Хорошая девочка. — Длинными, размашистыми движениями, Хаммер выпрямил ее спину, плечи, затем опустился вниз к попке перед тем, как повторить все действия снова. — Ты нарушила данное мне обещание и лишила двадцати лет жизни, которые я охотнее провел бы, наслаждаясь тобой.

«Потому что я должна была помочь тебе», — кричала она внутренне.

— Вместо того чтобы прийти ко мне и рассказать о своем плане, ты уехала. О, я знаю, почему ты предпочла не информировать меня. Ты не хотела расстраивать меня, не хотела спорить. — Он наклонился ближе к ее ушку. — Не желала слышать, как я скажу «нет».

«Частично это так, но не полностью»

Эти слова жгли ее язык, словно горящие угли.

— Несмотря на мою благодарность тебе за то, что ты убедила Ривера отказаться от своей нелепой истории, твои действия поставили под сомнение мое к тебе доверие. Ты поставила под удар нашу тройственную связь. Продолжишь дальше, и мы развалимся на части. — Хаммер продолжал водить рукой по ее телу, но его медленные, утешающие ласки теперь едва не причиняли боль. Он одаривал ее, даже когда она разочаровала и напугала его. — Начиная с этого дня, ты будешь просить позволения у нас обоих, прежде чем совершать необдуманные поступки. Понятно?

— Теперь я могу говорить, сэр?

— Только если собираешься ответить «да» или «нет».

Она расстроено вздохнула.

— Да, сэр.

Фыркнув, Хаммер жалеяще шлепнул по ее попке, не обратив внимания на ее вскрик.

— Не уверен, что ты имела в виду именно это, прелесть. Но прежде чем закончится твое наказание, ты сделаешь это.

У Рейн не было времени спросить, что он имел в виду. Он отошел, направившись к игрушкам, расположенным на крюках и полках вдоль стены. Не колеблясь, он взял черный кожаный кнут.

Глаза ее расширились. Дыхание сбилось. Во рту стало сухо, словно в пустыне, а сердцебиение ускорилося в три раза.

— Какое твое стоп-слово?

— Париж. — Ответ вырвался автоматически.

— Помни об этом. Сегодня ночью можешь им воспользоваться.

Каждый мускул превратился в камень. Она искала место для отступления, но с Макеном, отслеживающим каждую ее реакцию, и Лиамом за спиной, ей было некуда повернуться.

— Мне не нравится тебя наказывать. — Он размотал кнут. — Я предпочитаю получать твою покорность, погрузившись в твое нежное тело, но ты не оставила мне выбора. Надеюсь, после сегодняшней ночи у тебя надолго останутся неизгладимые впечатления и в будущем ты станешь посвящать меня в свои решения.

Макен приближался, пока они не оказались лицом к лицу. Она заглядывала ему в глаза в поисках милосердия. Но все, что она видела, это осуждение. Ее внутренности сжались.

Он напал на ее губы в грубом поцелуе. Она задохнулась, благодарная хоть за такой знак его внимания. Затем он шокировал ее, скользнув прохладным кожаным плетением кнута по ее щеке. Страх и желание смешались внутри нее в спутанный клубок, понять который она не

могла.

Затем Хаммер оторвался от ее губ и провел кнутом по задней стороне шеи, размотав плетъ. Змееподобное орудие скользнуло по ее спине, когда он вновь встал позади. Она чувствовала, как он дышит ей в затылок, пока проводил хвостом по спине, рукам и ногам. Рейн дрожала изо всех сил, пытаясь отодвинуться от края подступающего ужаса. Она всегда до ужаса боялась кнута, и сейчас ледяная паника пронеслась у нее под кожей.

Лиам подошел слева, глядя на нее без слов. Рейн бросила на него умоляющий взгляд.

— Ты доверяешь Хаммеру, любимая? — спросил он, проходя к складу игрушек.

— Конечно. Но...

— Никаких «но». Да или нет. И если доверяешь, тогда не смотри на меня, чтобы я спас тебя от заслуженного наказания. — Из маленького ящика Лиам взял повязку для глаз и обмотал ее вокруг пальца. — Ты пытаешься играть со своими Домами, настраивая одного против другого, саба. Снова. Это прекратится здесь и сейчас. Понятно?

Его жалящий тон заставил Рейн насторожиться.

— Да, сэр.

— Хорошо. Считаю, прелесть. — Хаммер отступил подальше.

«О, Боже. Он действительно собирается это сделать».

Зажмурив глаза, Рейн напрягла каждую мышцу и задержала дыхание, ожидая почувствовать обжигающую боль, которую, она знала, он мог нанести.

Но вместо этого ее натянутое тело обласкало похужее на шепот дуновение, так нежно, что Рейн задалась вопросом, не показалось ли ей. Распахнув глаза, она повернулась и озадаченно посмотрела на Хаммера.

— Что это было?

Лицо его застыло.

— Я сказал тебе считать, девочка. Я уже положил один мазок поперек твоей попки. Отвернись и делай, что я сказал.

Когда она заколебалась, Хаммер поднял руку и провел кнутом по голове, а потом щелкнул по своей лодыжке. Наводящий ужас треск повис в воздухе.

Дрожа и задыхаясь, Рейн развернулась обратно и уставилась в стену, не способная перевести дыхание или примириться со звуком шелеста, она почти не сомневалась, что кнут надорвет кожу.

— Один, — в безмолвной комнате ее голос прозвучал хрипло и неровно.

Хаммер прошелся по ее спине еще одним едва уловимым поцелуем хлыста.

Ей все еще было не понятно. Рейн десятки раз видела, как Бек работал с сабами, всегда причиняя мучительную боль, а иногда и пуская кровь. В те разы, когда Хаммер использовал кнут, он действовал тоньше, менее агрессивно, но неужели весь смысл был в этой агонии?

— Два.

— Расслабься, — приказал он.

Рейн бросила еще один взгляд назад, чтобы увидеть, что Хаммер сворачивает кнут.

— Это все?

Макен стремительно кинулся к ней и схватил в кулак ее волосы. Кожа головы загудела, когда иголки боли прошли по шее и скользнули вниз на спину.

Дернув назад ее голову, он пригвоздил девушку злым взглядом.

— Да. Когда ты увидела, как я беру хлыст, ты была в ужасе. Верно?

Она все еще дрожала всем телом.

— Да, сэр.

— Но ты не воспользовалась своим стоп-словом. И позволила мне продолжать, несмотря на беспокойство, что я собираюсь причинить тебе сильнейшую боль?

Рейн вздрогнула.

— Да, сэр.

— Почему? — голос его источал неодобрение.

Ее сердце застряло комом в горле.

— Потому что это ты. Даже когда у нас возникают проблемы или ссоры, ты никогда не захочешь пустить мне кровь.

На его лице боролись разочарование и желание. Сжав ее волосы еще сильнее, Макен припечатал ее рот своим и глубоко поцеловал. Она распробовала на вкус его отчаяние.

— Верно, — прорычал он наконец. Ты знаешь, что в глубине души я хочу, чтобы ты была в безопасности. Но когда я вернулся из офиса Стерлинга и обнаружил, что ты уехала к брату, у меня не было такой уверенности. Я с ума сходил от беспокойства.

Рейн чувствовала себя дерьмом за то, что провела его через ад. Она проглотила оправдание, которое он не дал ей высказать.

— Паника, которую ты почувствовала, когда я вытащил этот хлыст... — Хаммер покачал мотком кожи перед ее лицом, — не была и десятой частью того, что ощутил я, обнаружив, что ты ушла. Ты поимела мой мозг, малышка. А я поимел твой.

Око за око.

— Мне бесконечно жаль, потому что, причиняя тебе боль, я делаю больно самой себе, — пробормотала она. — Но не важно, как ты накажешь меня, я больше никогда не стану лгать и говорить, что не сделаю это снова.

— И почему же? — он бил каждым своим словом.

— Я знаю, что должна усвоить этот урок, но остается факт того, что Ривер не стал бы слушать никого, кроме меня. Я должна была исправить этот бардак, Макен.

— И ты хотела, чтобы я... что? Сказал тебе спасибо за то, что протащила меня через ад?

— Верил мне. Видеть, как полицейские увозят тебя на допрос, было адом для меня. Я понимаю.

— Это не одно и то же. Ты знала, что я вернусь.

— Я надеялась и молилась об этом. Но гарантий у меня не было.

— Стерлинг не собирался оставлять меня гнить в камере.

— Если бы у него была власть, чтобы вытащить тебя, знаю, он бы так и сделал. Но он не Господь Бог и не президент. — Она стиснула зубы. — Не будь таким упрямым, Макен. Ты позволяешь ему тебе помогать. Так почему же мне нельзя? Я не могу просто сидеть здесь, когда, вероятно, у меня есть возможность тебя спасти.

— Это не одно и то же. Мои переговоры с адвокатом не несли риска моему физическому благополучию. Твой же побег для встречи со своим свихнувшимся братом подвергал тебя всеяющей ужас опасности.

— Ты упускаешь главное!

— Что есть главное? То, что ты считаешь меня беспомощным? С моей точки зрения, все выглядит так, словно ты намеренно ослушалась меня и встретила с чокнутым, который пытался похитить тебя и убить нашего нерожденного ребенка, потому что посчитала, что я не сумею воспользоваться собственными ресурсами или разработать стратегию по своему спасению.

— Я никогда не считала тебя беспомощным! — То, что подобная мысль могла прийти ему в голову, оглушила и привела ее в ужас. — Но я рискнула бы своей жизнью и твоим гневом, если бы это привело к счастливому концу, в любой ситуации, которая будет угрожать нашей совместной жизни. — Она тяжело вздохнула. — Знаешь, мне очень жаль, что заставила тебя беспокоиться. Жаль, что разочаровала тебя. Но я всегда сделаю все, чего бы это ни стоило, чтобы спасти тебе жизнь, сохранить свободу и чтобы ты оставался с нами. Снова и снова. Потому что я люблю тебя. Я не представляю свою жизнь без тебя и Лиам. Вы двое и ребенок сделали... вы мое сердце.

— Проклятье, — выругался Хаммер, выпуская ее волосы, и, прижав Рейн к груди, крепко сжал.

Менее чем через один удар сердца рядом с ними оказался Лиам и, обняв их обоих, поцеловал ее в губы. Рейн упивалась его поддержкой, впитывая ощущение сердцебиения их тел, наслаждаясь наполненностью своей души.

Когда Лиам отодвинулся, на нее набросился Хаммер.

— Я люблю тебя сильнее, чем это можно выразить словами.

Он заклеил ее рот страстным поцелуем, от которого у Рейн подогнулись пальцы ног.

— Теперь, когда твое наказание закончено, девочка, давай поиграем в темнице. Ты не возражаешь?

От озорного блеска в глазах Лиам по венам Рейн загрохотал поток возбуждения.

— С удовольствием, сэр. А не задолжали ли вы оба мне секс в честь Дня Святого Валентина?

— Наглая девчонка. — Он покачал головой. — Задолжали. А еще мы задолжали тебе немного мучений за тот яркий клочок шелка, который ты надела и который сводит меня с ума.

— Однозначно. — Хаммер замолчал и, наклонив голову, изучал девушку. — Не желаешь сначала кое-что попробовать для нас?

Рейн прикусила нижнюю губу, задаваясь вопросом, что же он припрятал в своем рукаве? Но она уже вынесла наказание этим удивительно нежным кнутом. Она сможет вынести больше.

— Все, что угодно.

На лице Хаммера отразилась череда эмоций, прежде чем он пересек подвал и взял моток веревки. Логика говорила ей, что они никогда бы не причинили ей вреда, но это не могло остановить ленту ужаса, проскользнувшую внутри. Она попыталась вырваться из комнаты.

Ощувив внезапное колебание ее настроения, Лиам нежно прижал ее к своей груди.

— Я не собираюсь связывать тебе или воскрешать прошлое, прелесть, — пообещал Хаммер. — И это не проверка твоей покорности.

— Мы хотим, чтобы ты наслаждалась тем, что когда-то любила, — добавил Лиам тихо. — Чтобы это сделать, нам необходимо узнать, где находится твой предел.

— Именно. Если станет слишком, мы рассчитываем, ты сообщишь нам об этом. А если нет, то я достану кнут и применю его без жалости.

Она замялась.

— Вы в самом деле не будете разочарованы, если я воспользуюсь своим стоп-словом?

— Мы будем чрезвычайно разочарованы, если ты не сделаешь этого, — торжественно заявил Лиам.

— Но я не хочу испортить нашу ночь. Хочу, чтобы она была особенной... идеальной. И...

— Кроме выяснения твоих пределов, мне на ум приходит только одна еще более идеальная и правильная вещь..., - сказал Хаммер подкрадываясь с сексуальной ухмылкой.

— И вскоре мы планируем уделить этому все свое время, — Лиам подмигнул.

О, Господи.

— Хорошо. Я постараюсь.

— Тебе не придется лежать. Стоя можно испытать еще более разнообразные ощущения. Просто прислонись к кресту, как делала до этого, — пояснил Хаммер, передавая Лиаму короткий конец веревки.

Нервы Рейн практически гудели, когда она снова прижалась к дереву. Дыхание стало громким. Позади нее было слышно, как шепчутся, прорабатывая детали, мужчины. От этого сердце ее пустилось вскачь. Ей пришлось напомнить себе, что это не было проверкой ее стойкости.

Внезапно оба мужчины вышли из-за креста, плечом к плечу. Их лица заполнили все пространство перед ней.

— Держи глаза открытыми и направленными на нас, девочка, — потребовал Лиам.

— Да, сэр.

Хаммер схватил ее за плечо и сжал.

— Будь храброй. Мы здесь и не оставим тебя.

— Знаю. — Она знала, но это мало утешало, когда из-за веревки в их руках в сознании вспыхивало лицо Билла.

— Сделай глубокий вдох, прелесть.

Кивнув, Рейн наполнила воздухом легкие, пока они с Лиамом затягивали веревку вокруг ее запястий. Прежде, чем она смогла отреагировать, ирландец невесомо провел пальцами по ее щеке.

— Эта веревка не является ничем иным, кроме шелковых ниток, переплетенных вместе.

— Расскажи нам, где ты находишься, — голос Хаммер был низким и сосредоточенным.

— Я-я в порядке.

— Позволь, я перефразирую. Ты здесь с нами в темнице или где-то в другом месте у себя в голове?

— Я здесь, с вами двумя, — заверила она, не соврав ни на йоту.

— Хорошо. — Хаммер скользнул поцелуем по ее губам, пока они затягивали веревку немного туже.

Она сосредоточилась на гладкой текстуре его рта, выбросив из головы все остальное. Затем он отодвинулся. Но появился Лиам, гармонично перехватив оставленное Макеном.

Мягкий, успокаивающий поцелуй не позволил ее опасениям выйти из берегов. Ее мужчины были упорными и сверхтерпеливыми, окутывая утешением и одобрением, пока мягкий шелковый шнур не прижался плотно к ее запястьям. Ее наполнило чувство победы. Когда Лиам наградил ее, резко просунув язык в ее рот, она тихо всхлипнула. Он упивался ее наслаждением. Рейн сжала кулаки, желая коснуться своих Домов.

Затем она ощутила покалывание в пальцах. Это ощущение распространилось на ладони. В последний раз, когда ее пальцы онемели, это случилось, потому что ее удерживали...

Перед глазами внезапно появилось лицо Билла.

Без какого-либо предупреждения Рейн погрузилась в чан с чернильной темнотой. Ее

охватили паника и страх.

Она отшатнулась от губ Лиама.

— Париж!

Как только Рейн попыталась отскочить, Хаммер и Лиам отпустили концы веревки.

— Тихо... — успокаивающе проговорил Макен, обхватив рукой крест и пленяя ее руку. — Ты здесь, с нами. Ты в безопасности.

Прежде, чем он закончил предложение, Лиам обнял ее и поднял на руки. — Я держу тебя, любимая. И не отпущу.

Рейн обернула руки вокруг его шеи, пока он нес ее в спальню. Она поймала его взгляд, надеясь зацепиться за стойкость в его глазах. Вот он, как и обещал. Он никогда не пасовал, не уклонялся. Как и всегда, ирландец был стойким и полным решимости дать ей то, в чем она нуждается.

Сразу позади него, она поймала взгляд Макена. Он смотрел внимательным взглядом мастера и обеспокоенного любовника.

Господи, без них двоих она была бы пустой.

Несмотря на ощущение объятий и поддержки, по телу все еще пробегала мелкая дрожь. Она плотнее свернулась на груди у Лиама. Все внутри нее смешалось в своего рода ранимое ликование. В течение нескольких дней она столкнулась с потенциальными проблемами с законом у Макена и своим братом. Начала смотреть в лицо своим страхам. Завтра примирится со смертью матери и сестры. Она набиралась сил и восстанавливалась.

И сейчас ей хотелось вырвать эту слепую преданность из сердца и подарить своим мужчинам.

Лиам усадил ее на кровать и последовал ее примеру, заняв место слева от нее. Несколько секунд спустя к ним присоединился Хаммер, присев справа. Рейн проникалась моментом, пока их руки согревали ее кожу, их губы путались в ее волосах, голоса что-то шептали на ушко.

Она была в безопасности. Была любима.

Сейчас она нуждалась в их прикосновениях, желала почувствовать их уверенность глубоко у себя внутри. Она жаждала, чтобы три их объединившихся в одно сердца забились в унисон, потому что они были ее жизнью и дыханием. Они были каждой улыбкой, каждой слезинкой.

Они были ее душой.

Повернувшись к Лиаму, рукой она, поглаживая, притянула его голову ближе, пока их лбы не соприкоснулись. Она сгребла волосы у него на затылке, поцеловала в переносицу. Желание привлечь его еще глубже разлилось в ней и наполнило грудь почти до боли. Когда же Хаммер заскользил позади нее, обернув крепкой рукой ее за талию, любовная тоска лишь усилилась.

Она была по-настоящему счастливой.

Обхватив руками ее лицо, Лиам изучал его.

— Рейн?

— Сейчас я в порядке. — Она потянулась к руке Макена и прижала ее к сердцу, откинул назад голову. — Мне так хорошо.

Рейн подалась вперед. Лиам встретил ее на полпути. Губы их столкнулись. Он вскипел. Она уступила. Они сплелись воедино, языки переплелись, дыхание смешалось, сердца вторили друг другу. Ее кровь обожгло желанием, сладким, таким сладким, греховным.

— Впусти его глубже, прелесть, — проговорил Хаммер ей на ушко. — Люблю смотреть, как ты принимаешь наслаждение, что он дарит тебе. Прими все. Да...

Голос Макена создал водоворот в ее сердце, смешиваясь с томным искусным мастерством поцелуя Лиамы, подсылая ее ощущения в пучину центрифуги. Она вздрогнула, погрузившись в бездну возбуждения.

Еще раз прикусив чувствительную кожу ее шеи, Хаммер высвободил свою ладонь и обхватил ее грудь, неторопливо потирая сосок большим пальцем. Когда же она умоляюще выгнулась дугой под его прикосновением, он сжал упругий бутон между большим и указательными пальцами. Лиам проглотил ее всхлип и сгреб ее волосы в кулаки, потянув с силой, достаточной для того, чтобы запустить электрическое покалывание по коже головы и вдоль всего тела. Его контроль над поцелуем стал всепоглощающим. Когда Рейн погрузилась в этот бесконечный момент, все мысли улетучились.

Она прильнула ближе к Лиаму в поисках тепла его тела, облегчения боли, охватившей легкие, закипевшей в крови. Его член коснулся ее живота, но для него этого было недостаточно. И никогда не будет.

Из ее груди вырвался разочарованный стон.

Лиам разорвал поцелуй, и теперь настала очередь Хаммера, сгребать ее волосы в кулак. Его хватка была нежной, но у нее и не было абсолютно никаких сомнений в том, что он несет за нее ответственность. Она откинула голову назад, к нему, уступая его безмолвному требованию.

Словно мужчины находились на единой безмолвной волне; Лиам воспользовался предоставленной ему Хаммером возможностью расстегнуть верхнюю часть ее одежды и освободить грудь. Макен нащупал небольшой бугорок у нее между ногами, раскрыв лоно. Губы Лиамы сомкнулись на ее соске, тогда как пальцы Хаммера скользили по шелковистому комочку.

Ее захлестнуло желание, тяжелое и опустошающее.

Задыхаясь, она вцепилась в плечи Лиамы, в крови у нее полыхал пожар.

— Пожалуйста...

Рейн молила об освобождении. О любви. О господстве. О них.

Пока Макен, подраживая, играл с ее клитором, его губы вновь коснулись ее ушка.

— Твоя капитуляция дурманит. Мольбы делают нас твердыми. Продолжай гореть, детка. Мы собираемся подтолкнуть тебя к краю оргазма и удерживать в этом состоянии. Когда же ты дойдешь до отчаяния, именно тогда я поработаю своим толстым членом в твоей тесной заднице. Ты можешь молить о чем угодно, но тебе будет запрещено кончать, тем более, пока Лиам, сантиметр за сантиметром, будет погружаться в твою киску. Как только ты будешь полностью заполнена нами, тогда... — Он усмехнулся, и его дыхание обожгло ее сосок. — Но если ты считаешь, что готова умолять уже сейчас... О, да ты еще и не начинала.

Рейн ни на секунду не усомнилась в его словах. Она хныкала, корчилась, безмолвно умоляя их начать.

Лиам укусил ее за сосок, послал импульс болезненного удовольствия по всему телу. Она все еще пыталась справиться с мелкой дрожью, когда он заставил ее повернуться лицом к Хаммеру. Внезапно она заглянула в карие глаза Макена.

— Поцелуй его, — глухо потребовал Лиам позади нее, — и раздвинь для меня ноги. Сейчас же, Рейн.

Их сила сходилась в воздухе вокруг нее, кружась все сильнее и быстрее, как

засасывающий ее водоворот. Сила его притяжения была непреодолимой, поэтому она поддавалась ему, охотно тонула и... повиновалась.

Когда она прильнула ко рту Хаммера своим, он был готов, ворвался в нее и брал ее с таким напором, от которого у нее перехватывало дыхание. Отпустив последние крохи рационального мышления, Рейн согнула ногу и поставила ступню на матрац.

У Лиамы появилось много места, чтобы скользнуть рукой между ее бедрами. Он погрузил пальцы в ее шелковистое влагалище. Она всхлипнула прямо в рот Хаммеру.

Ни один из мужчин не проявил к ней милосердия. Поцелуй Макена и пальцы Лиамы лишь углубились, требуя от нее большего. Ирландец лег поверх нее, прижав каждый жесткий сантиметр своей вызывающей головокружение твердости к ее попке.

— Скоро Хаммер трахнет твою задницу, любимая. Пока он будет наполнять тебя, я собираюсь наблюдать за твоим лицом. За тем, как каждый раз расширяются твои глаза, за каждым твоим всхлипом, малейшей дрожью удовольствия. Я буду упиваться этим, погрузив в то же самое время свои пальцы в твоё лоно. — Он пошевелил ими, словно она нуждалась в напоминании, и добавил нежный, но беспощадный толчок подушечкой большого пальца по ее пульсирующему клитору. — Буду терзать тебя всеми способами, которые только знаю.

— Лиам, — выдохнула она.

— Как только Макен войдет в тебя, я спущу тебя вниз и протиснусь в твою киску. Такая сладостная, плотная теснота. — Он зарычал. — Но ты откроешься и отдашь нам всю себя, Рейн. Понятно?

Хаммер не выпускал ее рот, чтобы она могла ответить. Отчаявшись, она стонала, цеплялась, извивалась от болезненной потребности.

— Да, — в голосе Лиамы слышалось удовлетворение, — ты это сделаешь.

«В любое время, когда ты меня захочешь»

Потерявшись в безжалостном поцелуе Хаммера, она обмирала от ощущения пальцев Лиамы, затрагивающих каждую чувствительную точку, наконец, ей стало все равно, может она двигаться или дышать. Ее волновало только тягучее, словно мед, наслаждение, что сочилось по всему телу, густое и соблазнительное... и такое близкое, что она могла попробовать его на вкус.

Наконец Макен отодвинулся, оставив ее с закрытыми глазами, она растекалась лужицей от желания, пока Лиам продолжал играть с клитором. Бросив взгляд на ее тело, Хаммер погладил ее бедро, наблюдая, как лучший друг истязает любимую. Его глаза стали более темного оттенка притягательного искушения.

— Она на грани и очень старается не послушаться нас и не кончить, — пробормотал Хаммер. — Блять, какая она красивая.

— И такая горячая вокруг моих пальцев. Она заставит пылать наши члены.

— Жду этого с нетерпением. — Макен слез с постели. — Не против довести Рейн до взрыва и крайней степени отчаяния? Я хочу смотреть, пока готовлюсь трахнуть ее.

— С удовольствием.

«Нет, нет, нет!» Но Рейн находилась за пределами возможности сформулировать слова. Вместо этого она хныкала и продолжала таять под жаркими прикосновениями Лиамы. Хаммер выдал ей похабную улыбочку, расстегивая одежду и открывая сильное тело, при виде которого она не могла удержаться и не кусать от желания губы. С возбужденным членом он медленно подошел к тумбочке и вытащил тюбик со смазкой.

Рейн знала, что он будет делать дальше. У нее перехватило дыхание. Эти двое всегда

делали так, что данное действие вызывало сильнейший трепет, заставляло ее чувствовать себя хрупкой, покорной и принадлежащей им.

Взглядом она умоляла Хаммера поторопиться.

Он повертел тюбик в руках.

— Желаеть чего-то, прелесть?

Пальцы Лиам послали еще один импульс тянущей боли по клитору.

— Ответь ему. Мне бы тоже хотелось услышать.

Затаив дыхание, чтобы побороть прокатывающееся по телу наслаждение, она попыталась подобрать слова. Мысли, словно масло, растеклись где-то поблизости. Но каждое местечко, которого касались пальцы, вспыхивало, разгораясь, словно сухая растопка под жаром их страсти.

— Молчишь, прелесть? — Он прикусил ее плечо, причинив еще больше страданий.

— Трахните меня... — выдохнула она требовательно, — сейчас же. Вы... нужны... мне.

— Вот как. — Хаммер снова улыбнулся. — Звучит так, словно она считает, что отдает приказы.

— Так и есть, — задумчиво проговорил Лиам.

Бросившись на кровать, Хаммер вновь сгреб в кулак ее волосы, его лицо нависло прямо над ее лицом.

— Ты командуешь?

— Нет, — выпалила она. — Ты и Лиам. Пожалуйста...

Он ослабил хватку на ее волосах, затем погладил щеку.

— Хороший ответ.

— Ты мог бы вознаградить ее, — лукаво предложил Лиам.

«Да, да, да!» Но она ничего не произнесла, просто хлопала ресницами, безмолвно умоляя. Улыбка Хаммера стала шире. Боже, они получали наслаждение от собственной власти. А она смаковала каждую секунду, покоряясь им.

— Или ты, — парировал Макен. — Но на уме у тебя нет получения оргазма, верно?

Лиам пожал плечами.

— Конечно, нет... пока.

— Значит, мы на одной волне.

Он с щелчком открыл крышечку тюбика.

Рейн застыла, подвешенная в муках этой мучительной жажды, надеясь, молясь...

До тех пор, пока Лиам не убрал свои пальцы с ее клитора. Еще одно поглаживание или два — и ее затрясло бы в задыхающейся, ошеломляющей эйфории.

И она бы проявила непокорность и разочаровала их.

Сжав губы, чтобы удержаться от протеста, она вверила им себя. В конце концов, они прекратят свои пытки и подарят ей самое сильное удовольствие.

— Выражение ее лица просто бесценно, — протянул Хаммер. — Ты борешься, да? Прелесть?

Не доверяя словам, она продемонстрировала шальной, неуверенный кивок.

Она улыбнулись, и Лиам повернул к себе ее голову, затем улегся на спину, положив ее поверх себя.

— Встань на колени и локти, девочка. Дай ему свою сочную узенькую задницу, которую он хочет.

Рейн поднялась, чтобы повиноваться приказу, сосредоточившись на Лиаме, тогда как

Хаммер расположился позади нее. Она услышала влажный звук льющегося лубриканта, почувствовала, как прохладный гель заскользил по ее тугому кольцу мышц, а потом представила, как он размазывает жидкость по своей эрекции. Господи, ей не хватало воздуха. Сердце едва не выскакивало из груди.

Внезапно тубик упал на постель, рядом с ее коленом. Жар от тела Макена согрел заднюю сторону ее бедер. Он обхватил ладонями ее попку.

— Выгни спину.

— Вниз, на локти, — приказал Лиам. — Посмотри на меня.

Она немедленно повиновалась. Его глаза, обычно тепло-карие, потемнели до темно-коричневых, и она не смогла не провалиться в их лишающую дыхания глубину. У нее не было начала, у нее не было конца. Здесь Рейн нашла свою погибель, рабскую покорность и освобождение одновременно.

Она прошептала его имя. Он обхватил ладонями ее голову.

Затем Хаммер расположил свое достоинство у ее входа, разрабатывая тугое колечко мускулов и медленно вошел в нее, что заставило ее всхлипнуть, уткнувшись в плечи Лиаму.

— Должно быть, ты сделал что-то правильное, приятель. Ее ногти впились мне в плечи.

— Да, — голос Макена был напряжен. — Стенки ее попки стиснули мой член. Вот, блять.

— Я собирался... в подходящий момент. — Как и обещал, Лиам просунул руку между их телами и круговым движением снова обвел ее клитор.

С пронзительным всхлипом, который, казалось, зародился где-то в неведомой части ее горла, Рейн впилась в него пальцами еще глубже. Лиам не обратил на это никакого внимания, просто наблюдая за ее лицом, пока Хаммер, схватив ее за бедра и двигаясь вперед, погружался все глубже.

Господи, ей хотелось извиваться в поисках более сильного трения, все, что угодно, лишь бы покончить с этой воспламеняющей ее агонией. Но деваться было некуда, не существовало способа захватить тот беспощадный контроль, что они установили над ее телом. Хаммер наполнял ее в собственном ритме, а Лиам наслаждался каждой минутой беспомощности, отражающейся на ее лице.

Наконец, Макен издал гортанный стон из самой глубины грудной клетки. Волоски на его бедрах нежно терлись о заднюю часть ее бедер. Она подалась к нему навстречу, пытаясь насадиться глубже, но он уже был в ней по самое основание. Все, что она могла, это раскрыться, пока он растягивал разбухшей головкой члена ее чувствительные стеночки.

— Поторопись, мужик. — Хаммер отступил, а затем вновь вошел, подтолкнув ее ближе к Лиаму и к краю. — Срань Господня!

— Понял. Опускайся на меня, любимая. Дай мне свою киску.

Ему не нужно было повторять дважды.

Рейн с радостью насадилась на его член, напряженно ожидающий между ее ногами. Извиваясь и надавливая, она начала принимать его в свое голодное лоно, поглощая сантиметр за сантиметром. Она всегда поражалась остроте растяжения, что требовалась от ее отверстий, когда она принимала их обоих, и удивительному чувству наполненности, что они ей дарили.

Лиам под ней рывком преодолел оставшийся путь. Когда он отступал, Хаммер входил. Их великолепно синхронный танец заставил ее воспарить к пьянящему восторгу, какой должен был запустить ее прямо в небеса, которые могли подарить ей только они.

Лиам устремился вперед, Хаммер отклонился. Она двигалась вместе с ними, впившись зубами в плечо Лиама, охая. Ошеломленная. Потерявшая голову.

В беспомощности.

Они ощущались так, словно были созданы для нее. Да, у всех них бывали свои битвы, но каждый из них не раз возвращался к остальным. Ради этого. Потому что они трое должны существовать.

И она в любом случае не смогла бы сдерживать выворачивающую на изнанку неоспоримую любовь, которую чувствовала к ним.

Вздыхнув в последний раз, она оторвала губы от Лиама. Фиолетовый засос был едва виден, когда она взмолилась.

— Пожалуйста... сэры. Умоляю.

— Блять, я тоже почти готов взмолиться, — пробормотал Хаммер.

— Аналогично, приятель. Иисусе. — Лиам задышался, он покраснел. — Ничто не заводит меня сильнее, чем вид того, как ты кончаешь. Сделай это, Рейн. Кончай!

Она задрожала, все ее тело трясло и сжимало в спазмах, пока она распадалась для них на миллион маленьких кусочков. Врезавшись в нее, они последовали за ней к блаженству, хором выкрикивая стоны и проклятия. А потом последовала тишина, наполненная шепотом, исполненным преданности, нежными поцелуями и невысказанной надежды в том, что каждый их завтрашний день может быть наполнен любовью.

Пятнадцатое февраля. Пятница

На следующий день, в полдень, Рейн вышла на кладбище из «Ауди» Хаммера. Одетый в унылый серый костюм Лиам открыл для нее дверь и подал руку. Пока она собирала купленные ею цветы и располагала пальцы в его ладони, Макен оказался рядом, поставив авто на сигнализацию и глядя на девушку заинтересованным взглядом. Ривер подъехал на большом черном джипе и заглушил двигатель. Он медленно вышел из авто.

По мере того, как они покидали парковку, все становилось более реальным. Ее тело дрожало.

— Ты не обязана делать это именно сегодня, любимая, — предложил Лиам.

Вероятно, это не самое лучшее время, в свете всего происходящего, но...

— Нет, обязана. Знаю, вы хотите защитить меня. Но я должна отдать маме и сестре свою любовь и уважение. Я слишком долго этого ждала.

Прежде, чем выпустить его руку, Рейн стиснула ее в безмолвной благодарности.

— Мы понимаем. И мы здесь ради тебя, — пробормотал Макен.

Благодарно им улыбнувшись, она собралась с духом и по холмам прошла к окраине кладбища — Хаммер и Лиам устроили так, что ее мать и сестру похоронили бок о бок. И за это ей нужно поблагодарить их. Следователям потребовались недели, чтобы отыскать их останки и организовать их перевод под ее опеку. Она сходила с ума, страдала от утреннего недомогания, кошмаров, вины и горя. И как всегда, ее мужчины взяли на себя большую часть бремени, укрыв Рейн от сильнейшей бури.

Сглотнув, она мягко проделала последние шаги, едва ли не опасаясь читать надгробные камни. Возможность видеть свежеевыгравированные на мраморе имена мамы и сестры сделала бы все это слишком реальным. Но они умерли несколько лет назад. Если при жизни она ощущала себя брошенной ими, полагая, что они добровольно покинули ее, чтобы

избежать ада, которым была жизнь с Биллом, то они, должно быть, чувствовали, что она бросила их в смерти. Она всегда будет сожалеть об этом.

Заставив себя посмотреть на их могилы, она моргнула сквозь слезы, больше не пытаясь их сдерживать.

Все, кого она любила, были здесь... пока. Они больше никогда не смогут быть с ней, кроме как в ее сердце. Может быть, если ей повезет, она увидит что-то от них в своем будущем ребенке. Она будет цепляться за это. Ей придется жить с этой надеждой, зная, что та так и не сможет оправдаться. Тело ее сотрясилось от рыданий, что пришли из пустоты. Казалось, теперь она постоянно плакала. Беременность обострила ее эмоции, и они каждый день кровоточили под ее кожей. Но, отыскав Ривера, вместе с ним похоронив женщин семейства Кендалл и покончив с витающими над Хаммером обвинениями... Она больше не могла сдерживать свою скорбь.

Едва она сделала следующий вдох, как Лиам и Хаммер обняли ее, делясь своей силой. В нескольких метрах в стороне за ними наблюдал Ривер, выглядел он нестигаемым, глаза его были слишком синими во впалых глазницах. На его застывшем лице не было ни капли вины.

— Прелесть?

Хаммер желал знать, все ли с ней в порядке. По правде говоря, она не знала. Все внутри нее было запутанным, хрупким, потерянным. Но она пришла сюда, чтобы перевернуть страницу, связывающую ее с двумя женщинами, имеющими самое большее влияние на нее в пору юности. Она пришла, чтобы выразить им свою любовь и пообещать в будущем помнить о них.

Она не хотела волновать Макена еще сильнее, поэтому кивнула в его сторону. Затем, не переставая плакать, она преклонила колени у могилы матери и закрепила цветы в держателе. Лиам взял второй букет у нее из рук и снова помог ей подняться на ноги.

Пристально глядя на небольшой могильный холм, Рейн захлебывалась рыданиями. В нем не было той жизни, как в ее матери. Не было тепла, смеха и объятий. Ее мама ушла в лучший мир и Рейн не знала, что теперь делать. Как ей сказать прощай, пожелать покоиться с миром женщине, что подарила ей жизнь?

— Мне не хватает времени, что мы не провели вместе. Я ненавижу годы, стеной разделившие нас. Где бы ты ни была, я люблю тебя.

Миллион воспоминаний, что она годами держала под замком, нахлынули вновь. Мама, всегда готовая наряжать кукол и печь вкусняшки, чтобы поднять ей настроение и притвориться, что уезжает из дома на поиски больших приключений. Они притворялись, будто путешествовали по Африке, Китаю или Фиджи. Или посещали Париж. Мама всегда хотела туда съездить. Время от времени, мама, увидев блеск в глазах дочери, вручала ей чемодан и говорила верить, что мир может занести ее куда угодно. Оглядываясь назад, она вспоминала, что подобное обычно случалось после ссор ее родителей. Однозначно, в следующие несколько дней мама станет краситься сильнее обычного и ходить на цыпочках вокруг папы. Робин всегда делала вид, что возьмет Рейн с собой в эти дальние поездки.

Разгадки были рядом. Ее мама никогда не оставила бы своих детей по собственной воле.

Рейн прикоснулась пальцами к браслету, который сделали для нее Лиам и Хаммер из подвески, что подарила ей мама. На нее навалилось отчаяние. И она почувствовала себя раздавленной.

— Прости, что я так долго верила, что ты бросила меня. Прости, что ругалась на тебя, обвиняла... Ты пыталась дать мне стабильность и надежду. Я не...

Закрыв лицо руками, она зло заплакала из-за бесполезной смерти ее мамы, из-за собственной девичьей неспособности понять ее поведение, из-за лет, что прятала голову в песок, потому что сама вышла сухой из воды, а правда была настолько ужасной, чтобы размышлять об этом.

Когда плечи ее затряслись, Макен обвил рукой ее талию. Лиам положил руку на спину. Они были рядом, в молчаливой поддержке, ее опора, ее остов. Константа.

— Тучка...

Она подняла голову, чтобы увидеть, как приближается Ривер. Это было не только ее сожаление. Должно быть, у Ривера его тоже было много. Крепко стиснутая челюсть и быстрое моргание говорили о том, что он с трудом удерживает себя в руках. Вне зависимости от своей вины, он тоже любил маму.

— Ты в порядке? — голос ее дрожал.

— А ты? — Его лицо выражало почти безнадежность. Он сглотнул, отвел взгляд и взял себя в руки. — Мама не хотела бы видеть тебя плачущей. Вот почему я дал тебе такое прозвище, ну, ты знаешь. Она все время говорила, что ты сладкий дождик, а не тучка. Но когда я был пацаном, то намного веселее было дразнить тебя.

Воспоминание вырвалось из темного угла, куда она его запихала, и девушка рассмеялась сквозь слезы.

— Ты всегда старался заставить меня плакать. Задира.

— Я думал, что работой старшего брата является доводить сестер до слез. — Улыбка его пропала, и он нетвердо вздохнул. — Поверить не могу, что он убил ее.

— И мы никогда не узнаем из-за чего именно. — Рейн закрыла глаза. Из всего, что причиняло ей боль в смерти матери, вероятно, это было самым худшим.

— Нет. Но я предполагаю, она хотела уйти от него и забрать нас.

— Он бы никогда не допустил этого. В тот день, когда я убила Билла, он сказал, что был уверен, у нее была интрижка с его братом.

Ривер покачал головой.

— Должно быть, все это существовало только в его сумасшедшем мозгу. Даже если это и было бы правдой, неужели ты бы осудила ее?

«Никогда»

— Я бы просто желала, чтобы она осталась жива.

Он переступил с одной ноги на другую, его взгляд забегал, словно он пытался любым способом сфокусировать свое внимание не на эмоциях.

— Да. Но я пытаюсь найти во всем этом положительные стороны, сказать себе, что всему есть свои причины. Если бы мама действительно увезла нас от Билла, я бы никогда не пошел в армию. А ты бы никогда не встретила Хаммера и Лиама.

Ривер был прав. Она отдала бы ПОЧТИ все, чтобы ее мама все еще присутствовала в ее жизни. Но она отдала бы ВСЕ, чтобы удержать мужчин, которых любит.

— Надеюсь, сейчас мама видит и гордится нами.

Ее брат посмотрел в сторону Хаммера и Лиама — молча спрашивая разрешения — прежде чем шагнуть ближе и положить руку ей на живот.

— А еще, она была бы счастлива за тебя.

Должно быть, эти слова стали самыми близкими к признанию Ривера ее выбора. Рейн не ожидала от него такого полного понимания. Но если он одобрил ее, любимых мужчин в ее жизни и будущего ребенка, то она с распростертыми объятиями примет его в круг своей

семьи.

Встав на носочки, она обняла брата. Он прижал ее к своей массивной груди и крепко обнял. Было странно обнимать почти незнакомого человека и делить с ним общее горе. Но они всегда будут связаны кровными узами, обстоятельствами и воспоминаниями. А это что-то да значит. Это было начало.

Когда она отступила, рядом с ней вновь оказался Лиам, положив на плечо руку и предлагая еще один букет цветов. Она приняла стебли, от горя стиснув пластик и безмолвно поблагодарив.

Затем, сделав самый трудный за день глоток воздуха, она встала перед надгробным камнем Ровены.

Когда она ставила цветы в пластиковом держателе, словно оползень, навалилось сожаление, практически сжигая ее. Могла ли она понять, что задумал Билл? Что Ровена позволит ему, чтобы он держался подальше от младшей сестры? И нет... и да. Что-то было не так, и она не сильно расспрашивала об отношениях между отцом и сестрой. Несколько раз она спрашивала у Ровены, все ли с ней в порядке, но ее тихая, прилежная сестра не спешила делиться. Таким образом, Рейн отпустила все это. Сколько трагедий она могла избежать, если бы обратила внимание на тревожные предчувствия о том, что в семействе Кендаллов притаилось что-то злое? Или она просто ускорила бы трагедию?

Рейн никогда не узнает, и это стало еще одним сожалением.

Что она могла сказать сестре, отдавшей за нее свою невинность и жизнь?

— Я никогда не смогу отблагодарить тебя за то, что ты сделала. Мне бы хотелось иметь возможность перечеркнуть тот ад, через который ты прошла. Прости, что проклинала тебя за то, что ты бросила меня с Биллом, словно у тебя был выбор. Я не знала... — на Рейн нахлынул еще один прилив слез, казавшийся более опустошающим, чем она могла вынести. — Мне хотелось бы увидеть то удивительное, что ты могла бы совершить за свою жизнь. Надеюсь, что, где бы ты ни находилась, ты нашла нечто лучшее, чем самый хороший блеск для губ или самое идеальное платье для выпускного. Мне жаль, что ты так и не смотрела последний фильм «Матрицы». Ты немного потеряла, если тебе это поможет. — Она попыталась улыбнуться, потому что ее сестра никогда не была плаксой. — Надеюсь, что там, наверху, вы с мамой нашли друг друга. И искренне надеюсь, что вы обрели покой.

— Ох, малышка... — Ривер склонил голову. — Если бы я догадался о замысле Билла, то нашел бы способ защитить тебя. Он ни разу не подал вида о том, что хочет выгнать меня из-за того, что желает тебя.

Брат поперхнулся, словно ему было много что сказать, но не мог выдавить из себя ни звука, затем он впал в ужасное, полное сожаления молчание. Рейн протянула ему руку. На один душераздирающий момент он схватился за нее, а потом снова прижал девушку к своей груди. В прошлый раз он поддерживал ее, помогал справиться с горем. Теперь же цеплялся за нее, словно за спасательный круг.

Без всяких слов они делили свое горе, и Рейн была безмолвно благодарна.

Пока еще было рано... но, быть может, она найдет те положительные стороны, о которых упоминал Ривер. Может быть, в ее жизни снова появится брат. И если полиция отзовет все свои абсурдные обвинения, направленные против Хаммера, то она сможет наконец попрощаться с самыми темными моментами своего прошлого и сказать привет светлому будущему.

Шестнадцатое февраля. Суббота

Лиам лежал, свернувшись вокруг Рейн, и, положив голову на локоть, наблюдал, как она спит. В последнее время у нее это не слишком получалось. Как и у них с Макеном, но им не нужно было подпитывать своим организмом другое существо.

Ее черные, как смоль, ресницы, загибаясь, лежали на прозрачной коже со следами темных кругов. Она беспокойно поерзала.

Сердце Лиама заныло.

— Спи спокойно, *mo grá*. (прим. пер.: любимая)

Он отодвинул в сторону сбившийся локон ее роскошных волос, нахмурившись из-за того, насколько ранимой она казалась во сне. Его девочка пережила такой стресс.

Словно его размышления о ней стали причиной ее пробуждения, она открыла глаза цвета теплых вод, чистых и глубоких настолько, чтобы мужчина утонул в них.

— Почему ты не спишь?

Он нежно поцеловал ее.

— Еще не устал. Ты в порядке?

— Теперь, когда кажется, что проблемы с законом у Макена более или менее закончились, я должна бы спать мертвым сном, но у меня просто не получается отключить мозг. — Она вздохнула. — И такое ощущение, что наша кроха уселась на мой мочевой пузырь.

Ее кривая улыбка вызвала его усмешку.

Их молчание нарушил храп, и оба повернулись, чтобы посмотреть на Хаммера, спящего с другой стороны от Рейн.

— Прижмись к нему и засыпай, любимая. Я спущусь вниз и выпью чашку чая.

Он прижался поцелуем к ее лбу и покинул постель, нащупывая тренировочные штаны. Одним движением он надел их и потихоньку вышел из комнаты. Можно было поспорить, что его родители уже встали, и он мог воспользоваться этим и провести с ними время. Никогда не знаешь, когда они соберутся и отправятся в Ирландию. Теперь, когда их кризис, кажется, немного схлынул, Лиам был немного удивлен, что его мама не упоминала об этом. Может, она тоже чувствовала неловкость, выдавая ему свои ворчливые объятия.

На середине коридора чье-то шарканье заставило его обернуться, и он обнаружил Рейн, спешащую догнать его и торопливо завязывающую пояс.

— Я пойду с тобой. Чай звучит хорошо, — прошептала она, взяв его за руку.

Большой дом был погружен в тишину, пока они направлялись в кухню. С каждым их шагом голос его отца звучал все громче.

— Да, девочка. Да, сделаю. Тогда ты передай этим мальчишкам, что дедушка сказал, что лучше бы им слушаться. Если так и будет, то я привезу им из Америки по пакету с леденцами.

Они не слышали ответ, но, когда вошли в кухню, его отец рассмеялся. Дункан тепло улыбнулся Рейн, и Лиам был благодарен отцу за попытку приободрить ее.

Она кивнула в знак приветствия и прошла к чайнику, чтобы налить две чашки чая. Она толкнула ему одну из чашек по столешнице, Лиам сжал отца за плечо и поставил стул рядом с ним, у барной стойки, подхватывая проскользнувшую ближе чашку.

— Значит, ты счастливица. Твой брат и Рейн только что пришли. Хочешь поздороваться?

Лиам улыбнулся и изогнул бровь, но вместо ответа отец без слов всунул телефон ему в руку, не сказав, какая из сестер находилась на линии.

— Привет?

— Ну, надо же. Чтобы я услышала тебя, маме и папе потребовалось всего лишь пересечь полмира. Как поживаешь, незнакомец?

Он узнал бы этот голос где угодно.

— Мейв... — он улыбнулся прямо в чайную чашку и подмигнул отцу. Рейн стояла напротив них, обмакивая в чай печенье. Даже со всей суматохой последних дней некоторые из особых способностей его родителей не уменьшились.

— Мы не можем дождаться, когда же познакомимся с Рейн. Мама с ума по ней сходила. Она им понравилась, Лиам. Мы так рады за тебя. И кстати, я всегда знала, что между тобой и Макеном было что-то большее. Но, все нормально, — заверила его она. — Эм... а как именно это у вас работает?

Лиам вздохнул.

— Да, это не то, что кажется.

Он увидел, как Рейн смеялась, прикрывшись рукой, а папа был слишком сосредоточен на размешивании чая.

— Я не осуждаю.

— Мейв, проклятье! Мы любим одну и ту же женщину, а не друг друга.

— Как скажешь. Так когда ты привезешь их домой?

— Сомневаюсь, что это произойдет до рождения ребенка, но мы можем сделать всем сюрприз. Как сама и мальчики?

— Без изменений. Здесь ничего особо не меняется. Как у вас дела? Па рассказал о ваших проблемах. У тебя увлекательная жизнь. Все время что-то происходит.

Лиам фыркнул.

— Скажи спасибо, что тебе не пришлось пережить это. Но сейчас мы уже в порядке, благодарю. Кажется, каждый новый день приносит новые проблемы, но мы справляемся с их решением.

— Справляетесь. Не буду смущать Рейн просьбой поговорить с ней, но передай ей, что у нее есть целое семейство, которое уже любит ее и не может дождаться, когда увидится с ней и ребенком. Знай, что мы помним обо всех вас, Лиам. Люблю тебя.

Он улыбнулся Рейн. Ему нравилась мысль о ней и их с Макеном детях, которых родит их девочка, и его семье.

— Я передам ей. Я тоже люблю тебя, Мейв. Передай всем привет.

— Хорошо. Передай трубку обратно па, хочу попрощаться.

Лиам вернул мобильный отцу и прислушивался, пока тот заканчивал разговор.

Дункан отложил трубку и поднялся, чтобы налить еще чаю, но Рейн схватила чайник.

— Я налью. Сидите. — И она вновь наполнила его чашку.

— Спасибо. Почему вы оба поднялись в такой час? Особенно ты, девочка. Тебе нужен сон. — Он нежно похлопал по ее руке, лежащей на столешнице. — В твоём маленьком теле происходит столь всего, в процессе создание совершенно нового человека. Ты слишком много просишь, отдыхая так мало.

— После чая я попытаюсь снова, — пообещала она. — Который сейчас час в Ирландии?

— Хммм, разница в восемь часов. Поскольку здесь чуть больше часа, то дома — немногим больше девяти утра. Именно поэтому я проснулся и позвонил.

— Па не пользуется компьютерами, — поддразнил Лиам.

— Мы совершенно с ним не ладим, — кипятился пожилой человек.

— Я мог бы показать тебе, па. Это не сложно.

Дункан покачал головой.

— Я слишком стар для этого, мальчик. Лучше всего у меня получается работать в саду.

Я безумно счастлив с почвой и растениями.

— Ты все еще подкармливаешь соседей? — спросил Лиам.

— Да, когда погода благоприятная.

— Держу пари, ваши овощи лучше магазинных, — заметила Рейн.

— Самые лучшие, девочка. — Он выглядел таким умилительно гордым. — Я выращиваю томатов «бычье сердце» и стручковой фасоли больше, чем мама и я сможем съесть, поэтому излишками она делится с семьей. А остальное раздается соседям и друзьям.

— Уверена, все это ценят. — Рейн улыбнулась. — Я бы с удовольствием посмотрела на ваш сад.

— И ты это сделаешь. Просто пусть этот безобразник привезет тебя домой... — Он кивнул в направлении Лиама.

— Я подумываю об этом, па. Знаешь, его сад знаменит. Сад и семья — его любимые объекты. Проходи, садись. Он все расскажет тебе о нем. — Лиам поднялся и уступил Рейн место, а сам стал разгружать посудомоечную машину.

Пока Рейн усаживалась на стул, он незаметно скользил по ней взглядом. С его отцом она была немного застенчивой. И это понятно, поскольку опыт с ее собственным был просто ужасным. Помимо этого, в связи со всеми происходящими событиями, было очень мало времени, чтобы пообщаться, кроме как за столом. Но Лиаму не нужно было беспокоиться. Его папа стал экспертом по ее подбадриванию.

Вскоре они общались, словно были давними знакомы. Она выглядела расслабленной и поглощенной беседой. Его девочка даже рассмеялась, когда па вытащил бумажник и из него выпали фотографии его внуков. Когда отец послал ей стеснительный взгляд и сказал, как сильно он по ним скучает, Рейн положила свою руку поверх его. Па оценил жест, улыбнувшись и пожав ее тонкие пальчики.

Затем какая-то эмоция промелькнула на ее лице. Лиам увидел, как в глубине ее глаз погасли счастливые огоньки. Она занервничала, высвободила руку и встала.

У него занялось сердце, и Лиам, направившись к ней, послал отцу извиняющий взгляд. Па остановил его.

Задержав дыхание, Лиам отступил и наблюдал.

— Рейн? — позвал отец.

— Простите. Я знаю, что вы совершенно не похожи на моего отца, но... — Она вздохнула. — Мне все равно необходимо вернуться в постель. Уже поздно и...

— Посиди еще немного, девочка. Меня не нужно бояться, обещаю. Мне бы хотелось поговорить с тобой еще минутку. Лиам здесь, видишь?

Взгляд ее метнулся туда, где он стоял, рядом с кладовой. Ирландец ободряюще кивнул ей.

Она заколебалась, затем опять медленно присела. Все внутри него кричало, что ему следует подойти к ней, защитить. Но его отец был самым любящим и добрым человеком в жизни Лиама. Она была в безопасности.

Дункан умышленно повернул свой стул так, чтобы оказаться лицом к лицу с Рейн, взял

ее за руку и нежно удерживал ее в обеих своих.

— У моей Брин интересный дар. Я даже не делаю вид, что понимаю его, но после всех совместно прожитых лет я знаю, что лучше в нем не сомневаться. Она доказала это бесчисленное множество раз. Около пяти месяцев назад неожиданно-негаданно мама сказала мне, что наш младшенький только что нашел женщину, которую будет любить всю оставшуюся жизнь, и я был в восторге. Я знал, что ты должна быть особенной.

Не говоря ни слова, Рейн просто смотрела на него и хлопала ресницами, в ее глазах отражалось ее сердце.

— Не секрет, что мы ненавидели Гвинет, — сухо проговорил па.

Лиам почесал затылок.

— Вы двое не скрывали этого.

— Она делала тебя несчастным, сын. Этого для меня было достаточно. Ты заслуживал кого-то получше, чем эта вампирша.

— Дела давно минувших дней, па. И вы оба были правы.

Дункан выдал ему печальную улыбку.

— Несколько лет назад, когда он познакомился с Макеном, Брин сказала мне, что поиск счастья у Лиамы будет самым трудным из всех наших детей. Прошли годы, появилась и ушла Гвинет, и я забеспокоился, что мой мальчик так и останется один. Затем, спустя немного времени, она обмолвилась о тебе. Брин сказала, что Лиам решил переехать в Лос-Анджелес, чтобы быть с любимыми им людьми. Сказала, что все встало на свои места.

Рейн завладело любопытство.

— Но Лиам ничего не говорил Брин?

— Ни слова.

— Это было закономерно, — припомнил Лиам. — Когда я приехал повидаться, у меня не было намерений переезжать. Потом наступило то утро, когда ты и Хаммер поругались, я попросил тебя остаться со мной. Помнишь?

— Никогда не забуду.

— Думаю, именно тогда я и стал сомневаться. Несколько недель спустя я сказал Сету, что собираюсь вернуться в Нью-Йорк на день Благодарения. А на следующей неделе вместо этого сюда приехал он, и я попросил его присмотреть за своим особняком по возвращении. Я уже купил тебе этот дом. К тому времени я решил, что моя жизнь — это быть рядом с тобой.

— Итак... несмотря на то, что ты ни слова не говорил матери, она все это видела? — Рейн выглядела озадаченной.

Лиам кивнул.

— Она чувствует, когда люди принимают решения, особенно важные решения.

Па кивнул.

— Моя Брин — эмпат и провидица. Она ощущает эмоции других глубже и «видит» все направления: прошлое, настоящее и будущее. Твоего мужчину это тоже затронуло. Из всех наших детей он больше всех похож на нее.

— Блин, па. У Рейн нет нужды выслушивать...

— Нет, есть. — Она непреклонно кивнула.

Дункан усмехнулся и, покачав головой, похлопал руку, которую все еще держал.

— Слышишь, мальчик?

Лиам закатил глаза.

— Но откуда мама смогла узнать, что мы втроем будем вместе, когда никто из нас не был в этом уверен?

— Она не сказала. Но если предположить, то некоторые вещи просто предопределены. — Па улыбнулся Рейн. — Брин сказала, что прежде, чем Хаммер и Лиам привнесли в твою жизнь свет и любовь, в ней было очень много мрака. Позже она рассказывала обо всех страданиях и испытаниях, через которые вы трое прошли, пытаясь подстроиться под жизни друг друга. Однажды, ранним ноябрьским утром, я проснулся и обнаружил ее в радостном настроении, потому что она узнала, что девочка Рейн забеременела.

— Даже раньше, чем об этом узнали мы. — Лиам прикрыл глаза и зарычал. — Нет ничего личного, па?

— Вопреки твоему убеждению, Лиам О'Нил, секс придумали не вы трое. И в любом случае суть не в этом.

Рейн вспыхнула, стараясь не смотреть на его отца.

— Твоя мать говорила в основном о мучениях, через которые вы будете проходить. — Он помолчал. — Брин знала, что в итоге случится с твоим отцом, Рейн. Она целую неделю пробыла в раздоре от душевных терзаний и сожаления. Она знала, что ты пострадала от рук родни. Рассказанное ею привело меня в ярость от желания защитить тебя от этого монстра. Осознание того, что ты отравила его отвечать за содеянное, принесло не слишком много утешения.

Глаза Рейн наполнились слезами. Лиам подхватил коробку с салфетками и поставил в пределах ее досягаемости, затем встал позади, мягко поглаживая.

— Спасибо, — с трудом произнесла она отцу.

— Я даже притворяться не буду, что понимаю этого ужасного человека, Рейн. Я горячо люблю своих девочек и сына. Если бы один из них оказался в тот день на твоём месте, я бы поддержал их в решении сделать именно то, что сделала ты. Брин и я хотим поблагодарить тебя за то, что делаешь нашего мальчика счастливым. Думаю, он и Макен станут великолепными отцами, и вы любите друг друга достаточно, чтобы это длилось всю жизнь.

Рейн всхлипнула и рассмеялась.

— Знаю. Я так рада сейчас находиться здесь с ними. И всегда буду делать все от меня зависящее, чтобы они были счастливы.

— Конечно же, будешь.

Рейн посмотрела на него сквозь непролитые слезы и быстро, но крепко обняла.

— Спасибо, Дункан. Мне это было нужно.

— Не за что. — Брин впорхнула в кухню и коснулась плеча Дункана, прежде чем улыбнуться Рейн и обнять Лиаму. — Я все еще привыкаю к разнице во времени, но даже представить не могу, почему вы двое на ногах.

— Мы привыкли ложиться поздно. — Правда была в том, что Лиам чувствовал себя не в своей тарелке и не знал по какой причине.

— Хорошо, поскольку вы все еще на ногах, Рейн, я хочу, чтобы ты знала, что твоя мама и сестра признательны за твое вчерашнее посещение. О, они так гордятся тем, что ты боролась. И твоя сестра, какие же у нее красивые ямочки на щеках, она хочет, чтобы ты знала, она и ваша мама обрели покой. Хотя она немного завидует, что ты нашла двух таких здоровяков, которые любят тебя всем сердцем.

— Вы говорили с ними? Видели? — глаза Рейн расширились. Как еще Брин могла бы

узнать о ямочках Ровены?

— В душе они всегда с тобой. — Мама притянула Рейн в свои объятия. — Они хотят, чтобы ты была счастлива. Теперь... — Она посмотрела на Лиам. — Твоя девочка истощена, милый. Почему бы тебе не отвести ее в кровать и не вернуться обратно, допить чай вместе с нами.

Вероятно, Лиам мог бы пропустить важность ее совета... но ее телепатический толчок ощущался словно пинок. И это немедленно подтолкнуло его к решению.

— Твоя мама права. Я устала. — Рейн поднялась. — Мне бы хотелось, чтобы вы двое знали, мы рады, что вы здесь. И я так счастлива, что познакомилась с вами прежде, чем родился ребенок.

— Конечно. — Брин улыбнулась. — Нам тоже приятно.

Лиам взял Рейн за руку.

— Пойдем, любимая.

Он повел ее обратно вверх по лестнице в кровать и подождал, пока она снова уляжется. Его утомившаяся девочка выключилась через секунду.

С тяжелым сердцем Лиам вернулся в кухню, чтобы обнаружить, что беспокоило его мать.

Она не стала заставлять его ждать новостей, и его подозрения, что те не были приятными, лишь подтверждались ожидающими графином с виски и тремя стеклянными стаканами.

— Давайте возьмем напитки в гостиную и там поговорим. — Он налил щедрую порцию каждому из них и пошел впереди. Лиам занял одно их кресел, отец поступил также. Мама уселась на диване напротив.

Он поднял свой стакан.

— Sláinte. (прим. пер.: Ваше здоровье по-ирландски)

Па проделал то же самое, сделав глоток спиртного, прежде чем поставить стакан.

Его мать еще не выпила свой. Она просто смотрела вниз на жидкость, плескавшуюся в стакане, и выглядела так, словно подыскивала слова, которые не разбили бы ему сердце.

— Мам, что?

— Мне бы хотелось не говорить тебе, что испытания Хаммера еще не закончились. Но на этот раз тебе лучше быть готовым. Это касается бизнеса. Все гораздо серьезнее.

— Вот, блять. Прости, мам. — Огненный напиток, несколько минут назад расположившийся в его желудке, не удержал холодного кулака страха, который он сейчас ощущал. — Сколько у нас времени?

— Немного. Я не могу сказать тебе, когда именно, но все осталось на своих местах. Было принято решение продолжить. — Она посмотрела на него страдальческим взглядом. — Мне бы хотелось, чтобы новости были лучше, сынок. Знаю, все это будет сильно расстраивать вас, но ты должен стараться, чтобы Рейн оставалась как можно спокойнее и...

— Иисусе, она будет вне себя от горя и беспокойства.

— Сейчас самая главная твоя задача — это удержать голову Макена над водой.

Лиам откинулся назад. Потеря свободы, контроля убьет его лучшего друга.

Дункан наклонился и положил руку ему на плечо.

— Мы здесь ради тебя, сынок. Ради всех вас.

— Вероятно, будет лучше, если ты дашь Макену выспаться. Ты можешь разбудить его чуть позже и рассказать все, прежде чем проснется Рейн, — предложила мама.

— Я чертовски устал из-за отсутствия возможности помочь своей семье. У меня такое ощущение, словно мы находимся в ловушке в военной зоне, застигнуты бесконечным перекрестным огнем вне зависимости от того, куда направимся.

— Знаю. И все только ухудшается, не успевая улучшаться. Но благоприятный конец все еще возможен. Не теряй надежды. — Брин подошла к нему и положила руку ему на второе плечо, чтобы облегчить его беспокойство.

Больше Брин не могла ничего сказать, и хотя остальное время они обсуждали семью и Ирландию, в конце концов, они оставили его наедине с его мыслями, чтобы вновь вернуться в кровать.

Лиам в свою возвращаться не стал. Он сидел, обдумывая последние события, пытаясь собрать в общую картину кусочки паззла. Если Ривер отозвал свой иск, почему же ситуация только ухудшилась? Сосредоточившись, Лиам чувствовал, как надвигающееся тягостное ощущение приговора и мишени, словно огненное дыхание дракона, ползло вниз по шее.

Когда он вновь поднял взгляд, часы на каминной доске сообщили, что уже около пяти. Он устало встал с кресла и пошел будить Хаммера.

Эта часть оказалась легче, чем он ожидал. К его удивлению, когда он входил в главную спальню, его приятель выходил из душа. Он шепотом сказал Макену встретиться с ним внизу и не будить Рейн. Пока мужчина одевался, Лиам набросил футболку и оставил его, чтобы приготовить кофе.

Хаммер не заставил себя ждать слишком долго, и Лиам вернул любезность, не став затягивать. Потребовалось менее двух минут, чтобы заставить беспокоиться лучшего друга. Лиам ненавидел то, что ему пришлось это сделать.

Макен рухнул на ближайший стул и уставился в кухонное окно на темноту снаружи.

— Я хочу знать, кто хочет меня уничтожить, — пробормотал он. — Как ты думаешь, можно что-то сделать с теми чертовыми пропавшими видеозаписями?

— Я сам задаюсь этим вопросом, но, если начистоту, что они могут доказать? Что Рейн нравится нешаблонный секс. Она призналась в этом полиции. На тот момент она являлась взрослой и ничто из происходящего не является преступлением.

— Она никогда не скажет, что я изнасиловал ее, так что я не знаю, как еще они могут привлечь меня к ответственности в связи с этим видео. Еще одна улика, которую они имеют, это денежные переводы, которые без самого контракта ничего не доказывают, а его я отдал Беку на сохранение. Фотографии Рейн я уничтожил по настоянию Дина... Уинслоу и Кэмерон могут отыскать их в системе, и они даже могут узнать, что снимки есть у меня. Но ничто не доказывает, что фото взял я или что она была подростком в то время. Ничто. А если у нее спросят, она также никогда им не скажет.

— Нет. Она скажет, что принесла те фотографии с собой или что-то в этом роде.

— Да. Терпеть не могу заставлять ее лгать, но знаю, она пойдет на это без вопросов. Я только не понимаю, каким образом это дерьмо возвращается ко мне.

Лиам провел рукой по волосам, а затем налил каждому по чашке кофе.

— Может быть, это тот чертов свидетель, о котором они тебя предупреждали.

— Ага. Мне хотелось бы знать кто этот херов лжец.

— Мне тоже. Если в течение пары часов мы ничего не узнаем, я куплю одноразовый телефон и позвоню Дину, посмотрим, сможет ли он узнать.

— Хорошая идея. Чем быстрее мы это выясним, тем лучше. — Он помолчал, очевидно, подбирая слова. — Только пообещай мне, что бы ни случилось, ты присмотришь за Рейн и

нашим ребенком.

Лиам коснулась боль друга.

— Макен, еще ничего не решено, и у нас куча причин, чтобы бороться.

— Просто успокой меня и дай это долбанное обещание.

— Конечно. Я знаю, что ты сделаешь это.

Лиам обошел бар, схватил Хаммера и резко притянул в свои объятия. — Не сдавайся, брат. Мы выберемся. Вот увидишь.

Внутри же он не был так уверен.

— Сейчас это неподконтрольно мне. — Хаммер отодвинулся. — Неси кофе в кабинет.

У меня есть кое-какие документы, которые тебе нужно посмотреть. Первые — защищают Темницу. Остальные... Ну, если случится самое худшее, Стерлинг проконсультирует тебя.

С тяжелым сердцем Лиам провел следующий час, просматривая файлы Хаммера, обсуждая возможности и альтернативы.

Когда они заканчивали, зазвонил телефон Хаммера. Стерлинг Барнс.

Макен незамедлительно ответил, включив громкую связь.

— Полиция едет, да? Какие будут указания?

— Забудь о полиции. Дело осложнилось. Теперь за тебя взялось ФБР. Кто-то нашел те фотографии, на которых Рейн избита в подростковом возрасте. На них есть немного обнаженки и вкуче с денежными переводами... — Адвокат помолчал. — Они подозревают самое худшее. Кто-то по-настоящему хочет тебя прижать. Будь готов, Макен. Пока мы разговариваем, федералы едут к тебе.

Макен выглядел пораженным, прикладывал усилия, чтобы переварить предупреждение адвоката, но в ответ мог только открывать рот.

Лиам поборол собственный шок и вмешался.

— Барнс, это О'Нил. Чем я и Рейн можем помочь?

— Давай сегодня утром я позабочусь о Хаммере. А ты сосредоточься на агентах и поиске оправданий. Они придут к вам домой и в клуб, и все должны покинуть оба помещения. Все, что они посчитают доказательством в их деле, будет конфисковано. Я имею в виду все, что угодно: документы, фотографии, а особенно электроника. Если они спросят, то тебе и Рейн нужно быть готовыми отдать им телефоны, планшеты, компьютеры, доступ к любому сейфу... ко всему.

Другими словами, вся их жизнь будет захвачена, перевернута с ног на голову, облапана и внимательно изучена. Еще одна волна неверия и ярости охватила Лиам, но ради Хаммера, который все еще стоял, не говоря ни слова от шока, он проглотил ее.

— Я позабочусь об этом, — пообещал он.

— Позвони мне, когда они придут, — проинструктировал Стерлинг. — У меня будут еще инструкции. Макен, я знаю, что это много. Прямо сейчас я не знаю, как мы выберемся из этой жопы, но обещаю, что сделаю невозможное.

— Спасибо, — Лиам вздрогнул, когда брал телефон из задеревеневших пальцев Хаммера, и завершил звонок.

— Долбанное ФБР? — Хаммер, пошатываясь, прошел обратно в гостиную и рухнул в кресло.

Несколько секунд спустя прозвенел дверной звонок. Он и Макен обменялись взглядами. Это мог быть конец, и оба это знали.

Хаммер поднялся, сильный и негибачаемый, он прошел к двери. Крепко обхватив

дверную ручку и резко вздохнув воздуха, он настроил себя набраться мужества, чтобы открыть дверь и встретить свою судьбу.

— Макен? — позвала Рейн за его спиной, стоя на верху лестницы. — Что происходит?

Сильнее сжав челюсти, он повернулся к Лиаму.

— Не дай ей увидеть это.

Лиам был полностью согласен, особенно, когда увидел в окно скопище автомобилей и агентов, только и ждущих, чтобы наброситься.

— Я прикрою тебя. Скоро увидимся. — Дружески похлопав Хаммера по спине, он пересек комнату и поднялся по лестнице, преодолевая по две ступеньки за раз.

— Что происходит? — Рейн взволнованно посмотрела, как он поднялся, и попыталась проскочить мимо него. — Нет. Этого не может быть...

Лиам обхватил ее за талию и поднял в воздух, благодарный своим родителям, которые встали рядом с его лучшим другом.

— Пусть он уйдет достойно.

— Нет! — закричала она еще громче. — Они не могут его забрать. Макен...

— Прекрати, — потребовал Лиам. — Барнс вытащит его.

Хаммер не повернулся, чтобы посмотреть на нее вновь, и Лиам прижал ее лицо к своему плечу.

— Не смотри. Не усложняй для него все это еще больше.

Рейн напряглась. Он чувствовал борьбу, происходящую в ней. Каждой частицей своего тела она хотела поспорить. А вместо этого она вцепилась в него, погрузив ногти в его кожу.

Лиам поморщился. Боль от царапин его девочки была ничтожной по сравнению с агонией, разлившейся в груди, когда Хаммер открыл дверь.

События быстро приобрели ужасающий оборот.

— Макен Дэниел Хаммерман, у нас есть ордер на ваш арест по обвинению в покупке подростка в целях сексуальной эксплуатации. Повернитесь и расположите руки за спиной, пожалуйста. У вас есть право хранить молчание...

— Лиам?

— Я держу ее, приятель, — заверил он.

— Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде.

Хаммер не слушал федералов.

— Позаботься о ней.

Лиам продолжал удерживать лицо Рейн у своего плеча.

— Позабочусь.

Рейн судорожно всхлипывала от хаоса, творящемся в комнате.

— Макен...

— У вас есть право на адвоката... — Агент вывел Хаммера за двери и защелкнул наручники у него на запястьях.

Щелчок прозвучал чертовски зловеще.

У сидящего на заднем сиденье в машине без опознавательных знаков, с руками, неудобно заведенными за спину, Хаммера ныли плечи. Лиам и Стерлинг предупреждали его, но он не был по-настоящему готов к той ужасной реальности, в которой федералы уводят его прочь с руками, пристегнутыми за спиной. Теперь же он пытался заставить себя расслабиться. Он заковывал в наручники многих сам на протяжении многих лет. И они, конечно же, пережили это. Но Макен не был сабмиссивом, и ощущение быть связанным кем-то бесило и унижало его.

Покупка подростка в целях сексуальной эксплуатации? Дерьмо собачье!

Очевидно, что Ривер не добился ничего хорошего, отозвав свое заявление у чиновников, даже если и пытался. Хаммерман держал пари, что у придурка дымилась задница, пока он планировал, как убрать его из жизни Рейн. Без сомнения, следующим шагом этого мудака станет обдумывание способа избавления от Лиамы.

«Я сожалею о том, что сделал с вами, Хаммер. Лиам.»

— Еще не сделал, гребаный ты сукин сын. Но если ты не сдержишь слово, я прослежу, что вскоре ты пожалеешь, — пробормотал Хаммер себе под нос.

Внутри участка он пытался отгородиться от процесса регистрации после унижительной процедуры снятия отпечатков пальцев, фотографирования в профиль и анфас и изъятия всех личных вещей из карманов. После офицер повел его по длинному узкому коридору с металлическими клетками, наполненными криками и проклятьями. Вооруженный офицер поместил его в пустую камеру.

Ему следовало быть благодарным за то, что он был один, но как только за его спиной с грохотом закрылась дверь и лязгнул замок, словно крышка его гроба, в Хаммере снова пробудилась ярость. Ему хотелось выбить из кого-нибудь все дерьмо, желательно из Ривера.

Избегая касаться ветхого матраса и грязной простыни, Хаммер прошелся по камере размером восемь на восемь. Мысли его кружились в яростном хороводе, а мозг разъедали сомнения.

Ривер хотел, чтобы в его жизни присутствовала Рейн. И даже циник, живущий в Хаммере, поверил, что ее брат собирался почистить тот бардак, который сам и устроил. Если он пытался, если он не был тем, кто украл видеосъемку из «Темницы», тогда кто-то еще стоял за всем этим вредительством в его жизни. Но кто? Кто мог быть настолько обозлен, чтобы оправдать всю эту гнусную месть?

Да, последние несколько месяцев в клубе Макен был болю в заднице, рывкая на членов клуба при малейшей провокации. Но неужели он настолько серьезно задел гордость других доминантов, что они решили разрушить его жизнь с Рейн и Лиамом? У Карла не хватило бы яиц. А больше ничье недовольство не приходило в голову Хаммера вот так сразу.

— Дерьмо! — Он потер лицо рукой.

Может, эта вендетта родом из прошлого. Проклятье, мать Джульетты поклялась на могиле своей младшей дочери, что увидит смерть Хаммера за его «безответственность и жестокое обращение». Поскольку она никогда не стала бы нанимать убийцу, так не могла ли пожилая женщина отыскать еще одну отличную возможность?

— Разуй глаза, дебил. С тех пор, как Джульетта покончила с собой, твоя жизнь стала мрачной. — И оглядываясь назад, ему становилось понятно, что слишком много из самых

мрачных его дней были навязаны им самим. Он обижал окружающих его людей слишком часто.

Таким образом, вполне возможно, сейчас он расплачивается за это.

В коридоре Хаммер услышал голоса и приближающиеся шаги. Встав рядом с решеткой, он вытянул шею. Вид офицера, одетого в форму, сопровождающего Стерлинга Барнса, послал сквозь него заряд облегчения.

— Стерлинг, — выдохнул Хаммер. — Благодарю Бога.

— Не стоит так сильно радоваться моему приходу, Макен, — мрачно ответил его адвокат. — Все это дерьмо зашло еще дальше, чем ты или я представляли.

— Что? — желудок Хаммера подкатил к горлу. — Ривер не отозвал обвинения, да?

Стерлинг бросил за плечо возмущенный взгляд и смотрел до тех пор, пока офицер не отошел.

— Отозвал, но боюсь это оказалось немного слишком поздно. По их мнению, ты совершил преступление и стремления Ривера значения не имеют. А еще у них имеются две пропавшие из «Темницы» видеозаписи.

Ужас заполнил желудок Хаммера.

— Хотел бы я знать, как, черт возьми, они смогли добраться до них.

— Как только тебе предъявят обвинения и мы начнем готовиться к суду, обвинение должно будет сообщить нам имя своего свидетеля, а также способ получения записей в процессе расследования. Не знаю, поможет ли нам чем-либо эта информация, но...

Да, Хаммер тоже сомневался в этом.

— Штат также оставляет за собой право предъявить обвинения, просто сейчас они уступили рассмотрение этого дела федералам, так как их наказание станет более долгосрочным. Но если обвинения федералов не сработают, то штат, вероятно, попытается посадить тебя за изнасилование. Из того, что я слышал, четвертое ноября... изобличающее.

Хаммер выругался. Для стороннего наблюдателя, вероятно, видео покажется грубым. Он был пьян и вовсе не нежен, когда обрушил на Рейн в течение шести лет сдерживаемую страсть.

— Клянусь, все было по согласию, — возразил он, словно это принесло бы пользу.

— Звук не четкий, поэтому этого не понять... кроме той части, где ты кричишь, а она говорит нет. Я не сомневаюсь в тебе. Но на данный момент проблема номер один — это фотографии, которые они используют, чтобы подкрепить обвинения федералов. На них Рейн вся в крови и ушибах. Они считают, что ты бил ее ради забавы и хвастался фотографиями, словно трофеями, перед своими друзьями-извращенцами.

— Вот, дьявол, нет! Я ни разу не поднял на нее руку в гневе. И никогда не стал бы.

— Избиение это не самое плохое, что имеется на этих снимках с точки зрения закона. Из-за того, что на них видны кусочек лобковых волос и часть соска, федералы используют фотографии и денежные переводы, чтобы доказать обвинение в покупке ребенка в целях сексуальной эксплуатации. Вероятно, они также примут во внимание первоначальное заявление Ривера. Даже если он отозвал его, опытный прокурор сможет зародить зерна сомнений в том, что ты, угрожая сестре, заставил его отказаться от своего заявления.

У Хаммера подогнулись колени. Он схватился за решетку и проглотил желчь, поднимающуюся по горлу. Вся кровь отлила в ноги.

— Какой это срок, если меня осудят? — выдавил он из себя.

— Тридцать... в федеральной тюрьме, — холодно проговорил Стерлинг.

В Хаммере рос страх, абсолютный и беспощадный. Сердце зашло в груди.

— Нет! Ни за что, блять. Я не могу сесть в тюрьму за преступление, которого не совершал. Кто-то меня подставляет. Мне нужно найти этого кого-то и прекратить весь этот фарс.

— Я уже пару раз разговаривал с Лиамом. Для этого у него есть следователь. Сейчас они ищут.

— Сет? Ага. Он самый лучший. Надеюсь, он сможет нарыть доказательства для моего спасения.

— Даже если не сможет, когда будут опрашивать Рейн, она сможет пролить свет на это дело.

Ему претила мысль подвергать ее еще большему стрессу.

— Обвинение не станет пытаться дискредитировать ее?

Но он уже знал ответ. Федералы сделают все, что в их силах, чтобы разжевать и выплюнуть ее. Они засадят его за решетку, не испытывая ни капли уважения к правде. От подобной несправедливости Хаммеру хотелось завывать.

— И не надейся.

— Она, блять, беременна!

— Успокойся. Они не собираются избивать ее, Макен. Я приложу все силы, чтобы защитить Рейн, когда она будет давать свидетельские показания.

— Нет. Если они собираются разнести ее в пух и прах, она не будет давать показания. У нее и так уже было слишком много стресса. Я не позволю ей делать что-то еще с риском для ребенка.

— По одной проблеме за раз. Теперь, когда тебе предъявили обвинения, в понедельник ты, я и один из моих коллег, специализирующийся на федеральных криминальных делах, предстанем перед судьей, чтобы ответить на обвинения.

— Понедельник? Понедельник! — прорычал Хаммер. — Я не могу просидеть в этой долбанной камере столько времени. Ты не мог бы сейчас внести за меня залог?

— Сегодня чертов выходной. И колесо правосудия не завертится вновь, пока он не закончится. Так что возьми себя в руки и дай мне сделать мою работу. Я вытащу тебя отсюда, как только смогу.

Сохраняя самообладание, он стиснул зубы.

— Как там Рейн, держится? Ты знаешь?

— Узнаю.

Стерлинг сделает это, но Хаммер знал Рейн. Она, наверное, была почти опустошена. Он чертовски надеялся, что она не замкнулась в себе, откуда Лиаму будет сложно вытащить ее. — Скажи ей, что не стоит беспокоиться обо мне. Скажи, — голос дрогнул, — скажи, что я люблю ее.

На лице пожилого мужчины появилось сочувствие.

— Она это знает, но я буду рад напомнить ей об этом. Слушай, знаю, что все кажется безрадостным, но я не остановлюсь, пока не переверну каждый камешек, бульжник или валун, чтобы очистить твое имя.

— Я ценю это, — ответил Хаммер, желая иметь подобную уверенность. Но все, что он мог представить, это Рейн и Лиам без него и океан слез, который она выплачет, если он больше никогда не вернется домой.

Они попрощались. Глядя, как Стерлинг и коп исчезают вдали коридора, он

почувствовал себя выпотрошенным. Потерянным. Еще более заброшенным, чем когда Рейн сбежала из «Темницы», оставив его и Лиама.

Он предполагал, что следует выискивать светлые моменты. Этого дерьмового шторма не было несколько лет назад, когда Рейн была девчонкой. В конце концов, рядом с ней будет Лиам, чтобы любить и защищать ее, если он больше не сможет быть рядом лично.

Только это будет чертовски больно.

Макен доковылял до бугристого спального места и, не обращая внимания на состояние постели, упал на нее. Оперев локти в колени, он зарылся лицом в ладони и сдержал крик, застрявший внутри.

Потерять тридцать лет жизни. Вдали от Рейн, Лиама и ребенка, которого он желал растить и воспитывать. К тому времени, как снова ощутит вкус свободы, он может стать уже дедушкой. И после того, как он проведет три десятилетия за решеткой, к чему он вернется? К Лиаму и Рейн, создавшими новую жизнь без него, имеющими еще больше совместных детей и совместно прожитых лет, не включающими его самого. Когда его наконец выпустят, Макен будет аутсайдером, заглянувшим ненадолго.

И после тридцати лет разлуки, каким образом Рейн и Лиам объяснят его внезапное возвращение своей семье? Как их дети воспримут факт того, что у их родителей был кто-то третий, особенно, если те никогда не упоминали об этом? Его появление может причинить невообразимый ущерб.

Но еще более болезненной была мысль о Рейн, ожидающей его все эти годы, тоскующей по его возвращению и обвиняющей себя за его судьбу. Она добросовестно будет посещать его в течение всего срока, сидеть напротив и делиться счастливыми историями о своей жизни с Лиамом. Потребуется не так много времени, когда Хаммер обозлится на лучшего друга за то, что тот живет в мечте, которую они должны были разделить. Как скоро он обратит свой ядовитый гнев против Рейн и пошлет ее куда подальше, потому что один ее вид будет рвать его на части?

Мысль о том, что больше никогда не подержит ее в своих руках, заставила Хаммера задрожать. Воспоминаний о себе и Лиаме, как они вместе погружались в ее мягкое тело и возносили ее к небесам, никогда не будет достаточно, чтобы вынести эти бесконечные годы. В конце концов, он сойдет с ума, желая чувствовать под собой ее, дико возбужденную, распадающуюся на части вокруг его члена, ее крики, отдающиеся в его ушах. Понимание того, что он никогда больше не познает удовольствие и любовь, которые они разделили, породило внутри него новый мир страданий.

Он не мог провести Рейн, Лиама и себя самого через подобные пытки.

Хаммер поднял голову и осмотрел холодную угнетающую камеру.

Через несколько дней его выпустят под залог, но может так случиться, что он проведет следующие тридцать лет сидя за решеткой...

— Я не могу.

Макен провел рукой по волосам. Он отказывался проводить жизнь, запертым в собственном аду, а также отказывался держать Рейн и Лиама в заложниках. Если Стерлинг исчерпает все возможности, то у него имеются некоторые жесткие решения.

Его накрыло черной вуалью тоски. Вместо того, чтобы провести последние шесть лет, создавая вместе с Рейн совместные воспоминания, он позволил чувству вины поглотить себя. словно язва, оно гноилось, убеждая его, что он не достоин любви Рейн. Он проводил ночи, засовывая свой член в женщин, до которых ему не было никакого дела, только чтобы

игнорировать одну единственную, не безразличную. И ради чего? Неужели годы мысленного самобичевания сделали его лучше? Нет.

Он позволил угрызениям совести убедить себя в том, что не сможет привести Рейн на путь покорности, не испортив ей жизнь. Настаивал, что его потребности доминанта были слишком суровы, чтобы она могла с ними справиться, потому что ему «требовалась» рабыня. Хаммер насмеялся над собой. Правда была в том, что он потратил годы, властвуя над сабами, а не над ее сердцем. Он был кобелем и трусом.

Он никогда не жил по-настоящему.

Пока он и Лиам не полюбили Рейн.

Тюрьма не стала для него чем-то новым. Он был так решительно настроен не повторять грехи прошлого, что запер себя на долгие годы.

Хаммер встал и снова зашагал. Если он каким-то образом выберется из этого бардака, то клянется измениться. Он откроется, поделится своей душой и восполнит все годы, что провел, барахтаясь в депрессии. Он станет жить полной жизнью. Счастливой. Полноценной. Совершенной.

Послав безмолвную молитву, он сделал то, чего не делал никогда прежде, он упал на колени и стал молиться.

О милости.

Об окончании этого долбанного кошмара.

О шансе прожить долгую и счастливую жизнь вместе с Лиамом и Рейн, больше никогда не оглядываясь назад на свое прошлое.

Пока Лиам наблюдал, как федералы уводили закованного в наручники Хаммера, под его ногами рассыпался мир. Но он прижал к себе Рейн, стоя на вершине лестницы и пряча ее лицо. Ей не нужно было видеть весь этот ужас. Он должен быть уверен, что сдержит обещание, данное Хаммеру, и защитит их девочку.

Позже, он думал о том, что жизнь, которую все они знали... желали, могла закончиться.

Наступила убийственная тишина, прерываемая только барахтаньем и рыданиями Рейн. В его груди зияла открытая, истекающая кровью рана. Нахлынуло беспокойство, чтобы наполнить пропасть.

— Отпусти меня! — Она оттолкнула его плечи и попыталась освободиться. — Мы должны сделать что-нибудь. Помочь ему. Сейчас же.

Лиам обхватил ее крепче, одна рука на затылке, вторая — на попке, пока он садился на верхнюю ступеньку, прижав ее к своей груди. Несмотря на то, что чтобы удержать ее, он вынудил ее оседлать его, Рейн все еще отчаянно пыталась освободиться.

Па снова вернулся в дом и, мрачный, покачав головой, закрыл дверь.

Итак, все закончено. Хаммера увезли.

Лиам прижал Рейн к себе сильнее. Возможно, он мог понадобиться ей... но ему она тоже была нужна, особенно сейчас, когда он чувствовал себя так, словно лишился половины своей души. И они должны были бы опереться друг на друга, чтобы столкнуться со следующим испытанием, которое буквально снесло их дверь за следующие несколько минут.

— Ты права, любимая. Мы поможем Хаммеру. Попробуй успокоиться, а я пока позвоню Барнсу.

Она пыталась встать.

— Я пойду. Оденусь. Потребую у полиции...

— Это вне компетенции полиции, Рейн. — Он не хотел сваливать все это на нее, но решил не скрывать правду. — Теперь это дело федерального значения.

Рейн побледнела.

— Его забрали ФБР?

— Боюсь, что так.

Пожалуй, она стала выглядеть более взволнованной.

— Что за... мне нужно поговорить с ними. Вероятно, они выслушают, если я расскажу им, что произошло на самом деле. — Она толкнула его еще раз, затем расстроено заворчала, когда он не дал ей освободиться. — Лиам, я должна всё исправить. Это моя вина.

Он обхватил ее лицо и заставил посмотреть себе в глаза.

— Ни в чем нет твоей вины. Ты меня слышишь?

Она покачала головой, темные волосы рассыпались по плечам и спутались.

— Из-за моего спасения он подставился под удар, так что я должна заставить ФБР выслушать меня.

— Сейчас они не хотят, чтобы ты была в центре всего этого. Я и Хаммер — тоже. Позволь, я позвоню Барнсу, чтобы он мог сделать свою работу.

Лиам отправил матери ментальный посыл, и она почти мгновенно появилась.

Брин села рядом с Рейн и притянула ее в свои объятия.

— Ш-ш-ш. Постарайся успокоиться. Не стоит думать о плохом.

— Каким образом мне убедить этих людей в невинности Макена? Скажите, что делать...

— У меня нет ответов. Зато я знаю, что твоя кроха принимает на себя твой стресс. Ни один из твоих мужчин не хотел бы, чтобы вы оба так нервничали, — Брин, утешая, погладила Рейн по волосам. — Верь. Еще ничего не решено.

Внезапно показалось, что воинственный настрой покинул его девочку. Она шумно выдохнула и притянула ноги к груди, в защитном жесте положив ладони на живот.

— Мне жаль.

Лиам не знал, перед кем она извинялась: перед ним, ребенком или любимым, кто услышал. И больше она ничего не сказала, просто положила подбородок на колени и работала над дыханием. Но он чувствовал бегущее по ней напряжение. Любой, кто не знал его девочку, мог подумать, что она успокоилась. Внутри же она была словно оголенный провод. От вида, как она закрывается, у Лиамы просто разрывалось сердце.

Ругаясь, он вытащил телефон и позвонил Стерлингу Барнсу, который незамедлительно ответил.

— Хаммера забрали. Как ему теперь помочь? — спросил Лиам тихо, отходя от матери и Рейн.

— У федеральных агентов было разрешение на обыск помещений?

Лиам бросил взгляд в окно гостиной на собравшуюся толпу.

— Они снаружи.

— Ничего больше не остается, кроме как позволить им войти. Дай им разрешение и уезжай. Все, что касается жизни Хаммера, а особенно его отношений с Рейн, теперь открыто для тщательного изучения.

— Блять! — Лиам ненавидел ощущение бессилия из-за того, что не мог помочь человеку, который ему небезразличен. Ему было невыносимо настолько быть загнанным в угол обстоятельствами, находящимися вне его контроля, что трудно было дышать. — У нас было слишком мало времени после предупреждения. Рейн еще даже не одета...

Всеобщее внимание привлек стук во входную дверь. Па посмотрел в том направлении. Лиам сглотнул. Ему нужно принять решение... но похоже, на самом деле у него и не было выбора.

— Мы впустим их, — выдохнул Лиам в трубку. — Что-нибудь еще?

— Сейчас я на пути к Хаммеру. Я отправлю тебе номера телефонов одного уважаемого федерального поручителя. Начинать собирать значительную сумму наличными, что-то в пределах шестизначных чисел. Помимо этого, тебе просто придется подождать. Настало мое время отрабатывать деньги. Позвоню, когда появятся новости.

Слава Богу, наличка не была проблемой. Но, как и Рейн, Лиаму хотелось сделать что-то, чтобы освободить Хаммера и остановить этот ночной кошмар прямо сейчас.

Стук стал более настойчивым.

— ФБР. Открывайте. У нас есть ордер на обыск.

Рейн застыла, глядя на дверь, затем на него широко распахнутыми от ужаса глазами.

— Здесь они ничего не найдут.

— Лиам? — подтолкнул его отец.

— Позже поговорим, Барнс. — Он завершил звонок и не позаботился о том, чтобы убрать телефон. В любом случае, возможно, ФБР изымут у него гаджет. Помимо этого, ему нужно предупредить кое-кого в «Темнице».

— Мам, отведи Рейн в нашу комнату. Помоги ей одеться. Побыстрее. У нас всего несколько секунд.

Рейн выглядела так, словно хотела возразить, но развернулась и исчезла дальше по коридору, с Брин на буксире.

— Сын? — позвал Па из гостиной.

— Не открывай пока. Одну минуту. — Лиам пролистал контакты и нашел номер Пайка, быстро набрал сообщение ожидать ФБР у дверей клуба в любую минуту.

Охранник заведения ответил ему двумя словами: «Они здесь».

И он не мог ничего сделать, чтобы помочь им или защитить клуб Хаммера. Проклятье! Все, что он сейчас мог, это защитить Рейн.

Он окликнул ее и маму: — Поторопитесь!

— Последнее предупреждение. ФБР. Открывайте или мы выйдем дверь.

— Долбанные идиоты, — пробормотал Лиам. — Па, открой.

Дункан кивнул и потянулся к задвижке, как появилась Рейн, одетая в штаны для йоги и футболку. Она была бледной, и ее трясло, но настроена она была решительно. Она пристегивала к запястью свой подарок на день святого Валентина.

— Хорошая девочка. — Он взял ее руку в свою и сжал. — Нам нужно уйти до момента окончания обыска. Мы не можем отправиться в «Темницу». Клуб они также прочесывают.

Рейн задохнулась, словно эти слова ударили ей в грудь, и в это же время отец Лиам открыл дверь. Федеральные агенты ринулись внутрь.

Высокий здоровый блондин приблизился к Па.

— Где Рейн Элис Кендалл? У нас есть ордер на обыск ее имущества, места жительства Макена Дениэла Хаммермана.

Все посмотрели на нее, и Лиам задержал дыхание. Не впадет ли она в истерику?

— Я Рейн Кендалл. — Она взяла себя в руки и спустилась по лестнице, ее голос перебил всеобщий гам. — Покажите свой ордер.

Здрав подбородок, она посмотрела в лицо офицеру. Лиам никогда не гордился ею сильнее.

Здоровяк-агент встретил Рейн на середине гостиной. Лиам встал прямо позади нее, поддерживая и защищая.

— Я агент Уэйд Келли. — Он указал на серьезную женщину, переступающую порог. — Это агент Вера Сингх.

— Мисс Кендал желает посмотреть ордер, — напомнил Лиам с резкими нотками в голосе.

Федерал настороженно приподнял бровь.

— А вы..?

— Лиам О'Нейл, спутник жизни мисс Кендалл. Мы с мистером Хаммером оба живем здесь. Мы бы хотели увидеть чертов ордер.

Агент Келли жестом указал на Сингх, которая без слов передала папку с документами Рейн.

Рейн дрожащими пальцами открыла папку. Вместе с ней Лиам просмотрел несколько страниц из документа, но слова плыли перед его глазами. Первым выскочила фраза СЕКСУАЛЬНОЕ ДОМОГАТЕЛЬСТВО К РЕБЕНКУ. Затем он увидел ПОЭТОМ РАЗРЕШАЕМ ОБЫСКАТЬ ДОМ... Подписи, официальная печать и координаты обыскиваемых помещений заполнили остальную часть пространства.

Боже, все это реально и происходит чертовски быстро.

Он почувствовал на себе пристальный взгляд Рейн. Она хотела проигнорировать это судебное разрешение, но знала, что выбора не было. Лицо у нее застыло от ощущения несправедливости, и оно же горело в глазах. Лиам практически мог прочесть ее мысли. Это был ее первый настоящий дом и следователи собирались потоптаться в нем, испоганить спокойствие, что она нашла здесь.

Однажды он исправит это для нее.

А до тех пор Лиам может лишь держать ее за руку.

— Давай уйдем, чтобы агенты могли выполнить свою работу.

Как только он переплел их пальцы, Лиам почувствовал борьбу, которая скрывалась под ее кожей. Но девушка обошлась кивком.

Когда он обернулся, родители стояли за его спиной, готовые и ожидающие.

Быстро обыскав сумочку Рейн, агент Сингх забрала телефон. Рейн стерпела это вмешательство с холодным молчанием, но Лиам знал, что ей хотелось кричать. К его удивлению, они не забрали его мобильный.

Когда агент Келли подтолкнул их к выходу, Рейн бросила последний взгляд через дверной проем, очевидно, желая запечатлеть в памяти свое убежище, прежде чем торнадо обыскивающей команды разрушит его.

Лиам обнял любимую за талию и провел через крыльцо. Подведя ее к внедорожнику, он посадил ее на пассажирское сиденье и пристегнул. Он не стал спрашивать, все ли с ней в порядке. Она выглядела так, словно была в шаге от того, чтобы взорваться, либо развалиться на части. Погладив ее лицо, он почувствовал ее напряжение.

— Я позабочусь о тебе, — поклялся он.

Рейн посмотрела на него пустыми синими глазами.

— Ты не спал всю ночь, не так ли? Мне жаль. Ты так стараешься обеспечить мне комфорт... Ты тоже расстроен.

Он тяжело вздохнул.

— Опустошен.

— Ты всегда подставляешь мне плечо для опоры. Тебе необязательно быть сильным. Я тоже рядом.

Лиам поцеловал ее в макушку.

— У меня ощущение, что мы еще понадобится друг другу прежде, чем этот день закончится.

Она кивнула, и Лиам знал, она задавалась вопросом, как они смогут жить без Макена.

Его родители разместились на заднем сиденье, и Лиам отъехал от дома. Уныние, царящее в машине, соответствовало настроению пасмурного дня. Он ехал на север с вполне конкретной целью. В конце концов, им нужно было убить несколько часов.

Остановившись возле пирса, он взял Рейн за руку.

— Пойдем позавтракаем.

— Да, — па поддержал его предложение. — Я умираю от голода.

Мама вышла из автомобиля и сказала с улыбкой в голосе:

— Ты вечно голоден. Это в тебе говорит ирландская кровь.

Лиам был благодарен родителям за эту попытку улучшить настроение, но он не был по-настоящему голоден. И он мог поспорить, что Рейн тоже. Она смотрела сквозь лобовое стекло, потерянная в своем беспокойстве.

— Тебе нужно кормить ребенка.

— Ты прав. — Она моргнула, вновь присоединяясь к нему в настоящем. — Лиам, что будет дальше?

— Не знаю. Мы можем делать только по одному шажку за раз. Как только Стерлинг позвонит, мы узнаем все остальное. — Он вышел из машины и обошел ее, чтобы открыть дверь со стороны Рейн, протянув ей руку.

— Пойдем со мной.

Она кивнула и вложила свои дрожащие пальчики в его ладонь.

Он привел всех в небольшое помещение, в котором подавали завтраки, позволяя посетителям наслаждаться безбрежным видом на Тихий океан. Когда они заняли места, вода, казалось, исчезла в густом тумане, который растает к полудню.

По береговой линии прогуливалось несколько человек. Горстка полных надежды рыбаков закинула удочки на самом конце пирса, всего в нескольких метрах от места, где ловили волну утренние сёрферы. Казалось, каждый погрузился в собственные мысли.

Местечко все еще не было переполненным. Они быстро сделали заказ, но это стало формальным действием. Еду принесли через несколько минут... но она так и осталась почти нетронутой. Даже па, который действительно ел почти все время, возил картошкой по тарелке. Рейн заставила себя съесть пол-яйца и кусочек тоста, запив это несколькими глотками чая.

Лиам почувствовал, как еще больше беспокойства опустилось на его плечи.

Она вела себя слишком тихо и либо накручивала себя до состояния сплошного комка нервов, либо составляла какой-либо дерзкий план спасения, который он однозначно отвергнет. Или и то и другое.

— Рейн?

Она попыталась улыбнуться ему.

— Я в порядке.

К черту. Беременная, невыспавшаяся, взвинченная до предела... Она закрывалась прямо на глазах.

Лиаму хотелось, чтобы они могли отправиться домой, где в знакомой обстановке он смог бы потихоньку влезть ей в голову и заставить поделиться с ним своими волнениями. Но на публике, в нескольких метрах от его родителей, как, черт возьми, ему это сделать?

Неужели она думает, что он сломается, если она обопрется на него еще раз? Что ему не хватает твердости позвоночника, чтобы нести ее бремя? Или она считает, что только Хаммер настолько силен, чтобы делать это для нее?

Па поднялся, чтобы оплатить счет на кассе. Мама пошла в туалет.

Лиаму пожирала вопросы.

— Арест Хаммера станет общеизвестным, да? — спросила Рейн, нарушив тишину.

— Да.

Еще одна тема для беспокойства, которая ее гложет, будь оно все проклято. В прошлом декабре, после испытания Рейн, связанного с Биллом, пресса не знала пощады. Они сосредоточили все свое внимание на том, что она предположительно была работницей секс-индустрии. Хаммер оказался в центре полемики, а заодно и лицом всего этого и делал заявления, пока все эти стервятники вместе со своими наполненными ядом ручками не оставили их в покое, чтобы обдирать плоть с чьих-то других костей.

— Уж репортеры повеселятся, — проговорила она горько.

— Мне плевать, что все остальные думают обо мне. Да и Хаммеру, как я подозреваю, тоже. — Он взял ее за руку. — Не беспокойся, Рейн. Я обеспечу тебе защиту.

— Ты не обязан. — Она покачала головой и попыталась выдать ему улыбку, полную сдержанной иронии. — Я в состоянии сказать «Без комментариев».

Конечно, она была в состоянии, но всего два месяца назад она позволяла говорить это Хаммеру много раз. Почему же она вообразила, что он не возьмет на себя эту роль?

Па положил руку ему на плечо.

— Готовы идти?

— Ага. — Лиам был более чем готов найти какое-нибудь место, где смог бы педантично изучить, что творилось в голове у Рейн и исправить любое недопонимание, что могло у нее сложиться.

— Рейн? — поторопил его отец.

Она поднялась, бледная и хрупкая, попыталась улыбнуться.

— Я готова. Спасибо за завтрак, Дункан.

Когда они направились на выход, Лиам задержался, сделав вид, что рассматривает маленький дешевый ресторанчик. Брин подыграла ему.

— Знаю, сынок. — Она похлопала его по руке. — Я займу отца. Тебе нужно поговорить со своей девочкой.

Слава Богу, мама все поняла.

— Я беспокоюсь.

— За сегодняшний день вы двое уже через многое прошли. Просто убедись, что ты разговариваешь о реальных проблемах.

Так и было? Лиам нахмурился. Неужели Рейн просто хотела остаться самостоятельной... или считает его слишком слабым, чтобы обеспечить уход за ней? Или, может быть, она не желает только одного из них? После того, как он и Хаммер наконец-то решили делить ее, для нее стало совершенно очевидным, что у нее будут они оба или ничего. Именно по этой причине она отказалась от их предложений. С тех пор она проделала отличную работу, чтобы показать им одинаковое количество привязанности и подчинения. Но теперь, если Хаммер ушел навсегда, перед Лиамом встал вопрос... нужна ли ей до сих пор царящая между ними любовь? Или она уйдет и заберет их ребенка с собой?

Было скверно потерять Хаммера. Потеря всех убьет Лиама.

— Я постараюсь, мам. — Он поцеловал ее в щеку.

Она бросила на него успокаивающий взгляд.

— Она устала. Будь мягок, но непоколебим.

— Люблю тебя. А теперь не вмешивайся.

Брин закатила глаза.

— Я заберу твоего па и уйду.

Она выбежала на улицу и, взяв Дункана под руку, повела его смотреть пирс.

Лиам нашел Рейн, стоящую у перил и смотрящую на океан. Искала ли она ответы? Он приблизился и взял ее за руку.

— Погуляй со мной.

Она не стала спорить, а просто позволила ему повести ее вниз к грохочущим волнам.

Подальше от людей и шума.

Подальше от полиции и вопросов.

Подальше от всего, что они не могут сделать для Хаммера прямо в эту минуту.

Только они, вдвоем, вновь подтверждая ... или теряя то, что они делили.

Он глубоко вздохнул соленый воздух, успокаивая внутренний раздрай. Вдобавок, он чувствовал идущее от нее напряжение.

Они гуляли долгое время, не говоря ни слова, просто держась за руки. Затем расстояние и молчание между ними стали слишком невыносимыми для Лиама. Он притянул Рейн ближе и обнял.

— Поговори со мной, девочка.

Она посмотрела на него снизу вверх, смущенная и потерянная. Пустота в ее взгляде едва не убивала его.

— И скажи, в чем дело? Я боюсь. И чертовски зол. Мне просто хочется избить кого-нибудь.

В запале она изматывала собственные нервы и их ребенка. Когда он положил руку на ее животик, тревога усилилась. Ее сила обожгла его ладонь. Проклятье.

Он понимал, какие ставки. И его обязанностью было ослабить ее ядовитое беспокойство.

— Скажи мне больше.

— Что еще я могу сказать тебе и чего ты не знаешь? Мы нужны Макену. Я поняла, что нам нужно было покинуть дом и открывающийся отсюда вид очень мил, но у нас нет времени на...

— Концентрацию на тебе? Это моя первостепенная задача. Если бы Хаммер был здесь, он бы сказал то же самое.

— Но Хаммера здесь нет. Он находится в тюрьме, пока мы здесь разговариваем. И мы стоим здесь и беспокоимся обо мне и...

— Это правило доминанта 101, милая. Мы откладываем свои проблемы до тех пор, пока твои потребности не будут удовлетворены. В первую очередь мы избавляемся от твоих страхов и разочарований, а потом двигаемся дальше. Кричи.

— Кричать? — Рейн уставилась на него, словно он сошел с ума. — Чем это поможет, кроме того, что выставит гребаной идиоткой? Перестань пытаться «изменить мое отношение» или забей. Давай сделаем что-нибудь продуктивное.

Он усилил свою хватку.

— Если это необходимо, я буду стоять здесь целый день, до тех пор пока ты... — он снова положил ладонь на ее живот, — ...и ребенок снова не успокоится. Так что либо кричи, либо говори. У тебя два варианта на выбор.

Она выругалась себе под нос, вновь уставившись на океан.

— Хорошо. Во всем произошедшем моя вина. И никто не слушает меня, когда я говорю, что не являюсь жертвой. Я рассказала в полиции правду, но она оказалась неудобной для них, поэтому они попытались вывернуть мои слова. В своих умах они уже приговорили Макена и ...

— Они не судьи. — Он скользнул рукой в ее волосы, потягивая пряди. — Прекрати думать, что он ушел навсегда.

— Как я могу не беспокоиться об этом? Он, наверное, расхаживает по своей камере и задается вопросом, не собирается ли он похерить всю свою жизнь в этом дерьме...

— Достаточно, — проговорил он низким, предупреждающим о недовольстве голосом. — Прекрати.

— Что прекратить? — Ее смех позвучал почти истерично. — Прекратить волноваться?

Любить? Что из этого ты хочешь, чтобы я прекратила, Лиам?

— Прекрати винить себя! Прекрати представлять самое худшее, прежде, чем это случилось. — Он тянул ее за волосы, пока не смог посмотреть ей в глаза. — Ты считаешь, что данная позиция чем-то поможет тебе? Или поможет нашему ребенку? И, конечно же, это не поможет ни мне, ни Хаммеру.

— Знаю. — Она посмотрела вверх, на серые облака, ее лицо пошло пятнами. — Он мне нужен. Я не могу сделать это без него.

От ее слов внутри него взорвался ад, и он отмел свое желание встряхнуть девушку. Это было не про него. Ей необходимо его доминирование и он приказал ей выразить свои чувства. Если она ударила его своими словами, потому что это заставило ее почувствовать себя лучше... Хорошо, у него широкие плечи. Он вынесет все, что угодно.

Кроме ее ухода.

— Перестань думать, я могу очистить твой разум и дать тебе своего рода границы, как это делает Хаммер. Отдай мне свои проблемы.

— Они не нужны тебе! Тебе нужно, чтобы я была взрослой девочкой и самостоятельно стояла на ногах.

Он сердито посмотрел на нее.

— Я понимаю, что ты веришь...

— Ты ничего не понимаешь, — парировала она. — Как ты можешь? Я не понимаю это дерьмо. Не понимаю, почему это происходит. Не понимаю, какого черта я должна делать. И определенно не понимаю, почему ты пытаешься быть моим главным Домом сейчас.

О, значит так?

Лиам соскользнул в ужасно знакомое изменённое состояние сознания. Вены наполнило желание подавлять. Он принял с распростертыми объятиями свою темную бескомпромиссную сторону. И как только он напустит ее на Рейн, то покорность, которую она проявит, станет бальзамом для них обоих.

— Ты думаешь, я притворяюсь? — С его губ сорвался лишенный юмора смешок. — До сих пор я показывал тебе свое мягкое преклонение. Это было то, в чем ты нуждалась, когда впервые принимала мой ошейник. Когда Макен и я отвезли тебя в домик. Когда моя бывшая жена вернулась, чтобы всё испортить. После того, как твой отец-монстр похитил тебя. Все эти месяцы Хаммер убегал от своих призраков. Но не допусти ошибку, я покажу тебе, каким требовательным мастером могу быть. Поэтому либо ты добровольно передаешь мне свои проблемы, либо я проложу себе путь в твою голову сам и выверну тебя изнутри так, что ты откажешься от них.

Она помолчала, глядя на волны, стремясь к ним, с грохотом разбивающимся на песчаном берегу. Морская пена хаотично разлеталась по нему, пойманная прибрежным ветерком, а чайки с криками ныряли и кружили в высоте. Бриз развеивал ее волосы. Она рассеяно отбросила их прочь.

Рейн всхлипнула.

— Я знаю, ты беспокоишься обо мне и ребенке. Я тоже волнуюсь о малыше. Но как мне не волноваться о любимом мужчине? Я боюсь, что Макен никогда не вернется.

Ее ресницы, затрепетав, опустились, а из уголков глаз полились слезы. У Лиамы не было столько мужества, чтобы солгать ей и сказать, что все будет хорошо.

— Он вернется. Барнс удостоверится в этом.

— Но как долго это будет длиться?

— Это не в нашей компетенции, Рейн.

— Я не... — Она плотно скрестила руки на груди. — Я не знаю, смогу ли жить с этим. Я...

Внезапно ее ярость взвилась в воздух. Она оттолкнулась от него и побежала. Вздвогнув, он секунду просто наблюдал за ней.

Видишь, как она мчится, словно чертов долбаный ветер. Иисусе. Вот так, любимая. Выбрасывай все это из головы.

Лиам погнался за ней.

Действуя на чистом инстинкте, Рейн рванула, словно дикарка. Она бросила взгляд за спину, почувствовав, что ее преследует большой, сильный хищник. Руки и локти мелькали с бешеной скоростью, волосы развевались в разные стороны, тогда как ноги несли ее вперед, она мчалась, ее ступни раскидывали песок и гравий.

Быстрый рывок. Но она — спринтер. Долго не продержится.

На самом деле она не ушла далеко, прежде чем вспыхнула от ярости и едва не запуталась в своих же ногах, с рыданиями падая на влажный песок.

Через секунду Лиам оказался рядом с ней, сгребая ее в свои объятия и прижимая к груди.

— Опусти меня, — требовала она, одновременно с этим обвивая его руками и прижимаясь ближе.

Он опустился на песок и притянул Рейн к себе на колени, покачивая в своих руках. Он бормотал утешающие слова ей на ушко и гладил живот, стараясь успокоить ее и ребенка.

— Все в порядке.

— Нет. — Рейн слабо била его по спине в промежутках между рваными криками. — Это не так!

— И это все, чего ты добилась? — подначивал он нарочито мягким тоном.

— Что ты имеешь в виду?

— Сэр, — поправил ее он. — Ты станешь обращаться ко мне «сэр», пока я не скажу иначе. Ты поняла меня, саба?

Она упрямо тянула с ответом.

— Поняла? — подтолкнул он. — Давай, Рейн. Ты нарываешься на ссору. Дай мне повод. Давай, выпусти долбаный пар. Или мне нужно отшлепать твою задницу прямо здесь и сейчас, чтобы донести свою точку зрения? Потому что я это сделаю. — Лиам схватил ее за волосы и тянул до тех пор, пока кожа ее головы не загудела от острой боли. — Хорошо подумай, прежде чем ответить. Я могу быть твоим самым сильным утешением или самым непреклонным ублюдком, которого ты когда-либо встречала. Дело за тобой.

— Что, черт возьми, вы от меня хотите, сэр? — выплюнула она, в то время, как слезы еще обильнее потекли по ее лицу. — Я потеряна. Напугана. Зла. И я знаю, что у меня нет права устраивать эту проклятую истерику, потому что тебе так же больно, как и мне, и... — из нее вырвалось еще больше рыданий. — Мне жаль.

Он погладил ее по волосам. Теперь они пришли к чему-то.

— Знаю. Кричи.

— Что? — она недоверчиво уставилась на него.

— Ты меня слышала, — прорычал он в мягком предупреждении. — Кричи.

— Каким образом...

— Сделай это сейчас же. — Он обхватил ее за подбородок, поднимая вверх лицо и

заставляя открыть рот. — Кричи!

Она захныкала.

— Ой, да ладно тебе. Ты сильнее, Рейн. Я ожидал большего. Дай мне это.

Вторая попытка провалилась, как и первая, поглощенная грохотом волн и холодным утренним ветром.

— Жалко, — фыркнул он, качая головой. — Ты даже птиц не удивишь. Перестань быть чертовой трусихой. Или это твоя ипостась жертвы? — Он оттолкнул ее с колен и поднялся на ноги.

Она схватила его за руку и дернула обратно.

— Ты ублюдок!

— Как ты назвала меня? — он резко развернулся и, пронзив ее потемневшим взглядом, проговорил холодным голосом.

Рейн выпустила его руку. Она подумала о том, чтобы уйти, но не стала отступать.

— Ублюдок.

— Для тебя Сэр Ублюдок. После всего случившегося ты разучилась кричать? Если бы ты могла наорать на мудаков, что увезли от нас Хаммера, как бы это звучало?

Она поднялась на колени, подбадривая саму себя, разминая в пальцах влажный песок. Губы сжались. Лицо покраснело. Глаза горели яркой синевой. Она смотрела на него так, словно прямо сейчас ненавидела до самых потрохов, а его это не заботило, потому что он, наконец, добрался до нее.

Рейн стиснула зубы. Затем зашвырнула назад через голову полные кулаки песка и завывала. Звук разнесся по берегу, далеко и громко, над прибоем, был подхвачен ветром. Со всех сторон в их сторону повернулись люди. Лиаму было плевать. Ее завывание было наполнено такой болью, что это поразило его в самое сердце. Первобытная боль, дошедшая до самой глубины души. Он сморгнул жжение, появившееся в глазах.

Это было ее сердце. Жаркое. Полное любви. Господи, она будет бороться за Хаммера. Хорошо. Чтобы спасти его, возможно, понадобятся они оба.

Когда у нее закончился воздух, она снова посмотрела на него, непокорная, угрюмая и все еще охваченная ссорой.

Он выдал ей гадкую улыбку, намеренно нервируя ее.

— Неплохое начало. Еще.

Еще дважды она изливала свое горе на чаек и ветер уносил ее крики прочь. Пока у нее не заболело горло. Тело задрожало и напряжение покинуло ее. Пока снова не опустилась на песок, закрыв лицо руками, маленькая и обессилившая. Пока не заплакала.

— Это было прекрасно, любимая. Я горжусь тобой.

Она взяла в ладони его лицо, ее покрасневшие глаза наполнились благодарностью, преклонением.

— Я чувствую себя лучше. Спасибо, сэр.

Сердце защемило, он поднял девушку в свои объятия. Он провел рукой по беременному животу, испытал облегчение, почувствовав спокойствие и даже неглубокую дремоту. Миллион вопросов обрушился на него, пока он нес Рейн обратно на пирс. Она освободилась от стресса. По факту, она полностью истощилась и заснула у него на руках, положив голову ему на плечо в молчаливом жесте доверия.

У него до сих пор не было никаких мыслей, на чем он и она остановились. Если Хаммер ушел, останется ли она?

Дойдя до машины, он громко вздохнул и испытал облегчение, что родители не сказали ни слова, когда он уложил Рейн на заднее сиденье и они покинули набережную.

Когда они въехали на подъездную дорожку, ФБРовцы уехали. Лиам чертовски надеялся, что сможет доставить Рейн до кровати, чтобы разобраться с тем бардаком, что оставила после себя команда по обыску. Когда она проснется... он разберется с ней.

Лиам передал отцу ключи. Когда тот открыл дверь, то от вида катастрофы, открывшейся его взору, у него едва не подкосились ноги. Это была еще одна несправедливость, с которой Рейн не нужно сейчас сталкиваться.

— Не беспокойся о вещах, сынок. Мы быстро расставим все по местам, — настойчиво произнесла мама. — Я вырастила семь детей, помнишь? Я видела и похуже.

— И то правда, — пробормотал Дункан. — Но после такого беспорядка я бы взялся за ремень.

— Ты всегда грозил. Ремнем... — Брин хлопнула Дункана по руке. — Полноте, мужчина. Начинай убираться. — Она повернулась к Лиаму. — Почему бы тебе не отнести свою девочку наверх?

Поскольку они оба были в песке с головы до ног, то он предположил, что неплохо было начать с ванны.

— Мы быстренько ополоснемся, и я сразу же спущусь, чтобы помочь вам.

Его мать нахмурилась. Выражение ее лица стало злым, когда она увидела перевернутую вверх дном спальню. — Не смеши меня. Рейн вовсе не нужно убирать весь этот бардак. Она нуждается в твоём утешении.

Лиам обернулся, чтобы посмотреть на мать. Ему почему-то не казалось, что она имела в виду объятия.

— А теперь додумайся, — она выгнала его в хозяйскую ванную комнату, которая выглядела самой нормальной из всех в доме. — Не мойтесь слишком быстро.

Он стоял и смотрел на нее, хлопая глазами. Это сейчас его собственная мать сказала ему заняться с Рейн любовью?

— Конечно, — она покачала головой и покинула комнату, бормоча себе под нос, — временами мужчины могут быть такими тугодумами...

Лиам посмотрел вниз на Рейн, лежащую у него на руках, такую доверчивую и умиротворенную. Ему претила мысль будить ее. Даже без макияжа, с дорожками от слез на щеках, она была прекрасна. Помятая, взъерошенная порывами ветра, вся такая теплая, дорогая, живая. Его, ей-Богу.

В мгновение ока его член затвердел в нужде по ней, вопреки всему, что они пережили сегодня, вопреки всему, что ждало их за дверью.

— Рейн, мы дома. Просыпайся, любимая. Давай отмокать вместе.

Просыпалась она постепенно, черные ресницы, затрепетав, распахнулись, ее потрясающие глаза вспыхнули, когда она увидела его и окружающее их пространство. Затем она потянулась, слово кошка, и зевнула.

— О, Боже мой. Я просто... уснула на тебе?

Его губы растянулись в улыбке.

— Ты отключилась как минимум на пару часов.

— Прости. Ты нес меня обратно через весь пляж?

— Нес. Все твои сорок пять килограммов, — поддразнил он ее. — Теперь у меня отнимаются руки.

Она запыхла.

— Есть новости о Макене?

— Я обеспокоен точно так же, как и ты, но мы все еще ждем звонка от Стерлинга. Я все подготовил для его освобождения под залог, а до тех пор у нас связаны руки. Поэтому давай помоем тебя.

— Помоем... — Она застыла. — Дом! Мне стоит спрашивать, насколько все плохо?

— Нет ничего такого, что нельзя было поставить на место вновь. Мама и па сейчас прибираются. Не беспокойся. — Лиам поставил ее на ноги. Она слегка пошатнулась... наблюдая в зеркале, как он начал наполнять ванну. — Подойди ко мне.

Рейн сняла футболку, подошла к нему, сидящему на бортике ванны, и встала у него между ногами. Он наклонился, чтобы поцеловать ее обнаженный животик, затем провел губами вверх к выпуклостям груди, помедлил минуту, чтобы насладиться ощущением ее шелковистой кожи на своих губах. Она погладила его по волосам, ее тонкие пальцы проводили по прядям, рождая рокот в его груди.

Когда она потянулась, чтобы взять одно из масел для ванны, стоящее позади него, и добавить то в воду, он почувствовал, как по воздуху поплыл аромат цветов и мускуса. Мужчина обнял ее крепче.

— Положи руки мне на плечи.

Лиам ждал, пока ее пальцы обхватят его. Только после этого он спустил пояс от штанов для йоги вниз к ее бедрам, проведя широкими ладонями по ее бледным ногам и поднимая по очереди ее колени, чтобы снять с нее одежду.

— Лиам? — Она рассеянно поддавалась, но на лице ее появилось беспокойство. — Сегодня я сказала лишнего. Я расстроила тебя? Ты так сильно помог мне, но... ты в порядке? Тебе нужно что-либо от меня?

«Зубами оторвать все, что тебя беспокоит и трахать до тех пор, пока ты не вцепишься в меня. Пока не признаешь, что навсегда принадлежишь мне».

Вместо этого он сжал челюсти и проглотил эти слова.

— Лиам?

Она была одета всего лишь в простые хлопковые трусики и соответствующий им бюстгальтер, насколько он мог видеть. Грудь ее набухла под действием гормонов и выпирала из чашечек. Пар и какой-то цветочно-земной аромат плыли по комнате, вызвав у него чертово головокружение. Рейн была беременна, травмирована и нуждалась в его утешении.

Он подавил рычание.

— Я в порядке.

— Нет, это не так. Поговори со мной.

— Я же сказал, что в порядке. — Он схватил собственную футболку в кулак, сдернул через голову и отбросил прочь.

Она положила руки на бедра, вскинула голову и открыла рот, глядя на него так, словно хотела что-то сказать и обсудить. Этот намек на ее отношение завел его еще больше. Он не мог оторвать от нее свой чертов взгляд, от блеска ее синих глаз, обрамляющей их черной завесы волос. Просто чертовски красиво. Он до боли желал присосаться к ее уже разбухшим соскам. Сейчас они стали темнее и более выпирающими сквозь простой белый бюстгальтер. Лиам почти мог попробовать их на вкус.

Она наклонилась ближе.

Его контроль пошатнулся.

— Подойди сюда, девочка. — Он притянул Рейн к себе.

Она столкнулась с ним с таинственной улыбкой на лице. Неужели он просто дает ей то, к чему она его подначивала? Он не знал, и его это ни черта не волновало.

Сквозь мягкий хлопок Лиам лизнул вставший по стойке смирно сосок. Услышал ее всхлип, затем он почувствовал ответную дрожь.

— Лиам...

— Я хочу тебя. — Он схватил ее за попку, развел бедра и притянул ближе. — Отдайся мне.

Из новоприобретенного положения он обхватил губами твердый бутон, подразнивая плоть языком, а затем всосал глубже, втягивая ее грудь вместе с тканью. Каждый сантиметр ее тела был неизгладимо впечатан в его память. Зубами он покусывал нежную кожу, прислушиваясь к шипящим звукам, издаваемым ею от удовольствия. Когда она прильнула к нему, ее пальцы впились в кожу его головы.

— Плечи, — напомнил он.

— Да. Простите, сэр.

Отстраняясь, он с трудом обрел самоконтроль и повернулся к ванне. Ванная уже набралась, поэтому он выключил воду и проверил температуру.

— Идем. Давай согреем тебя.

— Я не замерзла. Лиам, всего лишь немного песка с пляжа.

Он пронзил ее взглядом.

— Досадно. Я не планировал мыть тебя немедленно.

Ее щеки вспыхнули.

Лиам спустил ее трусики на бедра, задержавшись над киской, чтобы глубоко вдохнуть ее запах.

— Я люблю твой аромат, твой вкус. Мне никогда не будет тебя достаточно. С твоей беременностью он немного изменился. Ты стала слаще.

Он оставил трусики болтаться на ее ногах и прошелся взглядом вверх по телу, к влажному пятну, окружающему один напряженный сосок. Второй был также возбужден и торчал в своей хлопковой чашечке, только был все еще сухим.

— Едва ли это кажется честным, не так ли?

Она быстро поняла и кивнула.

— Неа. Ты мучитель, Лиам О'Нейл.

— Мучитель, я? Я покажу тебе мучения. — Он мягко потянул ее назад, и его член напрягся в джинсах.

Он высвободил пуговицу и расстегнул молнию, осторожно выпуская его, ощущая ее взгляд, отслеживающий каждое его движение. Лиам остановился на полпути, позволив высвободиться из плотных ограничений только толстому стволу и головке. Он с облегчением выдохнул, большим пальцем провел по раздувшейся верхушке, по выделившейся на ней прозрачной жидкости и потер ее между своими пальцами.

— Чей это член, Рейн?

— Мой, — выдохнула она. — Весь мой.

— Посмотри на меня. Сними бюстгальтер и покажи мне эту великолепную грудь.

Медленно она потянулась себе за спину, расстегнула застёжку и сняла вещь. Мгновенье она стояла, откинув назад волосы, взяв в ладони груди и глядя на него и плавно

скользя большими пальцами вниз по выпуклостям, прямо к соскам, что напряглись и увеличились от ее прикосновений.

Он беспомощно застонал. Она делала это для него. Она понятия не имела о своем могуществе.

— Чувствуешь себя лучше?

Рейн мягко улыбнулась ему благодарной улыбкой.

— Да.

— Хорошо. Полежай в ванную. Сядь и раздвинь ноги таким образом, чтобы я мог видеть свою красивую киску. Действуй.

Ее глаза потемнели от возбуждения. Покраснели вершинки груди, шея и щеки. Его член болел от желания погрузиться в нее, почувствовать, как ее нежные стеночки плотно обхватывают и сжимаются вокруг него. Иисусе, только от мысли...

Он обхватил ее за талию и поднял.

— Залезай, девочка.

Он придерживал ее, пока она погружала изящные ножки в ванную. Как только Рейн расположилась в воде и развела для него ноги, чувственно вздохнула, разыграв целое представление, пока наматывала волосы в спутанный пучок и выгибалась перед ним. Затем она откинула голову и похлопала ресницами, глядя на него со сладострастным ожиданием. Женщина знала, как сделать его чертовски твердым.

Лиам стянул джинсы по бедрам. Она наблюдала за каждым его движением, взгляд остановился на его стволе, толстом, длинном и просто кричащим от потребности. Он медленно сжал его в кулак и провел рукой по всей длине от основания до вершины.

— Твой член, верно? — От движений руки мышцы на его животе напряглись и задвигались.

— М-м-м. Так и есть, — простонала Рейн. Он увидел, как одна ее рука нырнула между разведенными бедрами к клитору, тогда как вторая обхватила грудь.

— Прекрати это сейчас же, — потребовал он. — Все это для моего удовольствия. И я хочу принести удовольствие тебе. Но я хочу, чтобы ты увидела меня первым.

Ее губы разомкнулись, пока она наблюдала, как он усиленно работал над своим членом.

— Я вижу тебя, Лиам. всегда.

Он шагнул в ванную, придвигаясь ближе, пока в ее поле зрения не осталась только его рука, поглаживающая толстое, перевитое венами древко и прежде чем он заскользил пальцами в медленном, мучительном движении.

Он продолжал свои действия до тех пор, пока она не стала выглядеть так, словно собиралась накинуться на него, и Лиам переживал за свою сдержанность.

Затем он сел в теплую воду и грубо притянул ее к себе, ее спина врезалась в его грудь, ноги все еще были широко разведены. Он шепотом предложил ей направить его член в ее влагалище. А потом он вошел.

Одним толчком.

Жестко.

Глубоко.

Со стоном он обхватил рукой ее под грудью. Свободной же рукой он сжал в кулак ее волосы и, прижавшись своим ртом к ее уху, пронзал жесткими, резкими ударами.

— Думаешь оставить меня, если Хаммер не выйдет из тюрьмы? И возьмешь с собой нашего ребенка? Подумай еще раз.

— Что? — Она тяжело дышала, сбита с толку.

— Ты меня слышала, Рейн. Никогда. Этого не случится. — И он снова ворвался в нее. —

Ты меня поняла?

— Лиам. — Она таяла в его руках. — Я не... не стала бы... О, Боже. Я не могу думать.

Он снова глубоко погрузился в нее, жажда все возрастала, отчаянная, берущая за яйца.

— Ты поняла меня?

— Нет. То есть, да. Почему ты думаешь...

— В домике. Ты сказала, что я не нужен тебе без него. — Он еще раз погрузился в нее, углубившись еще дальше. — Он мой брат и я люблю его. Но ты тоже принадлежишь мне, Рейн. Слышишь меня? Моя.

— Лиам... — Она откинула голову ему на плечо, глаза закрылись. — Да. Твоя.

Что-то в нем расслабилось после ее признания, даже когда первобытная жажда возросла.

— Я бы умер без тебя, любимая. Ты остаешься со мной, не смотря ни на что. Если ты уйдешь, я стану преследовать тебя и найду хоть на краю земли.

— Никогда. — Она раскачивалась вместе с ним, потерянная в наслаждении. — Лиам, люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя. Ты меня слышишь?

Он облизал ее горло, прикусил местечко, где дико бился пульс. Ее ногти погрузились ему в руку. Бедра задрожали, пока она боролась, чтобы раскачиваться вместе с ним, когда он, словно таран, врезался в нее быстрыми беспощадными ударами.

— Я больше не могу сдерживаться, — сказала она, задыхаясь. — Пожалуйста...

— Пообещай, что не оставишь меня, забрав с собой ребенка.

— Никогда. — Она бешено замотала головой. — Я не смогу без тебя.

По его венам разлилось удовлетворение. Слезы наполнили глаза и пролились из уголков. Необходимость наполнить ее своим семенем вышла на первый план.

— Давай со мной, милая.

Рассыпаясь на части, она выкрикнула его имя. Лиам зарылся лицом в ее шею и старался не зарыдать, как младенец, пока ее сладкая киска сжималась и удовольствие текло сквозь него словно лава, выворачивая его наизнанку. Он опустошил себя в ней. Наконец он снова почувствовал себя цельным. Почти.

Семнадцатое февраля. Воскресенье.

Следующим утром Рейн проснулась в их большой постели и обнаружила, что Лиам лежит справа от нее и смотрит в потолок. Левая же сторона, там, где должен был лежать Хаммер, была холодной. Пустой.

Вчера она вылила свои слезы и переживания на Лиаме. И ей не хотелось начинать утро с того же самого. Он бы взял все на себя, но если они хотят спасти Хаммера от ужасной судьбы, она должна использовать чертову логику и прекратить распускать нюни. Детективы ничего не расследовали. Они почувствовали в воде запах крови и углядели быстрый способ осудить сексуального хищника, который не заслуживал свободы и возможности найти еще одну жертву. К настоящему времени федеральные дознаватели сделали еще меньше для того, чтобы обнаружить истину, вероятно, по тем же причинам.

Спасти Хаммера было важным для нее и Лиаме.

— Доброе утро, — пробормотала она. — Ты спал?

— Больше, чем рассчитывал, но меньше, чем должен был.

— То же самое, — перекадилась и прижалась, мягко поцеловав Лиама.

Один сладкий момент он бережно придерживал ее голову и наслаждался губами, прежде чем со вздохом отстраниться.

— Макен словно призрак присутствует в комнате.

Здесь, но и не здесь.

— Ага. Прошлой ночью он должен был быть с нами. Сегодня у нас должна появиться возможность внести залог, верно?

Лицо Лиама застыло и надежды Рейн резко пошли на убыль.

— Вчера Стерлинг перезвонил мне поздно ночью. Сейчас он работает над этим, и колесики крутятся. Но... сумма серьезная и нет никаких гарантий в том, что он сможет гарантировать выпуск под залог.

— Что? — прохрипела она. — У него не было приводов. Он не является буйным. Но не...

— Подсудимый, которого не рекомендуется выпускать под залог из-за большой вероятности, что он скроется от правосудия. У него есть паспорт и много денег.

Рейн легла снова и попыталась представить, что Хаммер ушел на несколько недель или месяцев, которые может занять судебный процесс. Она не выдержит это. А что, если расследование является фикцией? Что если они посадят его на всю жизнь?

— У тебя есть паспорт и деньги, — сказала она.

— Я не подсудимый, которого не рекомендуется выпускать под залог из-за большой вероятности, что он скроется от правосудия, любимая. — Он снова придвинул ее к своему боку. — Тебе следовало знать это после вчерашнего.

— Может быть... тебе следовало. Вероятно, если Макен выйдет под залог, то вам двоим следует смыться из страны и отсидеться где-то в безопасном месте.

По его лицу пробежалась ярость.

— Разве мы не закрыли эту тему? Где, как ты думаешь, будешь ты, кроме как между нами?

Она закрыла глаза. Рейн не хотела расстраивать Лиама. Она чувствовала его ярость по этому вопросу. Но, может быть, он увидит логику... — Я буду здесь. У меня нет паспорта. Мне он никогда не был нужен.

— Нет.

— У меня нет другого выбора. Но вы двое могли бы залечь на дно, где-нибудь в безопасном месте. Со временем, я могла бы последовать за вами. Может быть, после рождения ребенка накал спадет...

— Ты считаешь, нам следует просто свалить и бросить тебя, нашу женщину, в то время, пока ты ждешь ребенка? Так что мы сможем коротать там наши деньки и... что, прихлебывать долбаный май-тай на пляже, словно во всем мире у нас нет забот? Мы больше никогда не сможем связаться с тобой или ребенком вновь, потому что, без сомнения, федералы будут следить. И еще, мы, конечно же, никогда не сможем вернуться. Таким образом, все мы окажемся навеки порознь... — Глядя на нее, он вздернул бровь. — Подумать об этом, да?

Она вздрогнула.

— Хорошо, не настолько полно. Я просто пытаюсь придумать что-нибудь, чтобы помочь.

— Хочешь угадать, какова будет реакция Хаммера на твое предложение, любимая?

Вкрадчивое предупреждение Лиам заставило ее передернуться. Ага, он будет без умолку ругаться прежде, чем отшлепает ее задницу до ярко-красного цвета. У Лиам и Макена были слишком сильно развиты инстинкты защитника, чтобы так просто оставить ее одну, особенно, когда она беременна. Сабмиссив в ней была благодарна им за столь скрупулезную заботу. Женщина в ней просто желала, чтобы ее мужчины были свободны и счастливы.

— Могу представить. — Она вздохнула. — Но нам следует обдумать каждый вариант, даже самый паршивый.

— Еще одна великая идея?

Рейн помрачнела, не удивленная его отношением, хотя и была немного обижена и испытала облегчение.

— Прямо сейчас больше идей у меня нет.

— Завтра состоится предъявление обвинения Хаммеру. Если его выпустят под залог, то он будет дома уже к полудню. И тогда мы вместе обсудим все идеи.

По ней прокатился ужас.

Он должен будет отсидеть в тюрьме еще один долбаный день?

То, что Лиам оставил без внимания ее ругань, сказало о многом.

— Боюсь, что так.

— Можем мы, в конце концов, увидеть его сегодня?

Лиам покачал головой.

— Если он не хотел, чтобы ты видела, как его арестовывали, то, конечно же, не желает, чтобы ты видела его в чертовой тюремной камере. Мы увидим его утром в день предъявления обвинений.

— Но мы не можем ждать так долго. Мы должны выяснить, кто стоит за всем этим и по какой причине. Или боюсь, что расследование будет открыто и закрыто и...

— Я думал о том же ранее. Я переписывался с Сетом и Бекком прошлой ночью. Они скоро приедут, и мы сможем обсудить все вместе.

— Хорошо. — Она прикусила губу, задаваясь вопросом, как Лиам отреагирует на следующие новости. — Самое смешное, что у меня возникла похожая идея. Я позвонила брату. Он тоже обещал приехать сегодня утром.

Лиам сел и уставился на нее.

— Я не хочу видеть здесь этого идиота.

— Он хочет помочь, — возразила она.

— Ой, он достаточно помог. Ты так не считаешь?

— Ривер сожалеет. Он пытался сказать полицейским закрыть дело. Он совершил ошибку. Мы все совершали ошибки. Он единственный член семьи, который у меня остался.

— Ты имеешь в виду, помимо Хаммера, меня и ребенка? — Он пронзил ее еще одним сердитым взглядом.

— Член семьи с такой же кровью, как у меня, и который знает меня с пеленок. — Лиам выглядел непоколебимым, и тогда она села, пытая от раздражения. — Что если бы я решила проявлять неприязнь к твоим родителям за то, что приехали к нам без предупреждения, да еще и в по-настоящему неудачное время?

— Они просто пытались помочь.

— Угу-ага.

Теперь Лиам выглядел расстроенным.

— Они извинились.

— Правда? Хм-м-м...

— Это не одно и то же, девочка. Если бы не твой брат, сейчас Хаммер был бы с нами.

Она вздохнула, сдаваясь.

— Знаю. Ты можешь один раз побыть вежливым. Он хочет участвовать в процессе распутывания ситуации. Я знаю, что Сет — полицейский, но Ривер служил в Зеленых беретах (прим. десантно-диверсионные войска США), у него есть навыки, которые могли бы действительно пригодиться, если мы решим выяснять, кто хочет, чтобы Хаммер оказался за решеткой.

— В последний раз, когда он использовал свои навыки, то сложил два и два и пришел к тому, что Хаммер оказался в тюрьме. — Лиам поднялся, натянул боксеры и начал мерить шагами комнату. — Мне это не нравится.

— Знаю. — Она встала на колени и, приблизившись к краю постели, когда он проходил мимо, схватила его и стала целовать в подбородок. — Но это сделало бы меня счастливой. — Рейн потянулась к нему под белье и погладила член, с удовлетворением ощутив, как он немедленно затвердел под ее ладонью. — По-настоящему счастливой.

Лиам ответил со стоном.

— Насколько счастливой?

— В высшей степени, до иступления счастливой. — Она стянула эластичную ткань с его твердого члена, бедер и дунула на багровую головку. — Ты можешь даже назвать это оргазмичным.

— А что бы ты хотела сейчас? — Он зарылся руками ей в волосы. — Скажи мне, маленькая ведьмочка.

— Мое удовольствие, — выдохнула он и засосала его член в рот.

Шелковистый, горячий, солоноватый, мужественный... Рейн очень любила брать его в рот. Он стал игровой площадкой для ее вкусовых рецепторов. Наивысшей точкой для ее обоняния. Острым ощущением для ее покорной сущности.

Никто из них не стал тратить время. Ему хотелось, чтобы было жарко и жестко, а ей — сделать это для него быстро, ритмичными движениями, чередуя их ударами языка и нежными покусываниями зубами.

Лиам крепко сжал ее волосы в кулаках. Чувственная потребность в его шипении и вызывающие колющую боль на коже головы рывки чертовски возбуждали ее.

— Иисусе, Рейн. Вот так. Соси глубже. До самого горла.

Она делала именно так, как он говорил, поглаживая яйца одной рукой, второй проводила по его длине. Она проглотила головку его члена.

— Вот, блять, Рейн, — он задохнулся, когда она заработала на его стволе быстрее. — Женщина...

Она застонала на нем, на секунду отстранившись и изогнувшись, чтобы приблизиться и поместить его длину между грудей и вверх до припухших губ прежде, чем пройтись по нему языком. Он зашатался и выдал еще один сексуальный стон. Девушка почувствовала, как у нее во рту он стал еще тверже и больше.

— Рейн!

Ага, сейчас он был ее и она больше не могла ждать.

— Дай его мне.

Внезапно, он потянул ее за волосы и отодвинул от члена.

— Дам, когда ты перестанешь руководить снизу. Ложись на спину. Раздвинь свои прелестные бедра.

Вчера что-то или все высвободило его внутреннего Доминанта. Не то, чтобы она была против...

С зашедшимся сердцем она встретилась с темным обжигающим взглядом и легла на спину, раздвинув ноги, посередине кровати. Когда он расположился между ними лицом вниз, она сглотнула.

Проклятье, возбуждая его, она возбудилась и сама. Если он собирался помучить ее оргазмом, то не стал бы позволять, чтобы она унижалась.

Может быть, немного упреждающей мольбы будет достаточно.

— Лиам...

— Ни слова, пока я не разрешу.

Затем он раздвинул ее бедра шире, всосал клитор в рот и ввел в нее два пальца, которые совершенно точно знали, где надо погладить, чтобы через минуту она начала задыхаться и напрягаться от сдерживания оргазма.

— Ты влажная, — он казался довольным.

— Всегда для тебя.

Теперь он послал ей свой пристальный взгляд.

— Я сказал «ни слова».

«Все, замолкаю...» Но, Господи, ей хотелось ныть и умолять, особенно когда он снова провел языком по ее складочкам и прикусил клитор зубами. Его чертовы пальцы вновь ожили внутри нее, найдя ту самую точку и...

Она пропала.

Внезапно он обхватил ее бедра, заставив изогнуть тело, и погрузил свой член в ее припухшую, чувствительную плоть по самое основание. Она прикусила губу и сдержала вопль.

Он схватил ее за волосы и потянул, затем провел языком по ее шее прежде, чем остановиться прямо возле ушка.

— Сдерживай этот крик, пока не соберешься кончить. Затем кричи до самой крыши. Я хочу, чтобы твой крик отразился эхом в нашей спальне. Да?

— Да, — выдохнула она. — Да...

Видимо, успокоенный тем, что она сдалась, он так яростно вдавливался в нее, что изголовье кровати стучало об стену, его ствол задевал все нервные окончания, от его тяжелого дыхания ее кожа вибрировала. Рейн обняла Лиам, впиваясь ногтями, покачивая бедрами, понукая. Ее спина изогнулась, влагилице плотно сжало его.

— Кончай, Рейн. Кричи, сильно.

Боже, она не знала, сможет ли остановить это. Еще один выпад, и она задыхалась. Второй послал ее ощущения еще выше. Следующий, и она прокричала что-то эмоциональное, издавая почти нечеловеческие звуки, когда внутри нее взорвалось наслаждение. Последовавшие за этим облегчение, обожание и любовь от всего сердца, в конечном счете, превратили ее крик экстаза в благодарность.

Лиам был рядом, овладев ее губами и приглушив ее последний стон, издав прямо в рот ревущее рычание.

Несколько секунд спустя он скатился с нее, все еще задыхаясь.

— Иисусе, женщина...

Рейн захихикала бы, если бы у нее были силы и если бы ее беспокойство за Хаммера не вернулось к ней, окатив ушатом воды.

— Я люблю тебя.

Словно почувствовав ее изменившееся настроение, он встал.

— Я тоже люблю тебя. А теперь вставай. У нас есть работенка.

Когда он направился в ванную, она снова поймала его за руку и поцеловала.

— Спасибо, что выслушал.

Он погладил ее по щеке.

— Я всегда готов выслушать, даже если мне это не понравится.

Поскольку прошлой ночью они принимали ванну, Рейн быстренько ополоснулась, умылась и почистила зубы. Она не стала заморачиваться с макияжем, просто собрала длинные волосы в небрежный пучок, надела штаны карго и свободную рубашку черного цвета. Подняв взгляд, он увидела, что Лиам с только что расчесанными волосами уже ждет ее, одетый в джинсы и футболку.

Вместе, держась за руки, они прошли до кухни и обнаружили, что их ждут.

— Всем доброе утро, — Лиам поздоровался и притянул ее ближе, чтобы поцеловать в лоб перед тем, как отпустить.

Рейн оглядела комнату и застыла. Бросив всего один взгляд на их лица, она поняла, что они все слышали.

О, Боже мой... Жаркий румянец покрыл ее лицо.

— Ты сделал это намеренно, — прошептала она.

Он просто усмехнулся.

Ей хотелось провалиться сквозь землю, но нет. Дункан только прочистил горло и проявил излишнее внимание к своей салфетке для приборов. Брин слегка улыбалась, пока раскладывала по тарелкам скворчащую от жара запеканку. Бека не волновали всякие тонкости, он просто рассмеялся. Сет подмигнул ей и подставил руку Лиаму, чтобы тот дал пять. Ее прекрасный ирландец шлепнул по ладони друга. А затем она совершила ошибку, посмотрев на Ривера.

Ее брат до побелевших костяшек сжимал кресло руками и смотрел на Лиаму тяжелым пристальным взглядом, словно готов был убить его.

Пока остальные начали разговаривать, а Лиам разлил кофе, она бросилась к Риверу и обняла его, сказав на ухо:

— Не делай этого.

Он поцеловал ее в висок. Вероятно, для всех этот жест мог показаться нежным, но он излучал напряжение.

— Он принудил тебя.

— Я сама это начала. Я тоже хотела его. — Она отодвинулась достаточно, чтобы заглянуть ему в глаза, так похожие на ее собственные. Она могла видеть бурю в них. — Ты когда-нибудь любил?

— Нет.

— Тогда ты не поймешь, и я не желаю слышать этого. Я люблю его. И Хаммера тоже люблю. Прими это или уходи.

Выпустив Ривера и обернувшись, она увидела, что Лиам пристально наблюдает за ними в поисках хоть малейшего намека на расстройство. Она послала ему свою лучшую улыбку, которую смогла изобразить, и протянула руки. Он обнял ее, прижав к себе, укрыв собой.

— Пахнет вкусно, мам.

— Я правильно рассчитала время, — она подала ему тарелку.

Как только Брин поставила испускающие пар тарелки с едой на барную стойку, Рейн схватила их. Одну за другой она разложила их перед мужчинами. Ривер молча принял свою.

Когда мать Лиама передала ей очень большую порцию, Рейн запротестовала, но женщина не стала слушать ее возражения.

— Ты целыми днями ничего не ешь.

И она поела за двоих.

— Спасибо, Брин.

Все расселись за небольшим кухонным столом, Рейн расположилась на коленях у Лиама, а ее ирландец с аппетитом ел и прихлебывал черный кофе.

— Мы благодарны, что вы пришли. Как вы знаете, для Макена все складывается не очень хорошо.

Лиам посвятил остальных в последние новости дела.

— Вчера в полдень Пайк и я вместе вернулись в «Темницу», — вызвался Сет. — Дональд и Вивиан пришли поиграть пораньше, так что тоже помогли. На минутку заглядывал Дин. Я мог бы сказать, что он чувствует себя дерьмово. Я сказал ему, чтобы он не беспокоился.

— Это не его вина, — согласился Лиам.

— В любом случае, он тоже внес свою лепту. Не думаю, что федералы нашли что-нибудь. Рейн, возможно, ты захочешь, чтобы мы вместе прибрали в комнате Хаммера. Ты же знаешь, как он любит, чтобы вещи были расположены.

Она кивнула. Макен мог быть очень привередливым.

— Я сделаю это сегодня днем.

— Я помогу тебе, любимая. — Лиам поцеловал ее в плечо. — Но причина, по которой мы вас позвали, это помочь подумать, кто мог бы стать свидетелем обвинения. Очевидно, что этот кто-то держит обиду на Хаммера. Мы ищем давнего члена «Темницы», находящегося в клубе почти с самого начала и который мог бы стать свидетелем предполагаемого изнасилования Рейн в подростковом возрасте. Бек, думаю, в этом вопросе мы будем опираться на тебя больше всего, так как ты находился вместе с Хаммером с самых истоков. Рейн, ты тоже знаешь многих из давних клиентов.

Она кивнула.

— Я пропустила только первые тринадцать месяцев или около того. И знаю, кто находился поблизости, когда я поселилась там.

Ривер нахмурился и, безусловно, задался вопросом, знала ли она их в библейском смысле. Девушка забила на это. Он либо принимает то, кем и чем она стала, либо уходит. Она хотела, чтобы он участвовал в ее жизни, но не станет меняться, чтобы угодить ему.

Бек взял кусочек запеканки и с восторгом застонал, обращаясь к Брин, на что та улыбнулась. Почти все были поглощены едой и ели с удовольствием, нахваливая женщину. Рейн попробовала кусочек и должна была согласиться, что вкус был просто замечательным.

Брин по-матерински потрепала ее по плечу.

— Я так рада видеть, как ты ешь, девочка. Если кто-то хочет добавки, в сковородке есть еще. — Она наклонилась к Лиаму и поцеловала его в щеку. — Па и я собираемся захватить леденцы для внуков. Вернемся в два счета.

— Ключи от моей машины висят на крючке снаружи гаража, — прокричал Лиам вслед

их удаляющимся спинам.

Когда Рейн развернулась обратно, она увидела, что Бек уже проглотил все до последнего кусочка. Вытирая рот салфеткой, он откинулся назад.

— Давешние члены клуба... Ник классный бармен. Был им с самого открытия.

— Он всех любит, — запротестовал Лиам. — Не думаю, что он жаждет мести.

— Согласна, — поддержала его Рейн. — А что насчет мастера Карла?

Бек покачал головой.

— Черт, нет. У него синдром Наполеона. Он вечно хорохорится, но у него нет яиц.

Кроме того, сейчас он лишь раздражается из-за того, что кто-то отложил его игру с сабой... как бы ее ни звали.

Рейн хлопнула рукой себе по груди и удивилась.

— Ты знаешь имя сабы? Вы хорошо себя чувствуете, доктор?

— Ха! Я просто занят.

— Ты имеешь в виду поглощен, верно? — дождала она. — Может, у тебя на уме что-то большее... с Хэвенли?

Сет нахмурился.

— Эй. Выброси ее из своих грязных мыслей.

— Пошел ты. Можно подумать, твои хоть сколько-нибудь чище. — Бек закатил глаза. —

Пайк никогда бы не пошел против Хаммера.

— Никогда, — согласилась Рейн. — Хаммер помог оплатить больничные счета его матери. У него нет причин... У мастера Кноти тоже. Он похож на счастливого садиста.

— Ага. — Бек наклонился. — Знаешь, принцесса, может нам стоит вернуться немного дальше. Что насчет Зака?

Она уставилась на доктора, желая ударить его.

— В самом деле? Тебе нужно было вспомнить о нем?

— Он может быть замешан, — задумчиво произнес Лиам.

— Кто он? — спросил Ривер.

Рейн была чертовски уверена, что не хочет отвечать на этот вопрос. И никто из них также не хотел. Одну, полную дискомфорта, минуту над столом висела тишина. Она поднялась и взяла из холодильника бутылку воды, потому что не могла сидеть и ждать, пока ее унижат.

— Первый у Рейн, — наконец произнес Бек.

— Первый в чем? — Ривер выглядел сбитым с толку.

— Эм. — Плюхаясь в пустое кресло, она закатила глаза. — Парень, который взял мою девственность, понятно? Для него это стало завоеванием. Я не имела значения. Сейчас о нем не стоит беспокоиться.

— Не считая того, что Хаммер выбил из него дерьмо и исключил из клуба на всю жизнь.

— Это не он. — Она покачала головой. — Я в этом уверена.

— Что насчет Габриэля? — проговорил Бек с подчеркнутой медлительностью. — Ты ему нравилась, принцесса. После того, как вы двое провели вместе ночь, он был готов поспорить с Хаммером из-за тебя. Он был слишком маленьким, чтобы победить в кулачном бою, но полон решимости преодолеть любые препятствия, чтобы быть с тобой.

Рейн почувствовала, как глаза всех присутствующих остановились на ней. Она не знала, чей взгляд был более напряженным, Ривера или Лиама.

— Так кто это? — процедил ирландец, его темный взгляд был таким сконцентрированным, что девушка поежилась.

Ага, он не ожидал, что у нее до сих пор имеются секреты.

— Помнишь, когда мы впервые были вместе, ты спросил, как много времени прошло с последнего раза? Я сказала, что прошло два года... Я имела в виду Габриэля. Почему мы внезапно зациклились на моей сексуальной жизни? Это не так важно.

Бек фыркнул.

— Прежде чем появился О'Нейл, случай с Габриэлем стал единственным, когда Хаммер забеспокоился о том, что теряет тебя.

И она мягко отшила Габриэля. Она достаточно хорошо к нему относилась. Секс с ним был намного лучше, чем с Заком. Он был порядочным парнем. Но она прямо сказала, что никогда не полюбит его.

Она это знала, потому что он не был Хаммером.

— Он был разочарован, но не зол, — возразила Рейн. — Макен убедился, что оба моих опыта стали одноразовыми, так что никто из них не был привязан ко мне. Не могли бы мы сменить тему?

Бек открыл рот, но Лиам поднял палец.

— погоди. Ты хочешь сказать, что до того, как мы переспали, у тебя был секс всего дважды за всю жизнь?

Ее накрыло смущение. Сейчас она не хотела смотреть ни на кого из них. Она скрестила руки и закрыла глаза.

— Да. Можно мы продолжим дальше?

— О, Боже. — Лиам взял ее за руку. — Как же ты меня не напугалась?

Его голос заставил ее посмотреть на него. В ответ она сжала его руку.

— Напугалась. Но я не собиралась позволить этому остановить меня.

Он казался оглушенным, и она не смогла бы назвать момент, когда начала думать о событиях того уикенда, во время которого вначале отдалась Лиаму, а потом Хаммеру. Уикенда, когда она, вероятнее всего, забеременела. Лиам догадался, что она была ужасно невинной, когда он публично предъявил права на ее девственную попку прежде, чем Хаммер окончательно добил ее той ночью, оставив заклеянным, укушенным или ушибленным каждый сантиметр ее тела.

— Ох, девочка... — Лиам выглядел так, словно готов был начать благодарить или извиняться за то, как все вышло. — Не говори этого.

Он вздохнул и подвинул к себе ее тарелку, прежде чем вытянуть девушку из кресла и посадить к себе на колени. — Если бы я только знал...

— Я бы не стала ничего менять. Оставим это. Пожалуйста. — Она снова обратила внимание на Бека. — Есть еще кто-то, кого ты подозреваешь?

Она ничего не могла с собой поделать, когда поймала шокированный взгляд Ривера.

— Хаммер держал мужчин подальше от тебя? В самом деле? Он не...

— Десятки, — перебил Бек. — «Тронешь принцессу — лишишься яиц и членства клуба» стало непреложной истиной именно в указанном порядке. Он следил за ней едва ли не каждую минуту каждого дня.

— Нам обязательно тратить время на этот бесполезный разговор? Это был не Зак. И не Габриэль. Помимо всего прочего, нам надо учитывать, что этот кто-то должен был быть достаточно близко, чтобы выкрасть те две видеозаписи службы безопасности. Кто-то, кто

должен знать, что происходило в те два дня. Третье ноября прошло публично, но... — Каждый знал о ее наказании. Даже если они не видели собственными глазами, то вскоре слышали. Но четвертое ноября, непозволительные часы, проведенные с Хаммером... Почти никто не знал об этом. — Если свидетель и вор одно лицо, то правила исключают обоих.

В кухню спешно вошла хмурая Брин, неся в руках пластиковый пакет с конфетами.

— Она права, и человек, стащивший видео, это кто-то другой.

— Так теперь мы ищем двоих? — Лиам сжал челюсти. — Две иглы в долбаном стоге сена?

— Да, сынок. Ваш свидетель по какой-то причине не виден, скрыт. Но сейчас, когда я об этом подумала, я чувствую, что это женщина.

Бек вздрогнул.

— Это действительно сужает поиск. Количество женщин, которых на протяжении многих лет выбешивал Хаммер... не уверен, что смогу сосчитать. Вы можете дать нам еще что-то?

Брин помрачнела.

— Она блондинка. От тридцати пяти до сорока.

Все, сидящие за столом, застонали.

— Последние восемь лет по большей части это и был парад из блондинок тридцати с хвостиком лет. — Бек повернулся к ней. — До Рейн.

Когда она по-настоящему подумала обо всех женщинах, с которыми Макен переспал за все эти годы, в груди появилась боль. Нет, тогда они не были вместе, но он знал, что она к нему чувствовала.

— Нескончаемый парад.

Сет кивнул.

— Так и было, я имею в виду, в Нью-Йорке ему тоже нравились блондинки.

Господи, могла ли эта беседа стать более болезненной?

Лиам потер ее спину и прошептал на ухо.

— Он любит тебя.

Рейн изо всех сил держалась за это.

Бек только покачал головой.

— Скажи вот что, Сет. Ты изучил все к северу. Я — все южнее. Мы могли бы отследить всех блондинок, которых он поймел за последние... три-пять лет.

— Мы можем вернуться к нашему делу? — потребовал Лиам. — Сосредоточьтесь на членах клуба, состоявших в нем с первых дней.

— Первая, кто приходит на ум, это Эрика, — сказал Бек.

— Я ее помню. Это та сука, которая спросила у меня, являюсь ли я сестрой Хаммера и скинула свои трусы прямо при мне, как только он вошел в комнату.

— Удивлен, что ты не выцарапала ей глаза, — Лиам отрезал кусочек запеканки и скормил ей.

Рейн прожевала и проглотила.

— Я хотела. Но мне было всего семнадцать. А она была всего лишь первой из длинной вереницы женщин.

Бек кивнул.

— Эрика хотела замуж, а Хаммер не был заинтересован. Она не задержалась. Зачем ждать годы, чтобы отомстить?

— Кеннет на верном пути, — настойчиво сказала Брин. — Этот свидетель — отвергнутая женщина. Она очень зла.

— Может быть, Энджел, — предложил Бек. — Она долгое время лелеяла надежду прицепиться к нему.

Ага, эту мымру Рейн тоже помнила.

— Не она ли в конце концов махнула на Хаммера рукой и переехала в Денвер с каким-то новым Домом прошлым летом?

— Ага. Она казалась счастливой. Эмбер тоже околачивалась вокруг Хаммера несколько лет. Но я слышал, что она вышла замуж, как это ни удивительно. — Бек выглядел потрясенным. — Я имею в виду, что знаю достаточно странных девушек, но проклятье... у нее даже был ребенок.

Ревнивая ведьма получала удовольствие в сплетнях о доблести Хаммера каждый раз, когда Рейн заходила в комнату.

— Ого, должно быть, у ее мужа много работы. — Она была рада, что это не Хаммер.

— Но она не была здесь уже... год?

— И если она замужем, зачем рушить его жизнь сейчас? — спросил Бек. — Он все еще остается друзьями с Тиффани и Мисти. Но они никогда не клеились к нему, так что представить не могу, зачем им обижаться.

Как бы не претило Рейн признавать это, они были порядочными женщинами.

— Нет, они уважают его. Брендис?

— Вот как ее зовут! — сказал Бек. — Ту, которая сейчас с Карлом. Чудеса не кончаются, потому что она тоже не равнодушна к нему. Я этого не понимаю.

Рейн тоже не понимала. Но они оба выглядели слишком счастливыми, чтобы желать разрушить жизнь Хаммера.

— Честити?

Бек покачал головой.

— Пару лет назад она перешла на мою темную сторону. Не думаю, что с тех пор она играет с кем-либо другим. Она не выглядит так, словно у нее проблемы с Хаммером. Возможно, таковая есть со мной... я не уделял ей время несколько месяцев.

— Может, ты захочешь исправить это, — предложил Сет.

— Сейчас у меня другие интересы. — Бек выглядел серьезным и взбешенным.

— Парни, — возвала Рейн. — Ладно вам. Сосредоточьтесь. Кристен?

Сет потер заднюю сторону шеи.

— Да, я мог побывать там. Больше нескольких раз.

— В прошлом декабре? — Рейн подняла бровь. — А я все удивлялась, почему она перестала добиваться внимания Хаммера?

— Ты и Кристен? — Бек выглядел самодовольным. — Это очень интересные новости.

— С тех пор, как вчера я сводил Хэвенли на обед и поцеловал, все кончено.

— Ты лжешь, — Бек поедал мужчину взглядом. — Хэвенли не доверяет тебе.

Сет пожал плечами.

— Спроси у нее... но потом, что, раскроешь свои карты? И для справки, я написал Кристен и сказал, что больше мы с ней играть не будем.

В доказательство своих слов, Сет открыл текстовые сообщения и толкнул мобильный по столу. Уверенный в себе достаточно, чтобы отправить ненатуральной блондинистой сабе письмо в стиле «Дорогой Джон» (прим. письмо, полученное солдатом от жены или невесты

с просьбой о разводе или с уведомлением о выходе замуж за другого) посредством мессенджера.

— Счастлив? — подколот он Бека.

Доктор выглядел так, словно готов убивать.

Сет только улыбнулся.

— Я слышал, что кто-то с именем Кристал, вчера спрашивал о Хаммере.

— Рыжеволосая. Марли? — Рейн злобно выплюнула имя. — Так же известная под именем Мерзкаяманда.

— Подходит, — улыбнулся ей Лиам.

Бек заржал от смеха.

— Абсолютно. Она — хорошая идея. Она ненавидит тебя, принцесса. Слышал, она избилла тебя.

— Она что? — Ривер сел ровнее.

— Проследовала за мной на аллею за клубом и ударила, словно маленькая расстроенная девочка.

— Вот что она сделала. — Лиам сильнее прижал руки к ее бедрам. — Было всего несколько раз, когда я хотел удавить женщину. Этот один из них.

— Я отчитала ее. И Хаммер избавился от нее. — Она бросила взгляд на Ривера. — Должно быть, мы засняли это на видео, если хочешь посмотреть.

— Но она не являлась членом клуба, когда ты была подростком, — отметил Бек.

— Правильно, таким образом, она не смогла бы свидетельствовать о том, что предположительно Хаммер насильничал меня в детстве. — Рейн бы по-настоящему понравилось, если бы Марлен была виновата хоть в чем-то, за что могла бы отправиться в тюрьму. — А что насчет Хани? Она вешалась на Хаммера годами. Но в прошлом году, наконец, прекратила.

Теперь настала очередь Лиамы ерзать в кресле. Рейн развернулась у него на коленях.

— Ты?

— Ну... я долго не был в ЛА и она показалась...

— Хорошенькой? — Она послала ему предупреждающий взгляд. — Тебе лучше не говорить этого.

— Я хотел сказать... жаждущей.

— Ты имеешь в виду сексуально озабоченной. — Она ударила Лиаму по плечу. — Мужчины... Вопрос в том, может ли она быть достаточно зла на Хаммера, чтобы пожелать разрушить его жизнь.

— Если она по кому и сходит с ума, так это по мне, — признался Лиам. — Но не думаю, что так и есть.

— Зачем тебе надо было терять время? — фыркнула Брин сыну. — Ты ведь уже встретил любовь всей жизни.

Лиаму хватило совести выглядеть смущенным.

— Я думал, что она смотрит только на Хаммера. Если обернуться назад, я думал, что он убьет меня, если я прикоснусь к ней.

— Я смотрела также и на тебя, — мягко прошептала Рейн ему на ухо, как раз перед тем, как повернуться обратно к Беку. — Еще одна саба, которая приходит в голову, это Иден. Я много раз видела, как она выходила из комнаты Хаммера на протяжении нескольких лет.

Каждый мужчина в комнате, за исключением ее брата, выглядел более чем чуточку

виноватым. Рейн обвела взглядом их лица.

— Вы что, прикалываетесь? Все вы?

Бек криво улыбнулся ей.

— Похоже, каждый вспахал сад Иден, принцесса. Эй, мы же мужики, а не монахи.

— Никто бы и не подумал иначе. Уж поверь мне. — Рейн пронзила Лиама еще одним взглядом. — Больше ничего не хочешь мне сказать?

— Ничего. Не могли бы мы сосредоточиться на проблеме, любимая? Есть кто-то еще, кого нам нужно обсудить?

Рейн вздохнула.

— Никого особенного, но думаю, это еще только начало.

Доктор встал и потянулся.

— Она права. Уверен, есть кто-то, о ком мы просто не подумали.

— Я просмотрю базу с членами клуба, когда буду там, посмотрю, может быть, кто-нибудь еще всплывет, — сказала Рейн. — Может быть... я что-нибудь найду. А что насчет пропажи видеоматериалов службы безопасности? Хаммер уволил последнего техника, Брайана, за...

— Заигрывание с членами клуба, — фыркнул Бек.

Рейн кивнула.

— Может, он разозлился и забрал видео, чтобы шантажировать Хаммера?

— Брайан ушел месяц назад, — указал Лиам. И не посылал Макену никаких требований. Помимо этого, почему он не взял записи с тобой и мной? Мам, ты этого не слышала.

— Ни слова. Так же, как и не слышала тебя этим утром. Или прошлой ночью. — Она слабо улыбнулась.

Рейн сменила четыре оттенка красного. Бек и Сет взвыли от смеха.

— Вор все еще среди вас. — Брин хлопала Рейн по плечу в утешающем жесте. — Я чувствую это. А также гордость за обман. Ищите среди тех, кого вы меньше всего подозреваете.

Прямо сейчас Рейн не смогла бы пройти еще один круг предположений. Она не желала смотреть ни на одного из друзей подозрительным взглядом. Вместо этого, она собрала у всех пустые тарелки и положила их в раковину.

— У кого есть доступ в комнату службы безопасности? — спросил Сет.

— У нового техника, Льюиса, по большей части. — Бек откинулся на своем стуле. — Этого самоуверенного кретина Хаммер нанял две недели назад. Помимо него, мастера-домы, включая меня и Пайка. Дина. Дональда. Хаммера. Лиама. У Рейн есть ключ. Я кого-нибудь пропустил?

Ни у одного из них нет никаких причин вредить Хаммеру.

— Иногда, во вне рабочее время, заходила туда клининговая служба. Мы обычно пытались присматривать за ними, но... — Рейн пожала плечами. — Это получалось не всегда.

Лиам покачал головой.

— Значит, у нас появилась еще одна головоломка, которую нужно решить.

Рейн приобняла его.

— Мы сделаем это. Должны.

— Я помогу всем, чем смогу. — Ривер встал и улыбнулся Брин. — Спасибо, миссис

О'Нейл. — Затем он развернулся и протянул Лиаму руку. — Прости, если вел себя, как придурок.

Они пожали руки.

— Я тоже сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить сестру. А у меня их шестеро.

— Бедный ты ублюдок. — Ривер улыбнулся, а потом повернулся к Рейн. — Позвони, если что-нибудь понадобится. Я сделаю все, чтобы ты была счастлива.

Восемнадцатое февраля, понедельник

Сатанея в изолированной камере все выходные, Хаммер был рад выйти из заточения. Но находясь под пристальным взглядом судьи Арнольда Айерса, которым тот смотрел на него в зале суда на протяжении предъявления обвинений, Макену едва не захотелось вернуться за решетку. Он сидел позади Стерлинга, пытаясь сохранять спокойствие, пока адвокат выступал с речью о невиновности от его имени, а потом отмахнулся от официального зачитывания обвинительного акта. Тодд Веллингтон, помощник окружного прокурора Соединенных Штатов, сидел, словно чертов павлин, и молча злорадствовал, будто у него имелся миллион способов очернить репутацию Макена. Хаммер стиснул зубы и всячески противился желанию врезаться по вызывающему раздражение лицу мудака.

— Ваша честь, — попросил слова Веллингтон. — Если вы посмотрите на существенный финансовый портфель обвиняемого, то увидите, что у него имеется более чем достаточно возможностей сбежать из страны. Он находится в зоне риска побега от правосудия.

— Принято к сведению, хотя финансовая обеспеченность не является преступлением, мистер Веллингтон. — Айерс приподнял брови.

— Конечно же, нет, ваша честь. Просто сообщаю, что, если обвиняемого отпустить под залог, он с легкостью сможет взять в аренду частный самолет и покинуть страну.

— Вы обозначили свою точку зрения, — кивнул Айерс с раздражением в голосе. — Продолжаем.

— Спасибо, ваша честь. — Веллингтон победно ухмыльнулся Хаммеру. — Если не брать во внимание юрисдикцию суда, то мы, служащие государства, не можем с чистой совестью позволить подозреваемому в педофилии свободно разгуливать на свободе. Наш долг — защитить невинных детей.

Хаммер зарычал на помощника прокурора прежде, чем обратить свою молчаливую ярость на коллег Веллингтона, сидящих на противоположной стороне комнаты. Двое жополизов-прихвостней, одетых в одинаковые костюмы и выглядящих как китайские болванчики, кивали на каждое уничижительное замечание.

Несмотря на то, что на карту была поставлена его свобода, Макен обнаружил, что ему чертовски трудно сосредоточиться на происходящем. Позади него сидели, сцепив руки, Рейн и Лиам. Их окружали Бек, Сет, Брин и Дункан.

Если бы он был действительно виновен и одинок, было бы легко покинуть страну и никогда не возвращаться обратно. Но мог ли он действительно бросить Рейн и Лиам? Он не знал. А просить их ломать свои жизни тоже не выглядело справедливым. Они станут беглецами. Если закон доберется до них, то все окажутся в тюрьме. Рисковать ими и ребенком не казалось ему приемлемым.

На первый взгляд, эта фантазия была довольно заманчивой, реальность же... не очень.

Наконец, Стерлинг встал и прокашлялся.

— Ваша честь, претензии помощника прокурора просто абсурдны. Мой клиент совсем не находится в зоне риска побега от правосудия. Если не касаться этих нелепых и ничем не обоснованных обвинений, мистер Хаммерман является владельцем устоявшегося бизнеса.

Веллингтон усмехнулся. Стерлинг бросил на него взгляд. Судья Айерс предпочел

ничего не замечать.

— Как я уже сказал, — продолжил Стерлинг, — у мистера Хаммермана имеются глубокие связи в нашем обществе. Если бы он замыслил побег из страны, то должен был закрыть все перед арестом. Мой клиент здесь, в вашем зале суда, готовый и полный желания доказать свою невиновность. Исходя из этого, ваша честь, я прошу вас назначить мистеру Хаммерману сумму залога, чтобы он мог вернуться к обществу и своей семье.

— Ходатайство для назначения суммы залога одобрено. — Судья даже не поднял взгляд, пока шуршал бумагами. — Установлен залог в один миллион долларов.

Хаммеру едва хватило времени, чтобы осознать факт того, что он поедет домой, где сможет спать в собственной кровати с Рейн и Лиамом под боком, прежде чем Айерс назначил Барнсу и Веллингтону дату предварительного слушания.

— Суд пройдет первого апреля. — Судья стукнул молоточком.

В животе у Хаммера сжалось.

— День дурака? Да вы прикалываетесь надо мной. — Он повернулся к Стерлингу. — Все это, блять, не могло стать еще более ироничным, чем теперь.

— За исключением того, что дурак не ты. А они. — Стерлинг мотнул головой в сторону Веллингтона и двоих двубортных молчаливых задниц. — Их свидетель должен быть самим Богом, потому что те доказательства, что я видел до сих пор, не должны повлиять на присяжных.

— Когда мы уже наконец откопаем, кто является этим таинственным свидетелем? — спросил Хаммер у Стерлинга, пока тот начал складывать документы в портфель.

Судья поднялся и удалился в кабинет, а трое работников прокуратуры вышло из зала суда.

— Сегодня начнется процедура представления сведений. После того, как мы вышлатим твой залог и ты будешь свободен, я свяжусь с Веллингтоном. Как только мы с ним обменяемся обнаруженными фактами, встретимся с тобой и начнем разработку стратегии.

— Звучит неплохо. — Но Хаммер уже встал и, развернувшись, впери́л взор в Рейн и Лиам. Они отвечали ему взглядами, полными желания и любви. — Когда я уже, блять, смогу пойти домой?

— Я подожду судью, чтобы подписать ордер на выпуск под залог, затем лично отнесу его в канцелярию. — Стерлинг пожал плечо Хаммера, отвлекая его внимание от Рейн. — Они отведут тебя в зону ожидания, там просидишь до момента, пока не будут получены все документы. Тогда будешь свободен.

— Спасибо. — Он сделал один большой шаг в сторону Рейн. — Это не займет много времени, прелесть.

Когда он увидел надежду и страх на ее лице, ему захотелось сгрести ее в объятия и зацеловать до бесчувствия. Она выглядела напуганной, но кто мог ее в этом винить? Было такое ощущение, что с каждым проклятым прожитым днем что-то выбивало почву у нее из-под ног.

— Мы подождем, — пообещала Рейн.

Господи, она казалась такой уставшей, такой маленькой и хрупкой. Он сомневался, что и Лиам спал в выходные. За последние месяцы они и так пережили слишком многое, и Хаммер почувствовал вину из-за того, что подвергал их еще большему стрессу.

— Лиам договорился с поручителем, чтобы тот встретился со мной в канцелярии, — объяснил Стерлинг. — Так что, ты готов, О'Нейл?..

— Я принес достаточно, чтобы вызволить тебя, приятель. — Лиам похлопал по карманам брюк.

— Сколько? — взгляд Хаммера впился в обоих мужчин.

— Сто пятьдесят тысяч лучше внести авансом, — посоветовал Стерлинг. — Но вам так же нужно будет перечислить три миллиона в залог поручителю.

— Я передам в собственность кондоминиум в Сан-Хуане, — сказал Макен. — Он примерно так и оценивается.

Рейн ахнула, несомненно, шокированная.

Ага, была куча всего, чего она о нем не знала, потому что он никогда не открывался и не делился с ней. Ох, он ожидал от Рейн, чтобы она рассказывала обо всем, но сам Хаммер не платил ей взаимностью. У него были на то свои причины, но это не помешало ей вслепую делать правильные вещи. Теперь же он должен ей еще больше. Всё.

Если лживый свидетель Веллингтона будет убедительным, то у Хаммера, возможно, больше никогда не появится шанса поведать Рейн о своем прошлом, чтобы она смогла понять мужчину, в которого он превратился сейчас. Будущее не будет иметь значения, потому что тогда его будущее будет в крайней степени херовым.

— Звучит хорошо. Я отнесу в канцелярию документы, заполненные секретарем. Сегодня во второй половине дня появится возможность отвезти тебя домой. — Стерлинг похлопал его по плечу, когда в их сторону направился судебный пристав.

Он поднял руку в сторону офицера в униформе.

— Мне нужна еще минутка. — Когда коп кивнул, Хаммер повернулся к Рейн, раскрыв объятия. — Прелесть.

Она подбежала к нему и крепко обняла, а он, закрыв глаза, сжимал ее мягкое тело. Втягивал ее аромат. В горле у него застрял комок эмоций. Затем руки Лиамы обвились вокруг него и Рейн, сжимая их всех в один плотный круг. Хаммер усилием воли подавил слезы, от которых жгло глаза. Он был частью этого.

— Я люблю вас обоих, — признался он хрипло.

— Мы тоже тебя любим, — прошептала Рейн, вцепившись в лацканы его пиджака, словно никогда не собиралась отпустить.

— Любим, брат, — голос Лиамы был переполнен эмоциями.

Несмотря на то, как сильно ему хотелось подольше побыть с ними, Хаммер заставил себя отстраниться.

— Я буду рядом, когда смогу.

— Мы заберем тебя домой, как только будешь готов, — пообещал Лиам.

Пока судебный пристав вел Хаммера в сторону вестибюля, он оглядывался.

Лиам махал рукой, а Рейн посылая ему воздушные поцелуи.

Он нуждался в них и, возможно, гораздо больше, чем они в нем. Хаммер сжал челюсти. Он найдет выход из этого бардака, даже если это убьет его.

Не сказав ни слова, он покинул зал суда.

Прошла херова туча бумажной работы и ожидания, во время которой Хаммер стискивал зубы и был готов сносить головы, Лиам и Рейн ожидали его в вестибюле прямо за порогом отдела обработки данных. За всю свою жизнь он еще никогда не был настолько рад их видеть. Его сердце заколотилось, когда они втроем обнялись, словно были в разлуке на протяжении месяцев. Хаммер осыпал поцелуями Рейн. Лиам сердечно похлопал его по спине.

Они вышли за двери с Рейн между ними.

Потерявшись в сладком чувстве облегчения на данный момент, Хаммер не был готов к толпе репортеров, что окружила их и забросала вопросами.

— Лиам, — рявкнул он, — загороди Рейн.

Но друг уже встал в защитную позу, пока Хаммер прокладывал путь через толпу.

— Мистер Хаммерман, когда вы начали домогаться детей? — один из репортеров сунул микрофон ему в лицо.

Он сжал зубы и бросил на придурка убийственный взгляд.

— Без комментариев.

— Мисс Кендалл, мистер Хаммерман насильовал вас в детстве? — задала вопрос блондинистая сучка в костюме. — Он ваш сутенер? Почему вы не обратились за помощью к полиции, чтобы избавиться от этих двух извращенцев?

Рейн спрятала лицо за рукавами пальто, отказываясь произносить хоть слово.

— Расступитесь, чертовы шавки, — прорычал Лиам.

Они продолжали выкрикивать вопросы. Рейн вцепилась в него крепче.

Хаммер приобнял ее рукой, прижимая ее к себе и Лиаму.

— Без, блять, комментариев, вы — стервятники!

Толкаясь, они выбрались из давки и побежали к внедорожнику Лиамы. Он надеялся, что у них будет немного проклятого покоя, чтобы они могли насладиться временем, которое смогут провести друг с другом и выяснить, кто же, черт подери, занимается его травлей... хотя Хаммер сомневался в этом.

Рейн вошла в кухню и обнаружила, что Хаммер и Лиам с головой погружены в разговор на повышенных тонах. Оба резко остановились и уставились на нее, едва она появилась.

Ее подозрения возродились, пробудились опасения.

— Что? Еще что-то случилось?

Они посмотрели друг на друга, ведя безмолвный разговор. Затем оба покачали головой.

— Нет, любимая. — Лиам нежно улыбнулся ей.

— Я не куплюсь на это. — Она покачала головой, расположив руки на бедрах. — Вы оба защищаете меня от чего-то. Мне нужно знать от чего.

Макен вздохнул.

— Ни от чего. Чуть раньше разрывался телефон. Долбаные репортеры. Мы позаботились об этом.

Брошенный взгляд на переносной телефон и его базу подтвердил, что кто-то буквальным образом выдернул его из стены. Прихватив вместе с этим кусок штукатурки.

Лиам поморщился.

— Должно быть, я немного вышел из себя. Позже я все исправлю, обещаю.

Пока они обсуждали эту тему... она вытащила новый мобильный из кармана юбки.

— Мне пришлось отключить свой. Каким образом они так быстро достали этот номер? Мне поступило четыре звонка, прежде чем я смогла вздремнуть.

Оба мужчины вынули свои мобильные из карманов и положили на стол. Экраны были выключенными.

— Мы сделали то же самое, прелесть.

— Эти чертовы пиявки могли бы давать уроки по преследованию, — ругнулся Лиам.

— Я должен был предусмотреть, что они будут ждать нас. — Очевидно, Макена друг даже не собирался ставить об этом в известность.

— Знаю... я была слишком взволнована твоим возвращением. — Рейн скрестила руки в безмолвном поиске комфорта. — Давайте спокойно поужинаем сегодня, не обращая внимания на весь остальной мир. Есть пожелания? Лиам, твоя мама так много всего приготовила. Мне бы хотелось доказать, что ты не будешь голодать, когда твои близкие вернутся домой.

— Они знают, любимая, — Лиам прижался поцелуем к ее щеке. — Но тебе не нужно беспокоиться. Я собираюсь вывезти родителей на вкусный ужин с болтовней о возвращении домой.

— Но... — На нее навалилось чувство разочарования. — Сегодня первая ночь после возвращения Макена. Нам необходимо побыть вместе. Мы...

Хаммер прервал ее поцелуем. Когда он отстранился, она была слегка дезориентирована. Но аура серьезности, витающая вокруг него, снова привела ее в чувства.

— Я хочу поговорить с тобой. Лиам знает о чем.

Что бы ни хотел сказать ей Хаммер, это было важно. Ее страхи незамедлительно сообщили, что он хочет покинуть ее. Но Лиам выглядел спокойным, почти счастливым. Если бы у Макена были хоть малейшие мысли о том, чтобы собирать чемоданы, сейчас они бы дрались. Она должна доверять, после всего, через что они все вместе прошли, он так просто не уйдет.

— Хорошо.

— Прекрасно, — Лиам хлопнул Хаммера по плечу и поцеловал девушку в губы. — Мы не скоро. Наслаждайтесь.

Он вышел из кухни, оставив их одних. Лицо Макена выражало решительность, повод для которой Рейн не могла угадать. Чего он хочет?

— Так, значит, ужинать мы будем вдвоем? — прошептала она, ощущая внезапно наступившее густое напряжение.

— Ага. Что готовится быстро?

Он приблизился, провел ладонями вверх по ее рукам, остановившись на затылке. Не произнося ни слова, он поймал ее глаза в ловушку своих ореховых глаз. Она чувствовала, что его желания не были исключительно сексуального характера.

— Стир-фрай ((англ. to stir-fry) — традиционная для кантонской кухни техника быстрого обжаривания пищи в раскаленном масле в глубокой сковороде с покатыми стенками при постоянном помешивании. В воке жарят нарезанные кусочками мясо и морепродукты, овощи и лапшу). — Рейн сглотнула, удивляясь своей нервозности.

— Сможешь приготовить его за десять минут?

— Меньше.

Она сделала все приготовления прошлой ночью и не нашла в себе сил готовить. Удивляясь неуверенным движениям своих рук, она нагрела вок, вытащила уже замаринованную курицу и запарила немного быстро разваривающегося риса.

Позади нее, держась за ее бедра, стоял Хаммер и наблюдал, осыпая поцелуями ее шею. Она хотела его. Проклятье, она не могла находиться с этим мужчиной в одной комнате, не желая его до боли. Но долгие ласки его пальцев и полные благоговения поцелуи также отдавались в ее сердце.

— Макен? — она повернулась к нему. — Что ты задумал?

Он выдал ей кривую улыбку. Несколько месяцев назад она бы ни за что не расшифровала это выражение его лица. Бывало, что его чертовски сложно прочесть. Теперь же... она видела, что он близок к неврозу.

— Помимо всего прочего? — подколол он.

Она выложила цыпленка на раскаленную сковороду; удовлетворенная шипением, рассеянно помешивая массу одной рукой, она развернулась к нему.

— Я здесь ради тебя. Знай это.

— И я ежедневно благодарю за это Бога. — Он погладил большим пальцем ее щеку. — Мне нужно рассказать тебе кое-что, что-то, что случилось много лет назад. Я просто не хотел разочаровывать тебя. Рассеивать твои иллюзии. Не хотел, чтобы ты видела мои слабости, недостатки и несовершенство.

Краешком сознания она поняла, что настало время закладывать овощи. Остальная же часть была полностью настроена на мужчину, который годы назад завладел ее сердцем.

— Ты никогда не сможешь разочаровать меня.

Он забрал из ее рук миску и выложил грибы, лук и перец на мясную массу.

— Помешивай.

Она рассеяно послушалась, но не смогла отвести от него глаз.

— Что это?

Пароварка с рисом просигналила. Стир-фрай исходила паром. Рейн не двигалась. Он не разрывал узы, связывающие его с ней и Лиамом... но что бы он ни хотел сказать, это было важным.

— Я должен рассказать тебе о себе. — Он отодвинулся и взял из буфета пару тарелок, затем пару вилок из соседнего ящика.

Ею овладело предчувствие. Рейн задержала дыхание. Неужели он наконец решил впустить ее?

Первую пару лет жизни в «Темнице» она, не переставая, задавала ему вопросы о нем самом и его прошлом. Он отказывался давать ей что-то большее, чем обобщенные ответы. Он вырос в Нью-Йорке. Не был близок с родителями. Поступил в колледж, но не окончил его. Хаммер никогда не стремился раскрыть что-то большее, чем это.

Рейн быстро разложила еду по тарелкам и отнесла их к уголку для завтраков, с удивлением увидев, что он уже разложил там две подставки под тарелки и две салфетки.

— Ты и Лиам спланировали так, что мы с тобой останемся вдвоем этой ночью? — спросила она, поставив тарелки.

— Да, — он выдвинул для нее стул.

Она села, не в состоянии отвести от него взгляд.

— Я здесь и слушаю тебя.

— Ешь. Лиам сказал, что ты плохо с этим справляешься. Завтра на приеме доктор тебя отругает.

Из-за всего происходящего вокруг она совершенно забыла об этом.

— Ты будешь там?

— Лиам и я, мы оба будем. Мы ни за что в жизни не пропустили бы это событие. -

От его слов ей стало чуточку легче. Она перемешала свою еду и осторожно наколола кусочек на вилку. С желудком, то и дело сжимающимся от нервозности, она не знала, сколько сможет съесть, особенно если Макен не прекратит держать ее в напряжении. —

Спасибо. Не мог бы ты уже просто рассказать?

Он улыбнулся, немного расслабившись и проглотив кусочек.

— Вкусно.

— Я рада, — огрызнулась она. — Ты увиливаешь.

Макен покачал головой.

— Нет, я собираюсь рассказать тебе все, что ты когда-либо хотела знать и даже больше. Я люблю тебя и в долгу перед тобой. Но ты же знаешь, что я нахожу твою нетерпеливость очаровательной.

Рейн хотела разозлиться, но такое вот стимулирующе-дестимулирующее поведение было частью их общения. Обоюдное подначивание. Она огрызалась, он нашел креативный способ наказать ее... по крайней мере, пока они не повторили цикл, потому что еда была слишком вкусной, чтобы ее игнорировать.

— Ты испытываешь мое терпение, Макен.

Он взял еще кусочек и покачал головой.

— Просто надеюсь, что, как только ты все узнаешь, все равно будешь относиться ко мне так же, как и раньше. Мой рассказ откроет тебе многое на то, кем я стал... и почему.

— Ты имеешь в виду нечто такое, как владение кондоминиумом в Сан-Хуане? Я понятия не имела.

Хаммер отмахнулся от этой информации.

— Я не был там с тех пор, как погибла Джульетта. Мне следовало продать его несколько лет назад. Долгое время он был ничем иным, кроме как объектом недвижимости для сдачи в аренду.

Рейн поняла, что эта собственность не имела для него значения, но Макен Хаммерман о ней знал все: витамины, которые она предпочитала, факт того, что она становилась плаксивой в годовщину исчезновения своей мамы, ее одержимость мороженым «Карамельный карibu», что она любит вздремнуть в дождливые деньки. За шесть прошедших лет он знал о каждом ее месячных. Размер ее бюстгалтера, само собой. Он даже покупал ей обувь, что подходила ей без примерки.

Наконец этот мужчина, такой таинственный для нее, мог позволить ей разгадать себя. Было не важно, что она знала его любимый бренд производителя нижнего белья или могла приготовить его любимые блюда, не заглядывая в рецепт. Она не знала клички домашних любимцев его детства, каким он был в подростковом возрасте или почему он никогда не говорил со своими родителями и о них вообще.

Хаммер съел все, что она приготовила. Рейн же смогла осилить только половину. Желудок завязался в узлы, когда она отодвинула в сторону свою тарелку.

— Расскажи мне. Все.

Покосившись на ее еду, он нахмурился.

— Ты обещаешь мне, что попытаешься поесть перед отходом ко сну? Я беспокоюсь о тебе.

Она бы пообещала ему хоть луну с неба, лишь бы он уже рассказал.

— Попытаюсь. Только...

— Покончим с этим. — Он кивнул и потер ладони друг о друга, словно пытался решить с чего начать. — Мои родители были крайне богаты. Мой дед был физиком, работавшим с таким выдающимся человеком, как Нойс (прим. Роберт Нортон Нойс (англ. Robert Norton Noyce; 12 декабря 1927 — 3 июня 1990) — американский инженер, один из изобретателей

интегральной схемы (1959), один из основателей Fairchild Semiconductor (1957), основатель, совместно с Гордоном Муром и Эндрю Гроувом, корпорации Intel (1968)) — Он изучил ее лицо. — Никаких звончков? Патент № 2 981 877? Первая в мире кремниевая интегральная микросхема. Мой дед увидел потенциал и вложил деньги в «Интел», компанию, которая их продавала. Он так же инвестировал в Texas Instruments. (прим. американская компания, производитель полупроводниковых элементов, микросхем, электроники и изделий на их основе. Расположена в Далласе (штат Техас, США)) Почему бы не подстраховаться? И сумма из нескольких сотен тысяч долларов возросла...

— До миллионов. — Она догадывалась, что он из богатой семьи, но... — Вау.

— Сотни миллионов, — поправил он. — Деньги потекли рекой, когда мой отец был подростком, а во взрослую жизнь он вошел испорченным и избалованным, так же, как и я. У его отца были деньги, так зачем работать? Мой дед умер за пару лет до моего рождения, и отец унаследовал половину его состояния. По всей видимости, где-то у меня есть тетя, которую я никогда не встречал и которая получила вторую половину.

Рейн покачала головой.

— Я не знала...

— Единственный человек на планете, который знает, это Лиам. — Хаммер постучал вилкой по столу и выдал ей натянутую улыбку. — И знает он только потому, что однажды ночью, в самом начале нашей дружбы, я напился достаточно, чтобы все ему рассказать.

— Итак, твой отец унаследовал много денег. Когда мы доберемся до тебя?

— После этого он женился на женщине, почти такой же, как и он сам, и они гулянками проложили путь почти по каждому континенту, тратя миллионы. Но каким-то образом в угаре пьянства, наркотиков и путешествий она забеременела. Они были зациклены только на себе, а я не вписывался в их стиль жизни. Таким образом, меня почти с первых дней воспитывала прислуга, пока мои родители колесили по миру.

— Ты рос одиноким. — Она потянулась к нему.

Он стиснул челюсти, как если бы не желал признавать это, но он сжал ее руку, и Рейн знала, что была права. Ее сердце болело за него.

— В нашем доме на Парк Авеню я чувствовал себя словно в ловушке. Я не мог никуда выехать без шофера, иначе на каждом пяточке тротуара меня преследовали миллионы людей.

— Нью-Йорк я видела только на фотографиях. Он кажется буйным.

— Сейчас он нравится мне больше, чем в дни моего юношества. Но он больше никогда не станет мне домом.

Слишком много плохих воспоминаний. Она понимала. По той же причине она больше никогда не переступит порог дома Кендаллов.

— Когда мне исполнилось тринадцать, меня отправили в академию Филлипса в Эксетере. Я думал, что отделался от гадюшника, которым был мой дом. Предполагалось, что школа второй ступени (готовящая учеников к колледжу) подготовит меня к Гарварду, но... Господи, я ненавижу это гребаное место. Оно еще сильнее заставляло меня чувствовать, что я не контролирую собственную жизнь.

Таким образом, он выбрал взрослую жизнь и отклонение, которое позволяло ему контролировать не только все вокруг, но и быть хозяином всего, за чем он приглядывал.

— Я поняла.

— Еще нет. Это только верхушка айсберга. — Он протяжно выдохнул, словно решая,

откуда и как именно продолжить. — Пока я лишь вырослел, маясь от скуки и свободы от родителей, но в то время, как я завяз в школе, у меня появилась глупая, бунтарская мечта стать рок-звездой. Я собирался стать следующим Куртом Кобейном. — Он рассмеялся. — Я знал каждую ноту из дисков Нирваны, Pearl Jam (прим. Pearl Jam — американская рок-группа, одна из четырёх ключевых групп (наряду с Alice in Chains, Nirvana и Soundgarden) музыкального движения гранж, пользовавшегося большой популярностью в первой половине 1990-х годов.) и Nine Inch Nails. Вынудил родных купить мне на Рождество электрогитару и усилитель. Они купили мне Fender Stratocaster (прим. Fender Stratocaster (или Strat) — модель электрогитары, разработанная Джорджем Фуллертоном, Лео Фендером и Фредди Таваресом в 1954 году и выпускаемая вплоть до настоящего времени. Stratocaster использовалась многими гитаристами, и поэтому её можно услышать на многих исторических записях. Наряду с Gibson Les Paul, Gibson SG и Fender Telecaster является одной из самых известных и распространённых моделей электрогитар в мире.) не потому, что верили в меня, а только для того, чтобы я заткнулся. Как только они приехали домой, я стал играть на этой хрени на полную мощность.

Рейн нахмурилась.

— Они ругались на тебя? Били?

Хаммер покачал головой.

— Они просто установили в моей комнате звукоизоляцию, хлопнули дверью и отправились в Рио. Как-никак наступило время Карнавала.

Горечь в его словах заставила ее почувствовать злость. Какими же должны быть родители, чтобы столь мало интересоваться жизнью собственного сына? Она не спрашивала, играл ли он с отцом в мяч или пекла ли ему мама печенье. Понятно, что нет. Он вырос одиночкой, подавляющим собственные эмоции.

И только недавно это начало меняться.

— Мне жаль. У меня до девяти лет, по крайней мере, была мама. И бабушка с бабушкой до нее. Я знала, что они безоговорочно любили меня. А кто любил тебя?

— До тебя и Лиама? Никто.

И даже Джульетта? Рейн хотела спросить, но почувствовала, что когда будет готов, он дойдет и до этой части истории.

Он сглотнул, не встречаясь с ней взглядом.

— Лето они проводили в Хэмптонс (респектабельный пригород Нью-Йорка, излюбленное место отдыха «старых» и «новых» денег с Wall Street). Хорошо, я проводил там лето. Мои родители были... где-то. Но я любил пляж, бриз, соленую воду, теплый песок меж пальцев ног. Все в том доме в тосканском стиле двадцатых годов ощущалось живым. Он был прочным и оригинальным. Я ненавидел уезжать оттуда в конце каждого лета и возвращаться в школу в Нью-Гемпшире, полную чванливых задниц.

— Лето моего пятнадцатилетия изменило все. И однозначно изменило меня. Не знаю, было это чередой неудачных событий или неизбежностью. — Он пожал плечами. — Однажды вечером родители объявили, и это было чудо, что они вообще на нем присутствовали, что они собираются в благотворительную экспедицию в Африку. Это был их странный способ показать, что они участвовали в сафари и потратили там кучу денег на то, чтобы по пьянствовать и посмотреть достопримечательности. Я тоже хотел поехать, но это было «небезопасно». Это означало, что я бы им мешал. Кроме того, мне нужно было отшлифовать свой французский. Пятерка с минусом, которую я получил в предыдущем

семестре, не проходила, если я собирался поступать в Гарвард, и моя гувернантка-француженка оставалась на все лето, чтобы стать моим репетитором. Том, наш шофер, научил бы меня стрельбе из лука и подтянул в плавании, потому что хорошие показатели во внешкольных занятиях очень важны при поступлении в колледж, — насмеялся он.

— Ты был подавлен, — мягко сказала Рейн, снова испытывая за него боль.

— Да. И я был зол. Последнее, чего мне хотелось, это проводить лето под присмотром гувернантки. Я был слишком взрослым, чтобы нуждаться в ней, учитывая то, что несколько лет я был тайно увлечен ею. Или чтобы меня развозил мускулистый шофер, на которого Линнет смотрела так, словно он был самым чертовым Богом. Однозначно мне не нужна была домработница Марта, которая была старше самого Иисуса, глухая, как пень, и постоянно совала нос в мои дела. В подготовительной школе я потратил небольшое состояние на контрабандные журналы «Плейбой» и не хотел, чтобы она конфисковала хоть один номер.

Рейн могла вообразить юного Макена, с грузом богатства на плечах, отгородившегося от всех, находившего утешение в обнаженных женщинах, которые никогда бы не полюбили его в ответ.

— В то лето была создана модель поведения, длившаяся годами после.

— Около двух проклятых десятков лет, и ты понятия не имеешь об этом. — Он нервно выдохнул. — Я не собираюсь лгать. Сейчас это сложно.

Рейн встала, чтобы пересесть на стул рядом с ним и обхватить ладонями его лицо.

— Я знаю мужчину, который есть сейчас. Знаю неуклонную доброту, которую ты выказывал мне с тех пор, как приютил. Что-то, что произошло двадцать лет назад, не сможет изменить что-либо во мне.

Казалось, ее слова принесли ему облегчение.

— Спасибо, прелесть. — Ему это было необходимо, и Рейн была счастлива, что могла дать ему любовь и обожание, которых у него не было в детстве.

— Продолжай.

— Будучи пятнадцатилетним подростком с должным образом растоптанными чувствами, я бросил на обеденный стол салфетку, умышленно поцарапав антикварный стул матери, сделанный из твердого дерева, и покинул дом. Я бежал по пляжу до тех пор, пока не увидел огни, идущие от домика у бассейна. Ни один из моих родителей никогда не плавал, но Линнет любила, и у меня постоянно возникали фантазии о ней, плавающей голышом для меня. — Он фыркнул. — Когда я заглянул в окно через приподнятые жалюзи, она оказалась там, все было в порядке. Так же она была обнаженной. Но Том, наш мускулистый, молчаливый шофер растянул ее, привязав за запястья и лодыжки веревками, продетыми в болты с кольцами у задней стены. На нем не было надето ничего, кроме кожи, и в руках был мерзкий стек.

Дыхание Рейн застряло в груди.

— Ты видел их?

— Блять, да. Моя сексуальная гувернантка разыгрывала там одну из моих самых грязных фантазий. Для моего незрелого разума все это оказалось настолько искаженным, что я даже не смог дать названия их действиям. Но хотел изучить.

— Что он с ней делал?

— Что он делал? — Хаммер посмотрел в окно, на их задний двор. Но сам он находился далеко, словно вернулся в то лето. — Линнет любила боль, и Том не стеснялся давать ей желаемое. Когда я впервые их обнаружил, он осыпал ударами ее соски тем стеклом. Они были

багряными, и он не подавал признаков, что собирался остановиться. Он ласкал ее киску, снова и снова подводя к краю... — Он покачал головой. — Мой член так чертовски сильно пульсировал. Я вытащил его из шортов, пару раз прошелся по нему рукой и спустил быстрее, чем когда смотрел какой-либо из журналов. Но как только Том стал пощипывать ее избитые соски, и ему пришлось прижать свою руку к ее рту, чтобы заглушить ее крики, я вновь затвердел. Когда же он нацепил прищепки и снова воспользовался стеклом, Линнет залилась такими милыми слезами. И Господи Боже, мольба... я мог слышать ее сквозь стены. Я представлял, что она кричит для меня. Я кончил во второй раз так же мощно, как и в первый. Но мой долбанный член все никак не опускался.

— Макен... — Конечно же, он уже не страдал от неразделенной любви по этой женщине. И ему не нужно было стыдиться того, что он видел. — Тебе было пятнадцать, и ты был...

— Чертовски любознательным. Том развязал ее и заставил встать на колени, сжав в кулаке волосы. Она сосала его член так, что втягивались щеки, и он погружал каждый свой сантиметр прямо ей в горло. Наблюдая за ними, я кончил в третий раз так сильно, что закружилась голова. — Хаммер плотно сжал губы, все еще глядя за окно, как ветер шелестит в пальмах вокруг бассейна. — Даже после того, как Том кончил ей в рот и она проглотила все, до последней капли, они не закончили. Как и я.

И он сказал это... горько? Самоуничижительно? Что-то в этом не понравилось Рейн.

— Он сорвал прищепки, наклонил Линнет над барной стойкой и отхлестал стеклом ее задницу. Иисусе, это снова меня завело. Я был на грани обезвоживания, но не мог прекратить мастурбировать. Когда он смазал пальцы и погрузил их в ее попку, через стекло, я услышал, как Линнет со стоном просила еще. Том разговаривал с ней, но я не слышал, что он говорил. Она просто кивала и молила о большем, пока он не приставил головку члена к ее маленькому колечку и не погрузился в нее. Глядя на них, я кончил так интенсивно, что в этот раз зарычал.

Удивление оглушило Рейн.

— Они слышали тебя?

— Том услышал. Он резко повернул голову в сторону окна, как раз когда я заканчивал орошать землю. Но он ничего не сделал и не сказал, только стал сильнее трахать ее в задницу. Когда он кончил в нее, я снова испытал оргазм, но у меня в яйцах уже ничего не оставалось.

— Итак... это событие поставило тебя на путь БДСМ? — Парочка безответственно выбрала место для игр там, где их мог увидеть подросток, но если Макен думал, что увиденное однажды извратило его представление навсегда, то она собиралась исправить это.

Он неопределенно пожал плечами.

— На следующий день я едва мог справлять нужду без крика, но не собирался упускать того, что увидел. Итак, я дождался, когда Том будет в гараже один, и потребовал объяснить, что он делал с Линнет в домике у бассейна. Следующие несколько часов он провел, рассказывая мне про БДСМ. Шаг за шагом, он провел меня по всем этапам. Он был ее Мастером. Линнет была его рабыней. Любое его желание она выполняла в полной мере. Это было опьяняюще — получать все, что захочешь, без вопросов, просто потому, что ты этого хочешь.

— Для ребенка, никогда не знавшего ласки, уверена, так и было. — Рейн хотелось коснуться его, но она чувствовала, что он не был готов вернуться из своего путешествия по

закоулкам памяти, поэтому она ждала. — Том обучал тебя?

— Можно и так сказать. Я шантажировал его. Том согласился обучать меня, если я поклянусь, что никогда не расскажу родителям об их отклонении. Таким образом, в то лето он обучил меня, как поставить мою гувернантку на колени и быть для меня хорошей девочкой. — Он насмеялся над собой. — Во время своего первого сексуального акта я привязал Линнет к кровати родителей. Том погрузился в ее попку и шептал мне на ухо, как заставить ее кайфовать, как продлить. В течение нескольких недель мы втроем запирались от заката до рассвета. Для них целью жизни стало обучить меня всему, особенно как трахать жестче, быстрее, дольше каждым известным человечеству способом. Взамен этого у меня была почти безграничная власть над Линнет. Это было так чертовски мощно, это шокировало. Во мне не было ни капли спиртного, но я знал, что значит быть пьяным.

Рейн испытывала боль за Макена. Он не был педофилом. А они были. Он был ребенком, готовым для игр. Вероятно, он был подростком с бурлящими гормонами и думал, что желает всего этого, но был ли он действительно готов? Достаточно ли созрел, чтобы справиться с последствиями? Чего стоили ему их извращенные увлечения?

— Что случилось потом?

— Я вернулся в школу другим человеком. — Тон его был жестким, пренебрежительным. — Я все еще получал хорошие оценки, потому что этого ожидали родители, половое созревание наступило в полной мере. Я вымахал, отрастил бороду, познакомился с парнем, который создавал фальшивые паспорта. Так вот, за пару сотен баксов я был в деле. Ночные клубы Бостона были богаты на женщин, падких на обаяние, деньги и намек на доминирование. Прежде чем я перешел на третий курс, я возвращался домой с женщинами на десять-пятнадцать лет старше меня, связывал их, порол и трахал их до потери пульса. И каждое лето у меня были Том и Линнет и множество извращений, которые я с нетерпением ждал.

Рот Рейн в изумлении открылся.

— Это продолжалось?

— Три года. На летних каникулах... о, да. На Рождество, когда мне было семнадцать, мы так много трахались, что я думал, у меня член отвалится. В школу я вернулся, прихрамывая.

— Ты был ребенком. — Она потрясенно поморгала, отчаянно желая обнять его, утешить и исцелить всё сразу.

— Да, а опыта у меня было больше, чем у большинства взрослых мужчин. — Он приподнял бровь. — Как бы то ни было, прежде, не узнав об этом, я собрал вещи и отправился в Гарвард. Родители выплатили Линнет приличный бонус за то, что подтянула их «требовательного ребенка», а затем отпустили ее. Вскоре и Том подал заявление об уходе, и они вдвоем уехали. Я даже не знаю куда. Они уехали без единого слова. Я думал, что мы связаны, но...

Сердце Рейн сжалось. Они разрушили Макена, желая того или нет.

— Ты был влюблен в нее?

— Нет. Но мы были связаны общей «грязной тайной». Больше никто не понимал меня настолько хорошо, и я никогда не думал, что это закончится. — Он вздохнул. — Я ошибался. Таким образом, после того, как зализал свои раны, я подчинил себе столько саб, сколько смог найти, чтобы они давали мне ту головокружительную власть. Это подпитывало потребность, поселившуюся внутри... но так и не смогло ее насытить. Всегда чего-то не

хватало.

Рейн могла только догадываться, что произошло дальше. Какой-то толикой разума она понимала, что Макен рано женился. Ей всегда казалось, что это противоречило тому факту, что он был закоренелым холостяком и ловеласом.

— Появилась Джульетта?

— Не совсем. Когда я заканчивал второй год в Гарварде, родители полетели в Барселону на фестиваль Ла-Мерсе, (прим. Фестиваль Ла Мерсе — главный праздник Барселоны. Традиционно в последних числах сентября в каталонских городах празднуются дни святых покровителей. Эти праздники стали когда-то прямым продолжением старинных проводов лета. Патронессой Барселоны является Богоматерь Милосердия — *Virgen de la Mercè*, которой и посвящается полный интересных, ярких и познавательных событий фестиваль Ла Мерсе.) еще одну гигантскую уличную вечеринку. В любом случае, они стояли на балконе своего гостиничного номера, наблюдая за фестивалем, когда балкон обвалился, и они разбились на смерть. Мне пришлось лететь в Испанию и опознавать их тела, затем организовывать их возвращение на родину, планировать похороны, встречаться с адвокатами родителей и улаживать дела с их имуществом. Все это было изнурительным, обескураживающим и очень расстраивало. Первое, что я сделал, это продал ту долбанную тюрьму на Парк Авеню. Дом в Хэмптоне, наполненный всеми этими воспоминаниями задержался ненадолго.

— О, Макен. — Она потянулась к нему. Должно быть, утрата людей, что дали ему жизнь и должны были любить, была тяжелой. Вероятно, он не ожидал, что будет чувствовать тоску, но, тем не менее, ощущал ее и не мог понять этого. Ей так сильно хотелось прикоснуться к нему, но у него все еще было, что рассказать. — Мне жаль. У тебя не было никого, чтобы помочь пройти через все это. Ты заслуживал большего.

— Они были теми, кем были. Мне было девятнадцать, и я был финансово обеспечен, так что это было... Это не было похоже на то, словно я внезапно впервые остался один.

— Ты всегда был одинок, — прошептала она.

— Достаточно часто. Я не знал, что мне хочется делать, помимо учебы в школе. Я отправился в Гарвард, чтобы понравиться родителям, но теперь, когда их не стало, у меня не было больше необходимости оправдывать чьи-то ожидания. Поэтому я вернулся в Нью-Йорк, купил в Трибеке непристойно дорогую квартиру и стал опиваться в БДСМ клубах. Я проводил дни, занимаясь в спортивном зале, а ночи — доводя до оргазмов саб. Но некоторое время спустя мне стало скучно, поэтому я поступил на какие-то музыкальные курсы в Колумбийском университете. Там я и познакомился с Джульеттой.

Теперь Макен замолчал, задумался.

— Оглядываясь назад, думаю, что был одинок, и мне хотелось семью или чего-то постоянного. Вследствие этого, я подумал, что создам что-то такое с Джульеттой. Ее основным профилем было рисование, но она должна была взять несколько курсов по музыке, чтобы удовлетворить все требования по учебе. Мы попали в один класс. Благодаря наставлениям Тома, через пару минут я заметил в ней признаки сабмиссива. Исходя из этого знания, я развернул свое обаяние на полную катушку и соблазнил ее. Через три месяца мы бросили Колумбийский, переехали и обручились. Мы подкармливали самые худшие стороны друг друга.

— У нее не было границ?

— Не так много, чтобы она говорила об этом вслух. Ей нужно было постоянное

внимание, которое я только счастлив был ей дать, тогда как она отдавала всю свою силу. — Он горько рассмеялся. — Я думал, что это любовь. Год спустя мы поженились. Ее мать презирала меня за то, что я был все контролирующим чудовищем. Пожилая женщина не знала и половины всего. Моя власть над Линнет была ничем по сравнению с полным контролем, установленным над Джульеттой. Она не делала ничего без моего позволения, вплоть до выбора носков.

Рейн прикрыла рот рукой. Эхо от его слов прокатывалось по ней вновь и вновь.

— Она была твоей рабыней.

— Во всех смыслах. Я был королем ее долбанной жизни, и она подчинялась мне во всем без колебаний и вопросов. Где-то на середине этого пути была потеряна моя обязанность направлять и защищать эмоциональную сторону жизни Джульетты. Чем сильнее я на нее давил, тем больше она покорялась. И тем все более жадным я становился.

— Тебя не учили быть иным доминантом. — И он, конечно же, не знал, что значит любить.

— Нет, но я должен был понять это, не находишь? Я не задумывался. Однажды ночью мы были в ночном клубе «Граффити». Джульетта увидела, как Лиам работал с сабой. Можно сказать, что он ее заинтересовал. Я несколько лет хотел попробовать секс втроем. Это было единственное, чем мы не занимались с Джульеттой. Внезапно я уверился, что приказ поделиться киской с другим мужчиной только докажет, насколько сильно она подпала под мое обаяние. — Он тяжело задышал от гадливости к самому себе. — Таким образом, я пригласил его выпить с нами, а затем в наш дом, чтобы доминировать над Джульеттой. Все прошло хорошо. В первый раз, когда мы взяли ее вдвоем, было ощущение, словно я снова вернулся в свои пятнадцать. Напор, дрожь, крышесносные ощущения... Но в этот раз все было лучше, потому что мне казалось, что в Лиаме я нашел свою потерянную половину. Мы словно сразу же стали братьями. Поначалу все шло великолепно. Затем... не очень.

— Он говорил, что не был единственным, кто был с вами двумя.

Хаммер покачал головой, все еще всматриваясь в окно.

— Прошло совсем немного времени, как я начал замечать, что Джульетта влюбляется в Лиаму. Я знал, что он ее не любил. Он был слишком благороден, чтобы позволить себе эту связь, потому что она была моей женой. Я все еще пытался понять, что мне с этим делать, когда она нежданно-негаданно проглотила бутылку с таблетками, и я даже не знал, что у нее имелся на него рецепт.

Рейн видела его напряженную позу, сожаление, сквозившее в каждой черточке лица, и не могла ничего с собой поделаться. Она откинула назад его волосы и наклонилась, чтобы поцеловать в скулу.

— В то утро, когда ты вышел, после того, как я отказалась от связывания на прошлой неделе... Лиам сказал, что Джульетта была беременна. Не злись на него. Я не справилась, и он знал, мне нужно было понять...

— Я рад. В самом деле, рад. — Хаммер сглотнул и закрыл глаза. — У меня не хватило духу рассказать самому. Меня все еще приводит в ужас мысль, что ты станешь смотреть на меня, как на монстра.

— Макен, я никогда бы...

— А стоило. Я подвел Джульетту во всех возможных смыслах и как муж, и как Дом. Я похоронил свою жену и нерожденного ребенка и, упаковав все свое дерьмо, за несколько дней переехал в Лос-Анджелес. Я даже с Лиамом не попрощался. Я не мог смотреть ему в

глаза, зная, как ужасно подвел Джульетту. Его осуждение сломало бы меня.

— А потом ты открыл «Темницу»? — спросила Рейн, надеясь направить его в более счастливое русло. Он сделал так много хорошего для стольких людей, и ей хотелось, чтобы он вспомнил об этом.

— Да. Мне следовало совсем отстраниться от этого стиля жизни, но я не смог. Вместо этого я поклялся больше не брать себе ни одну сабу. Темница стала моим единственным приоритетом. Я хотел быть уверенным, что у людей имеется безопасное место для игр, где Дома никогда не станут упиваться своей властью. После открытия мне буквально пришлось отказывать людям и создать лист ожидания. Клуб стал ночной сенсацией.

— Это отличное место. С членством ты поступил правильно. — Она нежно положила руку поверх его.

— Ага. Так и есть. Но я мерзкий человек. Я вычеркнул Лиаму из своей жизни за исключением... я не избавился от чувства вины. Прямо перед первой годовщиной смерти Джульетты я отрастил себе яйца и позвонил ему. Сказал, что собираюсь приехать в Нью-Йорк, чтобы посетить ее могилу. Я и не понимал, как сильно скучал по нему, пока не услышал его голос. По сути, я скучал по нему сильнее, чем по покойной жене, что стало еще одним взрывающим мозг сюрпризом. — Он покачал головой. — Тот первый приезд был полон чертовой неловкости и горькой сладости. Но Лиам с его долбанным полным сострадания сердцем стоял рядом со мной на кладбище, пока я скорбел и все больше погружался в чувство вины и не открыл правду о беременности Джульетты. Я не хотел, чтобы он страдал. После всего этого он вытащил меня оттуда и позволил нажраться в хлам. Но любого количества спиртного не было достаточно, чтобы утопить в нем мои сожаления и смыть грехи.

— Ты должен остановиться. Во всем произошедшем не было твоей вины. Ты стал потрясающим мужчиной.

— Единственное, когда я верно поступил в своей жизни, это с тобой. — Он выдохнул, подавив слезы и все еще отказываясь смотреть на нее. — И даже это я затянул на годы.

Его режущая честность разбивала ей сердце.

— Макен, не надо, пожалуйста. Это неправда.

— Правда. Не стоит приукрашивать правду. Потому что это не все. — Он кивнул, бросая ей вызов. — Да. В ту ночь, когда я нашел тебя, жавшуюся к мусорному баку, не смог стоять и смотреть, как тебе больно. Где-то на задворках разума я подумал, что если спасу тебя, то заглажу свою вину. А вместо этого случилось невысказанное. Я влюбился в тебя, сразу. Иисусе, это снесло мою долбанную голову. Тебе едва исполнилось семнадцать, а мне почти тридцать. Меня никогда не занимали девочки-подростки, даже когда я сам был подростком. Я называл себя извращенцем. Я имею в виду, знаю, что зациклился, но... Можешь ли ты представить, как сильно я ненавидел себя за то, что желал тебя? Когда тебе исполнилось восемнадцать, я едва не затащил тебя в свою комнату, не запер дверь и не погрузился в твое тело на дни, недели, годы. Я пытался убедить себя, что не могу владеть тобой и не сломаю тебя, но чувство вины и ужас заставляли держать дистанцию.

Рейн не находила слов. Она просто отдавала ему свою молчаливую поддержку, позволяла очиститься и хотела, чтобы он наконец посмотрел на нее.

— Я оттрахал каждую сабу в клубе и причинил тебе столько боли, прелесть. Понятия не имею, за что ты меня любишь...

— Потому, что ты всегда был рядом, всегда защищал, желал мне добра и бросал мне

вызов. Ты вел себя благородно, Макен.

— Брехня. — Он сделал рваный вдох.

— Да. Прекрати самобичевание. Наш выбор и опыт делают из нас тех, кто мы есть, и привели к тому, что есть у нас сейчас, к нашей совместной любви. — Она положила руку на живот. — Это дало нам ребенка, будущее, которое у нас может быть, если только ты простишь себя...

— Как? Долгие годы я не мог разобраться в себе, а только и делал, что тонул в стыде и кисках, потому что это было легко и понятно.

— Ты так долго держался на расстоянии, потому что люди, которые должны были заботиться о тебе, не делали этого, а только злоупотребляли и пользовались тобой. — Сейчас она, наконец, поняла. — Ты сделал все, что было в твоих силах, чтобы убедиться, что со мной не случится то же самое.

Хаммер холодно кивнул.

— Но я также был жалким ублюдком. Я не смог смириться с мыслью о другом мужчине, ласкающем тебя. Мне хотелось убить Зака и Габриэля. Хотелось порвать этих придурков в клочья.

Она спрятала от него слабую улыбку. «Вот это да, я никогда и не догадывалась...»

— Понимаю. Сама потеряла счет тому количеству сучек, которых хотела избить.

Он поморщился.

— Ага... но я не только ревновал. Я отгонял от тебя каждого, потому что твое сердце было таким... чистым. Я не мог позволить им причинить тебе боль. Если бы, годы назад, я поддался своей тяге к тебе, то все бы сломалось... и ты.

А стоило. С той же силой, что она его хотела тогда, она все еще не понимала себя или свое сердце. Она не была достаточно сильной, чтобы устоять перед бурей, разыгравшейся сейчас, и вынести эту неистовую боль. Она бы развалилась, прежде чем они достигли той душевной близости, которая есть между ними сегодня.

— Значит, ты не солгал мне после той первой проведенной вместе ночи. Когда ты сказал, что тебе нужна рабыня, я думала...

— Я нес полную ахинею. Да, знаю. Но это было нормально. Это держало тебя на расстоянии. Однажды я уже облажался, поддавшись пьянству, злости и нужде в тебе, что давили на меня каждый гребанный день. Проведя с тобой ту ночь... держа тебя? Впервые за двадцать лет я почувствовал покой. Я знал, что был влюблен в тебя, но не знал, как это показать или как стать мужчиной, которого ты заслуживаешь. Я знаю, как прогнуть женщин так, чтобы сделать меня счастливым. Тебе же нужно было абсолютно иное. Господи, я боролся с самим собой... и временами до сих пор борюсь. По этой причине я так сильно отдалился, когда Билл едва не убил тебя. Мысль о потере единственной женщины, которую я любил за всю свою жизнь, о потере ребенка, растущего внутри тебя... Я-я не мог. Я не смог бы пережить этого, прелесть. — Он сглотнул и сжал ее руку так сильно, что онемели пальцы.

— Я рядом, — пообещала она. — Я никуда не уйду.

— Но я могу. Я боюсь, что меня оторвут от тебя. И ты заслужила знать все, что я рассказал тебе, потому что я не смогу жить, если ты не будешь понимать, как сильно я тебя люблю, сколько радости и любви привнесла в мою жизнь, Рейн. Но более того, ты научила меня любить. Ты была рядом все эти годы, пока я был черствым ублюдком, отрицающим все, что было между нами. Ты клеймила мою душу. Проще говоря, слова «я люблю тебя» и

близко не могут показать весь объем чувств, что я ощущаю по отношению к тебе. Я даже не знаю таких слов, чтобы описать то, что чувствую. — Он склонил голову к их сцепленным рукам. — Ты — все. Мое дыхание, тело, душа. У меня уйдет целая жизнь на то, чтобы показать тебе свои чувства, и я, блять, понятия не имею, как мне вместить все это в те сжатые сроки, которые у нас, вероятно, остались. Как мне это осуществить, прелесть? Впихнуть всю мою любовь в гребаные шесть недель?

— Делая все по порядку. Обращая на меня внимание. Пожалуйста...

Хаммер пожал руку Рейн, игнорируя сильную дрожь в своих руках. Почему такие простые действия, как открыть глаза и посмотреть на нее, стали такими, блять, сложно выполнимыми? Он делал это сотни раз более сотни дней. Но посмотреть ей в лицо прямо сейчас стало одной из самых сложных вещей, которые он когда-либо делал.

Потому что он обнажил перед ней душу и, если увидит жалость или осуждение, то будет растоптан.

— Макен, — она поцеловала костяшки его пальцев. — Верь.

В нее. В них. В убеждение, что она любит его так же безоговорочно, как и он ее. Господь знает, во многое в жизни он не верит, но верит в то, что есть между ними, всеми фибрами своей души.

Надежда возрождалась в нем, пока он поднимал веки и фокусировался на ней.

Рейн ждала его. Огромные синие глаза, дрожащие на ресницах слезы, принятие и настолько много любви, что он подумал, что его разорвет на части.

— Привет.

Боже, он собирался расплакаться как баба. Он моргнул. Горячие, разъедающие дорожки побежали по его щекам, и он выругался.

— Блять!

Она хихикнула сквозь слезы.

— Ты так поэтичен.

— И романтик. Ага.

Ее хрупкие пальчики легли на его щеку.

— Я бы сказала, что поэтому и люблю тебя... но это не покажет и сотую долю всего.

— Я больше чем люблю тебя, Рейн. Спасибо, что выслушала.

Копание в прошлом было болезненным, но принесло облегчение. Многие годы он скорбел, злился на своих бесчувственных родителей, на развращенных работников и свою тупую задницу. Если бы его родителям было до него дело, вероятно, он не стал бы такой легкой добычей для двоих бессовестных извращенцев. Если бы не был сексуально возбужден, одинок и готов ответить на морально показанный родителями средний палец, то никогда не был бы настолько готов пожертвовать своей невинностью ради извращенного траха. В конце концов, винить кого-либо, кроме самого себя, он не мог... чем он и занимался последние двадцать лет. Все это дерьмо не закончилось на Джульетте, и он позволил этому случиться. Не пора ли также простить себя? Он совершал ошибки, последствия от которых какие-то были хорошими, какие-то плохими. Как бы то ни было, все они привели его сюда, к этой женщине, к любви, которую он искал всю свою жизнь, к той связи, что есть между ним и Лиамом.

К покою.

К чистой, безусловной любви.

— И буду делать это всегда. — Она поцеловала костяшки его пальцев. — За прошедшие

несколько недель я провела много времени, задаваясь вопросом, не было ли лучше для всех нас, если бы я ушла их «Темницы» в то утро, как и грозились. Знаешь, тем утром, когда я проникла в твою постель и пыталась соблазнить тебя.

— О, помню. — Он спрятал ее маленькую руку в своих широких ладонях. — Ты напугала меня до усрачки.

Улыбка растянула ее губы.

— Я сама была в ужасе. Но если бы я ушла, как и грозились, то мы бы уберегли друг друга от большого количества боли.

— Но...

— Но и пропустили бы много чудесного. Знаю.

— Я ни за что на свете не отпустил бы тебя. Плевать, через что мы прошли. Это того стоит.

Ее улыбка стала ослепительной.

— Это было на прошлый Хэллоуин, тогда я и не думала, что сегодня мы окажемся здесь. Я еще ни разу не целовала тебя. Едва ли знала Лиам. А это было меньше, чем четыре месяца назад. Теперь у нас общий дом, ребенок...

— И ты делаешь меня более счастливым, чем я когда-либо был. Я бы потратил три жизни, сидя за решеткой, только бы у меня были эти последние месяцы, проведенные вместе с тобой и Лиамом. — Хаммер положил руку ей на живот. — Может быть, я и не разделю с вами удовольствие от вида того, как будет расти этот ребенок. Но всегда буду частью тебя, Лиам и нашего ребенка. Вероятно, физически меня здесь не будет, но я надеюсь здесь быть.

Он поднял руку к ее сердцу и накрыл ее губы своим ртом.

— Будешь, — ее голос дрогнул. — Я не желаю делать это без тебя.

— Надеюсь, тебе и не придется, прелесть.

Рейн обхватила тонкими руками его щеки и притянула к своим губам. Хаммер не смог подавить стон. Невесомые поцелуи, которые она оставила в уголках его рта, были такими трепетными, что он едва не развалился на части. Они дарили утешение. Спокойствие. Впервые за свою жизнь Макен ослабил контроль и просто чувствовал.

Сверхчувствительная тлеющая связь, что всегда пульсировала между ними, обострила восприятие Макена. Время потеряло значение.

Когда он закрыл глаза, то все равно видел их, один стоп-кадр за другим, как вспыхивала их любовь. Хаммер сложил каждый снимок в копилку памяти, храня их на случай, если федералы его посадят. Он будет лелеять и переживать каждый момент, когда будет сходить с ума от горя, одиночества и потребности.

Но он не просто видел их вместе. В данный момент он был полностью с Рейн, так настроен на нее, распознавая каждый нюанс, что даже что-то такое простое, как ее дыхание, пробудило в нем чувства.

Изгиб ее губ пленил его. Он склонился ближе и обвел их пальцем. Ее завораживающий женский аромат витал в воздухе, пьянил. Она заставляла его до боли желать почувствовать ее, вкусить. Подмять ее под себя и никогда не выпускать.

— Я хочу заняться с тобой любовью, прелесть.

Ее ресницы опустились на щеки, а губы изогнулись в нежной улыбке.

— Мне бы это понравилось.

— Послушай меня, Рейн. Я имею в виду не секс и не энергетический обмен. Сегодня ночью я хочу быть просто мужчиной, который любит женщину.

— Макен... — Единственная слезинка прочертила дорожку вниз по ее щеке. — Я всегда ощущаю твою любовь.

Даже когда он был не с ней. Даже когда он отдавал ее не добровольно.

Подушечкой большого пальца он вытер прозрачную каплю и обнял девушку.

— Не знаю как, но я каждый день благодарю Бога за то, что ты есть.

Он не смог бы, не стал тратить больше ни секунды. С безграничной заботой он поднял любимую, прижав ее ближе, когда она обхватила его стройными ногами. Она скользнула руками по задней части его шеи и послала ему вопросительный взгляд.

— Я хочу касаться тебя так, как никогда не касался, — сказал он ей.

Пока Хаммер нес ее вверх по лестнице в спальню, Рейн зарылась лицом ему в шею, как если бы не могла прижаться ближе, не могла им надышаться.

Оказавшись за дверью, она зарылась пальцами в его волосы и снова притянула его к своим губам. Макен даже не успел дойти до постели, как им овладело желание. Он прижал ее к стене, завладел ее ртом и вложил в поцелуй всю душу. Он занимался любовью с ее ртом, смакуя, мучая, дразня, пока ласкал ее язык чувственными наступлениями и отступлениями. Она задержала дыхание, вцепилась в его рубашку, нежно потираясь об него и вскрикивая в мольбе, прося о любви и страсти, которые мог дать только он.

Рейн терлась об его эрекцию, натянувшую брюки. Она выгнулась, откинула назад голову. Сквозь преграду их одежды он мог чувствовать ее тугие соски, упирающиеся ему в грудь. Изящная линия ее шеи манила его. Хаммер не смог воспротивиться. Он провел губами по ее коже, вдохнув ее аромат, крепко удерживая Рейн, он со стоном проделал путь обратно к ее губам.

Она ждала, когда он коснется ее. Их рты слились. Она ощущалась такой маленькой, но живой в его руках, когда он развернулся и бережно понес ее к постели, затем положил посередине в сияние лунного света, падающего от окна.

Нависнув сверху, он смотрел на нее. Разглядывал. Изучал. Она взирала на него, ее губы припухли, глаза блестели от страсти.

Хаммер не отверг и не умалил важность момента волчьим оскалом или кривой ухмылкой. Вместо этого он обнажился, не сняв ни единой нитки, позволяя ей видеть его нутро, все, вплоть до костей.

До самой души.

Едва ли она понимала, как он сумеет прожить шесть лет, не открывая перед ней свое сердце. Как он вообще переживет следующие тридцать? Он дошел до потребности по Рейн, зависел от факта ее присутствия возле него. Он просто думал, что она всегда будет рядом. Полный шок от того, что он мог стать тем, кто уйдет, был почти сверх того, что он мог вынести.

Костяшками Макен провел вниз по ее щеке, большим пальцем приласкал ее нижнюю губу. Он посмотрел в ее вопрошающие глаза. На ее красивом лице были написаны все эмоции, которые она ощущала. Он мог прочесть ее с такой легкостью. Она хотела быть для него всем, желала отдать ему все, чего бы он ни захотел.

По какой-то причине она не догадывалась, что уже сделала это.

— Сегодня ночью твоя любовь нужна мне гораздо больше, чем власть над тобой, — прошептал Хаммер ей в губы. — Бери все, что пожелаешь. Тебе не нужно позволения на это.

У нее перехватило дыхание. Рейн обхватила его лицо.

— Я хочу всего тебя.

— Я твой. И был твоим дольше, чем мог признать.

Больше не сказав ни слова, Рейн села и расстегнула пуговицы на его рубашке, стянув ту с одного плеча, затем с другого, легкими касаниями губ и поцелуями покрывая обнажающуюся кожу. Затем она расстегнула ремень, поиграла с пуговицей на slackсах. Своим молящим взглядом она искушала его, зарождая покалывание не только в члене, но и по всему телу. Когда с тихим звуком была расстегнута молния, по коже у него побежали мурашки. Обычно он все контролировал. Теперь же он не мог справиться даже с собственным дыханием. Он никогда не чувствовал ничего похожего на это чудо — ощущение, что следующим своим касанием она сможет как утолить его нужду, так и вырвать сердце.

Хаммер подозревал, что это не единственные ощущения, которые она подарит ему этой ночью. Он был готов и ох-как-блять сильно желал испить их все.

Неоновые цифры на часах у изголовья светились синим в темной комнате. Он был потрясен, увидев, что с тех пор, как ушла семья О'Нейлов, прошло несколько часов. Как могло прийти ощущение, что он и Рейн были заключены в какой-то прекрасный пузырь, в котором не было течения времени и можно было задаваться вопросом, не лопнет ли он в любой момент?

Рейн плавно провела пальцами по его груди, мягко царапнув соски ногтями, вниз к пупку, прежде чем спустить штаны с бедер и обнажить ствол. Макен забыл о часах. Вместо этого он глубоко вздохнул и выдохнул, пока следил за каждой полной поклонения лаской. Зверь внутри него даже не приподнялся, словно знал, что мужчина не сможет выжить без ее любви.

— Никогда не устану касаться тебя, — пробормотала Рейн, — ощущать твердые мускулы под гладкой горячей кожей.

Он мучительно втянул в себя воздух, пока она искушала его скользящими ладонями и касаниями губ.

— Я таю каждый раз, когда ты меня касаешься.

Покалывающие ощущения от пробужденной плоти распространялись до тех пор, пока он не мог бы поклясться, что его сердце разлетелось на куски.

— Сними штаны, — пробормотала она, процарапывая себе путь вверх по его плечам и прижавшись к его челюсти.

Господи, ему хотелось не двигаться, а просто лежать и наслаждаться ее любовью.

Почему он никогда не знал, сколько удовольствия может подарить ему женщина, если не он будет командовать?

Потому что он никогда не позволял кому-либо иметь над ним такого рода власть.

Ради Рейн он уступил. Непроизвольный стон протеста вырвался у него из груди, но он скинул штаны и вернулся в постель, встав над девушкой на колени и просто ожидая.

Она улыбалась, поедая его взглядом. Пока она оставалась полностью одетой, у нее имелось очевидное преимущество. Хаммер понял всю иронию смены их ролей, но ему было плевать. Он просто закрыл глаза и вспоминал ощущение ее нежных, мягких рук, ласкающих каждую часть его тела.

Когда она прошлась языком по каждой мышце его пресса и обхватила пальцами его ноющий член, бедра Хаммера качнулись вперед. Она убивала его... как и всегда... но этот случай был совершенно другим. Для мужчины, повернутом на контроле, она раскрывала его быстрее, чем сматывала нить.

Удивительно, но ему будто... нравилось.

— Рейн, малышка, я хочу ощутить твою кожу. Мне нужно зацеловать тебя всю. — Он не требовал от нее раздеться и не говорил, что намерен снять с нее одежду. Он просто начал раздевать ее.

И хотел, чтобы это длилось вечно.

Хаммер потянулся к краю ее ярко-розовой футболки, сдвигая вверх по ее животу, груди и над головой. Он поднялся на ноги, помог ей встать перед ним. Обернув руки вокруг ее талии, он нащупал пуговицу и замочек на короткой юбке. Расстегнул и спустил одежду по бедрам. Благодаря его ловким пальцам, ее бюстгалтер упал следующим. С улыбкой он опустил ладони на выпуклость ее живота.

— Я изменилась, — она прикусила губу.

— Ты прекрасна. Сейчас ты больше похожа на женщину. На нашу женщину.

Она была такой совершенной, маленькой, хрупкой по сравнению с ним и Лиамом. Удивительно, как они не сломали ее. В некоторых случаях она была намного более выносливой. Она будет изумительной матерью. В этом у него не было сомнений. С каждым днем изменения, происходящие в ее теле, становились все более очевидными. Что еще он пропустит. Еще одна боль, которую Хаммер не мог унять.

Из-за того, что он больше не мог ждать ни минуты, он ринулся с поцелуем к ее губам. Но легкое прикосновение превратилось в нечто большее. Он погрузился в нее, утонул в ней, падая все глубже и глубже...

Проклятье, он потеряет ее. Каждый вздох, каждый крик экстаза, каждый задыхающийся вопль, каждое хихиканье и смех, каждое слово во время ругани и каждую гребаную слезинку, которую она прольет по нему.

Когда Хаммер отстранился, чтобы запечатлеть ее взглядом, то увидел глубокую печаль на ее лице.

Она рвано вздохнула.

— Мак...

Он вновь поймал ее губы, украв слова. Он не хотел разговаривать о ее будущем, которое, вероятно, не будет включать его самого, и отказывался тратить хотя бы секунду, погрузившись в сожаление. Ему хотелось объединить свои сердце и душу с ее и пронести эту бесценную ношу до конца их дней.

Ее губы задрожали под его губами. Макен чувствовал, как ее теплые слезы скатываются между ними. Его охватила печаль. Хаммер подавил ее. Никто и ничто не испортит их пребывание друг с другом.

Обхватив ее затылок, он нежно скользнул ей в рот. Поглаживая каждую впадинку и выпуклость, он вздохнул, когда их языки слились в плавном, влажном скольжении.

Когда он отстранился и ткнулся носом ей в щеку, покрывая ту нежными поцелуями, из ее горла вырвались короткие всхлипы.

Сердце Хаммера распадалось на части. Он наконец встретился лицом к лицу с собственными призраками, убедил себя, что настало время начать жизнь заново... а теперь? Он может потерять все это.

Не доказав, сколько она для него значит.

Стирая большими пальцами слезы с ее щек, он покачал головой.

— Никаких слез, прелесть. Я даю тебе больше власти над собой, чем сознательно давал кому-либо за всю свою жизнь. Я хочу посвятить каждую секунду этой ночи памяти. Ты

поступишь так же?

Рейн рвано вздохнула, затем прижала ладонь к губам. Оставив поцелуй в центре ладони, она положила его руку поверх своего сердца.

— Сегодняшней ночью, завтра... я увлеку тебя за собой навечно, Макен.

Ее нижняя губа задрожала, но ради него Рейн взяла себя в руки. Она обхватила его за шею и притянула к своим губам. Хаммер охотно поддался, лаская ее нежную обнаженную плоть, упиваясь ощущением того, как она омывала его своей любовью. Когда она провела языком по его сомкнутым губам, он открылся ей, позволив исследовать, как она делала для него.

Распаляясь, она обхватила его запястье рукой и положила его ладонь на свою грудь. Он поддался ее желанию и поднял вторую руку, сменяя эти тяжелые полушария, скользя большими пальцами по соскам. Она вскрикнула ему в рот и выгнулась.

— Ты мне нужен, Макен, — пробормотала она.

— Ты тоже нужна мне.

Зацеловав ее до бесчувствия, он потянул Рейн на постель за собой. Ее трясло, и он откинул волосы с ее лица в самой нежной ласке, затем снова поцеловал, смакуя гладкость ее губ и языка. Казалось, он не мог насытиться. Проложив ртом дорожку по ее челюсти, он наклонился, покусывая и тут же облизывая чувствительное местечко за ушком.

Она обняла его и впиалась маленькими ноготками в его спину. Он задрожал, и его член дернулся. Ему хотелось раздвинуть ее влажные складочки и погрузиться в нее. Вместо этого он опустил еще ниже и захватил губами один из сладких сочных сосков. От вдоха наслаждения ее плечи приподнялись над матрасом, словно предлагая себя ему. Хаммер не спешил и томно омывал обе груди влажным жаром, пока Рейн не захныкала, и не стала выгибаться и стонать.

Окружающий их воздух загустел. Жар и жажда превратились в необходимость.

Тем не менее Хаммер не собирался спешить с этими полными нежности моментами. Рейн была слишком особенной, слишком важной. Ее стоны и мольбы воспаляли его, но этот огонь был совершенно не похож на все, что он чувствовал раньше. Макен удивлялся, как мог прожить жизнь, не зная о таком сносящем мозг состоянии и потоке необузданной страсти. До сих пор он не понимал, что любимые люди, когда он отдает им власть, возвращают её ему в десятикратном размере.

Когда он поднял голову, то увидел, что ее лицо сияет от любви... чистой, первобытной, правдивой. Его сердце сжалось. Тело задрожало.

— Я мог бы остаться здесь, на всю жизнь потерявшись в твоих глазах.

— Сделай это, — простонала она. — Остайся со мной. Навсегда. Пожалуйста.

Он никогда не давал обещаний, которые не мог выполнить. И не собирался начинать сейчас. Он слишком любил Рейн, чтобы лгать.

Макен подавил боль, поднимающуюся внутри, и мягко поцеловал Рейн.

— Я буду с тобой все время, сколько будет длиться наша вечность, прелесть. Даю слово.

— Нашей вечности никогда не будет достаточно.

Он кивнул и прижался своим лбом к ее лбу.

— Тогда мы сделаем каждую гребаную секунду неповторимой.

Подняв голову, он переместил вес. Нависнув над девушкой и опираясь на одну руку, другой он потянулся между их телами и обхватил уже готовый член. Рейн в молчаливой просьбе развела ноги.

Открываясь.

Приглашая.

Не защищаясь, она обнажила перед ним свои сердце и душу.

Он пристально смотрел на нее сверху вниз, она выглядела словно мечта каждого мужчины. Она всегда принадлежала ему.

Рейн была самым любимым даром, который когда-либо делала ему жизнь. Она была великолепна. От иссиня-черных волос, рассыпавшихся по белой подушке, до окрашенных розовым лаком нежных пальчиков ног, включая каждую дерзкую, волевою, отзывчивую часть между ними.

От всего этого ее великолепия у него перехватывало дыхание, всегда так было... и всегда будет.

Его взгляд застыл на ней, Хаммер неровно втянул воздух.

— Навсегда, прелесть.

— Навсегда. — Две крупные слезинки пролились из ее глаз.

Горьковато-сладкая улыбка приподняла уголки его губ, когда он, медленно надавливая, направил свой член в ее влажные складочки. Медленно погружаться в ее припухшую сердцевину было сродни близости к раю, насколько такое было возможно.

Глядя в ее полные слез глаза, Хаммер продвигался вперед, потихоньку, а Рейн прижимала его все сильнее. Вцепилась так, словно никогда не отпустит. С надеждой, что никому из них никогда не придется расстаться.

Хаммер расположился внутри нее. Грудь Рейн поднимались и опускались, пока гладкие стеночки окружали его своим жаром, самой ее сущностью. Он вышел из нее таким же тщательно-неторопливым движением, наблюдая, как раскрываются ее губы и чувства отражаются на лице.

— Ты так чертовски красива. — Хаммеру хотелось плакать.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя красивой. Живой и любимой. О, Макен...

— Рейн вздохнула и обняла его.

Хаммер зарылся лицом ей в шею. Обеими руками он сжал ее за бедра и усадил на себя, погружаясь глубже. Он нежно обхватил ее за талию, а затем медленно приподнял и опустил на свой ствол. Она взяла в ладони его щеки и поцеловала, прижавшись ртом к его губам.

Заклученные в самодельный пузырь совершенства, их стоны и вскрики наполнили воздух в песне страсти. Языки переплелись, тела раскачивались — это была физическая поэма их любви. Неторопливо, чувственно они поднимались к звездам, распадаясь на блестящие обнаженные частицы эротической красоты.

Бескостные, истощенные и полностью удовлетворенные, они оставались связанными воедино. Он держал ее в своих объятиях, пока по телам пробегали отголоски страсти. Хаммер поклялся, что проведет следующие сорок два дня в любви и заботе о ней, оставляя у нее внутри нестираемую печать, чтобы память о нем продолжала гореть в ней, словно пламя.

Этого было недостаточно. Никогда не будет достаточно, ни для кого из них.

Хаммер подавил боль, закрыл глаза и притянул Рейн еще ближе. Пока он проводил пальцами по ее волосам, она уплыла в сон. Слушая ритмичный звук ее дыхания, он наслаждался мягкостью ее кожи, ощущением ее тепла, пышным телом рядом, смешанным ароматом их секса.

Когда в комнату скользнул Лиам и, улыбнувшись им, наклонился, чтобы поцеловать Рейн во все еще румяную щечку, Макен подарил улыбку лучшему другу. И впервые в своей

жизни он почувствовал себя хорошо и по-настоящему цельным.

Девятнадцатое февраля. Вторник

С тех пор, как пошел в школу в первый раз, Хаммер еще никогда так сильно не нервничал. Сидя в приемной, перед кабинетом гинеколога Рейн, окруженный женщинами, некоторые из которых выглядели так, словно были на сороковой неделе беременности, Макен желал залезть на стену. Рейн плавно поглаживала его костяшки подушечкой большого пальца, пытаясь успокоить. Интересно, удастся ли ему избежать нервного срыва, когда Рейн соберётся рожать? Проклятье, будет ли он вообще рядом, когда это случится? От мысли, что он пропустит появление на свет их ребенка, настроение стремительно ухудшилось.

«Не начинай, придурок».

После вечера с Рейн и их занятий любовью, у него получилось отодвинуть свои страхи. При этом он крепко держался за ощущение полноты, которое познал тогда. С того момента, как проснулся нынешним утром, он изо всех сил пытался сосредоточиться на том, чтобы ценить каждую секунду свободы рядом с любимыми людьми. А теперь он будет слушать, как бьется сердечко их ребенка.

Позже, он знал, ему придется принять решение.

Но он ни за что не позволит страху или чему-либо еще испортить этот момент.

Через кресло от него, Лиам наклонился, чтобы поцеловать Рейн в щечку. Соприкоснувшись лбами, они обменялись полным надежды, интимным взглядом. И когда она повернулась к Макену в безмолвном вопрошании, он не смог оставить ее без ответа на вопрос, взволнован ли он тем, что сможет услышать первые признаки их растущего ребенка. Он бережно положил руку ей на живот и улыбнулся.

Со всех сторон он ощущал бесцеремонные пристальные взгляды, даже откровенно враждебные от остальных будущих матерей. Он игнорировал их. Никто не разрушит для них этот момент.

— Рейн? — позвала пожилая женщина, держащая в руках медицинскую карту и одетая в ярко-синюю медицинскую форму, открыв широкую дверь.

Они с Лиамом оба вскочили на ноги и подали Рейн руки. Она вложила пальчики в ладонь каждому и встала, волнение проявилось в ее дыхании.

— Пора.

— Ничего себе, — пробормотала женщина, пока они проходили мимо.

— Может быть, один из них друг, а второй отец, — предположила другая шепотом, который был слышен всей комнате.

Рейн обернулась к сплетницам.

— Нет, они оба мои мужчины и отцы нашего ребенка, несмотря на то, что это не ваше дело.

Хаммер не смог удержаться от сдавленного смеха, когда Рейн гордо взяла его и Лиам за руки и продефилировала к медсестре. Она даже не оглянулась, чтобы посмотреть, как челюсти беременных упали от шока. Ошеломленные вздохи двух осуждающих дур сказали все.

— Молодчина, девочка, — выдала еще одна будущая мамочка, когда они проходили мимо.

На лице Лиамы расплылась широкая улыбка.

Как только они прошли мимо медсестры, ожидающей их в дверном проеме, Хаммер наклонился и пробормотал Рейн на ухо:

— Ты плохая девчонка. Мне это нравится.

— Вас двоих невозможно куда-либо взять, — поддразнил Лиам.

— Меня? Какого хр... черта я сделал? — исправился Хаммер перед обществом женщин, собравшимся в конторе по обучению обращению с детьми.

Медсестра рассмеялась и жестом показала Рейн встать на весы. После того, как та скинула обувь и встала, мужчины посмотрели на цифры, появившиеся на электронном табло.

— У вас бывает утренняя тошнота? — спросила медсестра. — Вы потеряли один килограмм восемьсот граммов.

Хаммер и Лиам обменялись взглядами. Стресс и хаос, обосновавшиеся сейчас в их жизни, влияли на любимую и их ребенка. Макен чертовки сильно желал иметь возможность остановить все это ради всех них.

— Нет, — ответила Рейн. — Просто у меня не очень хороший аппетит.

Хаммер бросил на нее хмурый взгляд из-за ее вранья.

— Мы будем силой кормить ее, если придется, — заверил Лиам.

— И не сомневаюсь. — Медсестра улыбнулась Рейн понимающей улыбкой. — Вы счастливица. У некоторых женщин нет даже одного мужчины, помогающего переносить беременность, не говоря уже о двоих.

— Могу поспорить, в их доме очень тихо, — отшутилась Рейн с дерзкой ухмылкой.

— И стирки меньше.

— Тебе придется ответить за этот комментарий... позже, — прошептал Хаммер ей на ушко.

Медсестра предпочла сделать вид, что не слышит, пока брала у Рейн кровь и измеряла температуру, затем провела их в кабинет для обследования. Вновь приобретенный телефон Макена — прежний изъяти федералы — завибрировал в кармане. Он проигнорировал звонок и помог Рейн забраться на стол для осмотра.

Хаммер ни разу не был в кабинете акушера-гинеколога, но точно знал, что это за приспособление. Повертев в руках один из фиксирующих ремешков, он посмотрел на Лиаму. — Одно из таких подошло бы для темницы в доме, не так ли?

Приятель кивнул.

— Представляю себе открывающиеся возможности.

Подойдя к подножью стола, Лиам вытянул крепящие ремни.

Рейн шлепнула его по плечу.

— Что ты делаешь? Прекрати. В любую секунду сюда войдет доктор. Убери это обратно.

— Не так быстро. Ляг, любимая. — Лиам погладил ее по бедру. — Просунь свои маленькие ступни в эти ремешки. Доктор Хаммер и я вылечим то, что тебя беспокоит.

Лицо Рейн стало ярко-красным. Макен не смог удержаться от смеха.

— Лиам Шон О'Нейл, ты выжил из своего ирландского ума, если думаешь...

Легкий стук в дверь прервал разглагольствование Рейн. Она тотчас закрыла рот и послала Лиаму умоляющий взгляд. Он вернул ремешки на место прямо перед тем, как вошел настоящий врач.

Лицо Рейн все еще оставалось ярко-красным.

Хаммер дал ей некоторое время, чтобы прийти в себя, и шагнул вперед.

— Рад видеть вас вновь, доктор Паркер. Прошло уже несколько лет.

— И я рада, Макен. — Женщина пятидесяти с лишним лет посмотрела на Лиам. — Я

— доктор Абигейл Паркер.

— Лиам О'Нейл, — ответил он, протягивая руку.

После обмена любезностями врач сосредоточилась на пациентке. Паркер была обеспокоена потерей Рейн веса, так же, как Макен и Лиам. Но Рейн убеждала доктора, что наберет немного к следующему приему.

Две женщины обсудили все, что имело отношение к беременности, или так казалось Хаммеру. Даже Лиам, похоже, хотел продолжить шоу. Или он просто желал, чтобы врач ушла, чтобы он смог еще немного подразнить Рейн ремнями.

Наконец доктор Паркер отложила ручку и блокнот.

— Кто готов послушать сердцебиение?

— Я. А вы оба, папашки, готовы к этому? — спросила Рейн задумчиво.

— Без сомнений, любимая, — просиял Лиам. — Не могу вспомнить, когда так сильно волновался.

— Проклятье, да, — согласился Хаммер.

Рейн легла на стол и подняла рубашку. Она стянула пояс штанов для йоги вниз по бедрам и глубоко вздохнула. Доктор Паркер выдавила Рейн на живот нечто похожее на гель. Комната погрузилась в пронзаемую ожиданием тишину, когда врач прижала маленький ручной прибор к выпуклому животу Рейн. В то же мгновение воздух огласил громкий, потрескивающий статический фон.

Затем кабинет внезапно наполнился мягким, частым звуком: тук, тук, тук. Улыбка, засиявшая на лице Рейн, могла бы осветить весь Лос-Анджелес. Слезы счастья полились из ее глаз. Лиам стоял и смотрел на нее с восхищением и трепетом на лице. Сердце Хаммера сжалось, в горле встал комок. Он слышал сердцебиение ребенка, которого они создали вместе, качающее кровь, растущее, живое.

Все страхи и тоска, отодвинутые им, всплыли на поверхность покрывалом паники.

— Боже мой. Это поразительно, — выдохнула Рейн. — Это наш ребенок.

— Так и есть, любимая. — Лиам пожал ее руку. — Это самый замечательный звук, который я когда-либо слышал. О, Рейн. Наша кроха такая сильная.

Лиам прав. И Хаммер не мог прекратить задаваться вопросом, что, черт подери, он будет делать, если пропустит другие значимые моменты жизни этого ребенка. Блять, он должен задавить беспокойство, не позволять ему расти в этот чудесный момент.

Вскоре, вероятно, у него будет тридцать лет, чтобы потратить их на сожаления.

Он быстро наклонился к будущей мамочке и наградил ее медленным, полным любви поцелуем.

Когда же он вновь поднялся, Рейн кинула на него обеспокоенный взгляд.

— Макен?

Он потер глаза, словно был ошеломлен. А так и было. Радость боролась с печалью, выбив из него дух. Слышать сердцебиение, видеть выпуклый животик Рейн, это ошеломило его на совершенно ином уровне.

Как он сможет пережить, если не поприветствует вместе с ними новую жизнь, не увидит и не разделит с ними взросление их ребенка? Как ему вынести осознание того, что

жизнь пройдет без него?

«Не здесь, придурок. Держи свое дерьмо при себе. Ты не можешь прямо сейчас провалиться в эту дыру».

— Это поразительно, прелесть, — наконец, выдавил он. — Чудесно.

Лиам отступил, и Хаммер быстро наклонился и сгреб ее в объятия. Борясь с желанием врезать кулаком в стену, он нежно обхватил руками лицо Рейн и поцеловал ее.

— Ты счастлив, да?

Он был счастлив за нее и Лиамом и не был в восторге от кучи обломков, в которую превратился. Но, будь он проклят, если вывалит на нее хотя бы частичку.

Напялив на себя маску спокойствия, он послал ей широкую улыбку.

— Я более чем счастлив. У этого ребенка никогда не возникнет вопроса, любят ли его или ее.

«Рейн и Лиам проследят за этим».

— Никогда, — подтвердила она.

Хаммер отступил и отвернулся, прежде чем рвано и глубоко вздохнуть. Пока Паркер разговаривала с Рейн, он ходил, чтобы нейтрализовать кислоту, текущую по венам. Но единственное, на чем он мог сосредоточиться, это на обнаружении ублюдка, подставившего его, и если ему представится шанс, он отомстит этому мудаку всеми известными способами.

— Увидимся, Макен. — Доктор Паркер улыбнулась и покинула комнату.

«А может, и нет».

— Спасибо, — успел сказать Хаммер как раз перед тем, как дверь закрылась.

— Давай приведем тебя в порядок, а? — Несколькими салфетками Лиам вытер гель с живота Рейн, натянул штаны, а затем притянул ее в свои объятия. — Поверить не могу, что тот звук шел от нашего ребенка.

— И не говори, — пискнула Рейн. — Это было... потрясающе.

«Пользуйся моментом. Он может стать последним».

Стиснув челюсти, Хаммер пересек комнату и прижался к спине Рейн. Он обвил руками обоих, а затем закрыл глаза и вдохнул ее запах. Нагнувшись, он поцеловал ее за ушком.

— Слушать это сердцебиение было более чем поразительно. Ты будешь феноменальной матерью.

— Потому что у меня есть два феноменальных папочки в помощь, — развернувшись, она подняла к нему голову. — Я просто знаю это.

Она поцеловала его, и Хаммер чертовски сильно хотел разделить с ней ее уверенность.

— Давайте пообедаем. Надо нарастить немного мяса на твои кости, любимая. — Лиам обхватил в чашу ладони ее щечку и повернул к себе, так же поцеловав ее.

— Да, мы должны сделать так, чтобы ты набрала вес.

— Не слишком много. Совершенно не желаю ходить как утка.

— Но зато тебя станет больше для любви, прелесть, — пробормотал Хаммер.

Борясь с собой, чтобы остаться в настоящем, он вновь искал тот кусочек покоя. Но он не обманывал себя. Было слишком просто впасть в отчаяние, если он не будет начеку.

После обеда в любимой пиццерии Рейн, они вернулись домой. Брин вцепилась в Рейн и настояла на том, чтобы они отправились покупать товары для детской. Дункан, благословив его Господь, согласился свозить женщин и носить сумки с покупками. Он подмигнул сыну и хлопнул жену по попке, а затем они втроем вышли за дверь.

— Что скажешь, если мы захватим пару бутылок пива и посидим у бассейна? —

предложил Лиам.

— Согласен.

Ветерок был немного прохладным, но солнце грело, небо переливалось всеми оттенками синего. Это было прекрасное послеполуденное время, чтобы провести его во дворе.

— Как ты? — спросил Лиам.

— Пока все в порядке. — Он кивнул, прежде чем сделать большой глоток из бутылки.

— Прекрати мне врать, — упрекнул Лиам. — Сегодня в кабинете врача ты делал это не столь хорошо.

— Нет. Но я вытащил голову из задницы.

— Да? Или ты говоришь мне то, что я, по твоему мнению, желаю услышать?

Хаммер покосился на него.

— Зачем бы мне это?

У друга вырвался безрадостный смешок.

— Чересчур оберегаешь меня от беспокойства о тебе. Ты слишком опоздал, к слову. Поезд ушел. Я знаю, ты беспокоишься и депрессируешь. Поговори со мной, Макен.

— Да, я полагаю, дерьмовый горшок с моими эмоциями кипит.

— Ты, по крайней мере, признался в том, что у тебя имеются эмоции. Это прогресс. Наконец-то. — Лиам сделал глоток из бутылки. — Ты от нас что-то скрываешь. Что?

— Иисусе, несколько дней рядом с мамой и ты превратился в гребаного чтеца мыслей?

— Дело в твоей ауре. И твоя не просто потускнела. Она вообще потеряла блеск. Стала темной.

— Я отдам ее на покраску и полировку.

— Не начинай эти долбаные увертки, — прорычал Лиам. — Я наелся этого дерьма по самые гланды. Как и Рейн. Ни один из нас не хочет потерять тебя. Прекрати быть задницей и поговори со мной откровенно.

За дело раскритикованный, Хаммер вздохнул и кивнул.

— Хорошо. Хорошо. Кончай!

Макен бросил на него злой взгляд.

— Что кончать? Я не произнес ни слова.

— Это мама. Она бубнит мне, чтобы я проявил больше понимания.

Хаммер покачал головой.

— Иисусе, все это становится все более странным. Она заглядывает к нам, когда мы... ну, ты знаешь, с Рейн?

Лиам рассмеялся.

— Проклятье, нет. За исключением какой-нибудь непредвиденной ситуации, похожей на ту, когда они приехали.

— Тогда я был чертовски благодарен за твое горевшее ухо. — Хаммер поднял свою бутылку в тосте.

Лиам последовал его примеру, а затем она оба глотнули еще.

Потянувшись к карману, Хаммер вытащил телефон.

— Пока мы были в кабинете у врача, мне звонил Стерлинг. Я все еще не прослушал его сообщение.

— Почему?

— Если честно, я не хочу больше слышать плохие новости.

Лиам тяжело вздохнул, затем нагнулся и пожал плечо Макена.

— Я не пытаюсь грузить тебе еще больше. А пытаюсь разделить с тобой ношу, если ты позволишь.

— Знаю. Вся эта долбанная неурядица навалилась на твои плечи. Мне ненавистна мысль, что, вероятно, тебе нужно будет...

— Я с радостью возьму на себя твою ношу, брат. Ты же знаешь, я всегда тебя прикрою. Если до такого дойдет, то я сделаю все, что в моих силах, чтобы позаботиться о Рейн и нашем ребенке. — Лиам кивнул на телефон. — Прослушай сообщение.

Трясущимся пальцем Хаммер нажал на кнопку, а затем крепко сжал аппарат.

— Макен, это Стерлинг. Все выглядит... мрачно. Я жду более подробную информацию от Веллингтона, но есть кое-что еще, что я должен тебе сказать. Если федералы не смогут осудить тебя, то штат предъявит обвинение в изнасиловании. Я только что просмотрел видео с тобой и Рейн в клубе от четвертого ноября. Господи Иисусе, Макен. После такого нет абсолютно никакого шанса, что я смогу сделать так, чтобы она не появлялась в суде. Без показаний Рейн тебя распнут. Я знаю, ты хочешь защитить ее, но больше такой возможности нет. Присяжные увидят эту запись и разберут ее по кадрам. Нам повезет, если это не всплывет в СМИ. — Он помолчал. — Позвони мне, как только сможешь. Обсудим это подробно. Жаль, что у меня не оказалось более хороших новостей.

Хаммер пристально смотрел на телефон, ошеломленный и онемевший.

— Проклятье, — гаркнул Лиам. — Ты говорил Барнсу не допустить того, чтобы Рейн давала показания? Черт, мужик, да целая армия не сможет увести ее от стойки свидетелей. Только попробуй остановить ее. Она пойдет к судье, топнет своей изящной ножкой и потребует возможности рассказать ее версию событий.

— И что потом? — выплюнул Хаммер. — Позволить обвинению выжечь алую букву А у нее на лбу? Рейн... ты... я... Все мы окажемся на обложке каждого гребаного издания отсюда до самого Нью-Йорка. Они заклеят тебя извращенцем, а меня педофилом. Рейн выпадет честь стать известной в качестве секс-рабыни на всю ее оставшуюся жизнь. А что насчет нашего ребенка? Будет не важно, какая у ребенка фамилия, Хаммерман, О'Нейл или Кендалл, наш ребенок пронесет унижение от всей этой неразберихи через всю свою жизнь. Ты этого хочешь?

Глаза Лиама становились все шире, и он вскочил со своего кресла.

— Нет. О черт, нет, Макен. Ты не можешь.

— Не могу что? — выпалил он.

— Пройти через все, что ты задумал. Гребаный ад, мужик. Ты что, умом тронулся?

Рот Хаммер открылся от изумления.

— Откуда ты... Брин!

— Мама здесь ни при чем, приятель. — Глаза Лиама сверкали от ярости, пока он придвигался ближе к лицу Хаммера. — Ты этого не сделаешь. Я, блять, вижу тебя насквозь. Твои мысли, словно чертова вывеска, сверкающая и переливающаяся, у меня перед лицом. Так что не говори мне, что ты в порядке, Макен. Меня тошнит от беспокойства. Даже думать не смей, что я останусь здесь один.

Хаммер швырнул свою бутылку на стол, пальцы сжал в кулаки и ударил его в челюсть.

— Убирайся из моей головы. Я не приглашал критиковать меня прежде и чертовки уверен, что не позволял читать мои чертовы мысли.

Лиам поднял руку к лицу и потер его.

— Значит, мы снова вернулись к старому, да? Пусть будет так, приятель. Я брошу твою задницу в бассейн и буду ржать.

Не говоря ни слова, Хаммер снова замахнулся, но Лиам был быстрее. Он впечатал кулак в живот Макена, выбив из него дух.

— Желаешь продолжить или сесть и поговорить, тупой ублюдок? — выплюнул Лиам.

— Пошел ты.

— Да, да. Сам ты пошел. — Лиам покачал головой. — Мы можем провести время, избивая друг друга, и после этого Рейн упакует свои вещи. Но, в конце концов, одна из твоих проблем будет решена, верно? Или ты можешь остановить свой тестостероновый всплеск и начать использовать мозг?

— Тестостероновый всплеск? — Хаммер не смог удержаться от смеха.

Лиам ухмыльнулся.

— Привлек внимание, да?

— Будь ты проклят. — Хаммер вздохнул, лицо его смягчилось, а напряжение схлынуло. — Что мне делать?

Прежде чем он смог хотя бы попытаться взять себя в руки, Лиам сгреб его в объятия.

— Ты не станешь делать ничерта, кроме как разруливать все это вместе с нами. Слышишь меня?

Хаммер глубоко вздохнул. Он мог только пообещать попытаться.

— Эта буря дерьма пройдет. Я должен верить, что мы втроем переживем ее и, когда все закончится, все еще будем вместе. Как говорит Сет, наша жизнь — это гребаная мыльная опера, а эти чертовы драмы всегда заканчиваются так или иначе.

Хаммер кивнул, но задался вопросом, неужели их везение кончилось.

— Ты мне нужен, брат. А тебе нужен я. Может, ты так не считаешь, но...

— Я нуждался в тебе годами. — Хаммер вздохнул. — Но просто был слишком упрям, чтобы признать это.

— Никогда не поздно понять некоторые вещи, приятель. Я рад, что ты это сделал.

— Ага, хорошо... один из нас тормозит в подобном дерьме по сравнению с другим.

— Хаммер хлопнул Лиаму по спине. — Я хочу, чтобы ты и Рейн подписали доверенности, что я оформил на вас той ночью.

— Ты что, блять, не слышал мои слова? — Лиам, набычившись, отодвинулся.

— Слышал. Но хочу быть готов, просто на всякий случай.

— Я понимаю твоё желание привести дела в порядок, но... черт. Мы обговорим все это вместе с Рейн сегодня ночью. Она имеет такое же право принимать решения. Мы — семья.

— Знаю. Просто... Если вы подпишете, мне будет спокойнее.

— Я подумаю. А еще на эту беседу я захвачу лопату для разгребания дерьма. Ты сможешь попытаться объяснить, что отказался от того, чтобы она давала показания.

Хаммер издал долгий болезненный стон.

Лиам оглядел бассейн, кривая улыбка растянула его губы.

— А может быть, она просто спустит тебя сюда и заставит еще раз искупаться в ледяной воде.

Хаммер запрокинул голову и рассмеялся.

— Да пошел ты.

Лежа в кровати, Хаммер пялился в потолок, а в голове у него бесконечное количество раз проигрывалось сообщение Стерлинга. После того, как он просмотрел видео своего

столкновения с Рейн в баре «Темницы», стало казаться, что адвокат был напуган. Несмотря на то, что все было по обоюдному согласию, очевидно, что видео этого не отображало. Вне зависимости, как он извернется, единственный человек, кто может спасти его жалкую задницу, это Рейн.

От мысли, чтобы бросить ее под поезд, Макен стиснул челюсти. Он не собирался позорить свою беременную, вымотанную девочку, заставив объяснять перед присяжными свои побои и ушибы. Если в дело вступит штат, то ей придется оправдывать каждый кадр этого проклятого видео перед десятками незнакомцев, что будут решать его судьбу. Так или иначе, сторона обвинения уничтожила бы любую крупницу уверенности в себе, которой она обзавелась. Пресса уже обрисовала ее, как работницу секс-индустрии и шлюху. ФБРовцы, желающие засадить его за решетку, без сомнений, еще и заклеят ее, как отвратительную мать. Новостные сайты и таблоиды напечатают малейшую сенсационную деталь, до которой доберутся. У нее больше никогда не будет нормальной жизни и чем это для нее обернется? Для Лиамы? Их ребенка?

Блять!

Макен отказывался сидеть, пока двух человек, которых он любил больше жизни, раздавят таким бесчувственным образом на глазах у всех.

В легких горел задушенный крик разочарования.

Закрыв глаза, он с силой втянул в себя воздух. Воспоминания о том, как он два с половиной дня сидел в камере, с ревом вернулись обратно. Он не делал ничего, кроме как копался в своей голове и позволял страхам и неуверенности топить его в самых темных глубинах своей души. «Ты не можешь защитить их...» — шептал голос на ухо Хаммеру. А еще он мог бы спасти себя от медленного соскальзывания в безумие длиной в тридцать лет, если бы сел в тюрьму.

Но цена была слишком высокой во всех плохих смыслах.

И тем не менее, он поклялся, что если Стерлинг не сможет доказать невиновность его, Макена, а окончание судебного дела выглядит мрачно, он возьмет будущее в свои руки. Он твердо намеревался сдержать это обещание. Будь он проклят, если позволит двенадцати безмозглым присяжным решать его судьбу.

Но сообщение Стерлинга еще больше убедило в том, что обстоятельства складывались не в его пользу. Будущее Хаммера сгорало в пламени, а долбаный суд еще даже не начался.

Ни в одном из своих худших ночных кошмаров Хаммер не представлял, что окажется в подобной ситуации. Но оказался, и выхода из нее было только два. И это заставляло его сердце пропускать удары, а каждый мускул дрожать.

Его накрывала паника. Внутри вздымались волны тошноты. Выступал холодный пот. Не в состоянии дышать, он откинул покрывало и соскочил с кровати.

Ага, возле бассейна он слышал подбадривающие слова Лиамы об их будущем и сам сказал другу, что тот прав. Он все еще мог надеяться.

Макен разозлился. Господи, он говорил, словно тупой идеалист. Лиам был настоящим другом, пытавшимся поддержать его, но Стерлинг раскрыл ему глаза на правду, тридцать лет. И если до него не доберутся федералы, то это сделает штат. У него не было выхода.

Раздраженный, он глубоко вздохнул. Не помогло. Стены смыкались вокруг.

Схватив одежду, брошенную туда ранее, Хаммер попытался приглушить возрастающее беспокойство. Пальцы дрожали, когда он застегивал пуговицы на рубашке.

Подойдя к кровати, он посмотрел на спящую пару. Лиам лежал, прижавшись грудью к

спине Рейн, одна его рука покоилась у нее на бедре, а раскрытая ладонь защищала их еще не родившегося ребенка. В этом был весь Лиам, любящий защитник. Макен не мог бы и мечтать о более лучшем друге.

«Друге? Нет». Чертов ирландец сразу же стал почти братом. Лиам был смешливым. Честным. Сострадательным. Понимающим. Он был той доброжелательной частичкой человечности, которой не хватало Макену. Этот поразительный ублюдок все еще дарил любовь и преданность, которые Хаммер не заслуживал.

Эмоции побежали быстрее, он посмотрел на Рейн. Она выглядела спокойной, кроткой. Линии беспокойства и страха, что появились меж ее бровей за прошедшие отвратительные дни, разгладились. Именно такой Хаммер и хотел ее запомнить. Господь знал, что она заслужила счастья и спокойствия. Рейн перенесла так много травм и боли. Последнее, что ей нужно, это отвечать за его грехи, нести на себе вес его унижений и стыда. Он бы сдвинул небо и землю, лишь бы не позволить ей давать показания. Он решит проблему, чтобы она и Лиам смогли жить нормальной жизнью.

Они заслужили это и много другое.

Макен скользнул взглядом по ее губам. Он ждал и зря потратил годы, до боли желая поцеловать сексуальный изгиб ее рта. Когда же это наконец случилось, на вкус она оказалась словно чистейший рай, намного слаще и мощнее, чем он представлял.

Сожаление из-за того, как все закончится, пронзило его сердце. Он еще даже не вышел из комнаты, а уже оплакивал потерю своей любви.

«О, Боже, как я собираюсь пройти через все это?»

Но ждать дольше он уже не мог. Если его признают виновным, то заперут и выбросят ключ. Не будет помилования в последнюю минуту, а он будет на десять тысяч девятьсот пятьдесят дней заперт в клетке, словно гребаный зверь. Его жизни с Рейн и Лиамом придет конец.

К чему жить, если все, чего он когда-либо желал, закончилось?

С ноющим сердцем и лавиной эмоций, Хаммер взял доверенности на Лиама и Рейн, которые оформил ранее. Сложив листы, что гарантируют их будущее, Хаммер положил их на прикроватную тумбочку. Вернувшись к комоду, с верхней полки он вынул свой паспорт, а затем сжал в ладони ключи, чтобы они не звякнули.

Он в последний раз посмотрел на Лиама и Рейн, горло сжалось, в глазах закипели слезы. Хаммер запечатлел их изображение у себя в мозгу, затем стиснул челюсти. Он вышел из комнаты и спустился по ступеням.

Пройдя на кухню, он помедлил. Образы Рейн, обнаженной и распластанной на мраморном островке, раскололи его надвое. Глаза закрыты, аромат корицы, смешанный с ее женским мускусным ароматом, едва не уничтожил его.

От сладко-горьких воспоминаний вскипела кровь, Хаммер отключил сигнализацию, открыл дверь гаража. Включив свет, он прошел через дверной проем и закрыл дверь, этим действием отрезав мечты о любви и счастье, которых достиг.

Потому что теперь ему нужно откинуть все это.

Дрожь предчувствия скользнула по его позвоночнику, когда он пристально смотрел на внедорожник Лиама. Положив руку на капот, он закрыл глаза.

«Прости. Знаю, ты никогда не поймешь, и я ни слова не скажу тебе. Но ты единственный человек, которому я доверю позаботиться о Рейн и нашем ребенке. Знаю, ты будешь любить, защищать и обеспечишь их домом. Я люблю тебя, чувак. И буду чертовски

скучать по тебе.»

Заставив себя медленно двинуться глубже в гараж, он погладил спортивную машину Рейн. Его внутренности скрутило. Боль, черная и густая, нависла над ним, выдавливая воздух из легких.

Когда он вновь закрыл веки, лицо Рейн наполнило внутренний взор. Ее синие глаза, сияющие любовью, пониманием и состраданием, едва не поставили его на колени. Сама не осознавая этого, она годами была его спасательным кругом. Она давала ему стимул отбросить чувство вины и сожаления и вновь попытаться жить. Не ради себя, а ради нее. Он пытался сделать все, как положено, и дать ей безопасный уголок. По большей части он преуспел. Но теперь этот акт доброты вернулся, чтобы уничтожить его самого и их мечты.

— Прости, что покидаю тебя подобным образом, прелесть, — пробормотал Хаммер мягко. — Но я слишком люблю тебя, чтобы заставлять страдать. Господь знает, я повинен во многих вещах, и, вероятно, это просто карма вернулась, чтобы собрать причитающееся. Никогда не сомневайся, что я очень тебя люблю. И поскольку конец должен стать таким, ты будешь со мной навеки... в этой жизни и следующей.

Одна единственная слеза упала на капот ее машины, как последнее проявление физического воздействия, что он когда-либо ей подарит.

Хаммер поднял голову и вытер щеку, затем посмотрел на вещи в своих руках.

Пришло время решить собственную судьбу, покончить с этим долбанным кошмаром на своих условиях. Его паспорт лежал в левой руке, ключи от автомобиля — в правой.

Пристально глядя на паспорт, он понимал, что мог бы улететь в Индонезию или Непал. Ни одна, ни другая страна не заключала с США договоров об экстрадиции. Он бы сменил имя и цвет волос, затерялся бы в суматошном городе, таком как Джакарта или Катманду. Ни Веллингтон, ни какая другая фебеэровская задница никогда не найдет его. И Лиам с Рейн тоже его не найдут.

Он больше никогда их не увидит.

Не услышит их приветствий, смеха или стонов экстаза.

Никогда не вдохнет древесный аромат одеколona Лиама или цитрусового шампуня Рейн и не почувствует то, как эти ароматы смешивались, когда он обнимал их.

Никогда не увидит их улыбающиеся лица, блеск глаз, не будет наблюдать, как наслаждение искажает их черты, пока они дико, яростно и свободно любят друг друга.

Никогда не увидит прекрасного ребенка, которого они зачали.

Хаммер заточит себя в тюрьму. Несмотря на то, что в ней не будет решеток, это все равно будет одиночное заключение в чистейшем аду.

Он с трудом сглотнул и бросил взгляд на ключи. Подняв голову, он посмотрел на свою «Ауди». Он мог представить себе, как блестящий хром и гладкий капот будут смяты до неузнаваемости. Удар об опору моста на скорости сто сорок километров в час гарантировал полное уничтожение не только его автомобиля, но и его тела.

И хоть этот способ умереть и не будет легким, но будет быстрым. В конце концов, у Рейн и Лиама появится ощущение завершения после того, как они похоронят то, что останется.

Если же он просто бесследно исчезнет, у них останутся вопросы: «Куда он ушел?» и «Появится ли он когда-нибудь?»

В любом случае, Макен знал, пути назад не было.

И этот факт разрывал его сердце.

Он говорил себе, что они будут горевать, но выживут. Рейн — стойк, а Лиам — волевой. Они поддержат друг друга, пока время не излечит раны, которые Хаммер нанесет их душам.

Рассуждая трезво, он знал, что должен пожертвовать собой ради их спасения. Это единственный способ, которым он мог бы прекратить судебное разбирательство до того, как оно начнется, и защитить их и ребенка от позора.

Но мысль о том, чтобы покинуть двух человек, которых он когда-либо любил, сокрушила его, словно подвесной таран. Он почувствовал, как его воля начала давать слабину.

«Пожалуйста, Господи, дай мне сил сделать это».

Он шумно втянул в себя воздух.

— Паспорт или ключи, придурок? — шепотом спросил он у самого себя. — Что из этого станет твоим итоговым признанием в любви им?

С трудом оторвав руки от автомобиля Рейн, Хаммер подошел к своей «Ауди». Он открыл багажник, и с губ его сорвался грустный смешок. Там лежала пара сексуальных туфель Рейн, которые она оставила после ужина однажды ночью.

Подхватив их, он прижал обувь к груди, а затем положил на капот ее машины. Нежные воспоминания ранили его, за ними по пятам последовала лавина вины.

Как он мог просто выбросить их безоговорочную любовь? Неужели он на самом деле собрался поджечь хвост и бросить их словно последний трус? Простят ли они его когда-нибудь? Он, как никто другой, знал о чувстве опустошения, которое остается отпечатком после суицида.

В груди сжалось от паники. По лицу потек пот.

А какой, блять, у него был выбор?

— Проклятье! — прорычал Хаммер и изо всех сил и злости запустил ключи через все помещение.

Они с лязгом приземлились где-то в углу, за какими-то еще не распакованными коробками. Все его тело трясло от сметающих со своего пути ярости и страха. Он чувствовал себя так, словно распадался на миллион кусочков. Шесть месяцев назад он не стал бы задумываться дважды над этим решением. Вероятно, он без напряжения мог бы справиться с этим несколько недель назад. Но теперь? Теперь же он не мог набраться мужества открыть дверь автомобиля, чтобы залезть внутрь и покончить с этой чертовой пыткой.

«Потому что теперь ты не тот человек, которым был тогда».

Нет. Мужчина, стоящий в этом гараже, наконец научился любить. Безбоязненно. Всецело. Без необходимости контролировать или удерживать так много себя самого. Он разрушил стены, открыл сердце и поделился всеми тайнами. А затем пригласил Рейн внутрь себя, где обрушил на нее неподдельную привязанность, которую ощущал всеми фибрами души.

«А теперь ты собираешься уйти и больше не возвращаться? Ты убьешь не только себя, но и ее с Лиамом».

— Мать твою! — пробормотал Хаммер.

Внутри у него вспыхнул мощный, жаркий добела огонь, затуманив зрение. Его спокойствие распалось. Гнев разгорелся.

Схватив из багажника монтировку, он обошел свою машину. По венам прокатывалась ярость, когда Макен замахнулся обеими руками и изо всех сил обрушил его на стекло со стороны водителя. Надежное стекло разбилось, но не осыпалось. Мерцающая паутина

трещин отражала его распадающуюся жизнь.

С таким же успехом она может разрушаться и дальше...

Грязно выругавшись, он ударил снова, уничтожая крупицы надежды и покоя в осколках вокруг машины.

Затем Хаммер обратил свою разъедающую, словно кислота, ярость на капот сверкающего автомобиля. Вновь и вновь он опускал инструмент, долбил по крыше, по панелям, перед тем, как переключиться на новое нетронутое место, до тех пор, пока не оставил вмятины на каждой видимой поверхности. И, тем не менее, он продолжал ругаться и сыпать проклятиями, давая волю буре негодования и паники.

Почему он не может просто сделать то, что должен, чтобы спасти их будущее?

Внезапно дверь гаража распахнулась. Он вскинул голову на звук. Громко топая, к нему направлялся Лиам, не вооруженный ничем более, кроме хмурого взгляда.

Не говоря ни слова, он выдернул монтировку из рук Макена и отбросил ее в сторону, прежде чем притянуть его в сокрушительные объятия.

— Что, блять, ты по-твоему творишь, ты, глупый сукин сын? Ты не покончишь с собой ради нас! Я говорил тебе это.

Прежде, чем тот смог ответить, Лиам нанес удар по челюсти Хаммера. Он не почувствовал боли, только страдание, что ощутимыми волнами расходилось от друга.

Затем он дернул Макена обратно в объятия и с диким криком сжал его.

— Ты, чертов дурак! Рейн тебя любит. Я тоже люблю тебя. Иисусе, Макен. Более того, ты нам нужен. Каким, блять, образом, твое самоубийство или побег помогут ситуации?

— Это единственный способ спасти вас двоих, ребенка... меня самого. Неужели ты этого не понимаешь? — выдал он скрипучим голосом. — Наши жизни, все жизни, на суде вынесут на всеобщее обозрение. Рейн... О, Боже. Ей придется снова пережить все то насилие, которое учинил над ней ее отец, или признать, что ей нравились все те грязные и грубые вещи, что я делал с ней в комнате, полной гребаных незнакомцев. Я не хочу ее унижения, ради спасения своей задницы. Я слишком люблю ее. И тебя. Я не могу...

— Ты идиот! Неужели ты на самом деле думаешь, что Рейн и я настолько эгоистичны или слабы, что не стерпим чего-то, лишь бы ты остался с нами? Нам плевать на мнение остальных. Иисусе, чувак.

— Эти членососы оставят нас без сил, — он делал ударение на каждом гребаном слове. — Они лишат нас контроля. Я не проведу следующие тридцать лет в проклятой тюрьме. Я сойду с ума, если больше не смогу снова обнять вас. Или нашего ребенка! Позволь мне покончить со всей этой неразберихой на собственных условиях. Это единственный способ сделать, как лучше, для тебя и...

Дверь гаража вновь распахнулась. Вошла Брин со штанами в руках.

— Думаю, твоим яичкам здесь немного холодно, сынок.

— Я в порядке, — выпалил Лиам, но потянулся к штанам.

Она закатила глаза.

— Вы прервали мой крепкий сон вспышками злости, которые, словно молнии, обрушивались на комнату. Так что я пришла, чтобы принести штаны и сталкивать ваши упрямые головы друг с другом до тех пор, пока не вправлю вам мозги.

Развернувшись, Брин пронзила Хаммера свирепым взглядом.

— Что, к дьяволу, ты пытаешься доказать, мистер? Думаешь, что, разбив сердца своим любимым, ты поступишь верно, так? Ха!

Внезапно взгляд Лиама скользнул поверх плеча Хаммера.

— Что за... мам?

Рот Брин дернулся, и она понимающе кивнула сыну.

— Теперь ты ее тоже видел, да?

— Кого? — Рейн? Хаммер обвел взглядом весь гараж, но не смог найти ее. Он был чертовски уверен, что не хотел, чтобы она видела, что он развалился на части подобным образом. — Что происходит?

Лиам проигнорировал его.

— Нет, но я чертовски хорошо чувствую ее.

— Кого? — Хаммер бросил взгляд поверх своего плеча на точку, куда смотрели Брин и Лиам. Он ни черта не видел.

— Джульетту, — пробормотал Лиам.

Внезапно Хаммер не смог дышать.

— Что?

— Она стоит прямо рядом с тобой, Макен, — мягко проговорила Брин. — И она чертовски разъярена. Женщина кричит на тебя.

Его плечи сгорбились.

— Конечно. Не сомневаюсь, она годами злилась на меня.

— Нет. — Брин покачала головой. — Ты убедил себя в том, что подвел ее, и с головой погрузился в это чувство вины. Она не винит тебя. А злится из-за того, что ты думаешь о том, чтобы покончить с собой. Она кричит, чтобы ты остановился.

Хаммер потер рукой лицо, пытаясь уложить в голове факт того, что Брин якобы видит его умершую жену в этом чертовом гараже в три утра. Иисусе, он и подумать не мог о подобном, когда спускался по ступеням.

Конечно же, Брин была хитрой. Быть может, она придумала «визит» Джульетты, чтобы помочь ему освободиться от чувства вины и убедить его остаться.

— Тебе не нужно придумывать причины, чтобы заставить меня задуматься. — Хаммер тяжело вздохнул.

— В тебе так мало веры, — фыркнула Брин. — Помнишь свою брачную ночь? Ты так торопился попасть с ней в постель, что сломал мизинец о кроватный остов?

— Откуда... — Он заморгал. Брин никоим образом не могла этого знать. Он никогда не рассказывал Лиаму эту историю.

— Мне сказала Джульетта, — объяснила Брин. — Она хочет, чтобы ты знал, что она здесь.

Хаммер стоял, неподвижный, ошеломленный. Его бывшая жена на самом деле пришла с того света с каким-то долбаным сообщением для него?

— Да. Она требует, чтобы ты не совершал ту же ошибку, что и она. — Брин скрестила руки в жесте упрямства.

— Это была не ее ошибка. Я довел ее до самоубийства, — возразил Хаммер. — В этом вся разница.

Брин ткнула его в грудь.

— Смерть это смерть. — Она помолчала, словно давала своим словам впитаться в мозг Хаммера. — Она хочет, чтобы я сказала тебе, что она сожалеет, что ранила тебя так сильно и не сказала тебе правду.

— О чем? О ребенке?

— Обо всех тайнах, что у нее от тебя имелись. — Брин покачала головой. — Их так много. Джульетта отказывалась идти дальше все эти годы, потому что желала исправить то, что было.

— Я тот, кто толкал ее на нарушение своих пределов. Продолжал подталкивать к краю вновь и вновь до тех пор, пока она наконец не упала.

— Нет. — Брин взяла его за руки. — Отпусти ее, Макен. Вы причинили друг другу достаточно горя. Ее смерть никогда не была твоей виной. У Джульетты были собственные проблемы. Она страдала от депрессий и шизофрении прежде, чем встретила тебя. Она ни разу не призналась тебе, что дважды пыталась покончить с собой в подростковом возрасте. Ей было стыдно, и она не хотела тебя отпугнуть.

Сердце Хаммера остановилось.

— У нее были попытки суицида прежде?

— Да. Она держала все это в себе, как и сильнодействующие лекарства, выдаваемые по рецепту, которые принимала, чтобы регулировать химические вещества в мозгу. Но, узнав, что забеременела, она перестала принимать что-либо из-за риска для ребенка.

— Что? — Хаммер пытался уложить это в голове. — Почему она мне не сказала?

— Ох, потому что была больна. Без лекарств она изо всех сил старалась отличить воображаемое от реального. — Выражение лица Брин молило его о понимании.

— Она должна была сказать мне о ребенке. Или она думала, что это также было выдумкой? — ругался Хаммер.

— Она плачет, — Брин нахмурилась.

— Я чувствую ее, приятель, — подтвердил Лиам. — Ее гложет то, что она причинила тебе так много боли.

— На девять гребанных лет я погряз в этой долбанной вине. Прекратил общение со своим лучшим другом, чтобы не приходилось... — Хаммер замолчал и подобрал с пола монтировку.

Лиам вновь выдернул ее из его рук и пригвоздил прищуренным взглядом.

— Я знаю, почему ты отдалился от меня, Макен. Но за последнее время у нас было очень много проблем, чтобы наверстать упущенное, так? Не это ли лучшая жизнь, о которой мы когда-либо мечтали?

Хаммер покругил слова Лиамы в голове. Сожаление, печаль, так много грусти — все это душило его, сметая прочь защитные барьеры.

Он сгреб Лиаму в объятия.

— Иисусе, мне так чертовски жаль.

— Знаю. Мы в порядке, ты и я. — Он похлопал Макена по спине. — Джульетта хочет еще что-нибудь сказать, мам?

— У нее есть послание и для тебя, сынок. — Взгляд Брин смягчился. — Перед тобой она тоже извиняется. Ты ни в чем не виноват. Она и тебе солгала. Это был ребенок Хаммера, любимый.

Взгляд Лиамы скользнул на Макена.

Хаммер выслушал новость в каменной тишине, но во всем его теле отразился шок. До сих пор каким-то уголком мозга он понимал, что не мог ругать себя за то, чем она решила не делиться. И злиться не мог, потому что она не понимала, что из всего было реальным. И злость на судьбу не принесет пользы. Это просто факт.

В кои-то веки Макен не делал больше ничего, кроме как только желал, чтобы все они

были счастливы.

— Макен, ты ничего не смог бы сделать, чтобы изменить выбор Джульетты, — убеждала Брин. — Сейчас она сожалеет и хочет, чтобы ты прекратил думать о том, чтобы покончить с собой и образно, и буквально. Она ничуть не сожалеет о времени, что вы провели вместе, и о том, как вы его провели. Она любит тебя всем сердцем и желает тебе счастья. Именно поэтому много лет назад она направила Рейн к твоей аллее.

— Она... что? — Хаммер захлопал глазами.

Он долгие годы был убежден, что уничтожил свою жену, а она подарила ему величайший дар в его жизни?

— Да. Джульетта знала, что ты спасешь Рейн. И ты сделал это, — пробормотала Брин. — Она гордится тем, как ты защищаешь и поощряешь свою девочку. А особенно за то, что влюбился в нее. И это несмотря на то, что твоя жена потратила год или два, злясь на тебя из-за того, что ты сосредоточился на Рейн и перестал винить себя в ее смерти. Она умоляет, чтобы теперь ты выбросил этот лишний груз и был счастлив. Подарил Рейн и Лиаму всю свою любовь и начал принимать их.

Глаза обожгло от слез. Он проморгался и подавил их.

— Она говорит, что ожидает того, что ты достигнешь успеха, потому что слишком упрям, чтобы потерпеть неудачу. — Брин посмотрела на Хаммера, который не смог удержаться от смеха. — Она только что поцеловала тебя в щеку и поблагодарила шепотом.

Внутри него что-то сдвинулось. Понимание? Признательность? Он не был уверен, но вес, лежащий у него на плечах почти десятилетие, внезапно рассеялся. Он почувствовал себя... освобожденным.

Затем Лиам и Брин подняли глаза к небесам и улыбнулись.

— Теперь она уходит, — прошептал Лиам.

Брин кивнула.

— Уважь ее и сделай, как она попросила. Она свободна. И тебе тоже следует быть таким.

Хаммер потянулся и притянул обоих и Брин и Лиаму в объятия. Зарывшись головой в их плечи, Хаммер нервно выдохнул.

— Спасибо вам обоим, что спасли мне жизнь.

— Именно для этого и существуют друзья. — Лиам похлопал Хаммера по спине.

— Спасибо, Господи, — пробормотал он.

Когда они отодвинулись, посмотрев на состояние автомобиля Хаммера, Лиам поднял бровь. — Думаю, тебе понадобится нечто большее, чем полировка воском, чтобы починить ее, приятель.

Хаммер развернулся и с изумлением оглядел покореженный кусок металла, что когда-то был его «Ауди».

— Блять. Кажется, мне нужна новая машина.

— Я бы быстренько увез ее отсюда до того, как сюда заглянет Рейн.

Каждый мускул его тела напрягся.

— Что, черт подери, я должен ей сказать?

Лицо Лиамы стало серьезным.

— Знаю, мы поклялись быть честными с нашей девочкой и ты рассказал бы ей все остальное, но...

Хаммер покачал головой.

— Если она когда-либо узнает о том, что я едва не сделал сегодня ночью, это раздавит ее и даже больше. Она никогда не поймет.

— Никогда.

— Из-за этого между нами все изменится.

— Ты прав. Мы должны унести это происшествие с собой в могилу, брат. Мам? — Лиам покосился на мать.

— Когда Хаммер решил выместить свою злость на этой бедненькой, беспомощной машине, меня здесь даже не было. — Брин улыбнулась. — На самом деле, все это время я находилась в постели. Но я беспокоюсь за вас двоих, чтобы до утра больше никаких выходов. Мне нужно поспать.

Брин поцеловала обоих в щеку и ушла. Как только они увидели, что она скрылась в доме, Лиам забросил руку Хаммеру на плечи.

— Прости меня, — выдавил Макен. — Я едва не похерил все снова. Навсегда.

— И ты тоже трезв, — пошутил он. — Пошли, спустимся к бассейну, пропустим по стаканчику и поговорим. Я наполню твою голову здравым смыслом в очередной раз и, если придется, воспользуюсь долбанной монтировкой.

— Блять, мне тоже нужно выпить.

— Что-то около бутылки. — Лиам бросил взгляд за плечо. — Думаю установить подвесную грушу, чтобы нам не приходилось покупать новые машины.

Хаммер вздохнул.

— Я погорячился.

— Все в порядке. Ты долгие годы был слишком напряжен. Уверен, это пошло тебе на пользу.

Макен смущенно потер подбородок.

— Я захвачу несколько бутылок и встречу тебя на задней террасе. Хорошо?

— Звучит более чем хорошо.

Внезапно Лиам нагнулся и начал похлопывать по карманам Хаммера.

Тот отпрыгнул назад и сердито посмотрел на друга.

— Какого хрена ты делаешь?

— Хочу убедиться, что ты не рассовал по карманам кирпичей, на случай, если решишь нырнуть в бассейн и остаться на дне.

— Нет, мужик. Вы с матерью уже вытащили меня из этого омута. Я больше никогда туда не вернусь.

Двадцатое февраля, среда

— Хорошо. Хорошо. Не дрейфь.

Лиам подошел к двери и посмотрел в глазок, чтобы убедиться, что звонит не репортер. Когда на крыльце он увидел мрачного Стерлинга Барнса, то почувствовал, что сердце пропустило удар.

Проклятье. Что еще?

Он открыл дверь. Косые лучи послеобеденного солнца скользнули внутрь, когда он пожал протянутую мужчиной в приветствии руку, отступил и впустил того в дом.

— Барнс, входи. Хотя, если судить по твоему виду, ты пришел с плохими новостями, мужик. — По телу Лиам прокатился страх. — Если это так, то лучше расскажи все мне. Сейчас Хаммер не может воспринимать ничего больше.

— На самом деле, у меня есть тревожные новости, и, боюсь, они касаются тебя.

Лиам остановился как вкопанный. Если кто-то решил впаять ему преступление за то, что он прикоснулся к Рейн, почему же мама не предупредила его? Черт, почему он не почувствовал, что у него начинаются неприятности?

— Тогда я лучше налью нам выпить.

Стерлинг помрачнел еще больше.

— Вообще-то, я бы хотел поговорить с тобой и Макеном. Он здесь?

— Здесь, Стерлинг, — отозвался Хаммер.

— Где?

Лиам указал направление.

— У бассейна. Мы расслабляемся. Ты закончил на сегодня? Хочешь выпить?

Пару секунд Стерлинг раздумывал над вопросом, затем тяжело вздохнул и ослабил узел галстука.

— Не возражаю. Виски?

Лиам вскинул бровь.

— Ирландский или шотландский?

Барнс одарил его редкой улыбкой.

— Конечно, ирландский. Спасибо, Лиам. Безо льда. Я знаю дорогу.

К тому времени, как Лиам присоединился к двум мужчинам на веранде, они, удобно расположившись, вели бессодержательный разговор в ожидании его возвращения. Он протянул Стерлингу его напиток, а затем вернулся на свое место напротив Хаммера. Оба мужчины выжидающе посмотрели на адвоката.

— За здоровье. — Барнс поднял стакан и отсалютовал им, прежде чем благодарно сделать глоток. — О, отменный напиток. Спасибо. Где Рейн?

— Поехала по магазинам с моими родителями. Мы предоставлены сами себе.

Стерлинг кивнул.

— Тогда приступим к делу, да?

— Расскажи, что происходит. — Хаммер бросил на него тревожный взгляд. — Какие-то новости о свидетеле?

Задумавшись, Барнс нахмурился.

— Ничего. Мне действительно хотелось бы узнать, кем является этот всемогущий некто. Хаммер и Лиам переглянулись, подозрение зрело. Они, как обычно, были на одной волне. Они вместе подались вперед, сидя в своих креслах.

Хаммер нахмурился.

— Что за...

— Черт? Это именно то, что мне хотелось бы знать. — Барнс поднял руку. — Но ничего в этом деле или в том, какие действия по нему предпринимает помощник окружного прокурора, не имеет смысла.

— Каким образом утаивание личности их звезды может быть законным? Я думал, что все уже доступно.

Барнс помолчал, прихлебывая свой виски.

— Технически у них есть время, чтобы раскрыть детали. До тех пор, пока я получу все до начала судебного процесса...

Лиам недоверчиво посмотрел на него.

— Ты шутишь.

— Нет. Но в целях рациональности они обычно высылают один файл со всей нужной нам информацией. И, конечно же, если они находят что-то еще после раскрытия информации, то высылают это после того, как об этом будет известно. Таким образом, некоторые вещи становятся гласными доступными в последнюю минуту. Но федералы печально славятся тем, что тщательно следят, чтобы к тому времени, как они предъявляют кому-либо обвинения, все доказательства уже были собраны. Конечно же, они уже некоторое время знают имя своего свидетеля.

— Тогда зачем скрывать его личность? Если только этот кто-то не имеет зуб на Макена. — Лиам опустил локти между своими раздвинутыми ногами, болтая напиток в стакане.

Хаммер фыркнул.

— Что за вопрос? Дай догадаюсь. Потому что тогда мы узнаем, кто этот ублюдок.

— На данном этапе таково мое основное предположение, — согласился адвокат.

— Кто бы это ни был, но он действительно хорошо меня подставил, — съязвил Макен. — Они ничего не оставляют на волю случая. Нет, сэр. У этого ублюдка свои счета.

— Старуха с косой еще не пришла, приятель. — Лиам обхватил его за плечо. — Не сдавайся.

Стерлинг задумчиво покрутил стакан, перед тем как заговорить.

— Особенно важно то, что я знаю, что этот свидетель хочет рассказать в своих показаниях, потому что во время обыска в вашем доме и «Темнице» ФБР ничего не нашло. Макен.

— Не ожидал.

— Если говорить о потенциальном обвинении от штата, я с нетерпением хочу узнать, кто нашел или, скорее, украл ту видеозапись. Если мое ходатайство о том, что это не приемлемое к рассмотрению доказательство, удовлетворят, то у них не будет абсолютно ничего, — успокоил Стерлинг.

— Так и должно быть, — прорычал Хаммер. — Это был интимный момент занятия любовью двух взрослых людей по обоюдному согласию.

Стерлинг пожал плечами, словно не понимал их проявления привязанности, но это не было его делом. — Я здесь по другой причине. Теперь ты вступаешь в игру, Лиам.

Хаммер обменялся с другом еще одним взглядом прежде, чем снова посмотреть на Барнса.

— Помощник прокурора решил, что было бы неплохо опросить твою бывшую жену из-за ее связи с Уильямом Кендаллом. На данный момент, я предполагаю, они попытаются получить как можно больше информации от Гвинет, в надежде, что она поможет им построить обвинение против Макена.

— И? — протянул Хаммер, глядя с напряжением во взгляде. — Что эта мерзкая сука сказала обо мне на этот раз?

— Ничего. Лиам, мне жаль, что приходится сообщать тебе, но твоя бывшая жена ввязалась в потасовку с другой заключенной в столовой из-за пудинга и была заколота. Она мертва.

Лиам уставился на адвоката. Должно быть, он не расслышал.

— Ты сказал...

— Алли-блять-луйя! Есть Бог на свете! — Хаммер с воплем вскочил на ноги.

— Она мертва? — Лиам зажмурился.

— Да, — ответил Стерлинг.

— Зарезали из-за пудинга. Бесподобно. Этого не могло произойти с кем-то более заслуживающим подобного.

Лиам вскочил на ноги и сгреб Хаммера в яростные объятия.

— Действительно? О, это самая лучшая новость за последние несколько лет.

Встревоженно нахмурившись, Барнс резко откинулся назад, глядя на обоих мужчин.

— Господа, это, на самом деле, повод для торжества?

Хаммер схватил адвоката за плечо.

— Ввиду того, что Гвинет, эта злобная, эгоистичная, возомнившая о себе неведомо что сучка передала Рейн ее насильнику и убийце-папаше, совершенно точно.

— Я, блять, поверить в это не могу! Динь-дон, ведьма померла! — ликовал Лиам. — Дождись момента, когда мы расскажем Рейн.

Стерлинг стоял и криво ухмылялся.

— Не утруждайтесь и не провожайте меня. Я знаю дорогу. Наслаждайтесь своим... торжеством. Спокойной ночи, джентльмены.

Внутри Лиама разлилось облегчение. Вместо того чтобы сходить с ума из-за того, что через пять лет Гвинет может вернуться, чтобы отомстить, он больше не будет беспокоиться об этом. Почему он не знал этого? Почему мама не уловила смерть Гвинет? Потому что она недостаточно значима? И была ли такой когда-либо?

Лиам покачал головой. Он попытался вспомнить то время, хотя бы момент, когда был счастлив с Гвинет. И не смог. Все, что он видел, было связано с Рейн, Хаммером и жизнью, что они построили вместе. Это все, что имело для него значение. Это то, за что он будет бороться.

Мысленно он предал Гвинет огню, превратив ее в пепел, туда ей и дорога.

Рейн вздохнула, посмотрев на Сета и Ривера через стол Хаммера в «Темнице». Приближались сумерки. Несколько часов они искали иголку в стоге сена членов клуба. Время уходило.

— Мы уже по третьему разу просматриваем базу. Серьезно, мне не приходит в голову никто, кто подходил бы под описание. Блондинка тридцати с лишним лет, вступила в клуб с первых дней и потом, годы спустя, внезапно решила, что ненавидит Хаммера. Это... никто. Кем, черт подери, может быть свидетель?

— А почему Стерлинг до сих пор не получил имя от обвинения? — задумчиво проговорил Сет.

— Погоди. Откуда нам знать, что мама Лиамы не несла ахинею? — спросил Ривер. — Ничего личного, но как она может знать что-либо об этом свидетеле, если ни у кого нет ни единой идеи?

Если бы Лиам рассказывал ей о своей семье прежде, чем они встретились, то она бы тоже была настроена скептически. Но теперь она видела Брин в действии. Рейн бросила взгляд на Сета.

Следователь-здоровяк кивнул.

— Она просто знает.

Она похлопала брата по широкому плечу.

— Верь нам. Но это ни к чему нас не приводит.

Сет набрал что-то на компьютере, который они подключили к сети клуба, чтобы залезть в базу данных.

— Ну, мы можем попробовать снова.

— Угу, я окосею. — Она выскочила из массивного кресла Хаммера и заходила по кабинету. — Может, мы мыслим слишком буквально.

Ривер нахмурился.

— Что ты имеешь в виду? Только что ты говорила, что мама Лиамы считает, что свидетель-блондинка, и что она права.

— Ага. — Рейн кивнула. — Так я и думаю, с этого и стоит начинать. Брин так же говорила, что Макена хочет погубить отвергнутая женщина. Остальное... может, нам стоит отбросить все это и подумать немного шире. Я знаю, что это предполагаемый некто, который якобы видел, как Хаммер насильничал меня в детстве, но так ли это?

Оба мужчины открыли рты, чтобы опровергнуть ее слова.

Брат помрачнел.

— Тучка...

— Просто выслушай меня. Мужская логика застряла бы на подобном. Белое или черное. Верх или низ. Она либо видела преступление, либо нет. Но женщина, которая чувствует себя отвергнутой, может более гибко относиться к правде, особенно если на первое место поставили не ее.

Сет и Ривер переглянулись. Она видела, как загорались лампочки над их головами.

— Так ты говоришь, что сучка — сумасшедшая? — спросил Сет. — Ага. Как-то в Нью-Йорке я выслеживал по делу абсолютно психованных девок. На фоне некоторых из этих женщин разлучница из «Рокового влечения» казалась вполне себе адекватной. Продолжай.

Ривер повернулся к нему.

— Seriously?

— Как ты можешь этого не знать?

— Попробуй, проведи десять лет в Афганистане. Там каждая женщина одета в военную форму или паранджу. Не очень-то много там взаимодействия, если ты понимаешь, о чем я.

Сет покачал головой.

— О, тебя нужно просветить по поводу прекрасного пола.

Ривер нахмурился.

— Я умею обращаться с женщинами.

— Мы можем сосредоточиться? — Рейн пожевала сломанный ноготь. — Если мы ищем ненормальную блондинку, тридцати лет, имеющую членство в клубе, которая чувствует себя отвергнутой, то на ум приходит только один человек. Она маячила где-то на задворках моей памяти с тех пор, как мы поговорили в воскресенье. Мы даже уволили ее... но сдаётся мне, что мы очень поспешили.

— Сука, которая ударила тебя? — спросил Ривер.

— Именно. — Рейн кивнула. — Марли.

— Я не знаком с ней. — Сет бросил на нее оценивающий взгляд. — У тебя все еще есть та съемка? Мне хотелось бы увидеть ее.

Рейн мрачно ухмыльнулась.

— Хочешь проверить ее на вменяемость?

— Что-то в этом роде, — Сет кивнул. — Обычно я хорошо разбираюсь в людях.

Ривер сел.

— Ага, я тоже хочу увидеть это дерьмо. Но ты думаешь, что эта телка просто... придумала то, что Хаммер предположительно сделал с тобой в подростковом возрасте?

— Вероятно. Я не знаю, — ответила она честно. — Но копии денежных переводов вместе с тем, что она сказала, убедили федералов, что как минимум там был если не огонь, то дым. Они нашли мои фотографии, где я избита Биллом после ...

— Того, как ты разрезала этого сукина сына пополам? — Ривер погладил ее по спине, одновременно утешая и выказывая гордость. — Если ты права, то, значит, федералы начали выстраивать дело. Но если Марли, на самом деле, ничего не видела, каким образом она планирует давать показания и быть достаточно убедительной, чтобы избавиться от Хаммера?

— Ты имеешь в виду, не давая ложных показаний? — парировала Рейн. — Это ее слова против его.

— Но тогда она не была членом клуба, — обратил внимание Ривер.

— Рейн права. Это не важно, — отмахнулся Сет. — Федералы никогда не говорили, что свидетель, на самом деле, видел событие. Свидетель может заявить, что обвиняемый сказал им что-то компрометирующее. Может быть, Марли собирается заявить, что Хаммер поделился с ней, что у него был секс с тобой в подростковом возрасте или что он сделал твои фотографии после избиения.

— Но разве она не должна доказать это? — нахмурился Ривер.

Рейн снова заходила по комнате.

— Вообще-то, нет. Косвенные доказательства слабы. Ни одно жюри присяжных не станет слушать подобные утверждения и просто отмахиваться от них, тем более, что ее родители какие-то столпы общества или типа того.

Сет пронзил ее взглядом.

— Знаешь...

— Лиам ненавидит бранные слова. Понятно. Брось. Нам надо сосредоточиться. Допустим, я — присяжный и кто-то говорит мне, что у владельца секс-клуба живет девочка-подросток и он годами платит ее отцу деньги, и у этого кого-то случайно оказались фотографии этой девочки в обнаженном виде... не уверена, что тоже поверила бы, что этот

парень хороший.

— Именно. Особенно, если ты симпатичная, молодая и беременная.

— Эй, это моя сестра, — возмутился Ривер.

Сет пожал плечами.

— Я видел ее голой. Если бы я хотел с ней переспать, то к настоящему моменту уже сделал бы это.

— Что за херня? — Брат вскочил на ноги, а затем уставился на нее обвиняющим взглядом. — Так значит, я был прав.

Рейн вздохнула.

— Это не важно. Мы не занимались сексом, и у меня нет каких-либо новых или иных частей женского тела, которых он не видел. Прекрати уже думать о моей наготы.

— Эй, откуда идут эти заявления? — поддразнил Сет.

Рейн закатила глаза.

— Я могу перечислить их с улыбкой. Во-первых, я откроюсь и разделю не только свои нужды, но и эмоции. Во-вторых, я всегда буду честной, не боясь позора и притеснений. Не стану сдерживаться, опасаясь задеть чьи-то чувства. В-третьих, я заслуживаю любви и счастья. Вот.

— Я поражен, — признался Сет.

Ривер выглядел сконфуженным.

— Ты не знала всего этого?

Рейн поморщилась

— Тогда? Не совсем.

— Вообще нет, — поправил Сет.

Она бросила на него взгляд.

— Хаммер и Лиам настояли, чтобы я научилась. Сет был моим наставником. Seriously, не могли бы мы сосредоточиться?

— У тебя командный тон, малышка.

Иногда она думала о Сете, как о друге... и забывала, что он был Домом.

— Прости. Я волнуюсь.

Он кивнул и отпустил ситуацию.

— Вообще-то, я думаю, кое в чем ты права. Давайте посмотрим видео.

Кивнув, она повела их обоих по коридору в комнату охраны и отперла дверь. Сет и Ривер остались снаружи, потому что каморка была слишком маленькой для всех. Льюис, техник, испуганно обернулся и уставился на Рейн. Откровенно говоря, она тоже была удивлена, увидев его.

— Ты рано, — заметила она.

Он загородил собой сцену унижения, которую смотрел на мониторе.

— Ага. Эм... дела.

Было больше похоже, что он мастурбировал.

Рейн старалась не блевануть. У нее от Льюиса бежали мурашки. Он всегда пялился не только на нее, но и на всех женщин в «Темнице».

— Ты что-то хотела? — Его взгляд прошелся по ней с ног до головы.

Она сделала вид, словно понятия не имеет о том, что он думает о непотребствах с ней прямо сейчас.

— Мне просто нужно посмотреть видео службы безопасности. Я знаю, где их искать. Не

обращай на меня внимания.

— Уверена? Я помогу.

— Все в порядке. — Она выдвинула ящик стола, остро осознавая, что для того, чтобы увидеть надписи, ей придется наклониться и практически подставить свой зад ему под нос. Не очень хорошая идея. Она отодвинулась в сторону, направив попку к двери, и прикинулась дурочкой.

— Что ты ищешь, Рейн?

Проклятье, он был излишне любопытен.

— Уже почти нашла. Расслабься.

Позади нее заскрипело его кресло, пока он подъезжал ближе. Она старалась не дрожать. Неужели он действительно пялился на ее сиськи?

Записи от третьего и четвертого ноября пропали, она это знала. К счастью, пятое лежало именно там, где и должно. Она почти выхватила его, когда Льюис встал.

— Нашла, что искала? — пробормотал он, придвигаясь к ней сзади. — То видео, где Лиам сечет твою славную попку?

Рейн застыла. Он не говорил этого только что. Она выпрямилась, развернулась и увидела гнусное выражение его лица. Ага, сказал.

— Оно — одно из моих любимых. Я рад, что запись все еще находится в облаке. — Голос его понизился, когда сам он придвинулся ближе: — Я много раз пересматривал ее.

— Не надо. — Она покачала головой.

Он осмелился наклониться и выдать ей то, что считал сексуальной улыбкой.

— Что? Знаешь, если ты любишь анальный секс, то я обеспечу тебе его, сладенькая. Я трахну тебя лучше, чем те тридцатилетние пижоны. Ты и я — ровесники, и я могу продержаться всю ночь. Теперь, когда Хаммер оправится за решетку, если тебе нужен кто-то, кто будет жестко тебя иметь, я бы с удовольствием воспользовался шансом, — он положил руку ей на бедро, — и присунул бы тебе.

Рейн зажмурилась, внутри вспыхнул гнев и закрутился так сильно, что она почувствовала, будто сейчас у нее пар из ушей повалит. Она оттолкнула руку парня, затем пнула его в пах и наступила ему на ногу тонким каблуком.

Когда он согнулся, держась за яйца и стеная, словно не мог дышать, она вцепилась в его волосы и подняла голову вровень со своей.

— Ты, блять, прикалываешься? Во-первых, это самое мерзкое заигрывание, а ты самый раздражающий придурок из всех виденных мной. Во-вторых, я беременна и состою в отношениях с двумя любимыми мужчинами, один из которых — твой босс. В-третьих... — Она улыбнулась. — Ты уволен.

— Ты не можешь этого сделать, — огрызнулся он наконец, обнаружив свои кишки ... и свои яйца. — У тебя нет такой власти.

Она выдернула из кармана одноразовый телефон.

— Знаешь что? Может, ты и прав, и мне стоит просто позвонить сейчас Хаммеру, чтобы он приехал и уволил тебя лично. После того, как он провел прошлые выходные в камере, у него хреновое настроение. И он вовсе не ревнует меня...

Мелкий говнюк наконец понял достаточно, чтобы побледнеть.

— погоди. Ты вошла сюда, одетая в короткую юбку, и уткнулась своей попкой прямо мне в лицо. О чем мне было еще думать, кроме как не о том, что ты меня хочешь?

Скользкий ублюдок.

— Что я — девушка твоего босса и просто ищу видеозапись в маленькой комнатухе, в которой никак не ожидала увидеть тебя. Что я — женщина, а не кусок дерьма, и что со мной надо обращаться уважительно. Что «Темница» — это не рассадник порнухи или место для занятия сексом. — Она приподняла бровь, глядя на него. — Что я позволю Хаммеру и Лиаму научить тебя уважать прекрасный пол.

Льюис выглядел так, словно собирался обделаться.

— Не...

— О, ты можешь собрать свое барахло и свалить отсюда прямо сейчас.

Он выругался, но начал собирать свои манатки.

— Сука.

— Убедись, что по пути к двери повторишь это снова. Прямо за дверью стоят двое парней, которых очень сильно заинтересует твое мнение. Ты знаешь Сета. Он — коп. Кто этот двухметровый здоровяк, который провел десять лет на войне? Это мой брат.

Техник побледнел еще сильнее и стал быстрее рассовывать по карманам вещички.

— Я ухожу прямо сейчас.

— Верное решение. Не возвращайся. — Рейн стояла, скрестив на груди руки, пока он выбегал из комнаты. Она последовала за ним и увидела, как он, торопясь, в коридоре огибает Сета и Ривера по широкой дуге. Минуту спустя входная дверь с хлопком закрылась за ним.

Она улыбнулась и взяла из ящика диск с записью. Кому-то придется сегодня занять будку, вероятно, она смогла бы уболтать на это Сета, но все же возможность видеть, как исчезает Льюис, принесла ей облегчение. Она рассеяно подумала, имел ли он какое-либо отношение к пропаже записей тех двух дней.

— Что с ним, черт подери, произошло? — спросил Сет, посмотрев прямо на нее.

— Я его уволила.

— За просмотр записей? Он занимался этим с тех пор, как приехал я. Думаю, он здесь дрочил.

Мысль об этом заставила Рейн содрогнуться.

— Никогда больше этого не будет. Я предположила, что его приглашение к анальному сексу не будет на ура воспринято Лиамом и Хаммером. Тогда он намекнул, что я течная сука. Я велела ему повторить это перед вами, ребята... но у него отпала всякая охота.

Ривер покачал головой.

— Ему повезло, что он ушел. Я бы голову ему оторвал и плюнул в горло.

— Вот почему я не сказала тебе раньше. Не хочу оттирать кровь, и нам действительно нужно сосредоточиться. — Она повернулась к Сету. — До того, как ты спросишь, да, я расскажу Хаммеру и Лиаму сразу, как только мы закончим. Сможешь заменить сегодня вечером Льюиса? Пожалуйста, очень прошу.

Сет только рассмеялся.

— Ты только посмотри, стоит и хлопает ресницами, а эти огромные синие глаза! Господи, я тряпка. Хорошо.

Она встала на носочки и поцеловала его в щеку.

— Спасибо. Быть может, я остановлюсь возле больницы и найду Хэвенли, чтобы сказать ей, какой ты отличный парень.

Он посмотрел на нее так, словно подобное никогда не приходило ему в голову и ему нравились его шансы на отношения с медсестрой-волонтером, если Рейн похвалит его.

— Правда?

Рассмеявшись, она повела их обратно в кабинет Хаммера, затем вставила флешку в USB-порт компьютера Сета, быстро перелистывая кадры ролика. Как только она дошла до момента, где Марли следила за ней, проклинала и ударила ее, она остановила видео.

— Что за сука, — выпалил Сет.

— Красивая, но... сука, — выдохнул Ривер. — Теперь я вижу, что ты имела в виду, когда говорила, что она ненавидит тебя.

Сет кивнул.

— Точно. И оторвана от реальности.

— Она чертовски наглая, — кивнул брат.

— Потому что она из тех женщин, что получают любого мужчину, которого захотят. Почему же с Хаммером должно быть по-другому? — выдохнула Рейн и прижала руку к груди, имитируя Марли. — Как эта великолепная Барби может уступить его какой-то белой швали?

Ривер рассмеялся.

Рейн присоединилась к нему.

— К сожалению, эта запись доказывает только то, что она однажды ударила меня. Лиам выгнал ее. Некрасиво. Я никогда не видела его в таком гневе. Хаммер отозвал ее в сторонку. Уверена, он сказал ей пару ласковых, прежде чем выгнать окончательно. И все успокоилось.

— Я подозреваю ее, Рейн, — сказал Сет. — Только вот не знаю, как нам выяснить, виновна она или нет. Можем пойти в полицию со своими догадками.

Ага, потому что каждый, кто расследует это дело, уже все для себя решил.

В голову пришла идея. Рейн посмотрела на Сета и Ривера. Они будут возражать, но она права, черт подери.

— Давайте я поговорю с ней.

— Что? — оба одновременно повернулись к ней.

— Нет. — Сет покачал головой.

— Черт, нет, — отрезал Ривер. — Она может быть опасна. Если она возьмется за оружие...

— Она не станет, — возразила Рейн. — Я увижусь с ней на публике, среди людей. Если я склоню ее к беседе, немного спровоцирую...

— Не важно, как сильно ты будешь ее подначивать, сомневаюсь, что она в чем-то тебе признается, — вещал Сет, словно был голосом разума.

— Ты прав, и это нормально. Смотри, ты понимаешь только, как уложить женщину в постель. Но не знаешь, как они мыслят в действительности.

— Так расскажи, — проговорил он, манерно растягивая слова.

— Ага, хочу послушать. — Ривер подался вперед, словно ловил каждое слово.

— Женщины, подобные ей, ничем не отличаются от забияк на детских площадках, с которыми вы выросли. Все они круты и самоуверенны, пока ты не замечаешь, что они блефуют. Я не стану бросать ей вызов. Если я, на самом деле, выведу ее на откровенный разговор, то, возможно, она прибегнет к крутым мерам... попытается причинить мне боль или заляжет на дно... я не знаю. Но если я сыграю на ее темпераменте и подведу разговор в нужное русло, то, держу пари, она очень гордится содеянным. Что-то отразится на ее лице. Я это увижу.

Оба мужчины молчали несколько долгих мгновений. Их лица не выражали восторга.

Рейн пошла ва-банк.

— У вас есть идеи получше?

Сет посмотрел на Ривера и скорчил гримасу. Брат вздохнул.

У обоих был один ответ, который они не хотели признавать: нет.

— Сначала нам нужно поговорить с Лиамом и Хаммером. Я не отпущу тебя к ней...

— Мы не можем рассказать им. — Рейн схватила его за плечо, чтобы он понял.

— Я не твой Дом, и рисковать тобой без их ведома и разрешения чертовски безответственно.

Хорошо. Точно подмечено.

— Отлично. Я пойду одна.

— Только через мой труп. — Сет даже глазом не моргнул.

— В этом я с ним согласен, — сказал Ривер. — Нет.

— Это моя семья и мое будущее. Я сделаю все, что будет нужно. — Рейн хотелось топнуть ногой. — Я просто не могу просить их разрешения. Мне не хочется обнадеживать их зря, пока что-нибудь не узнаю. Макен... Что-то не так. В понедельник он вернулся домой и... — Рейн не знала как объяснить, не открывая слишком многого. — Он открылся мне так, как никогда до этого. Это было потрясающе, но... с тех пор он сам не свой. Он расстраивается, злится, отдаляется. Я не ожидала подобного, но помочь не могу. Мне страшно. И с тех пор, как начался весь этот кошмар, у Лиам на плечах так много всего. Он постоянно беспокоится обо мне и ребенке и одновременно с этим старается найти способ уберечь Хаммера от тюрьмы, а тут еще его родители... Я не могу навалить на него еще больше.

— Они хотели бы, чтобы ты это сделала, — ответил Сет.

— И я люблю их за это... но не стану этого делать.

— Если тебе претит эта идея, хорошо. — Ривер пожал плечами. — Я поверю твоему чутью, тучка. Это наш единственный выход и все, что мы можем сделать прямо сейчас. Я отвезу тебя на встречу с Марли. Какого черта? Лиам и Хаммер все равно меня недолюбливают.

Рейн повернулась к брату.

— Правда? Я имею в виду, что могла бы поехать сама, но мне было бы спокойнее, если бы не пришлось встречаться лицом к лицу с рехнувшейся бабой без страховки.

Ривер притянул ее к себе и обнял.

— Мне бы тоже.

— Спасибо, брат.

— Ой, хорошо. — Сет вздохнул и бросил на нее раздраженный взгляд. — Я поеду.

Она улыбнулась ему.

— Если это не сработает, то эта тайна останется со мной.

Он просверлил ее взглядом.

— Каков план?

Рейн немного подумала.

— Ты можешь выяснить, в каком баре она любит бывать по вечерам? Я собираюсь привести себя в порядок.

— Ты прекрасно выглядишь. — Ривер нахмурился.

— Но я выгляжу беременной?

Пока они сканировали ее фигуру, никто не проронил ни слова. Наконец Сет ответил:

— Чуть-чуть. У тебя появился небольшой животик, которого раньше не было.

— Чуть-чуть не считается. Я вернусь.

Рейн отправилась в ванную в своей старой комнате. Спасибо Хаммеру, там все осталось нетронутым, несмотря на изменение остальных комнат. Она также сказала себе спасибо за то, что оставила здесь часть косметики и средств для волос, чтобы освежиться после работы... или игр. То, что сегодня Брин взяла ее в поход по магазинам и настояла на покупке платья для беременных, оказалось очень прозорливо или это был ее фирменный взгляд наперед.

Тридцать минут спустя она вновь вошла в кабинет Хаммера. У Ривера и Сета отвисли челюсти.

— А теперь я выгляжу беременной? — спросила она, глядя вниз на красное платье с завышенной талией и поглаживая рукой животик.

— Ага, — ответили оба.

Она тряхнула завитыми волосами и приподняла уголки накрашенных красной помадой губ.

— Вы нашли ее?

Сет помялся, словно думал, что это плохая идея.

— Что, если я отвечу «нет»?

— Я сама ее найду.

Он зарычал.

— Почему ты не можешь быть не такой настырной?

— Потому что это не приведет к тому, что дело будет сделано. — Она схватила его за руку. — Пошли.

На то, чтобы добраться до выбранного Марли места для неформального общения, ушло пятнадцать минут.

Прямо перед входной дверью Сет и Ривер настроились на поиск, глядя в помещение через панорамное окно. Местечко еще не было заполнено толпой, слишком рано. Люди только покидали работу. Но она заметила длинноногую блондинку, прихлебывающую вино из бокала. На ней было надето зеленое платье проститутки, которое, вероятно, соответствовало ее поведению.

— Вы же можете следить за ситуацией отсюда, да? — спросила Рейн.

Сет замялся.

— Нам стоит пойти с тобой.

— Нет. Вы будете отвлекать ее. Она будет флиртовать с вами и станет игнорировать меня. Оставайтесь здесь.

— Мне это не по душе. — Сет выглядел разозленным. — Но я понял твою точку зрения.

— Если тебе понадобится запасной план, то здесь имеется задняя дверь, там, за служебным входом, через кухню и в дальнюю часть комнаты, — указал Ривер.

Марли была шлюхой, а не террористкой. Но ребята рассмешили Рейн.

— Понятно. Я туда и обратно, уложусь за пять минут.

Рейн направилась к двери, но Ривер остановил ее.

— Ты знаешь, что будешь говорить?

— Не особо, но у меня есть план.

— Это-то и пугает, — пробормотал Сет.

— Я все слышу, — входя в помещение, она смеялась.

— Будь осторожна, — пробормотали оба.

Она кивнула. Но в ту минуту, как у нее за спиной закрылась дверь, дерьмо стало реальностью. Рейн прерывисто вздохнула. Ей придется сыграть страдание и холодность. Она не нервничала по поводу того, что ей предстоит увидеться с Марли. Но ставки были высоки. Этот разговор может помочь определить, останется ли с ней ее новая растущая семья.

«Прекрати себя накручивать».

Может быть, у Марли больше опыта с мужчинами и по жизни, но ею движет тщеславие. Она была ужасной лгуньей и еще хуже контролировала свои эмоции. И никогда не видит, откуда идет удар. У Рейн не было проблем с подобным.

Вздернув подбородок и отбросив волосы, виляя бедрами, она направилась к барной стойке. Дойдя до мраморной поверхности, на которую облакачивался бармен, Рейн поднялась на носочки и села на стул, будучи ростом метр пятьдесят два.

— Что я могу вам предложить?

Она почувствовала на себе взгляд Марли и притворилась, что не обращает внимания на женщину.

— Просто содовую с лимоном. — Она положила руку на живот. — Я не могу пить за двоих, верно?

— Безусловно. — Бармен поторопился удалиться.

Затем Рейн развернулась и, узнав Марли, закатила глаза.

— О, из всех людей...

— Зачем ты здесь? — Барби смотрела на нее так, словно она была какой-то низшей формой жизни, а затем в ужасе опустила взгляд на ее живот.

— Я кое-кого жду.

Сквозь весь свой ботокс Марли попыталась нахмуриться.

— У тебя нет друзей.

— А где твой? — Рейн вопросительно оглядела слабо освещенную, обставленную в стиле индустриального шика обстановку.

Рядом с Марли никого не было.

Женщина ощетибилась.

— Я просто заглянула сюда выпить.

— Одна. Все еще не нашла мужика, который смог бы тебя вытерпеть, а?

Бармен поставил перед ней содовую, и Рейн, улыбаясь, расплатилась с парнем. Она старалась не обращать внимания на свои трясущиеся руки.

— Я часто хожу на свидания, — оборонялась Марли.

Рейн вскинула голову.

— Забавно, что никто не желает задержаться.

Марли зыркнула на нее. — Да зачем я вообще с тобой разговариваю? Пошла вон.

— У меня столько же прав сидеть здесь, как и у тебя. Если ты не хочешь иметь со мной дел, то иди куда-то еще.

— Я первая сюда пришла.

Рейн сделала глоток напитка и постаралась не рассмеяться.

— Это лучшее, что ты смогла придумать? Тебе что, пять лет?

Глаза Марли сузились в гримасе гадливости.

— Этот ирландец что, обрюхатил тебя и бросил?

— Лиам... — Рейн пожалала плечами, — или Хаммер. Мы не знаем. Нам все равно. Я с

ними двумя. Сейчас мы живем вместе. — Она наклонилась. — Мы по-настоящему счастливы. На самом деле, Хаммер не прикасался к кому-либо еще с момента нашей первой близости. Он очень верный и любит меня.

Барби смотрела так, будто Рейн ударила ее по лицу.

— Это невозможно.

— Так и есть. — Она вновь погладила живот. — Он сделал мне предложение. И могу сказать, что он будет великолепным мужем. — Она посмотрела вдаль с мечтательным выражением. — Оберегающий, страстный, снисходительный, добрый, страстный... о, я уже говорила это. Упс.

Марли прыгнула со своего стула.

— Ты лжешь. Твоя жизнь вовсе не совершенна, и я это знаю.

И вот оно, злобное ликование на лице сумасшедшей женщины. Она точно знала, что происходило в жизни Макена, и была переполнена праведным гневом, она не могла смириться с мыслью, что он променял ее на кого-то ниже нее. Рейн вывела ее на чистую воду.

Жаль, что Рейн не могла позволить себе выложить все карты на стол... пока. Но, ох, скоро, очень скоро.

— Нет, не совершенна, — согласилась она. — Поэтому я работаю над этим. Наслаждайся одиноким вечером.

Поднявшись, Рейн улыбнулась. Под ожидающими взглядами Ривера и Сета она не торопясь вышла из бара.

— Все в порядке? — спросил брат.

— Она виновна. Давайте прищучим суку.

Двадцать первое февраля, четверг

— Так ты настроил аудио-и видеоканалы, да? — спросил Ривер Сета.

Здоровяк-следователь просто пялился в пространство с кривой ухмылкой. Ривер пощелкал пальцами.

— Земля вызывает Сета. Ты где, чувак?

Сет моргнул.

— А? Ага, я в порядке.

— Я не спрашивал, в порядке ли ты. А спросил, все ли настроено.

— Прости. Я задумался.

— О Хэвенли. Снова?

— Да, — Сет говорил, словно влюбленная школьница.

— Каждый раз при виде нее ты выбрасываешь свое удостоверение мужика. — Ривер покачал головой. — Слава Богу, сегодня мы нашли для тебя дело.

Сет поморгал.

— Кстати об этом... Я не смогу быть твоим напарником.

Ривер в изумлении уставился на него.

— Предполагалось, что мы вместе оприходуем ту телку, помнишь? Я с предвкушением ожидал, чтобы понять, каково это два в одном.

— Э-э. Я пытался. С Лиамом. Несколько лет назад. — Сет пожал плечами. — Это впечатляет, но не мое. Слишком много суеты.

Ривер всегда считал себя человеком без предрассудков, но эти парни, кажется, попробовали все на свете.

— Не ври мне. Ты передумал потому, что готов в узел завязаться из-за девушки, с которой даже еще не целовался.

Сет смотрел, но не опровергал слова. Он и так солгал Беку насчет этого. По-видимому их соревнование сдвинулось со стадии «дружеского».

— Перед отъездом в Нью-Йорк я слишком быстро отказался от Хэвенли. Между нами что-то есть.

— Если ты начнешь распевать «Вечную любовь», я тебя ударю. Поверить не могу, что ты отказываешься от верняка в пользу маловероятного шанса, что Мисс-я-держу-свои-ноги-вместе поможет тебе с твоими посиневшими яйцами.

— Во-первых, это произойдет. Во-вторых, ты не понимаешь, потому что ни разу не встречался с ней.

— Даже если бы встречался, то предпочел бы легкодоступную киску. — Ривер пожал плечами.

— Это ты сейчас так говоришь, но все изменится, когда ты встретишь кого-то, с кем будет интересно проводить время после оргазма. Я оставил игры с сабами, как только мне понравилась Хэвенли. Зачем мне рисковать тем, что я могу иметь с женщиной, с которой вижу свое будущее, ради задницы драконихи, которая, вероятно, испоганила жизнь моего друга.

Как бы там ни было, Ривер был воином, а не любовником.

— Ага, хорошо... я провел слишком много ночей в Афганистане, занимаясь романтикой со своим кулаком, так что я собираюсь провести годы в удовольствии и трахнуть эту суку по максимуму.

— Действуй, солдат. Я останусь в безопасности позади вражеской линии, записывая каждое кряхтение и удар. Я даже сделаю тебе копию твоей порно-коллекции. Уверен, она будет огромной и выдающейся.

— Прямо, как мой член, — усмехнулся Ривер.

Сет положил ладонь на свой живот.

— Пощади. Я не хочу блевать на твои ботинки.

Ривер закатил глаза.

— Как только принесешь ее в комнату, уложи ее на постель как можно быстрее, — инструктировал Сет. — Веревки уже прикреплены к основанию кровати, так что все, что тебе останется, это вытянуть их, просунуть ее запястья и лодыжки в петли и закрепить. Не слишком туго, ты же не хочешь перекрыть ей циркуляцию крови, но и не свободно, чтобы она не смогла тебя ударить, если выяснит истинную причину, по которой ты решил ее закадрить.

— Твоя инструкция «Доминирование для чайников» действительно доходчивая. Я все понял.

— Молодец! Надеюсь, ты взял больше одного презерватива.

Ривер приподнял бровь.

— Конечно. Кто знает, сколько часов мне придется провести у нее между бедрами, чтобы заставить разговориться?

— Не знаю. Просто будь готов. Она выглядит, как красотка, но я слышал, что ее «вспахивали» больше раз, чем пшеничное поле в Небраске. Вероятно, тебе захочется надеть двойную защиту, просто, на всякий случай, если окажется, что она переносчик какой-нибудь члено-разрушающей болезни.

— Благодарю. Я зачехлюсь дважды.

— Хорошо. Если ты всё-таки примешь на себя удар, то не захочешь передать этот плохо пахнувший Рождественский подарок кому-то еще.

— Ты уверен, что она будет в баре внизу, да?

— Ага. — Сет кивнул. — Согласно записям в ее соцсетях, бар в этом отеле это ее питейное заведение по четвергам. Небольшое изучение гугл-карт поведало мне, что он находится недалеко от финансового района, который является средой как богатых мужчин, так и денег. Она якобы встречается с людьми позже, поэтому приезжает туда рано, чтобы выследить жертву... имеется в виду, занять столик. Ты должен будешь сработать быстро и перед этим что-то сделать.

— Понял. — Ривер кивнул. — Расскажи мне обо всех этих гаджетах. Я не хочу что-то испортить. Вероятно, это единственный для меня шанс поправить отношения с сестрой и ее эм...

— Домами или любовниками, — наставлял Сет. — Уверен, и то и другое хорошо к ним подходит. Но оба делали ей предложение.

— Серьезно? — Это удивило Ривера. — Так почему она не выходит замуж? Неужели Рейн отказала обоим?

— Угу.

— У нее есть право сказать нет?

Сет отклонился назад.

— Конечно. При других обстоятельствах я бы сказал тебе не лезть не в свое дело, но я беспокоюсь о семье. Твоя сестра не рабыня и дает им контроль над собой не потому, что слаба. Рейн, может, и выглядит хрупкой. Я видел ее такой в эмоциональном плане. Но у нее чертовски сильная воля.

— Зачем тогда она участвует во всей этой подчиняющей фигне?

— Покрутись вокруг какое-то время и, возможно, ты поймешь. Но, заверяю тебя, у твоей сестры уйма власти над этими двумя. Когда я впервые ее увидел... — Сет рассмеялся, — она, не сказав ни слова, ушла от обоих, потому что два лучших друга, как идиоты, грызлись из-за нее. В течение двух дней они искали ее, вместе. В это время она зависала на квартире у Бека, прикладываясь к бутылке «Куэрво» и ох! выбивая дерьмо из твоего папочки. Хаммер и Лиам наконец смогли цивилизованно поговорить с тех пор, как она оказалась между ними. Вернувшись, Рейн взяла их за яйца. После этого они быстро пришли в себя. Иначе она ясно дала понять, что они оба потеряют ее. Ты выглядишь шокированным.

— Ага, я видел, как они наказывали ее за то, что она повидалась с собственным чертовым братом. Она встала на колени у их ног и... — Ривер вздрогнул. — Брр!

— Да, я догадывался, что ты увидишь это, а теперь позволь мне пояснить события того дня с точки зрения Доминанта. Их работа — ее безопасность, и она согласилась с их пределами. Но, чтобы увидеться с тобой, она рискнула всем. Если ты все еще не считаешь это важным, то они оба были готовы убить тебя после того фокуса, что ты проделал в СПА-салоне. Так что, да, она встала на колени. Она любит и уважает их, поэтому это было наименьшим, что она должна была сделать. Честно говоря, если бы моя саба сделала то, что сотворила Рейн... — Сет покачал головой. — одним недовольством дело бы не закончилось.

Ривер пытался уложить все это в голове.

— Она будет стоять перед ними на коленях, у нее от них ребенок, но она отказывается выходить замуж?

— Ну, часть с ребенком не была запланирована, — объяснил Сет. — Но подумай вот о чем: если отношения между двумя людьми сложны, то между тремя — чертовски сложны. После всей их ревности Рейн обязана быть справедливой и относиться к ним одинаково, чтобы сохранять баланс. А это может быть нелегко.

— Да. — Ему все еще не нравилась мысль, что его сестра сожительствовала с двумя парнями старше него самого... но он не мог отрицать, что они любят ее. И она их любила. — Я просто желаю Рейн счастья. Заткнись и покажи мне, что делать.

Пока Сет показывал, где чуть раньше припрятал записывающие устройства, Ривер был очень сосредоточен, делал мысленные заметки о том, где ему следует стоять или лежать, чтобы Сет смог получить оптимальную видео-и аудиозапись.

— Давай проведем быструю звуковую проверку, затем тебе лучше уйти.

Закончив настройку, Сет показал ему большие пальцы вверх.

— Ты готов. — Он похлопал Ривера по спине. — А теперь иди и стань героем.

Как только парень исчез в смежной комнате, Ривер принял долгий горячий душ, побрился и воспользовался одеколоном с феромонами, который ему всунула Рейн, чтобы сводить женщин с ума от похоти.

Аккуратно разложив на кровати свою парадную форму, Ривер погладил пальцами ряды ленточек, медалей и нашивок, свидетельств его многочисленных туров по Афганистану. Закрыв глаза, он мысленно отдал поклон своим братьям, которые не вернулись домой из

этого гиблого места.

Тщательно надев синюю парадно-выходную форму, он натянул берет на голову и похлопал рукой по бицепсу. Изобразив молчаливое приветствие, он прижал пальцы к знаку отличия спецназа, рейнджеров и знаку сержанта ВДВ в верхней части рукава. Еще раз поправив галстук, он помахал Сету в одну из скрытых камер и вышел за дверь.

Ривер дошел до шикарного бара и невозмутимо просканировал толпу в поисках блондинки. Он заметил ее, сидящую и потягивающую какой-то фруктовый девчачий напиток.

подавив враждебность, Ривер расположился в баре в нескольких метрах от нее и заказал себе пива. Почти мгновенно он почувствовал на себе ее взгляд. Он досчитал до десяти, прежде чем поднять голову и встретиться с ее взглядом. Определенно миленькая, по крайней мере, на расстоянии. Она покраснела.

Послав ему улыбку, она опустила глаза к своему бокалу. Рассеянно провела пальчиком с блестящим ярко-красным ногтем вверх и вниз по соломинке. Он мог поспорить, что она практиковала это движение на десятках сексуально озабоченных придурков. Но ему было плевать, кто был до него. Он на задании.

Она обхватила губами кончик трубочки и быстро провела по ней язычком, прежде чем длинно втянуть напиток. От всасывающего движения щеки ввалились. Перед его мысленным взором она стояла на коленях и отсасывала ему. Он не гордился этим, но его член ожил.

Она отставила коктейль, после, жеманно флиртуя, снова посмотрела на него. Он послал ей соблазнительную улыбку, затем придвинул к себе пиво и в несколько глотков допил его. Закончив, он поставил бутылку и оттолкнул ее в сторону, переходя в решительное наступление.

Вблизи она выглядела не совсем натурально. Когда она улыбалась, губы и лоб двигались неестественно. Она была густо накрашена. Холмики ее груди над вырезом короткого черного платья выглядели слишком симметричными и упругими.

Ривер бросил взгляд на ее пустой стакан.

— Я бы хотел купить тебе еще выпить.

Марли оглядела его сверху вниз, взгляд ее задержался на его груди, облаченной в парадно-выходную форму и к которой было приколото множество медалей. Улыбка медленно приподняла уголки ее губ.

— Неужели, моряк?

— Зеленые береты, вообще-то. И я буду покупать тебе выпивку до тех пор, пока не буду для тебя красавцем.

Марли откинула голову и рассмеялась.

— Ну и ну, такую реплику я еще ни разу не слышала, капрал зеленых беретов.

— Капитан, — поправил он.

— Прощу прощения, капитан. Но мне больше не нужна выпивка.

Он склонился ближе.

— Боишься, что я попытаюсь воспользоваться тобой?

— Нет. — Марли огляделась, а потом вновь встретилась с ним взглядом, еще одно отрепетированное движение. — Не боюсь. Просто мне не требуется больше алкоголя, чтобы считать тебя красавчиком. На самом деле, на трезвую голову я смогу лучше оценить каждый твой сантиметр.

— Каждый сантиметр? Так сколько именно сантиметров ты хочешь увидеть, детка?

Женщина захлопала ресницами, умудряясь выглядеть затаившей дыхание от удивления своим к нему притяжением. Да, она многое повидала и имела чертову уйму практики во флирте.

— Все, — прошептала она.

Бинго!

— Хмм. — Он наклонился еще ближе, легко коснувшись лицом ее шеи и глубоко вдохнул. И едва не поперхнулся. Средство для волос и какой-то нераспознаваемый запах.

— Иисусе, ты пахнешь... аппетитно. Что у тебя за парфюм?

— Guilty Seduction (прим. Грешное обольщение). — Она впиалась своими перламутрово-белыми зубами в нижнюю губу.

Годится.

— Надеюсь, когда мы закончим, ты будешь чувствовать только насыщение. — Ривер провел пальцем по ее ключице, заигрывая с накаченными силиконом выпуклостями.

Затрепетав, ресницы опустились, она вздохнула в кажущемся возбуждении, признаке того, что ему следует переходить к следующему этапу.

Ривер скользнул коленом между бедрами Марли, принуждая их раздвинуться. Затем обернул руку вокруг талии и притянул ее так близко, что ее груди едва не вывалились из облегающего платья.

— Ты чрезвычайно самоуверен, капитан.

— Я мужчина, который знает, чего хочет. — Ривер наклонился так, что его губы коснулись ее уха. — А хочу я тебя, обнаженную и связанную, в моей постели, пока я буду исследовать твоё тело своим ртом, и ты не закричишь от наслаждения.

Он услышал, как вскрик застрял в ее горле.

— С-связанную?

— В том случае, если тебя это интересует. — Он пожал плечами.

— О, нет. Меня никогда не связывали, но это звучит... волнующе.

Лгунья. По крайней мере, было приятно узнать, что заморочить ей голову сексом будет легко.

— Я действительно наслаждаюсь женщинами с широкими взглядами. Как тебя зовут, детка?

— Марли Нейтелнэш.

— Рик Сторм. — Он поднял ее тонкие пальчики и прижался поцелуем к внутренней стороне запястья.

Марли тяжело сглотнула.

— Пожалуйста, капитан, скажи, что у тебя наверху снят номер.

Неужели она всегда настолько доступна?

— Да. Желаете подняться наверх?

Она посмотрела вниз на его напряженную эрекцию.

— С огромным желанием обхватываю губами этот толстый член, который вот-вот выскочит из штанов.

Дерьмо, может, она и силиконовая сучка, но слова о его члене меж этих губ звучат чертовски хорошо.

— Так чего же мы ждем? — Ривер протянул ей руку.

Марли приняла ее и соскользнула с барного стула. Ноги держали ее слегка не твердо, и она прижалась к его руке.

— Ты кажешься очень сильным.

— Да, мэм. А еще способным. Я не позволю тебе упасть.

— Это обещание?

— Не сомневайся, детка.

Сжимая ее руку, он провел ее к лифту. Они вошли внутрь. Двери еще не закрылись, а Марли уже прижалась к его губам.

«Не отдавай ей власть. Ты — Дом. Возьми под контроль».

Со словами Сета, резонирующими в ушах, Ривер опустил кулак Марли в... нарощенные волосы? Какого хрена?

В этой женщине имелось хоть одно место, которое не было бы накачено ботоксом, обрызгано автозагаром или еще каким-либо образом усовершенствовано? Проклятье, может, ему необходимо держать ее подальше от открытого пламени, чтобы она не расплавилась в лужицу силикона или пластика.

Проигнорировав жесткие заклепки под пальцами, он выпятил грудь и толкнул женщину в угол лифта. Марли застонала, обвинив своим языком его. Был в ней пластик или нет, но эта шлюшка умела делать безумные вещи этим диким язычком. Ривер с нетерпением ожидал, когда ее талантливый рот двинется на юг.

Расположив свои бедра у нее между ногами, он толкнулся вперед, давая ей почувствовать, насколько серьезно он может ей навредить.

Марли оторвалась от его рта и выдохнула.

— Боже мой! Все это?

— Да. Я дам тебе каждый толстый твердый сантиметр, буду вновь и вновь доводить тебя оргазма.

Лифт приехал и остановился. Ривер взял Марли на руки. Она завизжала в кажущемся протесте, который прозвучал, скорее, как восторг, пока он нес ее по коридору. Он отпер дверь в свой номер, производя как можно больше шума, чтобы предупредить Сета и чтобы тот включил записывающие устройства.

Дверь с щелчком захлопнулась. Прежде, чем Ривер смог увлечь Марли на кровать, она упала на колени, подняла его пиджак и начала вытягивать ремень.

Успокаивая, Ривер положил свои руки поверх ее.

— Подожди, детка. Пойдем в кровать... там и продолжим.

— Хорошо. — Со слабым нетерпеливым стоном, она вскочила на ноги, скинула платье и расположилась на матрасе. — Обычно я так не поступаю, Рик. Не знакомлюсь с парнем в баре и не хожу в его комнату.

«Дерьмо собачье».

— Подобная мысль никогда и не приходила мне в голову. Между нами возникла какая-то связь. И я рад, что ты тоже это чувствуешь.

— Я вся горю.

— Еще нет, крошка, но будешь. Поверь мне.

Ривер снял галстук, пиджак и рубашку. После возвращения на Родину у него было несколько женщин, но ни одна из них не была такой бесстыдной и искусственной.

Прежде, чем расстегнуть штаны, он помедлил и посмотрел на нее.

— О, детка, ты такая сексуальная...

Казалось, Марли расплавилась от его комплимента.

— Как получилось, что такая красotka до сих пор одна? Почему ни один мужчина до

сих пор не заарканил тебя?

В ее глазах сверкнула боль, а затем злость. Она быстро сморгнула их.

— Я только недавно разорвала отношения. Он бросил меня ради помойной шлюхи.

— Поверить не могу. — Ривер заставил себя выглядеть сочувственно. — Почему? Кто этот идиот? Я имею в виду: его потеря — моя находка, но...

— Мне нужно было это услышать. — Она деликатно шмыгнула носом. — Он жестоко разбил мне сердце.

Ей стоило придерживаться флирта. Она была неплоха в стимулировании желания и ужасна в разжигании сочувствия.

Поместив руки на бедра, Ривер поиграл бицепсами.

— Где он живет? Я пойду и преподам ему урок. Ни один мужчина не должен сваливать, разбив сердце такому совершенству, как ты.

— Видишь, ты понял. Мне просто не понятно, как он мог бросить меня ради этой озабоченной сучки в течке. Она едва не сношалась с его ногой, пока он ее не обрюхатил.

«Ты назвала мою сестру озабоченной? Посмотришь в зеркало».

Ривер приподнял бровь, имитируя удивление.

— Он женился на ней?

— Нет, — фыркнула Марли. — Так, может, он не сошел с ума окончательно. Он слишком утонченный и искушенный для кого-то настолько... неотесанного. Хоть убей, я не понимаю, что он в ней нашел. Она совершенно не примечательная. Она однозначно не подходит ему интеллектуально. Признаю, она смотрит на него, как на Бога. Он владеет секс-клубом, это не является моей фишкой, но... он из тех, кто любит послушание, поэтому та шлюшка, вероятно, падает на колени каждый раз, когда он указывает на землю. Я догадываюсь, что у нее огромная грудь, но тогда... у меня тоже.

Она выпятила свою грудь, и та искусно приподнялась, облаченная в нечто кружевное и дорогое. Он был бы не прочь добраться до этого своим ртом, но не важно, насколько бы ни был нетерпелив его член, Марли была в ударе. Сейчас он не смог бы ее остановить.

— Это, должно быть, самые красивые сиськи, которые я когда-либо видел. М-м-м-м. — Ривер смотрел, почесывая подбородок. — Но заставь меня гордиться тобой. Скажи, что ты не приняла это дерьмо покорно.

Её рот искривился в ужасной ухмылке. Ривер впервые увидел гадюку в красивой упаковке.

— Вначале так и было, но я нашла способ отомстить ему.

— Рад за тебя, — подбодрил ее Ривер. — Как ты это сделала, настроила против него эту серую мышь?

— О, нет. Я сделала кое-что... — Марли внезапно прикрыла рот рукой. — Мне не стоит это никому говорить. Это может привести к серьезным проблемам.

Ривер ухмыльнулся.

— Только не от меня. Вскоре я отправляюсь обратно в пустыню. Ты не можешь оставить меня умирать от любопытства. Что бы ни пришло в эту симпатичную головку, должно быть, это было что-то эпичное.

— Так и есть, — захлебывалась она.

— Я ни слова никому не скажу. — Он провел костяшками пальцев по ее ключицам, вниз, вниз по округлости одной груди, по острой вершинке. — Со мной все твои секреты в безопасности, прямо здесь. — Он похлопал по сердцу и послал ей успокаивающую улыбку.

— Обещаешь?

— Вот те крест, детка.

От ликования она слегка вскинулась на матрасе.

— Я умирала от желания рассказать хоть кому-нибудь, до тех пор, пока ты не отбудешь, или как ты там это называешь, я поделюсь своим секретом с тобой. Кажется, тебе можно доверять.

«А это твоя вторая ошибка. Первой стала нападение на мою сестру. Но, пожалуйста, расскажи мне, как ты подставила ее любовника и разрушила их жизни».

— Можешь. — Ривер улыбнулся, притворяясь, будто внимает каждому ее слову.

— Я могла поведать крошечную невинную ложь новому... другу, который работает в федеральной судебной системе. Убедила его предъявить обвинения моему бывшему. Жена этого друга только родила, а ты же знаешь, у мужчин имеются потребности. С моей стороны это было нехорошо, но я помогла ему... а он дал делу ход ради меня.

— Очень умно. А твой бывший сделал что-то незаконное?

— Поскольку испытывать влечение к этой белой сучке не является преступлением, то нет.

Риверу хотелось трясти Марли до тех пор, пока все накладные пряди не попадают. Но ради Рейн он заставил себя улыбнуться шире. До тех пор, пока эта задница продолжает выдавать показания, в которых они нуждаются, чтобы закрыть эти искусственные сиськи в тюрьме, он будет делать все, что должен, чтобы она продолжала говорить.

А потом она усвоит, что не нужно трахать мозг ему... или его сестре.

— На тот случай, если моей лжи окажется недостаточно, я... оказала одну или две оральных услуги технику, который работает на моего бывшего. Взамен чудик отдал мне кое-какое провокационное видео, на котором бывший едва не насилует эту распутницу.

— Насилует? Срань Господня. — О чем, черт подери, она говорит? — Он делал это? Если это так, то я не хочу, чтобы ты была рядом с ним.

— Конечно, нет. Ему и не нужно было, — она почти простонала эти слова. — Он слишком хорош для нее. А еще богат. Какое расточительство... Эта шлюшка даже не умеет носить дизайнерскую одежду. Я выгляжу намного лучше в одежде от Виттон. Но разве меня он выбрал? Нет. — Она вздохнула от разочарования. — Вероятно, мне стоит считать себя счастливицей. После всего его лучший друг переехал к ним, таким образом, они могут «делить» ее между собой. Ну что за тупая шлюха.

— Вижу, что именно ты об этом думаешь, — заставил себя сказать Ривер.

— Ладно, пусть остается с ней. Я бы никогда не вернулась к этому ублюдку. Просто мне хочется заставить его страдать. Он считает себя большим плохим Домом. — Она коварно улыбнулась. — А я почти добилась, чтобы его посадили на ближайшие тридцать лет.

Основная идея: Макен отлично трахается и Марли психует из-за того, что он отверг ее, потому что она эгоистичная сука, которую не волнует то, что она разрушила жизни невинных людей.

— Ох. — Он потер друг о друга руки, чтобы удержаться и не придушить ее. — Люблю женщин с острым умом. Ты настоящий бриллиант, детка.

— Благодарю. Чувствую себя гением, одним движением обрушившим на него «молот» и разлучившим с этой шлюхой. А еще на него навесили ярлык педофила! — она радостно взвизгнула. — Победа!

— Умница. Никогда не позволяй мужчинам относиться к тебе иначе, чем ты того

заслуживаешь.

И прямо сейчас эта дрянь заслуживала того, чтобы оказаться за решеткой.

— Никогда. Скоро его посадят. Дождаться не могу.

— Так насколько крепко ты подружилась с работником прокуратуры?

— Ну, он помощник федерального прокурора в этом деле, и в нем не так много свидетелей, поэтому мне пришлось быть чрезвычайно убедительной. Каждые понедельник и пятницу, в полдень. — Она закатила глаза. — Он — зануда и просто ужасен в постели. Но все это ради справедливости, верно?

— Однозначно.

Ривер бросил взгляд на скрытую изголовье камеру, молясь, чтобы Сет заснял каждое избоблительное слово, срывающееся с языка Марли.

Внезапно она всхлипнула и пронзила его мрачным взглядом.

Блять. Неужели она заметила оборудование для наблюдения?

— В чем дело, крошка? Почему ты так серьезна?

— Ты же никому не скажешь, верно? Я имею в виду, что, на самом деле, я не мстительна, но... если честно, как я могла позволить ему уйти к этой презренной сучке?

Ривер улыбнулся и расстегнул ширинку. Либо он займется делом, либо она что-нибудь заподозрит. А он так психовал, что не был уверен, что найдет в себе силы, чтобы трахнуть ее.

— Он сумасшедший, это очевидно, крошка. — Сунув руку в штаны, он вытащил член. — Как насчет того, чтобы я вбил в тебя свой молот, глубоко и жестко?

— О, Боже! — прошептала она, диким взглядом глядя на его член. — Иди сюда, Капитан. Дай мне обхватить губами твоё большое оружие.

— Рано, детка. Я хочу оказаться внутри тебя, заставить тебя кричать.

— И ты собираешься связать меня, да?

Ривер сбросил брюки, затем кинулся к кровати и вытянул веревки со всех четырех углов.

— Ты меня знаешь. Избавься от бюстгальтера и трусиков. Позволь мне перевернуть твой мир.

— Жду не дождусь, — хихикнула она.

В считанные секунды она обнажилась и легла по центру кровати. Ривер отбросил то, какой подлой была эта сучка, и сосредоточился на ее красивом теле. К счастью, у его члена не имелось высоких моральных принципов.

Помня комментарий Сета о том, как часто вспахивалось ее поле, Ривер отвернулся и заключил свой член в двойной слой латекса.

— Поторопись, Капитан.

Скрипнув зубами, он сверкнул улыбкой и привязал ее запястья и щиколотки. Он не мог заставить себя приступить к какой-либо прелюдии. Будет круто, если он трахнет ее. К счастью, когда он скользнул в нее, вспухшая головка его члена взяла остальное на себя.

Ривер яростно накачивал ее. Пока Марли приближалась к своему третьему оргазму, Ривер желал, чтобы Сет прекратил эту вечеринку. Двойной презерватив пережал его ствол, а она определенно не передернула затвор. Но он бы трахал ее всю ночь, если бы пришлось. Ради своей страны он делал вещи и похуже.

Может, ему и хотелось получить оргазм этой ночью, но не с ней.

Пока она извивалась под ним, он впился какого-хрена-взглядом в камеру, вмонтированную в изголовье.

Наконец телефон Ривера зазвонил.

«Почти, блять, вовремя, Сет. Ты — сукин сын».

Откатив ее все еще задыхающееся тело, Ривер выудил из брюк девайс.

— Алло?

— Ты где, чувак? Они собираются начать церемонию награждения. Ты пропустил ужин.

Что тебя задержало? — спросил Сет, следуя заранее спланированному сценарию.

— Вот же су... Который час?

— Время вытащить свой член, куда бы ты его ни засунул, влезть в парадную форму и притащить свою задницу на банкет. Я прикрою. Поторопись.

— Ч-что случилось? — спросила дезориентированная Марли.

— Мне пора. Прости, детка. — Он стянул презервативы и залез в штаны. — Но сегодня меня награждают медалью за храбрость. Я опаздываю.

Она и глазом не моргнула.

— О, как волнующе.

Очевидно, женщина понятия не имела о том, что подобная награда частенько выдается посмертно и только в Белом Доме, и ни разу в ЛА.

Ривер постарался не закатить глаза, пока отвязывал ее от кровати.

— Волнение.

Она вылезла из постели и подобрала свою одежду.

— Я пробуду в баре до поздней ночи. Найди меня, когда вернешься. Мне бы действительно хотелось увидеться с тобой вновь.

«Уж лучше я подвешу самого себя над ямой с голодными аллигаторами».

— Знаешь, так я и поступлю. — Ривер выдал ей широкую улыбку.

Он поцеловал ее в щеку, шлепнул по заднице и вытолкнул за дверь. Досчитав до десяти, он заглянул в глазок, чтобы убедиться, что она покинула коридор.

Берег чист.

Несколько секунд спустя щелкнул замок, и в комнату прогулочным шагом с насмешливой ухмылкой на лице вошел Сет, держа в руках DVD-проигрыватель.

— Ты ее сделал. Мы так близки, чтобы прижать к стене Марли, того противного ботанатехника и ту задницу из прокуратуры.

— Блять, да! — развеселился Ривер.

— Еще немного беготни и, думаю, что смогу прояснить это. Хаммер, считай, будет свободен. — Сет улыбался от уха до уха. — Я говорил тебе, что твоя сестра — крутая.

Он должен был отдать Рейн должное.

— Она это придумала.

— Кстати, как ты раскрутил Марли так быстро? Ты привел ее наверх прежде, чем я успел покончить с чизбургером, который заказал в обслуживании номеров.

— Проклятье, мне повезло, что я успел доставить ее до номера прежде, чем она меня изнасиловала. — Ривер покачал головой. — В лифте она просунула свой язык так глубоко мне в глотку, что я думал, он выйдет у меня из задницы.

Сет заревел от смеха.

Ривер пожал плечами.

— Это не смешно, придурок. Пожалуйста, скажи мне, что в твоём номере есть хлорка.

— Зачем она тебе, черт подери?

— Чтобы смыть рассадник микробов с члена.

Двадцать второе февраля. Пятница

Криво улыбаясь, Лиам через дверной проем наблюдал, как Рейн расхаживает по гостиной, каждые пять секунд выглядывая в окно. Она прерывалась, только чтобы посмотреть на часы.

Он приблизился и обнял ее со спины.

— Они не приедут быстрее, если ты протрешь дыру в ковре, любимая.

— Знаю, но прошло уже два часа. Сет и Ривер планировали быть здесь пять минут назад.

Ее обычно голубовато-белая аура была испещрена пурпурными иголками, перед тем как она отправилась в «Темницу». Теперь же, после возвращения, она пульсировала фиолетовым, и это говорило Лиаму о том, что Рейн что-то задумала ... и решила оставить это при себе. Ему это не нравилось.

— У тебя от меня секреты, любимая, — требовательно сказал Лиам низким голосом.

Она резко обернулась к нему, ее глаза были широко распахнуты.

— Не совсем. Я жду Ривера и Сета, чтобы...

— Чтобы что?

— Хорошо, у меня имеется догадка. Назови это женской интуицией. Я не подвергала себя опасности, а просто попросила их кое-что проверить для меня. Сегодня утром позвонил Ривер и сказал, что у них есть для нас новости.

— И ты ни о чем таком не намекнула ни мне, ни Хаммеру?

— Потому что мне не хотелось давать кому-то надежду, если я ошиблась. Вскоре я все объясню. Просто дай мне несколько минут, хорошо?

— Отлично. Но если у них не будет ответов для твоей женской интуиции, то у нас с тобой состоится долгий разговор.

— Хорошо. — Она кивнула и вновь обратила свое внимание на окно.

Он покачал головой и усмехнулся.

— У тебя чертовски много изумительных качеств, но терпение не является одним из них.

— Ничего не могу с собой поделаться. Ожидание сводит меня с ума.

Он прикусил чувствительное местечко у нее за ушком.

— Хаммер и я с радостью заберем тебя наверх, чтобы овладеть твоим разумом... и сочным телом. Этот способ сходить с ума гораздо веселее.

— Кто-то произнес мое имя? — В комнату вошел Хаммер, присоединяясь к их объятию.

— Я думала, ты ушел, — Рейн посмотрела на него. — Я ходила в гараж, чтобы взять яблочного сока, и твоей машины не было. Я надеялась, ты привезешь мне шоколадных пончиков.

Макен слегка побледнел.

— Нет, но завтра утром захвачу для тебя несколько.

Двое мужчин просидели у бассейна всю ночь, опустошив по полбутылки скотча и текилы. Они вместе сыпали проклятия и даже проронили несколько слезинок, пока Лиам копался в психике своего друга. Осознание того, насколько близко мужик был у края, до

чертиков пугало Лиам. Но к пяти утра он был уверен, что достучался до друга и этот говнюк больше не выкинет никакой трюк.

Затем Хаммер вызвал эвакуатор, прибывший с восходом солнца. Лиам с благодарностью наблюдал, как на свалку отправляется раскуроченный «Ауди», а не его приятель. И тем не менее Лиам не мог не ощущать, что они каким-то образом хоронили тело. Быть может, это были страхи Хаммера. Как бы там ни было, все свидетельства о распаде мужчины исчезли.

— Это было бы хорошо, но где твоя машина? — спросила она с подозрением.

— Ну... — Хаммер посмотрел в сторону. — Безысходность во мне возобладала. Я вроде как... разбил ее монтировкой.

Это было самое полное объяснение, которое нужно было Рейн.

— Ты что сделал? — выдохнула она.

— Все в порядке, прелесть. Мне нужно было выпустить пар, и в любом случае пришло время покупать новую машину.

— Это безумно дорогой способ избавляться от расстройства. — Она нахмурилась, а затем развернулась к Лиаму. — Значит, ты бьешь свой телефон об стену, а Хаммер разбивает машину. Вам, обоим нужны уроки по управлению гневом или что-то в этом роде?

— Нет. С этого момента мы планируем тратить на тебя всю нашу энергию, — заверил ее Хаммер.

С беспокойством на лице, она заключила в чашу ладоней его подбородок.

— Тебе лучше?

Он наклонился и нежно поцеловал ее.

— Я чувствую себя живым, прелесть. Я буду чувствовать себя лучше только в одном случае, если мы разгребем весь этот долбаный беспорядок.

Таинственная улыбка растянула уголки губ Рейн. Лиам желал бы, что бы она ни скрывала, чтобы это превратило их самое большое желание в реальность.

Когда Брин и Дункан спустились вниз, прозвенел звонок в дверь.

— Вы хотите, чтобы я открыл? — спросил Дункан.

— Я открою. — Рейн освободилась от объятий своих мужчин и побежала к двери.

Открыла ее рывком. На пороге стояли Бек и Стерлинг с выжидающим выражением на лицах.

Лиам удивился, почему эти двое заехали, если Рейн сказала, что ожидает Сета и брата. Значит, она не рассказала ему всего. Лиам планировал напомнить ей об ее обещании быть честной с помощью нескольких шлепков по молочного цвета попке. У него зачесались ладони.

— Входите, — пригласила Рейн.

Как только оба мужчины вошли в фойе, она выглянула за дверь и оглядела обе дорожки, словно просканировав улицу. С тяжелым вздохом она закрыла дверь, а затем провела Бека и Стерлинга в гостиную. Парни пожали всем руки, перед тем как занять места на диване.

— Что привело вас обоих сюда? — любопытствовал Лиам.

— Я приготовлю чай, — объявила Брин, явно не позволяя мужчинам ответить на его вопрос.

«Что же ты затеяла, мама?» — спросил он мысленно.

Она просто улыбнулась.

— У вас есть пиво? — спросил Бек.

— Сейчас два часа дня, Кеннет, — обратила внимание Брин.

Он сверкнул ей озорной усмешкой.

— А где-то еще — пять.

— Этой улыбкой ты растопил много сердец, но, чтобы растопить сердце Хэвенли, потребуется нечто большее.

Бек насупился.

— Предсказаниям я бы предпочел пиво.

Лиам фыркнул.

— Удачи тебе в этом.

— Я принесу тебе пинту, приятель. — Дункан хлопнул Брин по заднице. — Пошли, девочка. Своими загадками ты снова пугаешь детей.

Стерлинг выглядел смущенным, но пожал плечами.

— Вот именно, зачем мы здесь, принцесса? — спросил Бек, глядя на Рейн.

Она прикусила нижнюю губу, затем бросила на дверь взгляд, полный надежды.

— Ну, эм... в любую секунду подъедут Сет и Ривер. И тогда мы все объясним.

Хаммер нахмурился и повернулся к своему адвокату.

— Так ты не в курсе, что происходит?

— Понятия не имею. — Стерлинг покачал головой. — Позвонила Рейн и сказала, что это срочно, поэтому я освободил утро.

— Мне жаль, что тебе пришлось передвигать свой график, — извинилась она. — Они должны...

Вновь зазвонил дверной звонок. Она быстро пересекла комнату, распахнула двери и впустила Сета и Ривера.

Появились Брин и Дункан, расставив на кофейном столике напитки.

— Ну? — Рейн посмотрела на брата, едва сдерживая волнение.

Лиам наблюдал. Что, к дьяволу, она задумала?

Широко улыбаясь, Ривер сгреб ее в охапку, поднял и поцеловал в щеку.

Хаммер напрягся. Лиам сжал плечо друга, чтобы успокоить. Оба, и Ривер и Сет, имели фиолетовые ауры, что значило, они участвовали в заговоре вместе с Рейн. Лиам с любопытством наблюдал, как Ривер поставил Рейн на пол, прежде чем потянуться к своей куртке. Он вытащил DVD-диск и протянул ей.

— Давай, тучка. Ты была права. Это твое шоу. Ты хорошо сработала. Заверши спасение своего мужчины.

На лице Макена появилась настороженность.

— Рейн, о чем он говорит?

Лиам не мог пропустить ожидание, повисшее в воздухе. На горизонте маячило что-то важное. Значительное. Он вперил свой взгляд в Рейн.

— После того, как мы стали вычислять, что за блондинка может мстить тебе, я не могла отделаться от чувства, что в это был вовлечен определенный человек, — объяснила она. — Что-то в дальнем уголке моего разума продолжало говорить мне проверить ее.

— Кого? — нетерпеливо спросил Хаммер.

— Я подхожу к этому. — Рейн послала ему умоляющий взгляд. — Я попросила Ривера и Сета устроить ловушку. Она не видела, что Ривер вернулся, и это хорошо, потому что я думаю, что они ее подловили. Все должно быть на этом диске. — Она присела рядом с Хаммером и послала ему взгляд, полный любви. — Посмотрите. Особенно ты, Стерлинг.

Думаю, что тебе это покажется... познавательным. И судя по взгляду, брошенному мне Сетом, вероятно, даже тревожным. — Затем она вложила DVD-диск в руку Хаммеру и мягко поцеловала его. — Я люблю тебя.

Он смотрел на пластик снова и снова, вертя его в руках.

— Эта запись повлияет на мое дело?

— Она уберезет тебя от тюрьмы, Макен, — прошептала она мягко.

— Серьезно? — Хаммер заморгал в полном неверии.

— На сто десять процентов, — пообещал Сет.

— Давайте пока не будем бежать впереди паровоза, — предупредил Стерлинг. — Что конкретно на этом диске?

— Хорошо, Ривер внес большую лепту. — Сет подмигнул.

Глаза Брин увеличились.

— О. Вот это да! Рейн? Дорогая, думаю, будет лучше, если мы с тобой ненадолго поднимемся наверх.

Его девочка сжалась.

— Ага, я знаю почти наверняка, что на нем записано. Я бы лучше промыла глаза кислотой, чем увидела это.

Брин обняла Рейн за плечи.

— Преданность твоего брата тебе восхищает, но и настораживает.

Она широко улыбнулась Риверу.

— Спасибо, старший брат.

— Ради тебя все, что угодно, тучка, — ласково улыбнулся Ривер.

Сет метнулся к входной двери, несколько секунд спустя вернулся с огромным пакетом попкорна и широкой ухмылкой.

Лиаму казалось, что Рейн заразила его своим нетерпением. Если то, что они собирались посмотреть, могло решить дело Хаммера, то он не желал тратить время на разговоры.

— Джентльмены, давайте приступим и пройдем в медиа-зал? — предложил он.

— Ты что-то знаешь об этом? — пробормотал Хаммер, когда они выходили в коридор, а остальные мужчины последовали за ними, возбужденные и полные надежды.

— Нет, но я подозревал, что она что-то задумала. Я желаю узнать все это, так же, как и ты.

— Что за херня на этом диске? — спросил Бек позади.

— Я даже описать это не могу, — проговорил Сет с иронией. — Вам нужно увидеть самим. Имейте в виду, что это необработанная режиссерская версия. И сегодня вечером будет единственный показ. Увидите почему.

После того, как они расселись в мягкие кресла, вытянув ноги и расположив по бокам попкорн и пиво, Хаммер вставил диск в DVD-проигрыватель.

Большой экран ожил на моменте, как Ривер и Марли входят в номер.

— Какого хрена? — прошептал Хаммер, абсолютно потрясенный.

Эта чертова, никчемная сучка. Ему следовало знать. Почему он не догадался... и не отделал Марли, когда у него был шанс? Лиам был расстроен, что сука ушла, чтобы осуществить свою вендетту.

«Я говорила, что она была отвергнута», — голос матери пронзил его мозг.

Лиам смотрел, как Хаммер откинулся на свое кресло. На его лице был шок, пока он смотрел на экран, разинув рот.

— Срань Господня! — выдал Бек. — Эта гребаная шалава. Вы, должно быть, разыгрываете меня.

— Марли? — придушено выдавил Хаммер. — Она недостаточно умна, чтобы проделать нечто подобное.

— Она может не быть умной, но она коварна, — возразил Сет. — И виновна.

— Терпеть не могу эту суку, — выругался Лиам, наблюдая за разворачивающейся на экране драмой.

— О, смотри. Ривер оказался с этой дикой шлюхой, — растягивая слова, проговорил Бек.

— Говнюк, — пробормотал Хаммер, приклеившись взглядом к экрану. — Поверить не могу, что за всем этим стоит она.

— А я верить не могу, что ты вообще трахался с ней, — упрекнул Лиам.

— А я верить не могу, что ты трахал ее более одного раза, — содрогнулся Ривер.

Когда она упала на колени и начала расстегивать на мужчине брюки, Стерлинг сел прямо и наклонился вперед. — Какого черта я смотрю все это? Кто она?

— Первая шлюха на деревне, — фыркнул Бек. — Я подумывал высечь ее когда-то, но мне нужна была новая модель. Знаешь кого-то еще, кто не отсосал бы член у каждого в радиусе полутора тысяч километров?

— Что, к дьяволу, она пытается с тобой сделать, Ривер? — спросил Лиам со смехом.

— Она охотится на неуловимую змею в штанах, сынок, — пропел Дункан в ирландском стиле. — Быстрее, девочка. Хватай его губами, пока он не исчез.

— Это не змея! — запротестовал Ривер в притворном негодовании. — Это целая долбанная анаконда.

— Будьте внимательнее, — выкрикнул Сет. — Зубы этой ядовитой шлюхи могут разрезать мужской член на ленточки.

— Если вначале тебя не собьют ее твердокаменные сиськи, — пробрюзжал Ривер. — Иисусе, я бросал медболы, которые были помягче этих штуковин.

Хаммер только зарычал и закрыл лицо руками, выглядывая сквозь щели между растопыренными пальцами.

Словно во время наблюдения за крушением поезда, никто не мог отвернуться.

Когда Марли вскочила на ноги и скинула платье, Лиам завыл от смеха.

— Ох, смотрите. Кобра только что скинула свою кожу. Быстро! Кто-нибудь, позвоните в National Geographic.

— Меня сейчас вырвет, — простонал Хаммер.

Сет встал и приостановил запись.

Мужчины в унисон зарычали. Бек кинул в него попкорном.

— Заткнитесь, вы, извращенцы, — ругнулся он. — Стерлинг, тебе необходимо послушать все, что она скажет с того момента, как Ривер уложит ее на кровать. Когда он вытащит свою «анаконду» и перетянет ее двойным слоем презервативов, можете снова не слушать.

— Двойным слоем? — фыркнул Хаммер. — У нее что, были открытые язвы или что-то в этом роде?

— Ничего, что я смог бы увидеть через камеру, — ответил Сет. — Но могу предположить, что у нее имеются тварюшки. Я знаю, что Рейн не была бы счастлива, если Ривер прихватил одну из них за компанию и в итоге получил лобковых вшей.

— Это еще одна причина, по которой я держал свой рот подальше от нее, — согласился Ривер.

— Ладно, а теперь всем сохранять тишину, — наказал Сет. — Слушайте.

В комнате повисла гробовая тишина, и он запустил видео. Когда Марли призналась, что спит с помощником прокурора и что подкупила Льюиса ударными работами, чтобы наложить руки на записи службы безопасности в «Темнице», Лиам просто взорвался.

Его тошнило от той очевидной радости, что она испытывала, сея и взращивая семена того, что должно было уничтожить не только жизнь Хаммера, но и всей их семьи. И чем больше она клеветала на Рейн, тем больше возрастала в Лиаме злость. Он стиснул челюсти и сжал кулаки. В ушах загрохотала кровь, пока он сдерживал желание свернуть ей шею.

— Я хочу убить эту суку. — Без сомнений, Хаммер был в такой же ярости, что и Лиам. — Откуда столько ненависти? Я никогда не обещал ей ни одной гребаной вещи, и она, естественно, не может считать меня негодяем.

Лиам сжал руку Хаммера.

— У нас проблема, приятель. Она самовлюбленная шлюха, которая решила, что ты вознесешь ее на пьедестал. А вместо этого ты отодвинул ее в сторону ради нашей девочки. Марли не могла смириться с подобным отказом.

Хаммер покачал головой от отвращения.

— Таким образом, в ответ она решила посадить меня в тюрьму? Что за социопатическая стерва? Мне хочется убить ее к чертям собачьим.

Когда на видео Ривер добрался до штанов, Сет вновь остановил просмотр.

— Ой, да ладно тебе, говнюк, — пробубнил Бек. — Мы хотим посмотреть остальное.

— Держи свои штаны застегнутыми, — проворчал Сет, а затем повернулся к Стерлингу. — Хаммер свободен? Записанного на этом диске достаточно, чтобы обелить его имя?

Все взгляды устремились к юристу. Лиам задержал дыхание, а Хаммер, сидящий рядом, напрягся.

— Господь Свидетель, как бы мне хотелось сказать да, но она не называла имен. Если бы я предоставил это судье, то моя защита была бы основана на таких же косвенных доказательствах, как и их обвинение. — Стерлинг выглядел расстроенным и мрачным.

— Я подумал, что мог бы сказать, что... — Сет вытащил пачку документов из своего портфеля и встал перед мужчиной. — Я порыл еще немного. Поэтому и опоздал. Около двух недель назад известный нам помощник прокурора, Год Веллингтон, завел любовницу.

Сет передал Стерлингу лист бумаги.

— Из этой выписки по кредитной карте можно увидеть, что для короткого переписхона каждые понедельник и пятницу Веллингтон начал бронировать номера в «Рице». Поэтому несколько часов назад я поехал в отель и пофлиртовал с работницей на стойке регистрации. Показал ей фотографии Веллингтона и Марли, и она шепнула мне, что эта парочка уже зарегистрировалась. Они поднялись на десятый этаж. Она не сообщила мне номер комнаты, но мне это и не было нужно.

— Ты хитрый сукин сын, — улыбнулся Лиам.

— Около тридцати минут я пробыл в холле с телефоном в руках, когда внезапно открылись две двери и из одного из номеров вышли они. Я развернулся и сделал пару фотографий. Они даже не посмотрели в мою сторону. Веллингтон просто подтолкнул ее к стене и прижался к ней, а Марли проглотила его язык.

— О, Боже. Я в курсе, как это ощущается, — брюзжал Ривер.

— Я смог поймать это... — объявил Сет, показывая восемь-десять фотографий пары, ощупывающей и полирующей друг другу миндалины.

— Срань Господня, — выдал Бек.

Вскочив с кресла, он развернулся и вперился в Стерлинга пристальным взглядом. От Хаммера исходила надежда, сразу же омывающая Лиам и купающая его в теплых волнах оптимизма и уверенности. Этот двойной эффект едва не свалил его, к чертям.

Медленная улыбка растянула лицо юриста. Не говоря ни слова, Барнс встал и вытянул из нагрудного кармана телефон.

— Только что я получил электронное письмо из прокуратуры с именем свидетеля. — Понимающая ухмылка заиграла на его губах. — Это звезда вашего видео... леди, я использую это определение очень расплывчато, по имени Марли Нейтелнаш.

— Ты имеешь в виду Марли Гадкаясука? — прорычал Хаммер. — Ага.

Кивнув, Стерлинг нажал на кнопку, затем прижал устройство к уху.

— Привет, Арни, это Стерлинг. Да. Да, наша игра в гольф все еще назначена на завтра. Звоню узнать, могу ли я подъехать к тебе сегодня после полудня. Я достал кое-какую невероятную информацию, касающуюся дела Хаммермана, которую ты должен увидеть. Это дерьмо сразит тебя наповал. О, и, возможно, ты захочешь выдать ордер на арест Марли Нейтелнаш, свидетеля обвинения, а так же нашего общего друга, помощника прокурора Тода Веллингтона. — Он помолчал, а его губы были растянуты в улыбке. — Да, ты все услышал правильно. Этот напыщенный хрен не будет разгуливать около твоего зала суда... да и еще чьего-нибудь. Это будет невозможно после его отстранения. Да. Я принесу тебе доказательства, и их будет больше, чем ты можешь себе представить. Хорошо. Спасибо, Арни. Увидимся.

— Подожди! Ты не можешь забрать видео, — возразил Бек. — Мы еще не увидели остального.

Лиам и Хаммер проигнорировали насмехающегося ублюдка. Оба, задержав дыхание, подошли к Барнсу.

— Так все закончено? — спросил Хаммер, голос его слегка дрогнул.

Сжав плечо друга, Лиам почувствовал, как тот дрожит под его ладонью.

В жесте отеческой поддержки, Барнс похлопал Хаммера по руке.

— Не могу сказать определенно, но после того, как я покажу все это судье Айерсу, верю, что твои проблемы закончатся. — Стерлинг посмотрел поверх их плеч и кивнул Сету.

— У меня имеется отрежиссированная, детская версия этого видео. Только признания и никакого секса.

— Прекрасно. — Стерлинг улыбнулся. — Я знаю, что никто из вас, парни, никогда не станет записывать сексуальный акт без согласия его партнеров и не влипнет своей задницей в неприятности, верно?

— Я, награжденный знаком отличия герой войны, никогда бы не сделал подобного, — усмехнулся Ривер.

— Я отказываюсь свидетельствовать против самого себя. — Сет подмигнул, поигрывая DVD-дисками, как игральными картами. — Джентльмены, для ваших коллекций порнографии я сделал копии с перчинкой.

— Я пас. Мне это нахер не нужно, — прорычал Хаммер.

— Мне тоже. Иисусе, мужик. О чем ты, черт подери, думал? — проворчал Лиам.

— О, сладости, — веселился Бек, подскочив и схватив один.

— Я обязательно сообщу Хэвенли, насколько нетерпеливым ты был, пополняя свою коллекцию порно, — глумился Сет.

Бек показал ему неприличный жест.

— А я скажу ей, что ты это записывал.

После того, как Сет передал Стерлингу диск исключительно с признаниями, наряду с другими обличающими доказательствами, юрист пообещал позвонить сразу же, как только у него появятся новости, а затем отбыл.

Хаммер подошел к Риверу и протянул ему руку. Когда брат Рейн принял ее, Макен сморгнул слезы.

— Я, блять, даже не знаю, как тебя отблагодарить.

— Тебе и не нужно, тем более что я сам все это начал. Я просто рад, что твой вкус на женщин улучшился.

Хаммер фыркнул и сделал Сету жест рукой, чтобы тот присоединился к мужским объятиям. Пока эти трое стояли, улыбаясь и обсуждая подробности проведенной операции, сердце Лиама воспарило.

В порыве братской любви Бек встал со своего кресла и запустил видео по новой.

— О, смотрите, — призвал Дункан, показывая пальцем в экран. — Ривер пытается подчинить зверя. Прямо как Кинг-Конг.

— Ты имел в виду Королеву вагин? — фыркнул Бек.

— А теперь он готов уложить свою волынку, — Дункан рассмеялся. — Иисусе, твой член такой же большой, как Транс-Аляскинский трубопровод. Поведай мне, у него имеются собственные сердце и легкие?

Ривер оскалился, отстранившись от Хаммера, затем присел рядом с отцом Лиама.

— Нет, но думаю, он немного испугался ее.

— Это вовсе не большой член, — Бек схватился за собственный пах. — Вот это большой член.

— Я так разозлился на Марли, когда записывал это дерьмо, что хотел пройти в номер Ривера и раз пятьдесят пнуть по ней, — сказал Сет. — Я этого не сделал, потому что побоялся потерять свой ботинок.

Лиам и Хаммер в унисон захохотали.

— О, она раздвигает ноги, — проревел Дункан. — Господи помилуй! Ее влагалище размером с коридор. Кто-нибудь, бросьте мальчику веревку.

— Верь мне, Дункан, — проговорил Ривер, растягивая слова. — Мне бы больше понравилось оттрахать коридор. Я щупал манекены, чьи тела были более податливыми, чем ее.

— Пошли, — Хаммер кивнул Лиаму. — Давай найдем Рейн.

— Я с тобой. Я уже достаточно увидел. Еще немного — и меня вырвет.

Поднявшись вверх по лестнице, они встретили Брин, спускавшуюся вниз.

— Не ходи в медиа-зал, мам, — предупредил Лиам.

— И в мыслях не было, мальчик мой, — проворчала она. — Иди к своей девочке. Она очень хочет увидеть вас обоих.

Не нуждаясь в дальнейшем поощрении, они поспешили в свою спальню.

Рейн повернулась и одарила их сияющей улыбкой.

Они бросились к ней и, обняв с двух сторон, покрывали поцелуями, пока она хихикала,

как школьница. Взволнованная. Счастливая. Свободная.

— Ох, прелесть, — выдохнул Хаммер. — Каким образом, черт подери, я когда-нибудь смогу отблагодарить тебя за то, что ты сделала?

— Просто скажи мне, что все это действительно закончилось.

— Пока мы разговариваем, Стерлинг направляется на встречу с судьей, — пояснил Хаммер. — Он позвонит. Затем, надеюсь, у нас будет что отпраздновать.

— Так и будет, — заверил Лиам. — Поверь мне. По крайней мере, пока мама здесь. После ее отъезда я могу потерять свое паучье чутье, но сейчас...

И они втроем просто рассмеялись.

И это ощущалось хорошо.

Вероятность свободы была сладкой на вкус. Все они желали начать свою долгую и счастливую совместную жизнь. Темная туча, что так долго висела над их головами, начала рассеиваться.

Хаммер не знал, сколько прошло времени с тех пор, как они с Лиамом присоединились к Рейн в спальне. Его это и не волновало. Все, чего он хотел, это оставаться рядом с ними, держать Рейн в объятиях и глубоко погружаться в ее рот.

Если и были два человека, которые олицетворяли собой любовь к нему, то это были Лиам и Рейн. Только они оставались с ним в самые темные часы. Лиам уберег его от необратимой ошибки. Своими попытками положить конец его неприятностям с законом Рейн пыталась удержать его от сумасшествия. Хаммер даже не знал, как выразить свою благодарность.

Его внимание привлек стук в дверь. На пороге стоял Бек, сияя почти торжественной улыбкой на лице и держа в руках небезызвестный DVD-диск.

— Мы с Сетом отчаливаем. Ривер внизу с Брин и Дунканом. — Бек многозначительно посмотрел на Лиаму. — Твой старик охренительно забавный, но мама? Эта женщина пугает меня до усрачки.

Трио не могло не улыбнуться. Теперь, как только Стерлинг позвонит с хорошими новостями, их жизнь станет полноценной.

Бек стал серьезным.

— Я переживаю за вас, ребята. Надеюсь, вы навсегда оставите все это дерьмо позади.

— Спасибо. — Хаммер кивнул, а Бек помахал рукой и ушел.

Макен бросил взгляд на часы на прикроватной тумбочке. Проклятье, почему так долго? Кишки стянуло от беспокойства. Что, если судья Айерс захочет больше доказательств?

Внезапно зазвонил его мобильный. Хаммер вытащил его из кармана и с дрожью втянул в себя воздух, когда увидел имя Стерлинга на экране. Он опустил на краешек матраца, сердце билось о ребра в три раза быстрее.

— Похоже, настало время, когда леди Судьба заткнется или споет.

— Мы рядом, брат. Не смотря ни на что, — заверил его Лиам.

— На веки вечные, — вторила Рейн, встав перед ним на колени.

Лиам встал позади нее, положив руки ей на плечи. Их близость словно завернула его в мантию спокойствия, и он нажал на кнопку, чтобы включить громкую связь.

— Стерлинг?

— Хорошие новости, Макен. Все кончено. Ты свободен. Судья Айерс порвал местных полицейских и задницы федералов. Они отозвали все свои обвинения. Департамент полиции Лос-Анджелеса выписал ордер на арест Марли и Тодда. Сегодня вечером они уже будут под стражей.

Двухтонный вес, лежащий на его груди, исчез. Вместо него в горле Макена зародилось множество эмоций, лишая возможности говорить. Зрение затуманилось, но прежде он увидел, как слезы радости увлажнили глаза Лиаму и стекали по щекам Рейн.

— Макен? Ты здесь? — спросил Стерлинг. — Ты меня слышишь?

Лиам прочистил горло.

— Здесь и слышит, Барнс. Все мы на данный момент немного шокированы, но спасибо тебе за все, что ты для нас сделал.

— Пожалуйста. Я не мог бы быть еще счастливее из-за такого поворота событий.

Хаммер быстро зажмурился и попытался обрести голос, но вышло грубо и прерывисто.

— Спасибо, мужик.

— Обычно я говорю «обращайся в любое время», но после этого бардака скажу... надеюсь, что больше никогда. — Стерлинг усмехнулся. — Хорошо вам отпраздновать ночью, детки. Буду на связи. До свидания.

Когда Хаммер завершил звонок, Рейн скользнула к нему в руки, а Лиам заключил их в объятия.

— Наконец-то все закончилось.

— Точно, — Лиам вздохнул. — Теперь мы можем начать жить, жить по-настоящему.

— Это будет лучшее из всего возможного, — прошептала Рейн тихо.

— Есть новости, которыми вы хотите с нами поделиться? — прокричала Брин снизу.

Лиам посмотрел на потолок, словно искал там терпение.

— Скоро они отправятся домой. Обещаю.

— Может быть. Хотя, с другой стороны, может, и нет. — Брин рассмеялась.

Хаммер покачал головой, а Рейн захихикала. Радостное возбуждение от внезапно обретенной свободы слилось с чувством колоссального облегчения. После нескончаемого, мучительного беспокойства это казалось почти нереальным.

Лиам закатил глаза.

— Скоро у нас появится чертова приватность.

— Если вам хотелось приватности, то надо было думать об этом до того, как ваша девочка залетела, — прокричала Брин. — Как только появится ребенок, у вас ее не станет.

— Я люблю тебя, мам, — воскликнул Лиам, рывком открывая дверь. — Мы спустимся через минуту.

— Знаю, что нам нужно вниз, но я так счастлива. Мне хочется просто всю ночь оставаться в ваших руках. Полагаю, мне нужно спуститься и поблагодарить брата за то, что он, чтобы помочь нам, затащил эту силиконовую шлюшку в постель. — Рейн поморщилась. — Это больше, чем можно было ожидать.

Хаммер поцеловал ее.

— Намного больше. Сосредоточься на его жертве, прелесть.

— Теперь это в прошлом, туда ему и дорога, — голос Лиамы был полон надежды на будущее.

— Я сам не смог бы сказать лучше, — улыбнулся Хаммер.

Он и Лиам приобняли Рейн за талию и начали спускаться по лестнице.

Им навстречу выбежала Брин и со слезами на глазах поцеловала каждого в щеку.

— Я так за вас счастлива. В какой-то момент ситуация стала критической, но все вы боролись и отстояли свою семью. Вы победили.

— Поздравляю, тучка! — Ривер сгреб ее в могучие объятия.

— Мы это сделали. Ты сделал. — Она сморщила носик. — Надеюсь, тебе не придется делать это вновь.

— Ты имеешь в виду Марли? Ага, нам обоим.

— Убедись, что сходил на прием к врачу прежде, чем воспользоваться этой штуковиной с кем-то еще, — порекомендовала Рейн.

— Верь мне. Так и сделаю. — Ривер подошел к Хаммеру, протягивая руку в поздравлении.

— Да пошло оно все. — Хаммер обнял его. — Спасибо тебе. Поверь, я в курсе, что сделанное тобой было тяжелым испытанием.

Лиам, стоящий рядом с ним, рассмеялся и тоже заключил его в объятия.

— Добро пожаловать в семью.

В воздухе повисло счастье. И это повлекло за собой веселье. Через несколько минут хлопнули пробки от шампанского, а бокалы наполнились.

Хаммер поднял свой фужер.

— Спасибо всем за оказанную помощь и за ваши жертвы. За свободу, жизнь, любовь и счастливую жизнь.

— Я выпью за это, — одобрил Лиам.

— И мне хотелось бы, — ворчала Рейн, пока Брин не вручила ей стакан с апельсиновым соком. Она подняла его с улыбкой. — За нас!

Макен с трепетом наблюдал, что их девочка откинула все волнения и выглядит счастливой.

Когда, чокнувшись бокалами, все выпили, у Хаммера вновь зазвонил телефон. Пока он вытаскивал гаджет из кармана, Лиам бросил в его сторону вопросительный взгляд.

Макен посмотрел на экран.

— Это Дин.

— Может, они уже арестовали Марли и помощника прокурора. — Рейн подскочила от волнения.

— Нам остается только надеяться. — Лиам приподнял бровь.

Подавив тревогу, Хаммер нажал на кнопку громкой связи.

— Привет, Дин. Что случилось?

— До хрена всего. Подозреваю, ты уже слышал, что твоя шея больше не в петле.

— Да. Стерлинг звонил несколько минут назад.

— Отлично. Я, блять, так рад за тебя. За всех вас. Я хотел позвонить и дать тебе знать, что департамент внутренних дел в министерстве юстиции сейчас, пока мы говорим, запер Веллингтона в комнате для допросов. И я очень сомневаюсь, что он в ближайшее время увидит белый свет.

— Слава Богу. — Хаммер передернулся от облегчения.

— Но это не самое лучшее. — Дин усмехнулся. — Отгадай, что я собираюсь делать этой ночью? Примерно через час я покину участок, чтобы арестовать эту долбанную суку, которая едва не посадила тебя за решетку. Хочешь присоединиться ко мне?

Рейн охнула и кивнула.

— Где? — Хаммер оскалился. Эта ночь становится все лучше.

— После всего, через что мне пришлось пройти, чтобы получить ее признание, я тоже желаю посмотреть.

— Так и должно быть, Ривер, — сказал Дин. — Адское видео, чувак. Превосходная работа. Слава Богу, у тебя нет проблем с производительностью.

Брат Рейн рассмеялся.

— Я просто не мог думать о том, с кем я напрягаюсь.

— В любом случае, — продолжил Дин, — если вы все хотите посмотреть, как я поташу эту жестокосердную стерву в тюрьму, приезжайте к «М-Гриль» в Уилшире.

— Я знаю, где это, — заверил Хаммер.

— Хорошо. Ходят слухи, что управление внутренних дел конфисковало телефон Веллингтона. Он планировал встретиться там с Марли после того, как уложит детей спать. Я проверил схему ресторана. В задней части у них имеется банкетный зал. Я позвоню и скажу

метростелю, что встречаюсь там с вами по делу полиции, поэтому он оставит для нас это помещение и некоторую приватность. Я провожу мисс Пластиковую суку прямо к вашему столу и там арестую. У вас будет ужин и зрелище.

Хаммер не возражал.

— Мы там будем. Но, может, тебе стоит сказать мэтру спрятать ножи. Думаю, все мы сейчас готовы прирезать Марли.

— О, да. — Рейн кивнула. — Я хочу прирезать суку.

После того, как Хаммер завершил звонок, каждый нашел для себя более подходящую одежду для заведения высшего класса. Ривер отправился обратно к себе домой, чтобы переодеться и встретиться с остальными на месте. Дункан и Брин предпочли остаться дома.

Когда трио прибыло в ресторан, Ривер уже ждал их. Как только они переступили порог, метростелю провел их в пустую комнату в задней части здания, как и обещал Дин.

— Кто-нибудь голоден? — спросил Хаммер.

Рейн покачала головой.

— Может, после того, как Дин ее арестует, но прямо сейчас я слишком нервничаю. Что, если что-то пойдет не так?

— Мой желудок сжат не хуже кулаков, — согласился Лиам отрывисто, что сказало Хаммеру, что мужчина был готов взорваться.

— Мне тоже подходит позже, — рассудительно кивнул Ривер.

Минуты тянулись словно часы. Никто больше не разговаривал, все смотрели на дверь, ждали.

Внезапно в комнату вошли Марли и Дин. Одной рукой он придерживал ее за локоть. Второй обнимал за талию.

Увидев их, Марли попыталась упереться пятками, но Дин подтолкнул ее вперед. Лодыжки в дизайнерской обуви закачались.

— Какого?.. — Глаза ее расширились, когда она с раскрытым ртом уставилась на четверку, стоящую неподалеку. Она пронзила Дина горящим, полным ненависти взглядом. — Почему они здесь?

— После всего дерьма, которое ты заварила, я подумал, что они заслужили увидеть твоё фиаско. — Дин послал ей легкую улыбку.

Хаммер стоял вместе со своей семьей.

— Мы не собирались это пропустить.

Она попятилась, проморгалась, а затем, словно в первый раз, увидела Ривера.

— Рик?

— Ривер, — поправил он.

— Что ты... О, Боже мой. Ты — коп.

Громила рассмеялся, прижал Рейн к своему боку и не спеша обогнул стол, направляясь к Марли. Хаммер и Лиам последовали за ними.

— Неа. — Ривер покачал головой. — Но я был ужасно оскорблен теми вещами, что ты говорила про мою сестру.

Рейн посмотрела вверх на брата и улыбнулась.

— Сестру? Она твоя... гребаная сестра? — визгливо прокричала Марли, ее взгляд маниакально скакал с одного лица на другое.

Хаммер наслаждался моментом, когда сучка поняла, что у них одинаковые глаза. Очевидно, она никогда не замечала этого. Да и как она могла? Марли относилась к его

девочке словно к грязи под ее туфлями на шпильках от Прада.

Лицо Марли стало ярко-малиновым.

— Ты разыграл меня. Подставил! Это провокация!

— О, нет, детка, — промурлыкал Ривер тем приятным голосом, который использовал, чтобы соблазнить ее. — Спасибо за отстойно проведенное время.

— Ты... тоже использовал меня? — оскорбилась Марли.

— Ага. Как дешевую бумажную салфетку. Ты стала наихудшей партнершей по сексу из всех, что у меня были.

— Ублюдох! — От возмущения ее глаза увлажнились и слезы побежали по щекам, пока она боролась с железной хваткой Дина.

Коп просто схватил ее за запястья, завел их ей за спину, защелкнул наручники и зачитал ее права.

— От этого у тебя нет стоп-слова.

Марли выплюнула.

— Отпусти меня! Это смешно. Мои родители богаты. Я... я красива.

Хаммер знал, что надменная сука была пустышкой, но ее безрассудная глупость просто добила его. Как он мог когда-либо считать ее хоть отдаленно привлекательной?

Наклонившись вперед, Рейн холодно рассмеялась над Марли.

— Подожди минутку, любимая. Я только скажу ей пару слов, — прошептал он, прежде чем подойти ближе к Марли.

Глаза шлюшки распахнулись. Она жалко задрожала от страха, точно так же, как в ночь, когда она ударила Рейн, а Лиам словесно обрушил на Марли всю свою ярость. Время не уменьшило ее страх перед этим мужчиной и его ненависти к ней.

Хаммер наблюдал, как паника появилась на лице Марли, пока Лиам подходил все ближе и ближе.

— Ты не тронешь меня. — Она бросила на Дина умоляющий взгляд. — Не позволяй ему прикасаться ко мне. Он хочет навредить.

Дин притворился, будто не слышит Марли, тогда как Лиам приблизил свои губы прямо к ее уху.

— Единственное, что сейчас спасает твою жизнь, это тот коп и эти наручники. Невообразимым образом ты искадила правду до лжи, чтобы навредить мне и тому, что является моим. Надеюсь, ты будешь так же тепло принята в тюрьме, как и моя бывшая жена. — Холодно улыбнувшись, Лиам распрямил плечи и вернулся к Рейн.

— Ч-что с ней случилось? — Марли побледнела, ее обуяла неконтролируемая дрожь.

— Ее прирезали в тюрьме, — ответил Дин. — Она была такой же эгоистичной и высокомерной сукой, как ты. Она недолго провела за решеткой. Твои шансы так же не выглядят обнадеживающими.

— О, Господи! Вы не можете поступить так со мной. Я не могу сесть в тюрьму. — Марли неистово затрясла головой.

— Можешь, — ответила Рейн, подошла к подлой змее и отвела назад руку. Изо всех сил она ударила Марли по лицу. — И я с удовольствием понаблюдаю за этим.

Женщина отшатнулась и выдохнула.

— Ты, сука! Это насилие!

Рейн послала ей холодный взгляд.

— И ты ничего не можешь с этим поделать.

— Арестуй ее! — приказала Марли.

— За что? — спросил Дин.

— Она ударила меня!

— Я ничего не видел. — Он пожал плечами.

— Ты, лжец. Она напала на меня. Ты это видел, все вы.

— Заткнись, пока я не применил электрошокер, — предупредил ее Дин.

Что-то задумав, Рейн с горящим взглядом придвинулась. Хаммер наклонился, чтобы расслышать, потому что это должно было быть чем-то хорошим...

— Как ты посмела пытаться отправить Макена за решетку и разрушить наши жизни? Неужели ты на самом деле считала, что он мог тебя любить? Или ты просто предположила, что он будет твоим только потому, что тебе этого захотелось, а ты за всю свою изнеженную и привилегированную жизнь ни разу не слышала отказа? — Рейн покачала головой. — Позволь сказать, Гадкаясука, ты никогда не была для него особенной, просто подвернулась под руку, шлюха, которую легко забыть. Преданность, любовь и страсть Хаммера? Все это мое. Ни один мужчина, а особенно с таким удивительным любящим сердцем не станет чувствовать что-либо к такому безнравственному куску мусора, как ты.

— Она права. — Несмотря на ярость, Хаммер контролировал свой голос, скользящим движением он обхватил Рейн за талию и притянул ближе. Он не отводил от Марли взгляда, когда приподнял подбородок Рейн и прижался к ее губам в благоговейном поцелуе. Никогда он не показывал Марли настоящей привязанности, всего лишь трахал ее.

— Ты ублюдок! — прошипела Марли. — Как ты можешь касаться своим ртом это...

— Будь очень осторожна, — предупредил ее Хаммер.

— Или что? — вызывающе бросила она. — Такой наводящий страх Дом, как ты, опускается на колени, чтобы вылизать эту замарашку и ее гребаные влажные сиськи. Ты жалок и глуп. Однозначно ты и этот жалкий кусок трейлерного мусора подходите друг другу!

Ривер зарычал.

Хаммер удержал Рейн от повторного нападения на Марли.

Лиам шагнул вперед и прижал их девочку к себе.

— Она этого не стоит, любимая. Позволь Хаммеру внести свою лепту.

Как только Лиам отодвинул Рейн в сторону, Хаммер оказался лицом к лицу со своим врагом.

— Давай проясним кое-что. Для меня ты была силиконовой шлюхой, ничуть не лучше надувной куклы.

— Вот почему она была скрыта от мамы. В ней больше искусственного, чем натурального, — задумчиво проговорил Лиам позади него, словно только что догадался об этом.

Вероятно, так и было, и это они обсудят позже. Сейчас же Макен продолжил распинать Марли.

— Ты — пародия на настоящую женщину, как внутри, так и снаружи. Ни сердца, ни души. Ни одно компенсирующее качество не соблазнит мужчину ни на что более, кроме как погрузить в тебя свой член и получить несколько минут пустого удовлетворения. Ты мелкая, эгоистичная, самовлюбленная, расчетливая сука. Ты пыталась оторвать меня от лучшего друга и нашей женщины, и я с радостью разорвал бы тебя собственными руками.

Марли побледнела и тяжело сглотнула, пятясь назад от страха.

— Не надо. Пожалуйста.

— Кто из нас теперь жалок? — Прищурившись, он яростно посмотрел на нее. — Я получил то, чего у тебя никогда не будет: второй шанс и безоговорочную любовь. У тебя нет ничего из этого. Да ты и не заслужила. Этим двоим я люблю больше всего на свете. Ничто из того, что ты скажешь или сделаешь, не заставит меня уйти от них. Думай об этом, пока будешь гнить в тюрьме.

Ярость пузырилась по его венам и стучала в висках. Стремление обрушить на шлюху свой гнев дрожало перед ним, пронзало его. Он отказывался отдать ей еще хоть грамм своей энергии.

Совершенно игнорируя Марли, он с упреком взглянул на Дина.

— Убери ее, блять, с глаз моих.

— С удовольствием, — усмехнулся Дин.

Пока он тянул Марли к двери, она извивалась и шипела.

— Это еще не конец.

— Конец, — торжественно сказал Хаммер.

Рейн рассмеялась, подняла руку и помахала.

— Эй, сука. Прощай.

Двадцать третье февраля. Суббота

До шести тридцати субботнего вечера Макен выглядел немного сбитым с толку.

Сдерживая удивленную улыбку, Лиам смотрел, как его друг нервничает.

— Тебе вожжа под хвост попала?

Не то чтобы у него не было одной или пары идей об этом, но было бы интересно послушать ответ.

— Я пытался созвониться с некоторыми людьми, узнать, смогут ли они приехать и выпить с нами сегодня, поскольку твои родители завтра уезжают. Я подумал, что это были бы неплохие проводы. Бек, Сет, Ривер, Пайк... У всех планы. — Он пожал плечами. — Понятия не имею, что, блять, они делают. Полагаю, я немного разочарован.

Стараясь не рассмеяться, Лиам отвернулся и притворился, что наливает себе выпивку. Удерживать Макена в кабинете, пока все остальные наводили последние штрихи в вечеринке-сюрпризе по случаю его дня рождения, стало вызовом.

Весь день он и Рейн проявляли смекалку, чтобы удержать его вне дома и в стороне от всех приготовлений. Пайк вызвал Макена в клуб из-за какой-то «экстренной ситуации», которая, вероятно, включала в себя немного спланированного вандализма и разрушений. Лиам бросился помогать потом, после того, как инцидент был исчерпан, забрал лучшего друга на обед «только для парней», выдав Хаммеру в качестве аргумента то, что якобы его мама желает провести с Рейн больше времени «между нами, девочками».

Какое-то время они провели в клубе, и Лиам заметил, что Хаммер писал ей смс-ки, желая поехать домой, потому что соскучился. Под предлогом того, что занята, она заглянула, одарила их обоих гигантской улыбкой и уехала.

Потом он и Макен решили нанести визит Льюису. Техник попытался захлопнуть дверь перед их носом, но ни Хаммер, ни Лиам не желали уходить, не прояснив свою точку зрения, а также не бросив несколько угроз этому дятлу, если он приблизится к Рейн или «Темнице».

Удовлетворенные, они добились своего и взяли по бутылке пива в ближайшем пабе прежде, чем Макен вернулся в «Темницу», чтобы закончить давно просроченную бумажную работу. Лиам же потащился домой помогать с последними приготовлениями и украшением. В ту минуту, как Хаммер загнал свой внедорожник в гараж, Лиам потащил друга прямо в кабинет, чтобы отвлечь и дать остальным больше времени.

Слава Богу, у него на уме было кое-что важное.

— Мои родители останутся довольны и без громких прощаний. Проклятье, мама скупила полгорода. Ничего удивительного, что она до сих пор пакует вещи.

— Несмотря на то, что я был в ярости, когда они позвонили в дверной звонок, то приехали очень вовремя.

Лиам с любовью улыбнулся.

— У мамы это врожденная способность.

— Это точно. Хорошо. Я откажусь от идеи по поводу вечеринки. Думаю, я просто искал способ публично сказать всем спасибо за все, что они сделали, чтобы помочь нам.

Взяв свой бокал и еще один для Макена, Лиам пересек комнату и передал другу его стакан.

— Они в курсе, приятель. И просто рады, что мы вместе и счастливы.

— Ты прав. — Хаммер отпил свой напиток. — И, тем не менее, они спасли мою задницу.

— Как и Рейн.

— Да. Ты знал, что она станет выслеживать Марли и разговаривать с сукой?

— Нет. Одна часть меня желает отшлепать ее задницу до красноты за то, что действовала за нашими спинами... вновь. Но другая благоговеет от размера ее шаров. Она толкала и подначивала эту силиконовую шлюху признаться в том, что она знает, что у тебя проблемы с законом.

Хаммер только кивнул.

— Если бы в том баре ее подстерегал я, то все закончилось бы тем, что я просто придушил бы ее. Я ни за что не смог бы уйти после комментария о ее виновности. А Рейн просто собралась и ушла. Я все еще пытаюсь решить, побить ли Ривера и Сета бошками друг о друга... или пожать им руки.

— Думаю, ради спокойствия в семье пожать руки будет лучше, — задумчиво проговорил Лиам. — Но я не это имел в виду, говоря, что Рейн спасла тебя. Я имел в виду годы назад. Подумай, кем бы ты был сейчас без нее. Подозреваю, что я был бы мрачным ублюдком, отрицающим свою злость. Хочу сказать, что у нас есть дом и вскоре будет ребенок. Но мне бы хотелось, чтобы у нее не было возможности отказать нам, если мы вновь предложим ей что-то вроде замужества. Нам нужен надежный способ заставить ее принять эту идею и нас, и, кажется, у меня есть план, который сработает...

Лиам посвятил его в детали, включая некоторые, которые он видел онлайн и представил в уме.

— Я не позволял себе думать об этом с тех пор, как разразилась вся эта неразбериха с законом. Даже надеяться не смел. Но теперь все позади, ты прав. Нам стоит подумать о будущем. Нам нужно сделать наши обязательства более конкретными.

— Долговременными. — Лиам кивнул.

— Да. — Хаммер отхлебнул еще. — Реальными в ее глазах и глазах всех остальных.

Они обговорили еще несколько идей, сужая возможности до приемлемой концепции. План был одобрен, и по улыбке Макена было ясно, что он думал так же.

— Завтра? — уточнил Хаммер.

— А ты можешь придумать время получше? Родители уедут. Это будет наш первый день наедине, полный счастья и готовности к будущему. И да, я полагаю — в твой день рождения, — поддразнил Лиам, — старик.

— Пошел ты. Я все еще могу отпинать твою задницу.

— Не знаю, не знаю. — Лиам покачал головой. — Тридцать пять. Уверен, что еще не заработал подагру? Еще не нужны пилюли от артрита?

Хаммер подскочил на ноги, сверкая глазами и пытаясь подавить смех.

Глядя неодобрительно, Дункан толкнул двойные двери.

— Что происходит? Прошло менее двадцати четырех часов после победы над той гулящей девкой, как вы, двое тупиц, вернулись к дракам друг с другом?

— Нет, па. Мы просто играем. — И тем не менее Лиам шутливо врезал Хаммеру по плечу.

— Женщины снаружи, во дворе, наслаждаются вечером. Пойдемте пропустим по стаканчику.

Хаммер поднял свой стакан и послал Дункану теплую улыбку, пока тот удалялся. За спиной Макена Лиам бросил на отца вопросительный взгляд, на который па ответил слабым, но полным гордости кивком.

Значит, все готово.

Лиам оттолкнул локтем Хаммера и первым достиг задней двери, заблокировав проход.

— Значит, сегодня ночью все заняты, да?

Он распахнул дверь и вытолкнул Макена наружу к радостному хору «сюрприз!».

Весь задний двор заполонили гости. Двойные двери основного уровня были распахнуты, чтобы увеличить пространство внутри дома, во внутреннем дворике и за его пределами. В бассейне плавали китайские фонарики с горящими в них свечами. Деревья и кусты были украшены гирляндами. На одном конце двора было расчищено свободное пространство для музыки и танцпола. На другом стоял огромный банкетный стол, изобилующий деликатесами. Были установлены дополнительные столы и стулья. Чтобы обеспечить людей теплом и светом, были разведены костры. Внутри дома их кухня трансформировалась в бар, а неподалеку группками были искусно расставлены сиденья.

Макен выглядел оглушенным.

Засверкали вспышки телефонов. Собравшиеся смеялись над выражением его лица. Аплодируя и улыбаясь, к нему подскочила Рейн.

— Ты удивлен? — Она повисла у него на шее и поцеловала в щеку.

— Шокирован. — Он посмотрел на нее и Лиам. — Вы двое это придумали?

— Виновен, приятель. Родители помогали, вместе с Хэвенли. Но настоящим зачинщиком была наша девочка. Со вчерашнего утра она работала без остановки. Что думаешь? — спросил Лиам, становясь рядом с Рейн.

Хаммер не ответил ему, просто помолчал, посылая Рейн насмешливый взгляд.

— Прелесть...

— О, веселись. — Она сложила губы бантиком. — Все пришли сюда, чтобы поздравить тебя.

Не только с днем рождения, но и со свободой. А также событие хорошо подходило для прощальной вечеринки для Дункана и Брин. Тот самый мерцающий, жемчужный вечер, на котором все собравшиеся счастливы, поднимают бокалы и празднуют совместную жизнь.

— Я не сумасшедший, — признался Хаммер. — Он совершенен.

— Хорошо. — Лиам хлопнул его по спине. — О, Пайк тоже помогал. Чуть погодя можешь поблагодарить его.

Хаммер повернулся к нему и приподнял бровь.

— Так тот пожар в «Темнице»?

Смотритель «Темницы», радостно смеясь, вышел вперед.

— В детстве мне нравилось играть со спичками. Вот и пригодилось.

— Ривер, Бек, Сет... Они тоже все помогали. — Лиам усмехнулся.

— Потому что любят тебя, как и мы. Так что побудь один вечер центром внимания и улыбайся, — попросила Рейн. — У нас есть еще кое-что для тебя...

Макен оглядел переднюю часть ее платья.

— Надеюсь, под этим недоплатьем ты не одета?

Она закатила глаза и отпрыгнула в сторону.

— Нет, извращенец. Вон там.

Лиам проследил за ее пальцем. Макен тоже. Народ посторонился. Его взору открылся

новенький спортивный седан «Ауди» сексуального, утонченного серого цвета. Рейн быстро спустилась по лестнице во двор и вытащила огромный красный бант, который соорудила на капоте.

— С днем рождения! — воскликнула она.

Долгое мгновение Макен стоял, вытаращив глаза, затем широко улыбнулся, сграбастал Лиам и затряс его, пока все остальные аплодировали.

— Какого хрена вы оба сотворили?

— Ну, в гараже было пустое место, которое нужно было заполнить. Один говнюк превратил прошлый автомобиль, который был там припаркован, в металлолом, поэтому мы и увели всех из дома, брат. Кажется, на этой машине твое имя, так что... — Он пожал плечами. — И Рейн подумала, что этот тебе понравится.

— Очень. — Он поцеловал ее. — Я люблю вас обоих. Спасибо.

Куча из подарков все возрастала в углу гостиной, что заставляло Хаммера хмуриться, а Лиам улыбаться. Музыка и еда пользовались успехом, и везде, куда бы Лиам ни посмотрел, люди веселились.

В кои-то веки страх не дышал им в спину...

Пока Хаммер и Рейн танцевали, Лиам несколько раз обошел и проверил гостей.

— Привет, Мастер Лиам...

— Добрый вечер, Вивиан. Сегодня просто Лиам. Ты веселишься?

Женщина улыбнулась.

— Простите, сэр. То есть, Лиам. Да. Я и Дональд прекрасно проводим время.

— Спасибо, что пришли. Это много значит для Хаммера. — Лиам с теплом обнял ее.

Эти двое ему нравились. Они были абсолютно преданы друг другу и прекрасно смотрелись вместе.

Двигаясь дальше, Лиам присоединился к Беку, Сету, Хэвенли, Дину, Риверу и Пайку. Всеобщим вниманием завладела Хэвенли, что не приводило в восторг ни Бека, ни Сета. Лиам усмехнулся. Было редким явлением видеть, как этих двоих что-то по-настоящему объединяет, пусть это даже будет мрачное настроение.

Несколько одиноких сабочек сидели в сторонке, наблюдая за этой сценой, надеясь на взгляд, в основном от Ривера, судя по внешнему виду. Как пчелы на мед... Лиам гадал, как давно Ривер это заметил. Если на это ушло более двух коктейлей, то, без сомнений, Пайк будет рад перехватить эстафету.

— Ну, я не вполне уверена... — произнесла Хэвенли нервно. — Я просто волонтер. — И допустила ошибку, спросив о его шраме...

— Ладно, дерьмо, да кто не совершал ошибок? — Пайк улыбнулся ей, и металлический гвоздик в его брови дернулся.

Бек бросил на него взгляд, приказывающий захлопнуться. Сет же выглядел так, словно готов был его отпихнуть.

Лиам хмыкнул, радуясь, что ему больше не приходилось плыть по извилистому пути холостяка.

— Однажды меня подстрелили. — Дин задрал рубашку, чтобы продемонстрировать свой рельефный пресс и небольшой округлый шрам между ребрами.

— Убери это дерьмо, — Бек закатил глаза.

— Это еще ничего. — Ривер задрал свою рубашку, чтобы показать всю коллекцию шрамов... и мышц. — Меня метили и штопали такое количество раз во время вылазок.

— О. — Хейвенли наклонилась, чтобы приглядеться поближе.

— Притормози, солдатик, — прорычал Бек.

— Ей нет необходимости смотреть на твое... — он взмахом руки указал на пресс Ривера, — ...хозяйство. Убери это, мужик.

Ривер и Дин обменялись взглядами, а затем рассмеялись.

— Мы просто болтаем, — Ривер подмигнул.

— Как насчет того, чтобы тебе тоже свалить нахер? — предложил Бек.

Хэвенли хлопала глазами, глядя на него, и выглядела при этом так, словно ни разу в жизни не слышала этого слова.

подавив улыбку, Лиам взял пару напитков у проходившего мимо официанта и вручил один Хэвенли.

— Ты в порядке?

— Эм, да. Прекрасно. Спасибо. Ваш дом просто очарователен. Я благодарна, что вы меня пригласили.

Лиам вскинул голову и посмотрел на нее. Несмотря на то, что ответ этой Эмили Пост был предельно вежлив, он мог поспорить, что мысли ее были далеки от подобного (прим. Эмили Пост (урожденная Прайс) — американская писательница, автор романов и знаменитого кодекса поведения «Этикет». Эта книга стала классикой американской литературы, многократно переиздавалась, переводилась на разные языки). Беку и Сету придется потратить чертову уйму времени, чтобы выяснить, что происходит в этой симпатичной головке. Он почувствовал, что там темно и становится все темнее. Он сделал мысленную пометку предупредить обоих.

Сейчас же он просто кивнул ей.

— Нам это в удовольствие. Мы рады, что ты смогла прийти.

Подошел Бек и взял Хэвенли за руку, прижав ее спиной к своему боку. Забавно, но Лиам и представить не мог, что искусный садист мог держать кого-то настолько нежно.

— Спасибо, чувак, — сказал он Лиаму. Затем вновь обратил на нее внимание. — Оставайся рядом со мной. Сегодня вечером вокруг ошивается слишком много шпаны, — сказал он и посмотрел на Сета.

Улыбка, которой она их одарила, заставила группку мужчин окружить ее. Покачив головой, Лиам двинулся дальше.

Барнс сидел в тихом углу с Мастером связывания и был глубоко погружен в разговор... о законах?

— Джентльмены, вам что-нибудь принести?

Они замолчали и посмотрели на него.

— Нет, у нас все в порядке. Спасибо, Лиам.

— Хорошо проделанная юридическая работа. Спасибо за то, что предоставил наши доказательства судье Айерсу.

— В любом случае, он ненавидит Веллингтона, поэтому, когда я все ему показал, он расплылся в улыбке до ушей. А еще его чертовски позабавила агрессивная техника минета Марли. Знаешь, в прошлом году он развелся. Он спросил у меня, почему не может найти женщину, которой было бы хотя бы в половину настолько же удобно стоять на коленях.

Лиам рассмеялся.

— Отправь его в «Темницу». Думаю, мы сможем подобрать ему одну.

Мужчина усмехнулся, а Лиам побрел к танполю. Он видел, как его родители двигались

под музыку. От этого в горле встал ком. Он привык к тому, что они здесь, и будет ужасно скучать, когда утром они отправятся в Ирландию. Но мама заверила его, что вернется, когда Рейн родит. Осознание того, что он увидит ее через несколько месяцев, немного успокаивало его тоску.

Играла какая-то сентиментальная баллада. Когда Лиам обогнул танцевальную площадку, показались Хаммер и Рейн, оба улыбались, прижимаясь друг к другу, как любящие люди. Решив присоединиться к ним, он подобрался к Рейн со спины и прижался к ее бедрам.

— Вот это выглядит, как прекрасный обломщик вечеринки, — пробормотал он.

— Я не могу вспомнить, когда была настолько счастлива. Сегодняшний вечер похож на сбывшуюся мечту. — Держась за Хаммера, Рейн отклонилась назад и положила голову на плечо Лиаму.

— Он превосходен. Я не смогу в достаточной мере отблагодарить вас за все, а особенно за новую машину. — Макен посмотрел на Лиаму. Я присматривался к такой. Это расточительство.

— Но заслуженное.

— Подумать только, когда ты прикалывался и подбивал меня купить тебе машину, я послал тебя нахрен. — Хаммер рассмеялся.

Рейн поерзала между ними.

— Если кому и нужна новая машина, так это мне. Не думаю, что возить ребенка в двухместном автомобиле хорошая идея.

— Дело говоришь. Я позабочусь об этом, прелесть. — Он зарылся носом ей в шею. — Я говорил уже, как ты прекрасна, этой ночью? М-м-м. Настолько сексуальная, что практически съедобна.

— Я видел, как ты спускалась по лестнице. Своей красотой ты поразила меня в самое сердце, — выдохнул Лиам ей в ушко, упиваясь моментом. — Как бы мне хотелось уметь останавливать время, придержать эту ночь на подольше, чем одно сердцебиение. Мне бы хотелось запомнить тебя такой, как сейчас, когда в твоих волосах сияют огоньки, глаза полны любви и смеха, и жизнь, растущая в твоём животе, заставляет тебя светиться.

— Ах-х, Лиам... — выдохнула она и выгнула шею, чтобы улыбнуться ему.

— Выпендривается, — Хаммер рассмеялся и прижался к ее губам нежным поцелуем.

Она развернулась назад к Макену и выжидающе вздернула бровь.

— Что? — он пожал плечами, разыгрывая беспомощность. — Я сказал, что ты выглядишь настолько сексуально, что практически съедобна. Это романтично, не так ли?

Она закатила глаза.

— Из твоих уст, полагаю, да.

— Подожди, — мягко приказал он. — Позволь мне попытаться еще раз.

Со спокойным терпением, которого у нее почти никогда не было, Рейн ждала.

Он обхватил ее щеки ладонями.

— Прелесть, из-за тебя я лишуюсь дыхания. И так было всегда. Я люблю тебя и всю свою оставшуюся жизнь собираюсь доказывать это каждый день. Ну как, пойдет?

Она выдала Хаммеру сияющий взгляд и притянула его вниз, для поцелуя.

— А теперь кто выделяется? — усмехнулся Лиам.

Они втроем рассмеялись. Оба мужчины звучно поцеловали ее, а затем каждый подал ей руку. Они уютно расположились в темном углу гостиной, подальше от гостей, шума и

веселья.

Рейн шлепнулась на диван.

— Я так взволнована. Это наша первая настоящая вечеринка в новом доме, в окружении друзей и родных. И наконец-то все наши проблемы остались позади. Рядом со мной двое самых лучших в мире мужчин. Я счастлива.

— А у нас самая удивительная женщина. — Хаммер обвил рукой ее талию и потянул Рейн назад к своей груди. — Вы оставались со мной, когда я был распутной задницей. — Он посмотрел на Лиама. — Стояли рядом, когда я вряд ли соответствовал чьему-либо пониманию о лучшем друге. Вы оба были рядом, даже когда я был необщительным придурком. Если кто и является счастливым, так это я. Вы оба прилагали все силы, чтобы быть преданными, искренними и честными. С настоящего момента я буду поступать так же. Да... — Он кивнул, раздражающее выражение его лица показало, что он, должно быть, сошел с ума. — Даже, если это меня убьет.

— С подобным отношением, вероятно, так и будет. — Она игриво шлепнула его по бедру.

С довольной улыбкой во все лицо Лиам наблюдал за их заигрываниями. Они не были идеальными людьми в целом, но они были идеальными для него.

— Тебе никогда не придется беспокоиться обо мне, любимая. Я — святой.

Рейн закатила глаза.

— Ничего подобного. До первого раза, как ты застанешь меня одну за закрытыми дверями? Через пару минут я буду обнажена, твои губы будут повсюду на мне, а рука на моей киске.

— После того публичного наказания, что я выдал тебе с помощью Бека? — Хаммер подмигнул. — Вот еще одно обстоятельство, за которое мне стоит извиниться. На самом деле предполагалось, что он только до усрачки напугает тебя и слегка отшлепает.

— Знаю, — уверила она. — Но я не это имела в виду. Я говорю о том утре, когда устроила истерику. — Она закрыла лицо руками. — Простите. Это было ужасно с моей стороны.

— Проснуться от минета было просто фантастически. Кстати, это единственный раз, когда я не против. — Макен посмотрел на Лиама. — После этого ты играл с ней?

— Да. Я не могу удержаться от нее свои руки, приятель.

Господи, казалось, с того момента прошла целая жизнь. С тех пор произошло так много событий, и, тем не менее, он отчетливо помнил, как заманивал Рейн в свою спальню, зная, что должен был удержать ее в «Темнице», чтобы Хаммер был счастлив... затем, пока целовал ее, а она таяла для него, он понял, что желает ее для себя.

Пристально посмотрев на Рейн, Лиам отсел. Поморгал. Дыхание сбилось.

Господи Боже, она не знает ничего из этого.

Она тотчас же соскочила с колен Хаммера. Лиам попытался стереть чувство вины с лица, но Рейн уже увидела, что его что-то беспокоит.

— Лиам? — она положила руку ему на плечо, наклонившись, чтобы заглянуть ему в глаза. — Что?..

Что не так? Кое-что, в чем ему давно следовало сознаться. Он нахмурился, посмотрел на Хаммера. Очевидно, его друг следил за разговором и понял дилемму Лиама. Если он сейчас признается, не почувствует ли Рейн себя преданной? Важно ли то, что в его сердце все изменилось?

Макен кивнул ему. Держать ее в неведении по поводу суицидальных мыслей мужчины было лучше для нее самой. Скрывая от нее такого рода правду, на данный момент по большей части спасает его собственную шкуру.

Лиам потер заднюю часть шеи.

— Ну... я должен кое в чем признаться, любимая. Давно следовало прояснить это, и мне нет прощения.

— Что? — требовательно произнесла она, радость схлынула с ее лица. Ее место заняло беспокойство.

— Я вызвался обучать тебя потому, что хотел помочь Хаммеру. Мой друг запутался, и я думал, что в то время единственным способом помочь ему был бы небольшой толчок к женщине, которую он любит. Проблема была в том, что я не замечал опасности до тех пор, пока не стало слишком поздно. Единожды вкусив тебя, я был сражен. Хаммер также знал это.

Она медленно отодвинулась, от непонимания между ее бровей залегла морщинка. Вскоре недоумение превратится в злость. Губы ее приоткрылись. В глазах разгоралась боль.

— Ты... — Она покачала головой. — Ты захотел меня только для того, чтобы Хаммер приревновал и что-нибудь сделал?

— В первые... тридцать секунд. Затем я поцеловал тебя. На кухне. Вот тогда все и началось.

— Помню.

Но на данный момент она не была склонна простить и забыть. Лиам посмотрел поверх нее на Хаммера, который поморщился, словно все они напортачили. Чертовски подходящее время для переосмысления, приятель...

— Тем утром я сказала тебе, где было мое сердце, — она медленно кивнула, затем взгляделась в него, глаза ее расширились. — Я сказала, что оно навеки останется у Хаммера.

— Я пытался, чтобы это не задевало меня. Проклятье, я помню, что говорил тебе, что мне необходимо твое доверие, а не любовь. Никогда ранее я не желал с такой силой вернуть сказанные мною слова. Боже, я пытался не желать тебя, изо всех сил старался ничего не чувствовать... но когда я заклеил тебя, в темнице, наступили трудные времена. Не успев оглянуться, я влюбился. В моих глазах ты была моей так же, как и его, и я был готов бороться за тебя. И до сих пор готов.

Она поморгала, ее глаза наполнились слезами.

— Я не знаю почему. Я боролась с тобой. В ночь, которую мы провели вместе, я переспала с твоим лучшим другом. Когда ты подарил мне ошейник, я не дала тебе всего, что наобещала. Не сообщила о своей беременности. Сбежала. — Она вздрогнула.

— Едва не выбрала женщину вместо вас двоих. Со мной никогда не было легко, и я не была доверчивой. И, несмотря на все это, ты остался. — Рейн опустила голову и покачала ею. — Держу пари, ты понятия не имел, насколько сильно попал в то утро, когда отправился на кухню, решив сделать так, чтобы Хаммер меня заметил.

— Нет.

Внезапно она задрожала всем телом. Лиам обнял свою паникующую девочку. Он не хотел, чтобы она рыдала.

— Это дела давно минувших дней, любимая. Не важно, почему и как мы оказались здесь, важно, что мы это сделали. Не злись...

Она откинула голову. По лицу струились слезы... и она истерически рассмеялась.

— Бедный мужчина... Пытался оказать услугу другу и попал на всю жизнь. — Она наклонилась и ухватила его за затылок. — Полагаю, следующие пятьдесят лет ты должен провести, заглаживая передо мной свою вину. А мне нужно потратить следующие пятьдесят лет на то, чтобы ты был рад, что сделал это.

Она прижалась своими губами к его, он утонул в этом поцелуе и был чертовски рад, и испытывал облегчение за то, что она была достаточно уверена в их любви, чтобы понять.

— А что мне следует делать в следующие пятьдесят лет? — проворчал Хаммер. — Смотреть?

— Удостоверься, что ты все так же сильно любишь нас. — Она просияла. — Иди сюда и поцелуй меня.

Лиам уехал тридцать минут назад, чтобы отвезти родителей в аэропорт. Дом казался тихим, и, как ни странно, Хаммер скучал по аромату чая, заваренного Брин. Но их отсутствие вернуло им столь необходимую приватность. Он не мог дождаться момента, когда сможет воспользоваться ею.

Когда косые лучи послеобеденного солнца скользнули в окно, он прислонился к барной стойке и наблюдал за плавными движениями Рейн, пока она не кончила возиться с оставшимися после вчерашней вечеринки блюдами и не начала делать сэндвичи им на обед. Оттолкнувшись от поверхности, он развернул ее, сжал упругие бедра и почувствовал, как ее плоть поддается и обволакивает его пальцы.

— Макен?

Он лениво улыбнулся ей с легким намеком на притворное извинение.

— Просто не могу устоять.

А она и не хотела этого. Той августовской ночью, много лет назад, он подобрал и спас ее, но Лиам был прав. Она была той, кто спас его. С ее помощью Хаммер отправил своих призраков на покой. Они были не духами обиженных им людей, как Джульетта, а удушливой волной, густой от страха и ненависти к самому себе. Они держали его в плену в течение многих проведенных впустую лет, потому что он позволял это. Он отказывал себе в поддержке и прикосновениях Рейн, избегая ее потому, что она так воздействовала на его самоконтроль, что он был в ужасе. Больше никогда. Теперь, когда он избавился от призраков прошлого, Хаммер полностью посвятил себя созданию более глубокой связи с двумя людьми, которые владели его сердцем. Сейчас с Рейн и Лиамом он обрел покой, удовлетворение и безоговорочную любовь, которых никогда не знал.

Макен чувствовал себя обновленным, потому что таким он и был.

Приласкав ее округлый животик, он отодвинул вверх рубашку и сквозь тонкий бюстгальтер подразнил грудь, потеряв сосок кончиком большого пальца. Когда от его прикосновений тот стал твердым, Хаммер улыбнулся и высвободил плоть из кружевной чаши, опустил голову, чтобы обхватить ртом возбужденный бутон и глубоко всосать его. Когда тихий вскрик Рейн, сопровождаемый хриплым, полным женственности стоном, повис в воздухе, гордость стала не единственным, что в нем восстало.

— М-м-м... — Рейн обмякла в его руках, и нож для масла, что она держала в руках, со стуком упал на пол. — Я не могу думать, когда ты делаешь это со мной.

— Именно поэтому и делаю, прелесть. — Он завладел ее губами, упиваясь ее сладкой мягкостью, покоряясь ее чарам.

— Проклятье, я не могу оставить вас двоих всего на пять минут, — насмешливо упрекнул Лиам, входя со стороны гаража.

— Я пыталась накрыть обед, — запротестовала Рейн, переводя дыхание, а Хаммер сжал зубами ее мочку и вновь потер сосок большим пальцем.

К его облегчению, Лиам присоединился, прижавшись губами к шее Рейн.

— Кого заботит чертова еда? Наблюдать за тем, как вы вкушаете друг друга, гораздо соблазнительнее.

Рейн изогнулась и слегка подтолкнула их, немного сокращая расстояние.

— Через часик-два вас будет очень сильно волновать «чертова еда», когда ваши

желудки запоют. Твои родители в аэропорту?

Лиам страдальчески вздохнул, и Хаммер был с ним полностью согласен.

— Конечно. Они в порядке.

— Позвольте мне закончить готовить для вас бутерброды. О, и давайте решим, куда мы поведем именинника на ужин. Затем... можно будет все, — пообещала она с улыбкой.

— Звучит многообещающе. Есть на уме какой-то конкретный ресторан, куда бы ты хотела попасть? — спросил Лиам.

Хаммер приподнял бровь.

— Во-первых, вы двое и так прошлым вечером устроили для меня изумительную вечеринку. Этого достаточно. — Затем он с беспокойством повернулся к Рейн. — Во-вторых, разве я давал тебе разрешение заканчивать наш поцелуй?

Он ущипнул ее за сосок с достаточной силой, чтобы напомнить, кто тут главный. Своим чутьем Доминанта Хаммер почувствовал, как она резко втянула воздух.

— Может, нам следует воздержаться от ужина и провести немного времени в «Темнице»? — Он бросил на Лиаму вопросительный взгляд. — Что думаешь?

— Я всегда за, но тебе не каждый день исполняется тридцать пять, Макен. И после потрясений, которые мы пережили, думаю, частное празднование, где будем только мы троем, было бы превосходным. А наказать ее мы всегда можем и после.

— Пожалуйста? — Рейн умоляюще посмотрела на него.

Кок он мог отказать? По ним прошлась асфальтоукладочная машина, потому что он выбрал путь растрачивания прожитых лет на бессмысленных шлюх, похожих на Марли, вместо того, чтобы поддаться своей жажде по Рейн. Из-за этого карма вернулась, пережевывая его и едва не выплевывая.

— Хорошо. — Он будет счастлив, если сделает их счастливыми. — Как насчет Пентхауса?

— В Санта Монике? Мне нравится. — Рейн улыбнулась, заметно взволнованная. — Прекрасный вид!

— Такой же прекрасный, как и ты.

— Лесть откроет тебе все дороги, — пообещала она, хлопая ресницами.

Лиам рассмеялся.

— Позвоню и закажу столик. А после ужина мы вернемся домой и напомним нашей девочке, кто — босс.

После бутербродов и ленивого полдника они уселись в новую машину Макена и направились вниз по Тихоокеанскому шоссе. Улыбаясь, он поглаживал гладкий руль, наслаждаясь мощностью езды. Они верно выбрали автомобиль.

Когда они прибыли, солнце уже садилось за горизонт. Находясь высоко над городом, их приватная обеденная ниша была окружена великолепным видом гор цвета индиго и сапфировой воды. Рейн села между ним и Лиамом в мягкой зоне. Хаммеру казалось, словно они перенеслись в какой-то безупречный мир, принадлежащий только им.

Прихлебнув искрящегося сидра из тонконового хрустального фужера, Рейн отставила бокал в сторону и с удовлетворенной улыбкой посмотрела на бескрайний океан. Хаммер не мог отвести глаз да и рук от нее, так же, как и Лиам.

Когда принесли закуски, она скользнула рукой на свой животик и нежно погладила небольшую выпуклость.

— С тобой все в порядке? — Лиам положил свою руку поверх ее.

Макен же положил свою поперек их.

— Да. Просто думаю. Вскоре в нашем мире появится новая жизнь.

От веса ее слов в горле Хаммера застрял ком. Когда родится их ребенок, он на самом деле будет рядом с ними, а не в гребаной тюрьме. Будет рядом все годы, чтобы направлять и растить их сына или дочь. В отличие от своего собственного, он станет настоящим отцом.

— Если бы шесть месяцев назад кто-то сказал мне, что мы будем состоять в серьезных отношениях с Рейн и станем готовиться к тому, чтобы стать родителями, я бы обоссался от смеха. — Он посмотрел на Лиама. — А ты?

Это едва ли казалось возможным. В последнее рождество, проведенное на кухне у Рейн, они с Лиамом были окружены разбитой посудой, обвинениями и злостью. Через некоторое время после этого у них случилась беспорядочная драка на кулаках на снегу возле домика. Вызванные этим разногласия отодвинулись прочь, когда он вспомнил возвышенное великолепие ночи, которую они впервые провели с Рейн.

Лиам похлопал Хаммера по плечу.

— Это бы поразило меня, приятель.

Сейчас же вероятность всех сверкающих завтрашних дней развернулись перед ними бесконечной лентой. Все, что от них требовалось, это задать ей один вопрос...

Хаммер откашлялся.

— Рейн, если бы ты могла выбрать одного из нас, ты бы согласилась выйти замуж?

— Конечно, но это невозможно. — Она казалась удрученной этим фактом.

— А если бы это было не так, так или иначе? — Лиам взял ее за руку. — Что бы ты тогда сказала?

Глаза ее наполнились слезами, подбородок задрожал.

— Я бы сильно волновалась. Но...

— Никаких но. Просто... Ты бы согласилась. — Хаммер улыбнулся ей. — Верно?

От замешательства она нахмурила лоб, но кивнула.

— Если бы был способ выйти за вас обоих, не выкидывая одного из вас, тогда бы я, конечно же, согласилась.

— Хо-блять-рошо, — прорычал Хаммер.

— Наконец-то, — рассмеялся Лиам, и они дали друг другу пять поперек ее головы.

— Что только что произошло? — Она изогнула бровь, кидая на обоих мужчин требовательные взгляды. — На что я согласилась?

Лиам и Хаммер объяснили ей план.

От ее улыбки у него перехватило дыхание.

— Тогда... да. Да! Но ни в коем случае не до рождения ребенка. Я хочу настоящее свадебное платье, а не то, что могло бы прокатить для беременной.

Хаммеру претило ждать так долго. Взгляд, брошенный на Лиама, сказал ему, что тот чувствует то же самое. Но умоляющее выражение ее лица заставило их уступить. Она согласилась. После этого все остальное было незначительным.

— Хорошо. Давайте по крайней мере назначим дату. — Он вытащил телефон и запустил календарь. — Семнадцатое августа?

Глаза Рейн широко распахнулись.

— Это через десять дней после предполагаемого рождения ребенка.

— Ага. А что не так?

Лиам покачал головой.

— Идиот. Она девять месяцев проходит беременной. И, чтобы родить ребенка, у нее уйдет более пяти минут.

— Откуда я должен был это знать? — сказал Хаммер, подняв вверх руки. — И почему, к хренам, ты это знаешь?

— У меня имеется чертов выводок сестер, помнишь? И они производят детей, словно фабрика кексов.

— О, Господи, — Рейн застонала. — Никогда не называй меня фабрикой кексов, Лиам О'Нейл, иначе ты надолго, очень надолго будешь отлучен от моей груди.

Лиам помрачнел. Хаммер откинул голову и рассмеялся. Боже, как это хорошо вновь слышать смех в жизни.

— Так когда бы ты хотела выйти замуж, прелесть? — Он вручил ей телефон. Прежде, чем она успела ответить, Лиам зарылся рукой ей в волосы и повернул ее голову так, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Больше никогда не угрожай отлучить меня от груди, саба.

Он проговорил угрозу без нажима... но не совсем.

Рейн хихикнула, затем наклонилась и поцеловала его.

— Моя грудь всегда в вашем распоряжении, до тех пор...

Хаммер скользнул между её ногами. Она застыла.

— Макен, — шикнула она. — Не делай этого здесь, иначе я...

— Кто ставит ультиматумы, прелесть?

Когда его пальцы прошли по ее промежности, она резко выдохнула.

— Как я уже сказала, грудь для вас двоих.

— Так я и подумал. А теперь назначь дату, пока я не задрал на тебе платье, а Лиам не отшлепал твою грудь перед Богом и всеми присутствующими в этом ресторане людьми, — пригрозил Хаммер и подмигнул.

Рейн негромко пискнула, когда Макен медленно потер пальцем.

— Ум, я не знаю. Дай подумать. — Она повернулась к нему. — Если ты действительно хочешь, чтобы я определилась с датой, то тебе в самом деле стоит остановиться.

Он шумно вздохнул, но убрал пальцы.

— Поторопись.

— Ты чертовски романтичен, — поддел его Лиам.

Она не смогла не рассмеяться.

— Значит, если предполагаемая дата рождения ребенка — седьмое августа...

— У меня предчувствие, что наша кроха появится раньше, — пробормотал Лиам.

Она бросила на него взгляд, вопрошающий, не собирается ли он превратиться в свою мать. Когда он пожал плечами, глаза у нее сверкнули, и на лице расплылась улыбка.

— Ой-ей, Макен. У нее на лице появилось то озорное выражение. Что? — требовательно спросил Лиам.

— Что насчет седьмого сентября?

Лиам вскинул голову.

— Какого черта ты запомнила эту дату, любимая?

— Что? А чем важна эта дата? — Хаммер казался полностью сбитым с толку.

— Видишь? Он действительно не очень хорош во всем этом уси-пусси дерьме, — насмешничал Лиам. — Просвети его.

— Ну... — Она мило занервничала. — В это день Лиам приехал в ЛА. Это стал

началом Нас.

Теперь Макен вспомнил.

— Это чертовски уместно. Седьмое сентября. Все твое... эм, ты будешь в состоянии влезть... вот блять. Я не спрашиваю, а просто принимаю, как есть.

Пока они обсуждали детали их свадьбы, принесли еду. В окружении восхитительных блюд они продолжили разговор о дне, когда они «официально» станут единым целым.

Они объелись и покончили с едой, но Рейн настояла, чтобы они съели один десерт на троих. Вскоре вновь появился официант с кусочком чизкейка из маскарпоне с зажжённой свечой в центре. Все остальные официанты собрались возле их стола, чтобы громко, но слегка фальшиво пропеть «С днем рождения тебя».

Задув свечу, Хаммер наклонился к уху Рейн.

— Приедем домой, и ты получишь тридцать пять моих день рожденных шлепков.

Она послала ему пылкий взгляд.

— Теперь мне хочется, чтобы ты был старше.

— Ненасытная девчонка, — усмехнулся Лиам.

Когда наступила ночь, мужчины неторопливо прихлебывали бренди, а Рейн взяла чашку чая. Они любовались огнями города, сверкавшими перед ними. У Макена было ощущение, что она представляла себе церемонию их мечты.

Он уже отмотал вперед их брачную ночь.

Кипящая кровь, биение сердца... Он отбросил салфетку и отодвинул недопитый бренди.

— Пора ехать домой.

— И всем вместе приватно отпраздновать в нашей большой кровати, приятель?

Порочная улыбка растянула губы Хаммера.

— Я думал, твое паучье чутье пропадет, как только уедет твоя мама.

— Я не нуждаюсь в нем, чтобы догадаться, о чем ты думаешь. На твоём лице все написано. На самом деле меня занимают те же самые мысли.

— Так оплачивайте счет и поехали отсюда, — голос Рейн выдавал крайнюю степень нетерпения.

Погрузив пальцы в волосы Рейн, он обездвижил ее и прикусил мочку уха, тогда как Лиам завладел ее губами.

— Вы убиваете меня, — тяжело выдохнула она.

— Мы просто разогреваем тебя, прелесть.

— К тому времени, как мы доберемся до дома, ты будешь медленно кипеть, любимая, — пообещал Лиам.

Хаммер нетерпеливо взмахнул рукой.

— Официант.

Все трое разразились смехом.

После того, как парковщик подогнал его машину, Хаммер открыл для Рейн заднюю дверь с пассажирской стороны, но приобнял ее за талию, прижав свою эрекцию к ее попке.

— Сними трусики, прелесть.

Она огляделась, встретилась с ним взглядом.

— Здесь?

Он кивнул.

— Сейчас же. — Когда Рейн бросила на служащего парковки нервный взгляд, он шагнул ближе и заблокировал ее. — Сделай это.

Поспешно потянувшись под платье, она зацепила стринги и стянула их к коленям.

— Стой, — приказал Хаммер. — Наклонись. Дальше я сам.

Когда Рейн прислонилась к заднему сиденью, Хаммер стянул клочок шелка вниз по ее голени и пяткам. Он усадил ее на кожу сиденья и закрыл дверь, прежде чем быстро пройти к водительскому сиденью. Сев и заведя двигатель, он приблизил трусики к носу и глубоко вздохнул. Член ожил, уже настроенный на ее аромат.

Лиам с улыбкой сел на пассажирское сиденье и протянул руку. Хаммер вынужденно вложил трусики Рейн в ладонь мужчины и наблюдал, как тот вдыхал запах их девочки.

— Это напомнило мне нашу поездку в домик.

— Да. — Хаммер посмотрел на Рейн в заднее зеркало. — Как мне помнится, в тот день твоя жажда была особенно сильной, прелесть.

— Нет. Она была отчаянной, — призналась Рейн. — Вы двое безжалостно дразнили и мучили меня.

— Это был наш первый урок тебе по сохранению контроля, доказывающий, насколько всепоглощающе и болезненно ты могла желать нас.

— И до сих пор желаю, — прошептала она. — Больше, чем когда-либо. Мы можем ехать быстрее?

Он услышал нотки нетерпения в ее голосе. Член запульсировал, сильно, с толикой боли. Ему нравилось насаживать на себя ее тесную, влажную киску и сильно и быстро овладевать ею на протяжении всего пути домой. Но сегодня ночью он хотел разложить ее на постели, чтобы они вдвоем могли ощутить все крышесносные ощущения.

Всю обратную дорогу он представлял все грязные, но замечательные способы, которыми они смогут заставить ее кричать. К тому времени, как он въехал в гараж, яйца Макена окаменели. Он был готов открыть дверь, втолкнуть Рейн вверх по лестнице, обнажить ее и подмять под себя ее мягкое тело. Вместо этого, он совладал со своими плотскими желаниями, помог ей выйти из машины и дождался Лиама. Затем они наполовину завели, наполовину затащили ее в их спальню.

Едва переступив порог комнаты, он и Лиам начали срывать с себя всю одежду, а затем приступили к раздеванию Рейн. В воздухе висело предвкушение, пока они исследовали ее пышные изгибы своими руками, пальцами, губами. Находясь над ее телом, они заменили контроль Доминантов на легкие, плавные движения. В каждой хватке ее волос, пощипывании клитора, потягивании соска, они с Лиамом двигались в потрясающей гармонии.

Медленно просыпаясь, его внутренний зверь потянулся и зевнул, все еще слишком заторможенный, чтобы присоединиться. Как ни странно, но ему казалось, что, очистившись от тоски и занимаясь с Рейн любовью, он укротил своего внутреннего зверя. Макен вновь хотел ее как тогда, потому что смог бы насладиться ею так, как никогда прежде.

— Твоя кожа такая нежная, любимая, — Лиам покрыл страстными поцелуями ее ключицы, постепенно спускаясь к груди.

Хаммер скользнул пальцами ей в волосы, мягко оттянув голову назад, чтобы захватить ее губы. Скользнув второй рукой вниз по телу Рейн, он обхватил ее вторую грудь. Она извивалась, и каждое ее движение затрагивало его до глубины души. Ее стоны, похожие на мяуканье котенка, висели в воздухе.

Казалось, они с Лиамом объединились на каком-то более глубоком, остром уровне, чем когда-либо прежде. Макену хотелось спрятать это ощущение и навсегда сохранить его в

своем сердце.

С улыбкой оторвавшись от губ Рейн, он увидел, что Лиам ласкает языком ее возбужденный сосок.

— Тебе хорошо, прелесть?

— М-м-м, — едва выдохнула она.

— Насколько она влажная? — спросил он Лиама.

Двумя пальцами друг скользнул между ее припухшими складочками, затем возбужденно ухмыльнулся.

— Очень. Она больше, чем готова.

— Лиам. Хаммер, — позвала она задыхаясь. — Я хочу вас обоих, но...

Они промолчали и переглянулись.

— Но? — подтолкнул ее Макен.

Нетерпение прорезалось в ее голосе и проявилось на лице.

— Не могли бы вы... Не могли бы мы попробовать снова? Я имею в виду веревки. Думаю, я готова.

Хаммер напряженно изучал ее. Он не был уверен, что это хорошая идея. Не то чтобы он боялся ее неудачи. Если сегодня ночью ничего не получится, то у них будет следующий раз... и следующий, до тех пор, пока она не добьется успеха. Но последняя пара недель прошла для них словно на чертовых американских горках. Каждый из них пытался справиться с опасением, что их мечтам может наступить конец. С того утра, как он проснулся с похмелья и почувствовал себя покинутым, он немного размышлял о том, чтобы отодвинуть пределы покорности Рейн. И в то же время, пока, проходя испытания, они втроем становились все сильнее, Хаммер не спешил вновь подвергнуть их риску провала.

С другой стороны, если Рейн решила попробовать, может ли он запретить ей?

Выражение лица Лиама отражало его собственные мысли. На этот раз они посмотрели на нее, как два гребаных ястреба. Они были готовы и знали, какие выискивать признаки.

— Ты уверена, любимая? — подтолкнул он, вглядываясь ей в глаза.

— Абсолютно.

Ее убежденность укрепила Макена. Ради них она была готова рискнуть и окунуться в темные, полные ужаса воспоминания. Да, она любила связывание... но и они тоже. И она это знала.

— Ты не обязана это делать, — пробормотал он.

— Обязана. Мне нужно попытаться, но я робею, потому что... — Она вздохнула. — Даже не знаю, как это сказать. Я хочу, чтобы вы двое действовали так же, как той другой ночью, Макен.

Хаммер понял. Но недоуменное лицо Лиама говорило, что он — нет.

— В ночь, когда ты поехал ужинать со своими родителями, я занимался любовью с Рейн не как Дом... а как обычный мужчина, — пояснил Макен. — Ты это имеешь в виду, Рейн, верно?

Она кивнула.

— Можно ты меня свяжешь?

Лиам понял и испытал облегчение.

— С доверием возможно все, любимая.

— Я никогда не прекращала доверять вам. — Она выглядела едва ли не в ужасе при мысли о том, что они могли подумать обратное. — Я просто... очень старалась не думать о

том, что случилось с Биллом, и игнорировала знаки. Теперь же я знаю, что именно искать. Не буду говорить, что больше никогда не испугаюсь. Но все мы будем более готовыми. И знаю, что вы меня поймаете.

Макен не был уверен, что быть «более готовым» достаточно. За последнюю пару месяцев ее доверие к нему поизносилось. Ему до боли хотелось удовлетворить ее желание, доказать, что вместе они сильнее, чем когда-либо, но он опасался, что в действительности она не готова. Впервые он не знал, что делать.

Настало время им поговорить с их девочкой.

— Прелесть, мне ничего не хотелось сильнее, чем вновь привязать тебя к нашей кровати. Но мне нужно, чтобы ты была честна. Если прямо сейчас доверие между нами не столь сильно...

Рейн посмотрела на него так, словно он приземлился на космическом корабле у них на заднем дворе.

— С той ночи, когда ты рассказал мне о своем прошлом, я никогда еще не была настолько уверена в тебе.

— Но последние несколько месяцев я оставлял тебя на Лиама, избегал вас обоих. И ничего удивительного, чтобы ты сомневалась...

— Макен, прекрати предполагать то, что я, по-твоему, думаю, тем более, что ты ошибаешься. — Рейн отодвинулась от них. — Во-первых, сейчас я понимаю, почему ты держал дистанцию. Боже, твоя жена убила не только себя, но и вашего нерожденного ребенка. Я даже мысли не допускаю, что стану такой беременной женщиной и умру на твоих глазах. Хотела бы я, чтобы ты рассказал мне раньше. Но если ты хоть на минуту подумал, что я злюсь или упрекаю тебя за то, что ты пытался заключить сделку с собственными демонами, то, вероятно, ты именно тот, кто не верит в меня.

Хаммер стоял, ошеломленный. Когда она стала настолько, блять, сильной?

— Иисусе, я так горжусь тобой, Рейн. Ты все сильнее и сильнее изумляешь меня. — Макен обхватил ее за плечи и, притянув к груди, в крепкие объятия, наклонился к ушку. — И да, мы свяжем тебя и ночь напролет будем сладко любить.

— Я возьму веревки, приятель. — Лиам улыбнулся, открыл прикроватную тумбочку и бросил Хаммеру три связки.

— На колени, — сказал Макен, повернувшись к Рейн.

Она судорожно вздохнула, затем с потрясающей покорностью опустилась на ковер. Пока Хаммер любовался ею, его грудь распирало от гордости.

— Жди здесь.

Он и Лиам молча сплели из трех мотков шелка символически неразрывную связь.

Когда они закончили, Лиам улыбнулся их девочке.

— Чертовски великолепно.

— Какой всегда была... и будет в наших глазах, брат, — прошептал Хаммер.

Щеки Рейн вспыхнули. От их слов она улыбнулась.

В груди у него поселился покой. Они не только спасли друг друга, но и помогли вырасти, стать лучшими возлюбленными и людьми. Рейн больше не была неуверенной в себе, импульсивной девчонкой, которая выражала свою злость истериками и раздражением. За невероятно короткое время она превратилась в зрелую, сильную, уверенную в себе женщину, которая будет бороться не только за себя, но и за тех, кого любит.

Он был чертовым счастливым.

— Поднимись и ляг на спину по центру кровати, прелесть, — проинструктировал Хаммер.

Не говоря ни слова, она последовала его команде. Он и Лиам обменялись улыбками, затем заползли на матрас с двух сторон от нее. Макен положил веревку на подушку, затем их с Лиамом руки плавно заскользили вверх и вниз по ее телу, готовя ее к удовольствию. Они наполняли ее теплом своих прикосновений, выжигая ощущения их рук на ее сердце, в ее разуме.

Когда ее молочно-белая кожа порозовела, а дыхание стало прерывистым, Хаммер и Лиам проделали пути через раму изголовья и связали ее запястья. Они пристально наблюдали за ней, выискивая хоть малейший признак паники или страдания.

— Поговори с нами, любимая, — наставлял Лиам.

— Со мной все хорошо, Сэр. — Она тяжело сглотнула, но убедительно кивнула. — Лучше, чем хорошо.

Уверенность в ее голосе успокоила Хаммера. Они с Лиамом молча обменялись понимающими взглядами. Теперь они перейдут к тому, что по очереди будут заполнять ее любовью, пока второй будет высматривать малейшие признаки паники. Это был единственный безопасный, разумный и скоординированный способ преодолеть ее непредсказуемый спусковой крючок.

Словно почувствовав их беспокойство, Рейн подняла на них взгляд

— Я в порядке, Господа. Я в безопасности. Любима. Защищена. Не останавливайтесь.

— Мы и не собирались останавливаться, — пообещал Хаммер.

«Только если тебе это не нужно».

Он удержал эту мысль при себе. Она доказала, что сильна. А теперь она сделала выбор в пользу того, чтобы отдать власть над собой в беспомощной капитуляции. Он собирался насладиться этим и удовлетворить свои первобытные потребности, доведя ее до экстаза.

— Ты прекрасно все делаешь, любимая. — Лиам наклонился, чтобы поцеловать ее в губы и понимающе кивнул Хаммеру, молчаливо гарантируя, что сейчас, будучи связанной, Рейн чувствует себя комфортно.

Доверившись шестому чувству друга, Хаммер понаблюдал за их обжигающим поцелуем. Сердце пропустило удар, настолько осязаемая любовь плескалась между ними.

Его рот наполнился слюной. Он желал попробовать ее, везде. Макен наклонился к ее роскошному телу, оставляя дорожку легких, словно перышко, поцелуев, расположился у нее между ногами и ухватился за ее мягкие бедра. Прежде, чем он успел их раздвинуть, Рейн охотно развела бедра, полностью предлагая себя.

Приподняв ее ногу, Хаммер поцеловал лодыжку и проделал путь из поцелуев по внутренней стороне ноги, каждым прикосновением губ и нежным движением языка отпечатывая на ней обещание заботиться. Словами и действиями он будет показывать ей, что достоин ее непоколебимой любви. Хаммер не даст ей второго шанса ускользнуть сквозь пальцы.

С трепетом, рождавшимся при взгляде на нее, он поднялся на колени. Годы, проведенные в фантазиях о ней, особенно такого рода, с ревом пронеслись сквозь него. Он вспомнил первый раз, когда попробовал ее в баре «Темницы». Он был пьян, полон обвинений и злобы, другими словами, он был сукиным сыном. И тем не менее она не прекращала любить его, любить всем сердцем. Она не была завоеванием, зудом, который можно унять, или собственностью, которую можно добавить в его коллекцию. Эта

замечательная женщина, раскинувшаяся сейчас перед ним, была его болезненным прошлым, исполнившимся настоящим и необыкновенным будущим.

— Макен? — нежный шепот Рейн вырвал его из мыслей.

Вздвогнув, он обнаружил, что с напряжением на лице она пристально смотрит на него.

У Лиама было соответствующее насмешливое выражение лица.

— Ты в порядке, чувак?

Более двух недель назад весь его мир едва не раскололся надвое. Но два этих любящих человека помогли ему всем — вместе собрали его вновь и своей безусловной любовью сгладили каждый зубчатый край. Хаммер был более чем в порядке. Его любовь и жизнь превратились в гребаную мечту.

— Лучше и быть не может, — мягко ответил он. — Расскажи нам о веревках, прелесть.

Губы Рейн раздвинулись в широкой счастливой улыбке. Господи, с этой минуты и до окончания веков он мог провести, упиваясь этим сверкающим на ее лице взглядом и наслаждаясь тем, как грива иссиня-черных волос рассыпалась по их простыням, касаясь ее возбужденного тела.

— Я чувствую себя в безопасности. Защищенной. Привязанной к вам обоим. — Она пошевелила пальцами и сжала кулаки. В синих сверкающих глазах плясал мечтательный блеск удовольствия. — Теперь я действительно в порядке, Макен.

— Все мы, прелесть. — Он повернулся и посмотрел на друга, приподняв бровь. — Лиам?

— Да, брат?

— Наша девочка обнажена, беременна, изумительно готовая и молит, чтобы мы ее съели. Я говорю, что мы празднуем, — произнес Хаммер с ужасным ирландским акцентом.

Рейн захихикала. Лиам рассмеялся, но через несколько секунд эти полные счастья звуки сменили голодные вскрики и стоны.

Рейн извивалась, связанная, тая от удовольствия под его и Лиама губами и пальцами. Макен всей душой подсчитывал ее крики и мольбы, пока они подталкивали её к краю экстаза только для того, чтобы затем мягкими, заботливыми поглаживаниями и нежными словами успокоить. Вновь и вновь они овладевали её ртом и вкушали припухшую киску, причиняя сладкие страдания. Рейн горела от их полной наслаждения пытки, отдавая им каждую толику себя в чарующей капитуляции, пока их члены едва ли не были готовы взорваться и излиться от нужды.

Когда они развязали её руки и заполнили узкие проходы, растягивая ее, наполняя пульсирующим желанием, она откинула голову и закричала. Макен смотрел, ошеломленный ее нереальной красотой, и вместе с Лиамом последовал за ней к собственной наивысшей кульминации.

Седьмое сентября, суббота

— Ты готова? Ты дрожишь.

Ривер, удерживая Рейн на месте, взял ее за локоть. Рейн подняла голову и встретила с его взглядом, она была так благодарна, что он рядом, особенно сегодня.

— Хорошо. Нервничаю. — Она судорожно вздохнула.

— Передумала? — спросил Ривер.

— Нет. Беспокоюсь, что собираюсь в путешествие. — Рейн вяло рассмеялась. — И взволнована. Все готовы? Хочу сделать это до того, как испорчу макияж.

Брат послал ей снисходительную улыбку.

— Да. Все, что тебе нужно, это сделать последний шаг на крышу и толкнуть дверь. Тебя ожидают два очень нетерпеливых жениха.

— Я готова, — кивнув, заверила она его.

— Так и есть. И ты прекрасно выглядишь. — Он поцеловал ее в лоб. — Им очень повезло.

— Мне тоже. Я каждый день благодарю Бога, что он послал мне их.

— Все вы заслужили счастье. Наслаждайтесь им. С моим благословением.

За прошедшие семь месяцев Ривер стал превосходным старшим братом. Господь знает, что он сыграл важную роль в том, что Марли приговорили на десять лет по федеральному обвинению в ложных обвинениях и препятствованию правосудию. Но Рейн и Ривер научились поддразнивать друг друга, как нормальные брат и сестра. Они поддерживали друг друга, когда наступила годовщина смерти их матери. В мае, когда ему исполнилось тридцать, она устроила для него грандиозную вечеринку. В конце июня, когда она отмечала свой день рождения, он объединился с Лиамом и Хаммером, чтобы оказать ответную услугу. Он помогал ей задираТЬ вверх ноги и продолжал развлекать ее, когда наступил знойный июль и беременность вынудила ее провести несколько скучных недель в постели. Он держал ее за руку и вместе с ней плакал от радости в день, когда она стала матерью. За несколько коротких месяцев они очень сблизились.

Рейн хотелось бы, чтобы мама и Ровена могли быть здесь, с ними. Брин утверждала, что в душе они всегда будут рядом, и это успокаивало Рейн.

Она обернула руку вокруг его широкого предплечья.

— Надеюсь, однажды ты найдешь что-то такое же чудесное. Ты это заслужил.

Он пожал плечами.

— Давай сосредоточимся на том, чтобы выдать тебя замуж, тучка.

Рейн улыбнулась ему.

— Спасибо тебе за то, что ты здесь, за то, что ведешь меня к алтарю.

Оба осознавали, что это обязанность отца. У Ривера было едва ли не столько же ужасных воспоминаний об этом мужчине, как и у нее. Намереваясь отодвинуть на сегодня все мысли о Билле Кендалле, ее брат занял его место. Ни один из них не стал бы отдавать этому чокнутому социопату, испоганившему им детство, ни единой крупицы своей энергии.

Ривер улыбнулся и погладил пальцы, лежащие на его предплечье.

— Я бы не пропустил это событие.

— Давай сделаем это. — Рейн толкнула дверь, что вела к проходу на крышу «Темницы».

Приближался вечер, едва начиная окрашивать превосходное синее небо в желтые и оранжевые цвета. Дул слабый бриз, раскидывая по плечам ее темные локоны. С каждым порывом ветра струящийся шелк ее белого платья оборачивался вокруг коленей, обнажая в вырезе бедро. Теплый ветерок ласкал ее тело сквозь прозрачное кружево сделанного в виде корсета лифа.

По закону она не могла выйти замуж и за Макена и за Лиама одновременно. Но они и не являлись обычной семьей, поэтому они решили связать себя друг с другом перед самыми дорогими для них людьми таким способом, который порадует их сердца. Не вполне традиционная свадьба, что-то за рамками церемонии бракосочетания, все в этой окончательной помолвке было спланировано, чтобы выразить их неповторимую любовь.

В качестве чего-то старого Рейн надела подарок, полученный от Лиама и Хаммера на день святого Валентина. Чем-то новым стало платье, которое она выбрала, потому что оно объединяло традиционные элементы с очень сексуальными деталями, которые, как она надеялась, заставят ее женихов сфокусироваться на ней. Чем-то позаимствованным стала пара висячих жемчужных сережек, которые Брин одолжила ей на церемонию, так как выходила за Дункана в тех же драгоценностях. Чем-то голубым... Ленточки, удерживающие ее корсет, были красивого цвета павлиньей синевы, они туго обхватывали ее послеродовое тело и спускались вниз к обнаженным ногам.

Заиграла музыка, просто гитарные переливы. Все встали.

Когда она посмотрела вперед на алтарь, дыхание перехватило. С широкими улыбками ее ожидали Лиам и Хаммер, в их глазах отражалась любовь. Они стояли плечом к плечу под высокой аркой, украшенной белыми, розовыми и бледно-желтыми гортензиями и маленькими бутонами роз. Все цветы были перевязаны белыми, серыми и голубыми лентами.

От центра алтаря шла полупрозрачная светлая драпировка, обрамляя ее мужчин. Каждый в сером смокинге, они выглядели такими мужественными и родными. Хаммер облачился в небесного цвета жилет и черный галстук. Цвет очень шел к его теплого оттенка коже и суровому лицу. Лиам был одет прямо противоположно, и ей нравилось, каким особенно красивым он выглядел в этом ярко-синем галстуке, оттеняющем его темные глаза.

Несмотря на трясущиеся ноги и увлажнившиеся глаза, Рейн заставила себя переставлять одну ногу впереди другой и пройти по дорожке небесно-синего цвета, отделанной мерцающим серым, утопающей в облаке белых лепестков.

Место проведения церемонии было прекрасным, все, как она мечтала. Хэвенли, благослови ее Господь Бог, помогла Рейн создать этот волшебный вид. Но для нее он стал еще более великолепным, потому что двое мужчин, ожидающих ее в конце этой знаменательной прогулки, заполнили собой все ее сердце, владели каждой минутой ее будущего и вместе работали над тем, чтобы заключить в безопасную колыбель ее душу.

Заиграла их свадебная песня. Проникновенным голосом певец клялся в том, что отныне и до скончания веков он принадлежит ей и предлагал девушке подать ему руку и разделить с ним вечность. Он обещал подарить ей всю свою любовь. Внутри нее вскипели эмоции. И она одарила своих мужчин ими в каждом биении сердца и выражении лица, каждым прикосновением и поцелуем, у нее не хватало терпения дождаться, чтобы подарить их им.

Проклятье, она всерьез собирается расплакаться.

Когда Ривер подвел ее к ним, Макен и Лиам разошлись, чтобы предоставить ей место

между собой, которое и принадлежало ей. Она увидела надпись в раме, натянутой между драпировками.

«Тройную нить порвать нелегко.»

Рейн не ожидала подобного, сердце ее растаяло. Прижав руку к дрожащим губам, она посмотрела на своих мужчин. Оба лучились гордостью. После она организовала церемонию и вечеринку в клубе, для души. Но Лиам и Макен самостоятельно добавили эту значительную деталь.

Это целиком и полностью описывало их отношения.

Она крепче схватила свой букет, улыбка ее была хоть и сквозь слезы, но полна радости.

Ривер отпустил ее, и каждый из мужчин взял девушку за руку. Затем он поцеловал ее щечку.

— Я люблю тебя, тучка.

— Я тоже люблю тебя, брат, — с усилием выдавила она.

Он хлопнул Макена по плечу, по-братски, одобрительно кивнул Лиаму, а затем занял место в переднем ряду из оббитых шелком кресел, заслоня собой розовый бант.

Рейн вместе со своими мужчинами смотрела в будущее.

Втроем, как один, они встали перед алтарем. Рейн сглотнула теперь, когда они оба держали ее за руки, стояли по бокам, были ее опорой.

Когда она планировала этот день, Сет помогал прочесывать Лос-Анжелес в поисках того, кто проводит полигамные церемонии. Рейн провела интервью с несколькими кандидатами, но ни с одним не почувствовала связи. Ни один из этих людей ничего не значил в ее жизни, не внес и толики в то, чтобы объединить ее, Макена и Лиаму.

Бек обнаружил, что, так как был волонтером, то мог бы онлайн принять духовный сан, чтобы скрепить их союз. Видеть его стоящим перед ними в накрахмаленном костюме было немного фантастично, но очень мило. Когда он подмигнул ей, она хихикнула сквозь слезы.

— Еще не поздно передумать, принцесса, — поддел ее он.

Лиам сверкнул глазами. Хаммер зарычал.

Рейн же просто покачала головой и попыталась проглотить комок, застрявший в горле.

— Давно уже слишком поздно.

Он улыбнулся ей одной из своих редких настоящих улыбок.

— Тогда давайте поженем вас.

Внезапно врач и садист встал прямее, напустив на себя почти величественный вид. Бек никогда не переставал ее удивлять.

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы засвидетельствовать бракосочетание троих человек, которых все мы любим и восхищаемся. Они решили объединить свои жизни, потому что любят друг друга. Они позвали нас посмотреть на это, потому что хотят, чтобы мы разделили их радость. Для своего бракосочетания они выбрали именно этот день, потому что ровно год назад впервые встретились все вместе и с тех пор началась их история любви.

Со слезами Рейн посмотрела на Лиаму, радуясь, что не забыла накрахмалиться водостойкой тушью. Но за что она действительно благодарила Бога, так это за мужчину, который год тому назад, в этот самый день, неосознанно оставил свой дом в Нью-Йорке, чтобы найти новое будущее. Вероятно, он намеревался приехать ненадолго, но остался и стал незаменимой частью их трио навсегда.

— Кто-то из них старше остальных, — продолжил Бек.

Лиам поднял взгляд, чтобы посмотреть в глаза Хаммеру. Они улыбнулись и кивнули

друг другу, понимая, что являются больше, чем друзьями, даже ближе, чем братьями. Она повернулась к Хаммеру, когда он посмотрел на нее. Рейн вспоминала ночь, когда ее приютил Макен, день, когда они отмечали окончание ее обучения в колледже, мгновение, когда он впервые прикоснулся к ней, момент, когда он наконец признал, что любит ее. Так много лет и так много воспоминаний. Несмотря на это, все началось именно в этот день, год назад, когда к ним наконец присоединился Лиам.

— Но они по доброй воле объединяют свои сердца. Сегодня эти трое официально стали единым целым, неразрывной ниточкой любви.

Откуда-то позади себя Бек достал шелковый шнурок, который с самоотдачей и в торжественном молчании заранее сплели Макен, Лиам и Рейн. Белая, серая и синяя нити прекрасно сочетались, сияя в лучах закатного солнца, когда он положил ее на ладонь. Они вместе наклонились, чтобы поцеловать полоску шелка.

— Объединитесь.

После мягкого приказа Бека они подняли правые руки и обхватили друг друга за запястья. Лиам держал ее. Она — Макена. Тот — Лиам. В бесконечном круге любви.

— Эта невеста и ее женихи выбрали трехрядную нить, как символ их объединенных жизней, — проговорил Бек наблюдателям.

Затем он закрутил сплетенную ими ленту вокруг их соединенных рук, начав от ее запястья, через руку Хаммера и закончил на пальцах Лиам.

— Лиам, Рейн, Хаммер, если вы позволите, то эти руки будут страстно любить вас, лелеять и до конца жизни окутают вас комфортом. Это будут руки, которые поддержат вас, когда вас наполнят страх и печаль. Это руки, которые сотрут каждую слезинку, не важно, от чего — от горя или радости. Это руки, которые будут нежно обнимать ваших детей и объединять вашу семью в единое целое. Эти руки придадут вам сил, когда вы будете в ней нуждаться, поддержат и подбодрят вас на пути к мечте и обеспечат комфортом в трудные времена. Клянётесь ли вы поддерживать своих партнёров такой же заботой отныне и на веки вечные, пока смерть не разлучит вас?

— Клянусь, — пообещал Лиам, сжав её руку.

— Клянусь, — с трудом проговорила Рейн сквозь слезы счастья.

— Клянусь, — поклялся Макен таким тоном, словно хотел, чтобы они знали, что он именно это имеет в виду.

— С этой минуты ваши мысли, слова и действия едины. Как ваши руки связаны этой лентой, так же будут связаны и ваши жизни. Да придут с вами единство, любовь, верность, радость и привязанность на веки вечные.

Бек отвязал ленту с их запястья, а затем кивнул.

— Обменяйтесь символами своей новой совместной жизни.

Рейн положила свой букет на небольшой пьедестал и отвязала кольца, которые надёжно прикрепила к крошечному бантику, расположенному на стеблях цветов. Сначала она повернулась к Лиаму с выбранным ею кольцом из полированного титана в виде трех переплетенных полос. Изысканное, с толикой мужественного блеска. Оно идеально подходило ему. Поддерживаемая Хаммером за запястье, она надела кольцо на палец Лиам. Его теплые глаза обласкали ее нежностью и обожанием, пока он без слов пообещал посвятить ей всю оставшуюся жизнь.

— Я люблю тебя, — прошептала она.

Затем она стянула с ленты кольцо Макена. Лиам поддержал ее руку, пока она надевала

переплетение из трех полосок вольфрама Хаммеру на палец. Черный металл выглядел глянцевым, мистическим и очень мужественным на его руке. Он превосходно отражал мужчину. Когда их взгляды встретились, ореховые глаза, которые она так много лет видела суровыми, нечитаемыми, замкнутыми, теперь были широко открыты и полны любви.

— Я люблю тебя, — пробормотала она ему.

Затем он вытащил из кармана кольцо, то, что они смоделировали специально для того, чтобы воспеть в нем свою любовь к ней. Рейн еще не видела его, но, как и остальные, оно состояло из трех переплетенных полосок. Опустив на него взгляд, она задохнулась. Ободок из титана, ободок вольфрама и ободок из брильянтов, огибающих друг друга. Вдвоем, Макен и Лиам надели прекрасный символ на ее палец.

— Ты наша жизнь, — сказал Лиам.

— И наше сердце, — добавил Хаммер. — Прелесть.

— Мы тебя любим, — проговорили они вдвоем.

Рейн вновь расклеилась. Вес кольца был больше, чем вес самого металла. Значимость их союза обернулась вокруг ее пальца, вокруг ее сердца. Она знала, что этот вес никогда не растворится, не исчезнет, и это осознание наполняло ее такой блаженной эйфорией, о которой она никогда и не мечтала.

— Это трио очень усердно потрудились, чтобы объединиться в единое целое, так пусть ни одному мудаку не удастся их разъединить. А теперь, насколько я могу судить, вы женаты!

Рейн и ее мужчины рассмеялись, как и все остальные немногочисленные собравшиеся.

Она посмотрела на Макена и Лиаму, закрепляя в памяти это золотое мгновение. Они улыбнулись ей в ответ и, вероятно, были так же счастливы быть здесь и сейчас, как и она.

Было так хорошо связаться, быть соединенными в глазах своих друзей и общества.

Пока она блаженствовала и с нетерпением ожидала вечеринки, как и всех их завтрашних дней, внезапно Лиам обхватил ее подбородок и приподнял его, чтобы встретиться с ней взглядом. Теперь он не улыбался.

— На колени.

Рейн ахнула. Она скользнула взглядом к Хаммеру и увидела такой же стальной взгляд Доминанта.

Они что, еще и захомутали ее?

Сердце в груди заколотилось. Она задавалась вопросом, а не захотят ли они однажды выразить интерес подобным образом. Она надеялась, но...

Вместо того чтобы задавать вопросы, на которые они, несомненно, ответят позже, она с благодарностью кивнула и склонила голову, открывая незащищенный затылок, пока опускалась на колени.

— Посмотри на нас, — приказал Макен.

Она повиновалась и увидела, что Лиам достал что-то из кармана и поднес это нечто к ее лицу. Цепочка из титана, переплетенная с цепочкой из вольфрама, поддерживали отделанный бриллиантами замочек в виде сердечка. На передней его части были выгравированы их инициалы и дата.

Рейн никогда не видела чего-то более прекрасного, более искреннего, чем это выражение их любви и преданности. От этого сюрприз стал еще более особенным.

Он отдал один конец цепочки Макену, тогда как сам придерживал второй. Вместе они обернули изделие вокруг ее шеи. Его вес казался благословенной тяжестью. Прошло почти десять месяцев с тех пор, как Лиам надел на нее свой ошейник, только чтобы спустя

двадцать два мучительных дня снять его. А Хаммер... Рейн никогда и надеяться не смела, что он подарит ей ошейник, особенно теперь, когда она знает, что он никогда не возьмет себе беременную сабу и почему.

Рейн не смогла остановить себя и не потянуться, чтобы пощупать изысканный новый ошейник, расположенный прямо над ее колотящимся сердцем.

Лиам вновь потянулся к своему карману и выудил два маленьких ключика от замка. Один он зажал в ладони, а второй передал Хаммеру.

— Ты принадлежишь нам навсегда, — сказал Хаммер.

— Навсегда, — повторил Лиам. — Потому что мы хотим привязать тебя к нам всеми возможными способами.

— Я ваша, господа. — Рейн думала, что её сердце разорвётся, когда снова склонила голову и ощутила на себе их одобрительные и ласковые взгляды.

Когда они вдвоём подхватили её под локти, она поднялась на ноги.

Она была на самом деле самой счастливой женщиной во всем мире.

— Поцелуйтесь, наконец, — потребовал Бек. — Поставьте уже восклицательный знак в этом окольцовывании, чтобы мы могли начать праздновать.

Чувствуя себя легкой и настолько влюблённой, как никогда, Рейн рассмеялась и повернулась налево, к Лиаму, поднимая лицо для поцелуя.

Он посмотрел в ее глаза так, словно хотел добраться до самого сердца и держать его в своих руках. Он нежно прижался своими губами к ее и слегка надавил, чтобы углубить поцелуй. Прежде чем отодвинуться, он задержался, запечатывая себя в ее сердце, точно так же, как он сделал это во время их первого поцелуя. — Теперь, когда ты стала нашей, ты выглядишь красивее, чем когда-либо.

— Ты тоже теперь мой, парень, — поддразнила Рейн.

— Я не забуду этого, обещаю.

Рейн поцеловала его, а затем молча повернулась к Макену. Он обхватил ее лицо ладонями и резко придвинулся ближе, глядя ей в глаза целую минуту, во время которой она затаила дыхание.

— Прелесть...

Ему не нужно было говорить дальше. Она знала, что он чувствовал.

— Для меня это то же значит все на свете.

Его ответная улыбка сказала ей о том, что она прекрасно прочла его. Затем он поймал ее губы своими, овладевая ею, наполняя ее рот обжигающей искрой этого момента, прежде чем отпустить.

Готово. Они стали единым целым.

Вместе они повернулись к собравшимся и подняли вверх свои сцепленные руки. Их гости аплодировали стоя, пока трио рука в руке проходило вдоль по дорожке к лестнице.

На половине пути Хаммер поднял Рейн на руки. От удивления она завизжала, а затем рассмеялась. Лиам сжал в кулак ее волосы и отвел голову назад, прежде чем украсть поцелуй. Они не давали ей вздохнуть весь путь до вечеринки в «Темнице».

Большая часть оборудования была сдвинута к стенам, вынесена или искусно спрятана за портьерами, так что теперь все могли праздновать... а позже и поиграть.

— Я сейчас вернусь, прелесть, — сказал Хаммер, поцеловав ее в щеку.

Прежде чем она успела спросить, куда он отправляется и все ли в порядке, Лиам отвлек ее нежным поцелуем.

— Хочешь пить? Здесь жарковато.

Он всегда был добр и думал об остальных. Это было то, что ее больше всего восхищало в Лиаме.

— Да, пожалуйста.

Когда они разошлись, гости вновь присоединились к ним внизу, первым был Бек. Он широко улыбнулся и помог Хэвенли, которая держала два кусочка сердца Рейн, увеличившегося пять недель назад, чтобы вместить двух чудесных близнецов.

— Привет, мои малыши. Идите, поздоровайтесь с мамочкой. — Рейн протянула руки.

Хэвенли мягко улыбнулась.

— Она настоящие ангелочки. Пропали почти всю церемонию. Ну, Сиара проспала. Катрония рассмотрела все цветы, пока бодрствовала.

— Потому что она очень любознательная. — Рейн взяла ребенка, все еще восхищаясь, что у нее появились две такие идеальные девочки с голубыми глазами, пухлыми ротиками и, без сомнения, подбородком Лиамы.

Все их беспокойство о том, что она могла забеременеть от Макена в ту жаркую ночь, когда Лиам впервые надел на нее ошейник, оказались беспочвенными. По словам Брин, ее ирландец уже проделал всю работу во время их отдыха в хижине сразу после того, как до Рейн дошло, что она любит его. Ее беременность стала шоком, и вместе со своими мужчинами она прошла сложный путь, чтобы добраться до этой вершины счастья. Но она не променяла бы и минуты. Их дочери были превосходны, и Хаммер как сумасшедший сдувал с них пылинки. Ее крошки с легкостью вертели обоими большими и грозными мужчинами.

Следующим к ним присоединился Сет, украдкой расположившись с другого бока Хэвенли. Она покосилась на доктора и бывшего копа. Рейн старалась не слишком широко улыбаться. Теперь, когда Сет переехал сюда из Нью-Йорка и вывесил свой диплом ведущего следователя, они оба беспощадно охотились на Хэвенли. Закручивалась еще одна романтическая история, и Рейн не могла дождаться, к чему все это приведет. Во-первых, парни должны были выяснить, что их большая битва будет направлена не против друг друга, а против замкнутости Хэвенли.

И ее широко раскрытых от шока глаз при виде оборудования темницы.

— Что это? — спросила она, указывая на скамейку для порки.

И не просто на какую-то скамейку, а именно на ту печально известную скамейку, на которой ее наказывал Лиам. Ту самую, на которой Хаммер отходил ее флоггером и объявил, что она принадлежит ему и Лиаму. Вероятно, Рейн следовало спрятать это прочь, но она не могла себя заставить... и ей была любопытна реакция Хэвенли.

Сет и Бек, оба стремились стать именно тем, кто устроит ей турне по любому девайсу, изъяви она желание.

Рейн ухмыльнулась. Да, будет забавно смотреть со стороны на эту драму и ждать, чем все закончится.

Далее пришли Кейтлин, Мэг и Эшлинг, три сестры Лиамы, прилетевшие на бракосочетание. Розалин и Шона прибыли с Брин, когда Рейн родила близняшек, и оказались чрезвычайно полезны для матери-новичка. Последняя, Мэйв, пообещала приехать, когда ее младшему ребенку будет на несколько месяцев больше.

Рейн сразу же подружилась со всей семьей Лиамы. Теперь она чувствовала себя невероятно счастливой. Она начала свою жизнь вне стен дома Кенделлов совсем одна, но все же обрела так много любви.

Ее золотки суетились, сюсюкали и ворковали над близнецами. Если честно, они скучали по собственным детям, но и новорожденных племянниц тоже любили.

Поцеловав каждую в маленький лобик, Рейн передала дочерей их тетушкам, затем улыбнулась и помахала рукой.

Подошел Ривер и обнял ее.

— Замужняя и окольцованная. Счастливая и пристроенная. На самом деле это не совсем то, что я представлял все эти годы, думая о тебе. Но так лучше. Это делает тебя счастливой.

Она кивнула.

— Собираешься остаться и, может быть, поиграть? Сегодня пришло много интересных людей...

На самом деле, по лестнице спустился Дин Горман в темно-синем костюме. За ним шли несколько горяченьких сабочек, очень симпатичных в своих летних платьях. По их следу спускался по лестнице Пайк, одетый в типичную для него кожу и рассматривающий их задницы. Его уступкой мероприятию стали белая рубашка и свободный черный галстук. С шипами вокруг запястий и порочной ухмылкой никто не обвинил бы его в традиционности. Дональд сопровождал свою жену-сабу Вивиан, которая со слезами на глазах смотрела на бар, протянувшийся у дальней стены. Они помахали рукой, и Рейн помахала в ответ.

— Я не знаю. Буду тусить с Дином. Он хороший парень, — ответил брат. — Но, уверен, он быстро найдет себе пару.

Ривер больше не открыл рта, когда коп начал флиртовать с симпатичной рыжулей, которую Рейн недавно заметила в клубе.

— Еще один человек из тех, кого я знаю и кто останется после ужина, это Пайк, и он — засранец.

— О, а ты добр. — Пайк хлопнул ее брата по плечу. — А не ты ли на прошлой неделе говорил, что я — распоследний отморозок?

— На самом деле я сказал, что ты хуже, — ответил Ривер, глядя на мастера «Темницы».

— Только из-за того, что я сказал тебе взять себя в руки.

— Я не нуждаюсь в твоих подсказках.

— Если собираешься играть здесь, то должен играть по правилам.

О, так Ривер ошивался здесь и наблюдал сцены? Она бросила на брата испытующий взгляд.

Он слегка покраснел.

— Я пойду. Кроме того, если вы втроем собираетесь сегодня устроить сцену, то я бы предпочел не видеть этого.

— Нет. — Позади Рейн появился Хаммер и приобнял ее за талию. — Мы уходим.

Она крутанулась и посмотрела ему в лицо.

— Разве?

— Именно, — сказал Лиам, принеся ей стакан воды. — Хаммер и я решили, что мы отправляемся в заслуженный медовый месяц. Ривер, Пайк, свалите отсюда. Нам нужно поговорить с нашей невестой.

Выражение их лиц было бесценным. Каждый из них обнял ее и пожал руки ее мужчинам, прежде чем, пререкаясь, отойти.

— Из-за чего они спорят? — спросила Рейн.

— Не из-за чего, а из-за кого. Они не нашли ее... пока, — проговорил Лиам растягивая слова. — Но у меня предчувствие, что она вскоре появится.

Рейн не могла этого представить, но она быстро научилась, что не стоит недооценивать ее ирландца, когда у него появляется предчувствие. Даже несмотря на то, что его мама была на другом континенте, он продолжал использовать дар, полученный от матери, с некоторыми интересными результатами.

Хаммер рассмеялся, наблюдая за тем, как Ривер и Пайк шли через всю «Темницу» к бару.

— После всего дерьма, что вывалил на нас твой брат, это будет ирония судьбы.

— Но когда появятся дети, это будет ситуация тупой, еще тупее. Я даже не знаю, кто из них более невежественен в плане детей, — расписывала Рейн.

Ее слова заставили Лиам и Хаммера рассмеяться еще сильнее.

— Это ребенок размером с ребенка, — хохотал Хаммер. — Это было чертовски смешно.

— Не тогда, когда я думал, что Гвинет привезла мне сына. Но теперь? Пиз*ец, как смешно.

Рейн слышала эту историю и просто покачала головой.

— Вероятно, это мне стоило создать ситуацию тупой, еще тупее.

— Безусловно. — Лиам покачал головой. — Тебе ведь хочется узнать, куда мы заберем тебя в наш медовый месяц, верно, любимая?

Она улыбнулась.

— Теперь, когда ты напомнил, да. Но что насчет девочек? Мы возьмем их?

— Не-а. — Хаммер покачал головой и вытащил из пальто авиабилеты. — Мы умыкнем тебя туда, где ты всегда хотела побывать. В Париж. И после этого путешествия тебе понадобится новое стоп-слово.

Она прикрыла рот рукой, в то время как внутри забурлили тысячи ощущений: шок, дрожь, благодарность. Любовь.

— Правда?

— Мы улетаем завтра.

— Но кто останется с близнецами? Я же кормлю грудью и...

— Ш-ш-ш... — Лиам прижал палец к ее губам. — Остаются мои сестры. И, конечно же, Вивиан никак не может дожидаться, чтобы посидеть с ними. Об остальном мы позаботимся. На этот раз мы поедem на несколько дней, но мы заслужили небольшой отдых, чтобы насладиться друг другом после всего, что нам пришлось пережить, чтобы достигнуть нынешнего положения.

Рейн не могла поспорить с его логикой, так что и пытаться не стала. Она будет ужасно скучать по своим дочерям. Ее мужчины тоже. Но они не должны забывать вкладывать время в свои отношения, чтобы сохранить их здоровыми и успешными. В таком случае, разве это не лучший период для начала их медового месяца?

— Я так взволнована! — она захлопала в ладоши.

— В следующий раз мы организуем семейное путешествие и посетим Ирландию. Но в этот... Мои сестры собрали твои вещи. Не жди, что в твоём чемодане будет много одежды, любимая, — сказал Лиам.

— Мне это подходит, прелесть, — проговорил Хаммер, и глаза его потемнели.

Ага, ей тоже это подходило. Она рассмеялась, настолько счастливая, что ей казалось, что она может взорваться.

— Проклятье...

Только одна вещь могла сделать ее еще счастливее.

Она вопросительно посмотрела на Лиама. Он ответил ей снисходительной улыбкой и кивнул.

Слегка подпрыгнув от возбуждения, Рейн подскочила к нему и покрыла лицо поцелуями.

— Какого черта? — проворчал Хаммер. — А меня?

Когда она развернулась к нему, улыбка ее была так широка, что болели щеки.

— Прямо сейчас. — Она мягко поцеловала его, прежде чем взять за руку и положить ее себе на живот. — И прямо здесь.

Долгое время Макен не произносил ни слова, а просто смотрел на нее недоуменно-хмурым взглядом.

— Я не...

Рейн прикусила губу и посмотрела на Лиама. Выражение его лица сказало ей, что нужно быть очень терпеливой и тогда все будет хорошо.

Внезапно ореховые глаза Хаммера распахнулись. Его взгляд метнулся с ее живота на лицо.

— Ты снова беременна?

— Да. Я хотела подарить ребенка и тебе тоже. Это единственное, что могу тебе дать я и не можешь ты сам. Я и Лиам несколько недель разговаривали об этом и начали подготавливать мысль...

Макен развернулся к Лиаму.

— На прошлой неделе у тебя не было никакой срочной работы.

— Нет, приятель. У нашей девочки была овуляция и... — Он пожал плечами. — Я подумал, что ты станешь превосходным отцом, вновь. Я дал вам насладиться парочкой ночей, чтобы мы могли быть уверенными, что все сработало.

Макен стоял безмолвный и вне себя от радости.

— Малыш?

Лиам наклонился ближе.

— Сын. Поздравляю. Мама тоже шлет свои наилучшие пожелания. Она позвонила мне в ту же минуту, как это произошло, в прямом смысле. Но я уже знал.

Завопив, Макен поднял Рейн и закружил, прижавшись требовательным поцелуем к губам. Как только ее ноги коснулись пола, Лиам со смехом обнял ее со спины.

— Раз так, — объявил Хаммер, — если к следующему лету у нас будет трое детей, ты должна законно выйти за одного из нас.

Ее сердце сжалось в надежде и желании. Господи, ей это нравилось, еще один способ переплести их любовь в одно целое. Но она давала клятву.

— Я не стану выбирать из вас двоих, Макен. Мы покончили с этим.

Задумчивым кивком он согласился с ее словами, а затем повернулся к Лиаму.

— Что думаешь?

— Согласен, приятель. Это облегчит все с юридической стороны, особенно когда вновь начнутся больничные вопросы.

Они все помнили то ужасное утро, когда Билл едва ее не убил. Рейн плача позвонила своим мужчинам, только чтобы позже узнать, что, поскольку юридически они не являлись семьей, их не пустили в отделение скорой помощи. Традиционный брак делает практические вопросы, такие как завещания, документы и права собственности, немного проще. Но может осложнить все другие грани их жизни, а особенно равновесие их

отношений.

— Знаю. Но выбирать не стану. Давайте будем счастливы тем, что есть сейчас.

— А что, если мы с Лиамом выберем за тебя? — спросил Хаммер.

Она никогда не рассматривала подобное. Но Рейн была уверена, что любит их одинаково сильно.

— И вы оба будете счастливы от этого?

— В восторге, — пообещал Хаммер.

— Более чем, — кивнул Лиам.

— Подождите. Вы уже решили, кто из вас...

Оба покачали головами.

— Выберем прямо здесь. — Ее ирландец показал пальцем на землю.

— Ага. — Макен потянулся к карману. — Прямо сейчас.

Он вытащил четвертак.

Рейн смотрела на них, раскрыв рот.

— Вы серьезно? Вы собираетесь подбросить монетку?

— Есть идеи получше? — спросил он с вызовом.

Лиам смотрел на нее, приподняв бровь.

Она помолчала, подумала, покрутила в голове несколько идей... затем покачала головой и рассмеялась.

— Нет. Это справедливо.

— Точно. — Лиам кивнул.

— Хорошо, мужик. Сам напросился, — сказал ему Хаммер.

— Орел.

— А мне — решка. — Макен подмигнул ей.

Рассмеявшись, она закатил глаза.

— Сделайте это уже.

— И как только все решится, мы летим в Вегас и делаем дело перед тем, как отправиться в Париж.

Рейн открыла рот, чтобы ответить. Она хотела провести свадебную ночь в своей постели, немного больше времени с дочерьми...

Лиам предупредительно покачал головой и нежно потянул ее за новый ошейник.

— Это не обсуждается, любимая. Скажи да.

Она не собиралась побеждать в этой битве и могла предвидеть множество ситуаций в дальнейшей жизни, когда тестостерон мог бы перевесить ее эстроген. Но они любили ее и всегда желали лучшего для всех них. Помимо этого, у нее было достаточно собственной воли.

— Вероятно, я сошла с ума, но... да.

Лицо Макена расплылось в широкой улыбке.

Лиам тоже выглядел чертовски счастливым.

— Сделай это, приятель.

— С удовольствием. — Он положил монетку на большой палец и с легким щелчком подбросил ее в воздух.

От света она сверкала и вращалась, едва не достигнув высокого потолка. Пока девушка смотрела вверх, оба мужчины накрыли ее, прижавшись губами куда дотянулись: к щекам, лбу, губам, шее. Рейн захихикала.

Негромкий звон монеты, упавшей на пол, послышался прямо позади нее. Когда она попыталась посмотреть, они оба развернули ее лицо обратно к себе.

Она разочарованно фыркнула.

— Неужели вы не хотите узнать?

— Я уже знаю, — Лиам рассмеялся.

— А мне не важно, — торжественно заявил Макен. — Что бы там ни выпало, ты принадлежишь нам обоим.

Рейн улыбнулась мужчинам, привнесшим в ее жизнь силу, мужество, преданность и любовь.

— Так и есть.

Конец

Больше книг на сайте — Knigolub.net